

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева

Женская поэзия{1}

За последнее десятилетие мы являемся зрителями загадочного и пышного расцвета женской поэзии во Франции. [1] В то время как творческий дух поэзии как бы отхлынул в том поколении, которое пришло после символистов, целая плеяда женщин-поэтов с ярко выраженными индивидуальностями вступила в литературу. Эта женская поэзия отличается и разнообразием содержания, и сильно выказанным темпераментом, и четкой искренностью.

В некоторых отношениях эта женская лирика интереснее мужской. Она менее обременена идеями, но более глубока, менее стыдлива (стыдливость ведь это исключительно мужское чувство). Женщина глубже и подробнее чувствует самое себя, чем мужчина, и это сказывается в ее поэзии.

В русской поэзии мы можем наблюдать почти параллельное течение. Самые последние годы, которые были сравнительно бедны появлением новых поэтов, принесли нам стихи Любовь Столицы, Аделаиды Герцык, Маргариты Сабашниковой, про которые Бальмонт писал, что они – эти стихи – единственное, что есть интересного в русской поэзии. [2] В «Аполлоне» в этот год были напечатаны два цикла стихотворений такой интересной поэтессы, как Черубина де Габриак, [3] и только что вышла книга Марины Цветаевой «Вечерний альбом», [4] о которой мы и хотим поговорить.

Женщины-поэты предыдущего поколения, Зинаида Гиппиус, Поликсена Соловьева (Аллего), [5] как бы скрывали свою женственность и предпочитали в стихах мужской костюм, и писали про себя в мужском роде. Поэтессы же последних лет, подобно поэтессам французским, говорят от своего женского имени и про свое интимное, женское.

Но ни у одной из них эта женская, эта девичья интимность не достигала такой наивности и искренности, как у Марины Цветаевой. Это очень юная и неопытная книга – «Вечерний альбом». Многие стихи, если их раскрыть случайно, посреди книги, могут вызвать улыбку. Ее нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Она вся на грани последних дней детства и первой юности. Если же прибавить, что ее автор владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг, то это укажет, какую документальную важность представляет эта книга, принесенная из тех лет, когда обычно слово еще недостаточно послушно, чтобы верно передать наблюдение и чувство.

Ах, этот мир и счастье быть на свете

Еще не взрослый передаст ли стих? [6]

Но эти опасения неверны. «Невзрослый» стих М. Цветаевой, иногда не уверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, не доступные стиху более взрослому. Чувствуешь, что этому невзрослому стиху доступно многое, о чем нам, взрослым, мечтать нечего. В начале книги это дитя, которое говорит о детях:

Дети – это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук...
Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене... [7]

Это «весенние сны в дортуаре, и блужданье в раздумье среди спящих, звук шагов, как нарочно скрипящих, и тоска, и мечты о пожаре...» [8] Это портреты рано умерших детей: «...так недоступна! так нежна! Она была лицом и духом во всем джигитка и княжна. Ей все казались странно грубы: скрывая взор в тени углов, она без слов кривила губы и ночью плакала без слов. Бледнея, гасли в небе зори, темнел огромный дортуар; ей снилось розовое Гори в тени развесистых чинар... Умолкло сердце, что боролось... Вокруг лампы, образа... А был красив гортанный голос! А были пламенные глаза!» [9] Это ранние «жертвы школьных сумерек», дети-самоубийцы: «Милые ранние веточки, гордость и счастье земли, деточки, грустные деточки, о, почему вы ушли?... Смерти довериться, смелые, что вас заставило, что?» [10]

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«...Дети от солнца больны. Дети – безумцы. Они влюблены в воду, в рояль, в зеркала...»[11]

После «Детства» идет книга ранней юности «Любовь». [12]

«Днем, томима гордым бесом, лгу с улыбкой на устах; ночью ж... Милый, дальний... Ах! Лунный серп уже над лесом!»[13]

«При ярком свете мы на страже, но мы бессильны в темноте. Нас вальс и вечер, – все тревожит». Юноши уже перестают быть братьями, становятся гостями из «чужого лагеря»: «Пока вы рядом – смех и шутки, но, чуть умолкнули шаги, уж ваши речи странно-жутки, и чует сердце – вы враги...»[14] И рядом уже чисто женский порыв: «Я не судья поэту, и можно все простить за плачущий сонет!», [15] и обращение к «Следующей»: «Будь той ему, кем быть я не посмела», и сознание своей слабости: «Мы любили тебя, как могли, как умели... Мы из детской уйти не хотели, вместо сказки не жаждали бреда... Если можешь, пойми»...[16] и рядом наивно искренние слова: «Мой зимний сон, мой сон до слез хороший, я от тебя судьбой унесена»...[17] и конец какой-то любви: «Я в решительный вечер была боязлива, эти муки – мое искупление».

«...И теперь я бездумно скитаюсь по дому, точно утром, приехав с вокзала»...[18] «Не было, нет и не будет замены, мальчик мой, сердце мое!»[19]

Третья часть книги – «Только тени» – наивные тени героев очень юных лет: Маргарита Готье, Рейхштадтский герцог, Камерата, Шенбрунн, Анжелика, [20] «можно тени любить, но живут ли тенями восемнадцати лет на земле?»[21]

А за год до этого исступленно радостная молитва:

«Я жажду чуда теперь, сейчас, в начале дня! О, дай мне умереть, покуда вся жизнь – как книга для меня. Ты, мудрый, ты не скажешь строго: „Терпи, еще не кончен срок“, ты сам мне подал слишком много! Я жажду сразу всех дорог!.. Чтоб был легендой день вчерашний, чтоб был безумьем каждый день!.. Ты дал мне детство лучше сказки и дай мне смерть в семнадцать лет!»[22] Но не в этом порыве к гибели сущность поэзии Марины Цветаевой. Она, мне кажется, в этих строках: «Я женщин люблю, что в бою не робели, умевших и шпагу держать, и копье, – но знаю, что только в плену колыбели обычное, женское счастье мое». [23]

«Вечерний альбом» это – прекрасная и непосредственная книга, исполненная истинно женским обаянием. Рядом с сивиллинскими шепотами, шорохами степных трав и древними заплатками Аделаиды Герцук, [24] рядом с настроенно-католическими молитвами, демоническими и кощунственными признаниями изысканной и фантастичной и капризной Черубины де Габриак, рядом с северно-русской менадой, Любовью Столицей, Марина Цветаева дает новый, еще не рассказанный облик женственности.

Но что же может ожидать этот двойной и параллельный расцвет женской лирики в России[25] и во Франции? И там, и у нас он наступил после творческой полосы, посвященной разработке, уточнению и освобождению стиха и поэтической речи.

Женщина сама не творит языка, и поэтому в те эпохи, когда идет творчество элементов речи, она безмолвствует. Но когда язык создан, она может выразить на нем и найти слова для оттенков менее уловимых, чем способен на это мужчина. Женская лирика глубже. Но она менее индивидуальна. Это гораздо больше лирика рода, а не лирика личности. Значительность поэзии названных мною поэтесс придает то, что каждая из них говорит не только за самое себя, но и за великое множество женщин, каждая является голосом одного из подводных течений, одухотворяющих стихию женского, голосом женственной глубины. Этой силы подводных глубин не было у поэтесс предшествующего поколения, примкнувших к мужской, аналитической лирике, например, у Зинаиды Гиппиус.

В. Брюсов
Новые сборники стихов
Отрывок{2}

... Довольно резкую противоположность И.Эренбургу представляет Марина Цветаева. Эренбург постоянно вращается в условном мире, созданном им самим, в мире рыцарей, капелланов, трубадуров, турниров; [26] охотнее говорит не о тех чувствах, которые действительно пережил, но о тех, которые ему хотелось бы пережить. Стихи Марины Цветаевой, напротив, всегда отправляются от какого-нибудь

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru реального факта, от чего-нибудь действительно пережитого. Не боясь вводить в поэзию повседневность, она берет непосредственно черты жизни, и это придает ее стихам жуткую интимность. Когда читаешь ее книгу, минутами становится неловко, словно заглянул нескромно через полузакрытое окно в чужую квартиру и подсмотрел сцену, видеть которую не должны бы посторонние. Однако эта непосредственность, привлекательная в более удачных пьесах, переходит на многих страницах толстого сборника в какую-то «домашность». Получаются уже не поэтические создания (плохие или хорошие, другой вопрос), но просто страницы личного дневника и притом страницы довольно пресные. Последнее объясняется молодостью автора, который несколько раз указывает на свой возраст.

...покуда

Вся жизнь как книга для меня, – говорит в одном месте Марина Цветаева; [27] в другом, она свой стих определяет эпитетом «невзрослый»; [28] еще где-то прямо говорит о своих «восемнадцати годах». [29] Эти признания обезоруживают критику. Но, если в следующих книгах Г-жи Цветаевой вновь появятся те же ее любимые герои – мама, Володя, Сережа, маленькая Аня, маленькая Валенька, – и те же любимые места действия – темная гостиная, растаявший коток, столовая четыре раза в день, оживленный Арбат и т. п., мы будем надеяться, что они станут синтетическими образами, символами общечеловеческого, а не просто беглыми портретами родных и знакомых и воспоминаниями о своей квартире. Мы будем также ждать, что поэт найдет в своей душе чувства более острые, чем те милые пустяки, которые занимают так много места в «Вечернем альбоме», и мысли более нужные, чем повторение старой истины: «надменность фарисея ненавистна». [30] Несомненно талантливая, Марина Цветаева может дать нам настоящую поэзию интимной жизни и может, при той легкости, с какой она, как кажется, пишет стихи, растратить все свое дарование на ненужные, хотя бы и изящные безделушки. ...

Н. Гумилев

Письма о русской поэзии

Отрывки {3}

Когда-то, лет двадцать тому назад, держащих было мало и они ценились на вес золота. В самом деле, когда объявлялась война прошлому, когда надо было идти на приступ, что могло быть полезнее пушечного мяса? Сквозь дебри кликушества и позирования пришли современные молодые поэты к храму искусства. Но я не думаю, чтобы этот путь был плодотворен для новых искателей «своего». Современные молодые поэты уже не герои Чехова, стремящиеся уйти от затхлой жизни, а мореплаватели, подобно Синдбаду, покидающие благословенный Багдад, чтобы «с любопытством посмотреть на новые предметы». И их спасает только благоговейное отношение к лучшему богатству поэтов, родному языку, как Синдбада спасало благоговение перед законами Аллаха. ...

Марина Цветаева (книга «Вечерний альбом») внутренне талантлива, внутренне своеобразна. Пусть ее книга посвящается «блестящей памяти Марии Башкирцевой», [31] эпитафия взят из Ростана, [32] слово «мама» почти не сходит со страниц. Все это наводит только на мысль о юности поэтессы, что и подтверждается ее собственными строчками-признаниями. Многие ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новые темы, напр. детская влюбленность; ново непосредственное, бездумное ликование пустяками жизни. И, как и надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, [33] так что эта книга не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов.

...

М. Шагинян

Литературный дневник

М. Цветаева {4}

Автор лежащей предо мною книги – еще совсем молоденькая девушка; мы узнаем из собственных ее слов о себе, что ей только восемнадцать лет.

В эти годы кто стихов не пишет! Казалось бы, что и судить нашего автора не стоит иначе, как похвалив за «малолетство», или же отругав за то же самое.

И, однако, Марину Цветаеву совершенно нельзя разбирать с возрастной точки зрения. Она не вундеркинд, не «будущий гений»; все, что она пишет, ценно по-настоящему, это самая настоящая поэзия.

Книга ее вышла недавно; называется она «Вечерний альбом» и вмещает до ста

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru стихотворений, [34] подразделенных на три цикла: «Детство», «Любовь», «Только тени».

Из них наиболее удачный – «Детство». Прежде чем говорить о стихах, скажу несколько слов об их авторе. Такое явление, как книжка восемнадцатилетней поэтессы и притом несомненно талантливой, не могло, конечно, пройти бесследно. О Марине Цветаевой в Москве заговорили тотчас же, с момента выхода книги.

В печати ей было оказано серьезное и несколько любопытное внимание: ее похвалил Валерий Брюсов в «Весах». [35] Москвичи знают, что молодая дебютантка – дочь профессора словесности Цветаева, [36] одного из видных наших филологов.

Культурность, хорошее интеллектуальное воспитание, вот что бросается в глаза при самом беглом осмотре книги; семейственность и какая-то чрезвычайная, небрежная и для читателя подчас непонятная интимность – вот другое.

Радует отсутствие риторики, обдуманность и самостоятельность в выборе тем; почти удивительно для начинающего поэта отсутствие заметного влияния модернистов. Видна хорошая поэтическая школа, и при всем том нет ни заученности, ни сухости наших молодых поэтов, излишне школьничающих после неумеренного попраiania авторитетов.

С одной стороны, дарование Цветаевой выросло внекультурно, т. е. как бы в стороне от исторического, текущего ее хода; с другой – оно все насквозь пропитано культурой. Марина Цветаева не скрещивала шпаг, не заимствовала, не мерилась и не боролась ни с кем; она вышла со своею книгой – абсентеисткой, не участвовавшей ни в одном из литературных движений нашего времени. Но абсентеизм ее – не по неведению и не по слабости. Достаточно сознательная и блестяще вооруженная, она, не борясь ни с чем, готова на всякую борьбу. Этим определяется ее поэтическая ценность. Если и есть что в книге от молодости, даже более – от юности автора, так это именно крайняя интимность «Вечернего альбома». Писался он для своих, для «мамы», «сестры Аси», Володи, Гриши, Нины и т. д. Ни одно имя не спрячено автором, ни одна домашняя подробность стиха не затушевана.

И надо сознаться, что в этом есть свое обаяние, подобное ревнивому и внушающему ревность обаянию чужих писем, ставших доступными публике за давностью лет, чужих дневников и записок. Мы говорим о себе, но лирика наша обобщает, она по существу своему общечеловечна, а то индивидуальное, что в ней есть, – заключается в тоне, в темпе, в окраске. Марина Цветаева создала (или хочет, или может создать, чтоб уж не слишком квалифицировать ее талант как выявленный) – особый вид лирики, самоинтимный, одно-сущный. Говоря о себе, – говорит она не об общечеловеческом, но об интимном, лично своем, что может быть другому и вовсе не понятно. Пишет она, как играют дети, – своими словами, своими секретами, своими выдумками. И это неожиданно мило.

Самая слабая часть книги – последняя, называющаяся «Только тени». О тенях у нас много говорено, и говорено очень хорошо. Цветаева тут ничего не прибавляет, а от себя убавляет многое. Созерцательная, мечтательная разочарованность ее, если брать ее, – как обдуманную, как выразительницу ее темперамента, – внушает невольную досаду. Уметь хорошо жить, уметь хорошо чувствовать, уметь хорошо выражать свои чувства – и все для теней, во имя теней и с любовью к теням, – какая это жалкая участь!

Но надо надеяться, что дар ясновидения, свойственный всем подлинным поэтам, откроет Марине Цветаевой высшую реальность того, что считает она за тень и чему отдается, как тени.

Я сказала, что лучшая часть книги – цикл «Детство». С некоторыми, конечно, исключениями. Есть стихи весьма слабые, неинтересные ни в ритмическом, ни в образном смысле и совершенно пустые по содержанию. Они только «милы», той миловидностью, которой подчас отличаются разговоры талантливых людей, – но воспроизводить их и делать известными публике вряд ли нужно. Таково второе в книге стихотворение «Лесное царство», напечатанное разве что за последний довольно красивый куплет. Таковы «В зале», «В сумерках», «Летом», «Второе путешествие» и т. д. В каждом из них есть удачные строки, иногда удачная рифма, – но в целом они придают книге юношеский характер, будучи совершенно бесценными наряду с прочими стихотворениями.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Более всего удается Цветаевой говорить о детях и говорить к детям. Тут она – положительно хрестоматична; некоторые из ее стихов так и просятся в хрестоматию, как превосходные образцы поэзии для детей. Вот колыбельная песенка, вернее – картинка, не имеющая себе равной в русской литературе:

– «Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки»...

Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

– «Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела»...

Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

– «Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг»...

Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук[37]

и т. д.

Очень хороши также те стихи, в которых Цветаева рассказывает, – стихи, лишенные всякого лиризма и развивающие действие, – отрывочными, но превосходно составленными фразами. Таково стихотворение «Инцидент за супом», начинающееся характерными словами няни:

«– За дядю, за тетю, за маму, за папу...»

«– Чтоб Кутику Боженька вылечил лапу...»

«– Нельзя баловаться, нельзя, мой пригожий!..»

Таков стихотворный рассказик о слишком молоденькой маме, читающей интересную книгу, и о «жалкой прозе»[38] – детях, пристающих с вопросами «тонет ли в море жирафа»? и прерывающих книжное объяснение графа с княгиней.

Очень хорош сонет о тихой московской улице; две строки из него воистину прекрасны:

И воздух тих, загрезивший, в котором
Вечерний колокол поет едва.[39]

Тут такая неожиданная рифма «в котором» – слишком смелая и рискованная, и так удачно проскальзывающая; еще смелее оборот: «воздух тих, загрезивший, в котором...», но он-то и составляет прелесть стиха и удваивает очарование строки о поющем вечернем колоколе. Приходится удивляться сразу и редкому мастерству автора, и его восемнадцати годам, почти невероятным при такой зрелости стиха.

Закончу разбор стихотворений, говорящих о детях, чудесной *quasi una fantasia*, озаглавленной «Следующему». Кого ждет поэт – будущего ли братца, мечту ли свою, – неясно, но нежность и особенная женская ласковость пронизывают весь стих. Он кончается так:

Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек,
Любим и сказки, о, глупенький, маленький,
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий,
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

Цикл «Любовь» характерен все той же нежностью и женственностью, которою отличаются выше разобранные стихотворения. В нем проглядывает участие, материнство, заботливость. Ничего вакхического, в стиле Мирры Лохвицкой. Насколько у этой последней любовь самодовлеющая и внесемейная, внебрачная, в специфическом значении слова, настолько Цветаева – вся в быту, в семье, в материнстве.

Характерно сопоставить ласкательные обращения двух поэтесс. У Лохвицкой часто повторяются «мой желанный», «возлюбленный», «любимый», у Цветаевой – очень часты и очень непосредственны выражения, вроде: «мальчик мой», «сердце мое» и т. д.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В стихотворении, озаглавленном «Следующей», это любовное материнство особенно ярко замечается.

О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди... –
так советует она следующей, той, которая займет ее место у любимого сердца.

И вместе с этим материнством, вместе с чистой женскостью, заставляющей ее высказывать такие великолепные, прекрасные слова, как:

Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое! [40] –
у Цветаевой есть свой взгляд на стихию страсти, чрезвычайно тонкий и интересный. Тут опять напрашивается сравнение с Лохвицкой. Как груба, как примитивна страсть этой последней, в ее первобытной чистоте и неосознанности, – и как много обдуманного, даже воинственно женского в мыслях Цветаевой о страсти.

У Лохвицкой нет вопроса пола. Она вся – в любви, и эта любовь, если можно так выразиться, «интерполая», т. е.

безоттеночно-стихийная, себя не помнящая, себя не видящая, как самум пустыни. Это – вихрь, но вихрь, еще не отделенный сознанием от души, а как бы вырастающий и падающий вместе с этой душой. Он стал ритмом всего существа, души и тела, а потому Лохвицкая служит любви собою, она еще вне вопросов о любви, она вся – в культуре этой любви.

Марина Цветаева затрагивает вопросы пола. И очень важно затрагивает, т. е. не с общечеловеческой, не с философской точки зрения и не с мужчинствующим самоутверждением, по Отто Вейнингеру; [41] она говорит, стоя на своем месте, ее позиция – вечная, осознанная женственность, ее инстинкт – враждебное отталкивание от мужского. Отдача, но отдача после сражения, отдача постороннему, чужому, врагу. Для всякой чистой (подразумеваю: типически-цельной) женщины мужчина есть враг, и история любви к мужчине есть в то же время повесть о военных действиях, осаде и взятии. Непременно – взятии.

В этом отношении интересно стихотворение «В чужой лагерь». «Ах, вы не братья, нет, не братья», – восклицает она тем, которых ей, женщине, суждено любить.

Пока вы рядом – смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: – вы враги.
Женская стихия сопротивляется мужской, которой она себя впоследствии поработает. Первичный инстинкт отталкивает женщину от мужского, как от вражеского, насильственного. Половой подбор, в сущности, измеряется и осуществляется не силою взаимовлечения, но степенью отталкиваемости. Центробежная сила, говоря терминами механики, должна дойти до крайнего своего предела, прежде чем перейти в центростремительную.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те, –
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны – в темноте!
Нас вальс и вечер – все тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить...
Неотвратимого не может,
Ничто не может отклонить!
Тоска по книге, вешний запах,
Оркестра пение вдали, –
И мы со вздохом в темных лапах
Сожжем, тоскуя, корабли.
Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошепчем: «Милый!»
Что будет розовым закат.
Тут превосходно чувство настороженности, ощущение вражеской близости в каждой

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
близости мужчины, предчувствие неминуемой борьбы, и – неминуемого – поражения.
Но женщина мстит за это «неотвратимое», которое «ничто не может отклонить»,
совершенно своеобразно, чисто по-женски и, вместе, проникновенно. Она отрицает
победу мужчины. Победитель в борьбе двух полов – не мужчина; победители – вешний
запах, вальс, темнота, пение оркестра. Женщина побеждается не мужской стихией, а
томлением вечера по несказанному; ее страсть безлика, незрячая,
нецеленаправленная. Она влюблена не в мужчину, а в «розовый закат».

Мы потому прошепчем: «Милый!»
Что будет розовым закат...
Вот лучшая месть побежденной, отнимающая у победителя всякую славу.

Аналогичный рассказ есть у Мопассана, рассказ о двух сестрах-буржуазках. Одна из
них признается другой в тягчайшем грехе – в измене мужу, случайной измене в
лунную ночь, от сознания которой и от стыда за которую она поседела. Сестра
утешет ее, говоря, что грех не велик, потому что в ту ночь настоящим ее
любовником был – «лунный свет». [42]

В том же цикле есть у Цветаевой прелестные задушевные стихи, из которых особенно
хороши «Связь через сны», «Наши души, неправда ль, еще не привыкли к разлуке»,
«Оба луча», «Кроме любви». Трогательно-девическое, совсем юное стихотворение,
начинающееся так:

По тебе тоскует наша зала,
– Ты в тени ее видал едва –
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени тебе я не сказала. [43]
Превосходно стихотворение «Каток растаял», поражающее образцовой ясностью и
твердой уверенностью стиха.

Из цикла «Только тени» лучшие – это стихи, говорящие о детях. Оригинально по
замыслу и удачно по выполнению стихотворение «Столовая»; но, в общем, как я уже
заметила, это цикл наиболее слабый.

Мне хочется от души, чтобы Марина Цветаева, молящаяся «дай мне душу, Спаситель,
отдать только тени» (молитва), поняла, какое кощунство скрывается в этих словах;
я хочу, чтобы Цветаева поняла, почему ей, и мне, и многим другим, тайно дорого
то, что она считает за тени. Не потому – о, нет, – что это «только тени»; но
именно за то, что в себе таят они и раскрывают подлинную реальность, за то, что
важнейший и глубочайший их признак – реальное бытие. Приобщившись к реальности
того, что за символом, она вернется к земле, – иная, чем теперь. И ее идеальный
абсентеизм перейдет в реальное действие.

Настоящему таланту, как она, найти самое себя, значит найти мир, а найти мир –
значит найти путь к вечной реальности.

Желаю ей искать его. И найти.

Б. Лавренев

Рец.: Марина Цветаева. Волшебный фонарь

Вторая книга стихов. М., 1912{5}

Нежный и чистый родник детской души, мир причудливых фантазмагорий и легенд, где
герои принцы и принцессы, сладкие грезы в постельке, над которой склонилась
ласковая мама, резвые и беззаботные игры, весь розовый романтизм ранней юности –
вот куда должна была бы увести нас Марина Цветаева.

Чистейшая и блаженная радость жизни, детство и воспоминания о нем! Какую
трогающую и почти жуткую глубину можно было бы проявить в стихах о детстве,
единственной поре, еще не захваченной тусклой прозой.

Ребенок непризнанный гений
Средь буднично-серых людей. [44]

(М. Волошин)

Все детство – безумно красивая поэтическая сказка, безмолвный гимн Неведомому,
давшему это детство.

Трепещущие блики лампадки над детской постелькой, разве это не глубочайшая
поэма? разве нельзя все детство претворить в такую поэму? разве нельзя выявить

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
всю нежность детской души так, чтобы задрожали скучные, будничные сердца перед
ее нетленной красотой?

Увы, эта задача оказалась не по силам поэтессе. Если первая книга, ее «Вечерний альбом», хоть сколько-нибудь отражала поэзию детства, то о второй и этого нельзя сказать.

Все погубило стремление самые наивные истины провозглашать тоном Высшего Откровения, – дурного тона претенциозность, которая проглядывает даже во внешности книжки. Во всем чувствуется желание чем-то изумить, поразить.

В этих целях и маленький, карманный размер книги, и бархатные крышки переплета, и мелкий, мучительный для глаза шрифт.

Плоха та поэзия, которая стремится прежде всего изумить внешностью. Даже в названии книги сквозит намек на внутреннюю бесцветность. Здесь нет углубленной поэзии детства – есть только беглые и по определенному шаблону нарисованные картинки Волшебного фонаря. Дети, детское, детство – прежде всего мудро своею простотой. Этой мудрой простоты у Марины Цветаевой нет. Она не умеет мыслить и сама в этом сознается:

«Острых чувств» и «нужных мыслей»

Мне от Бога не дано. [45]

Думается, что поэтесса не осуществила своих замыслов именно потому, что взяла детство слишком узко. Можно из каждой детской улыбки, из каждой игрушки, колыбельки сделать мировой символ, не замыкая их в тесные рамки своей квартиры, [46] Арбата, Тверской. Не нужно ничего конкретного. Пусть будет весь мир, пусть он будет весь детским, пусть дети царят в нем, а там безразлично, где этот мир, на какой улице. Но Марина Цветаева не сумела воспринять этой основной истины и замкнула переживания детства в стены, опустошив и обесцветив эти милые переживания.

форма у поэтессы не слаба, и если в будущем она поработает над ускользнувшей от нее сейчас глубиной переживаний и сумеет найти настоящий тон, – мы готовы приветствовать ее.

Есть в «Волшебном фонаре» несколько милых и тонких стихов, как: «На бульваре», «Как прежде они улыбались», «В раю», в котором совсем хороша последняя строфа, «Резеда и роза» и «Зима», – но этих пьес слишком мало, чтобы оправдать неприятную бледность книги.

М. Цетлин

Заметки любителя стихов

О самых молодых поэтах

Отрывок {6}

... Марина Цветаева, поэтесса, тоже, вероятно, очень молодая, но уже выпускающая вторую книгу «Волшебный фонарь», не ищет своей формы, а с большим, слишком большим умением, пишет стихи. Но зато у нее есть своя тема: интимный, главным образом полудетский, полутроцкий мир, который она переносит в книгу со всеми его индивидуальными черточками, даже с собственными именами. Может быть, заговорить об этом для начинающего поэта труднее, требует более напряженного творческого усилия, чем воспевать какие-то нереальные «космические» весны и зимы. Но творческим усилием найдя в первом сборнике свою тему, г-жа Цветаева пока на ней и остановилась. Снова во второй книге читать о маме, о знакомых девочках и т. п. уже немного скучно. ...

Аноним

Бархатный томик {7}

В области поэзии женщина буквально начинает посрамлять мужчин. За последнее время на книжный рынок выкинуто несколько женских сборников стихов. [47]

И все они заслуживают внимания.

Пред нами изящно изданная в бархатном переплете книжка Марины Цветаевой «Волшебный фонарь».

На ней стоит остановиться.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Это ряд бесхитростно-примитивных картинок из личной жизни. От колыбели до выхода замуж. От детской до воспоминаний о молодости. И каждая пьеса в каком-то интимном, задушевном стиле. С умением в самой версификации, т. е. во внешнем, дать почувствовать внутреннее существо. Что-то родственное в этом смысле Мусоргскому. Что-то как будто от Олениной д'Альгейм. [48]

Вот, например, из детской:

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».
Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык,
И задрожешь и заплачешь под слово,
Глупое слово «курлык».
Бедная Fräulein в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык, –
Все воскресает под милое слово –
«курлык». [49]
В пятнадцать лет:

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!
Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!
Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен
И каждый шаг!
Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ох, на всем запрет!
Так с милым детством я прощаюсь, плача,
В пятнадцать лет. [50]
Гимназистка и первый роман:

Я сегодня всю ночь не усну
От волшебного майского гула!
Я тихонько чулки натянула
И скользнула к окну.
Я – мятежница с вихрем в крови,
Признаю только холод и страсть я.
Я читала Бурже: нету счастья
Вне любви!
«Он» отвержен с двенадцати лет,
Только Листа играет и Грига,
Он умен и начитан, как книга,
И поэт!
За один его пламенный взгляд
На колени готова упасть я!
Но родители нашего счастья
Не хотят... [51]
Позади гимназия и первый роман. Прошли годы.

Жена:

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Все, что так тянулось к небу, –
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.
Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне
Девочкой, хотя женой. [52]
А вот уже воспоминания. О невозвратном. О детстве. О берегу Оки:

В светлом платье, давно-знакомом,
Улыбнулась я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом...
Почему не маленькие мы?
Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе...
Не целуй! Скажу тебе как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?
Мы вдвоем, но, милый, не легко мне, –
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет...
Вечер тих, – не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой...
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой... [53]

В этих пяти пьесках уже целая симфония. А пьесок этих у Марины Цветаевой по числу страниц 142. Они все маленькие, уютные, чистые, интимные. И написаны они рукой несомненного поэта. Прочтите эту книжку. И на час вы отдохнете. Вспомните, прослезитесь. И бархатный томик долго будет лежать у вас на столе.

Б. Ивинский

Рец.: Марина Цветаева. Волшебный фонарь:

Вторая книга стихов

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1912{8}

Из картонного футляра вы вынимаете маленькую изящную книжечку в бархатном темно-красном переплете. Очень мелкая, но четкая печать, больше сотни миниатюрных стихотворений. Эта книжка хоть и вторая у автора, но рядовой читатель встречает имя г-жи Цветаевой как поэтессы впервые. [54] С недоверием начинаешь перелистывать. Вот «предисловие».

Милый читатель! Смеясь, как ребенок,
Весело встретить мой волшебный фонарь.
Искренний смех твой, да будет он звонок
И безотчетен, как встарь.
Все промелькнут в продолжение мига:
Рыцарь, и паж, и волшебник, и царь...
Прочь размышленья! Ведь женская книга –
Только волшебный фонарь!
Не правда ли: мило, нежно, без претензий. И, еще не покоренный, но готовый покориться мягкому творчеству женской души, вы перевертываете страницу за страницей и отрываетесь только тогда, когда все полтора-два страничек прочитаны. Нежно закрываете книжечку, похожую на молитвенник, и вам кажется, что вы и впрямь только что прочитали молитвы девичьего, еще не утратившего аромата детских грез, сердца. Как на экране волшебного фонаря, перед вами прошли «чарованья сладких вымыслов» детства и юности, но не объективно, холодно запечатленные, а с трепетной любовью к невозвратному прошлому.

П. Перцов

Рец.: Марина Цветаева. Волшебный фонарь:

Вторая книга стихов. М., 1912{9}

Маленькая, хорошенькая книжка в сплошном бархатном переплете и вдобавок в футляре – ни дать, ни взять молитвенник. Внешность для сборника стихов самая нерасполагающая: ожидаешь чего-нибудь претенциозного и самолюбиво-ничтожного. Вероятно, произведения еще одной лишней жертвы нашего «модернизма?»

Ничуть не бывало. Внутренность книжки приносит приятное разочарование. Это «обыкновенные» стихи, т. е. удобочитаемые и человекообразные. И с несомненной

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru печатью таланта. Конечно, крыло современности веет и над ними, но это веяние одушевляет, а не мертвит их. Порою пахнет и Бальмонтом, и Брюсовым, и Блоком, и даже Максом Волошиным, но, сквозь все это, звучит свой, «домашний», напев.

Стихи г-жи Цветаевой очень женские стихи. Не «дамские», к счастью, а именно женские. Лучше всего ей удаются темы интимной жизни, сцены детства, воспоминания о далеких днях:

«Курлык»

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».
Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык,
И задрожешь, и заплачешь под слово,
Глупое слово «курлык».
Бедная Fгdilein в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык, –
Все воскресает под милое слово,
Детское слово: «курлык».
Или – другой «домашний» сюжет:

Кошки

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!
Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!
Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг – они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!
Ну, конечно, это не мировые темы. Но, право же, это лучше, чем хлопать мирозданию по плечу и амикошонствовать с вечностью, как большинство наших «новых» поэтов. Г-жа Цветаева умеет касаться и больших тем, но и там она помнит, что

Тем и вечны слова, что тихи, [55] –
и поет, не повышая голоса и не впадая в «надрыв».

«Острых чувств» и «нужных мыслей»

Мне от Бога не дано, –
защищается она в ответе Брюсову. [56] Но читатель готов стать на ее сторону. Решительно, русские поэтессы последних годов симпатичнее русских поэтов: по крайней мере, их поэзия искреннее и свежее. И поэты, вспомнив, что они, как говорится, в одном случае у Владимира Соловьева, «все же мужчины», [57] должны уступить им дорогу в храм славы.

Place aux dames!

С. Городецкий

Женское рукоделие

Отрывки{10}

Женщина все еще хочет пользоваться преимуществами, которые дарованы ей древними, но живучими предрассудками. Пять книжек пяти поименованных в заголовке поэтов, [58] прежде всего, пять женских книжек. И в хорошем и в дурном смысле этого слова. Хороши эти книжки, поскольку они выясняют подлинные отличительные черточки женской душевной жизни. Дурны они, поскольку они пользуются предрассудками и застарелую женскую ужимку выдают за глубокий жест, поскольку они капризничают, ломаются, притворяются и кокетничают.

Мы расположили ряд этих поэтов в порядке нарастания недостатков женского рукодельничания.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Крайне характерно, что на первых местах пришлись две книги, выпущенные цехом поэтов, а именно «Вечер» Анны Ахматовой (восхитительно украшенный фронтисписом Евгения Лансере) и «Скифские черепки» Е. Кузьминой-Караваевой. ...

«Волшебный фонарь» Марины Цветаевой, изданный книгоиздательством «Оле-Лукойе» с особенной, интимной роскошью, еще более открыто исповедует права женщины-поэта на какую-то особенную поэзию.

Прочь размышленья! Ведь женская книга –
Только волшебный фонарь! [59]

Дело осложняется еще тем, что к причудам женским у Марины Цветаевой присоединяются еще ребяческие.

У нее есть несомненный дар ощущать лирику мгновений, некоторые ее строки близки к настоящим детским переживаниям, но как часто эти качества заглушаются дурной литературой! Вот, напр., вторая строфа стихотворения «В пятнадцать лет»:

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

И недурные эти строки приходится читать после следующей литературы (первая строфа):

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».

«Забвению мешая!» Такие неудачи очень часты в стихах Марины Цветаевой. Вообще, в них есть отрава вундеркиндства. В темах детских – поэт по-взрослому ломака. В темах «взрослых» – по-детски неумел. Выдержанных в целом стихотворений, вроде «Домиков старой Москвы», очень немного. Марина Цветаева делает вид, что кто-то запрещает поэзии касаться детства, юности и т. д., что ей надо отвоевывать право на эти темы. Ничего подобного! Именно теперь возвращается поэзии право касаться всех тем, и надо пользоваться этим правом спокойно, в меру своего таланта, а не своих капризов. Ведь умеет же она так мило рассказывать про встречу влюбленных детей в сквере или на катке! [60] Ведь есть же и сатирическая нота в ее лире («Жар-Птица» и «Эстеты»)!. . . Зачем же вундеркиндствовать? ...

Н. Гумилев

Письма о русской поэзии

Рец.: Марина Цветаева. Волшебный фонарь:

Вторая книга стихов

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1912

Отрывок {11}

... Первая книга Марины Цветаевой «Вечерний альбом» заставила поверить в нее и, может быть, больше всего – своей неподдельной детскостью, так мило-наивно не сознающей своего отличия от зрелости. «Волшебный фонарь» – уже подделка и изданная к тому же в стилизованном «под детей» книгоиздательстве, [61] в каталоге которого помечены всего три книги. [62] Те же темы, те же образы, только бледнее и суше, словно это не переживания и не воспоминания о пережитом, а лишь воспоминания о воспоминаниях. То же и в отношении формы. Стих уже не льется весело и беззаботно, как прежде; он тянется и обрывается, в нем поэт умением, увы, еще слишком недостаточным, силится заменить вдохновение. Длинных стихотворений больше нет – как будто не хватает дыхания. Маленькие – часто построены на повторении или перефразировке одной и той же строки.

Говорят, что у молодых поэтов вторая книга обыкновенно бывает самой неудачной. Будем рассчитывать на это... ..

В. Брюсов

Сегодняшний день русской поэзии

Отрывок {12}

... Верна себе и г-жа Цветаева, продолжая упорно брать свои темы из области узко-интимной личной жизни, даже как бы похваляясь ею («острых чувств и нужных мыслей мне от Бога не дано» [63]). В конце концов мы могли бы примириться с этим, так как каждый пишет о том, что ему близко, дорого, знакомо, но невозможно примириться с той небрежностью стиха, которой все более и более начинает щеголять г-жа Цветаева. Пять-шесть истинно поэтических красивых стихотворений тонут в ее книге в волнах чисто «альбомных» стишков, которые если кому

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
интересны, то только ее добрым знакомым. ...

С. Логунов

Обзор книг и журналов

Отрывок{13}

... В «Волшебном фонаре» г-жи М.Цветаевой (Марина Цветаева, «Волшебный фонарь», 2-ая книга стихов, М., 1912 г., стр. 148) ряд милых картинок детских и юношеских лет. Девочка уже «большая» – «мне семь лет» – едет с матерью за книгами:

Сколько книг! какая давка!

Сколько книг! я все прочту!

В сердце радость, – а во рту

Вкус соленого прилавка.[64]

Ребенок, который на вопрос, почему он плачет, отвечает: «так», – несмотря на то, что отец убедительно доказывает ему, что «плакать „так“ смешно и глупо»...[65]

«Неравные братья», из которых один постоянно придумывает новые игры, а другой в ответ каждый раз повторяет: «спросим маму!»... Все эти детские сценки у г-жи Цветаевой не являются придуманными, а выхвачены из жизни.

И. Ларский

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1913{14}

Стихи М.Цветаевой – поэзия собственных имен, и, надо сказать, поэзия жизнерадостная, к которой идет сентиментальность и порой детская наивность.

Мотивы стихотворений «Мама на даче», «Мама в саду» в каждом из нас пробуждают незабвенные воспоминания о том времени, когда мама казалась царицей.

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,

Серебрится, как новый клинок.

Наша мама сегодня – царица,

На головке у мамы венки.

В предисловии г-жа Цветаева дает совет: «пишите, пишите больше (закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох)»... Это можно принять с оговоркой даже и в отношении г-жи Цветаевой: писать пишите, но не все печатайте. Стоило ли, например, передавать такую сцену:

Стоишь у двери с саквояжем.

Какая грусть в лице твоём!

На лице читателя мелькает предательская улыбка. Но дальше:

Пока не поздно, хочешь, скажем

Последний раз стихи вдвоем?[66]

Очень трогательно, но ведь и от трогательного до смешного – один шаг.

П. Перцов

Интимная поэзия

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1913{15}

За последнее время от наших поэтов ждешь и находишь как-то больше, чем от поэтов. Наступил какой-то «суфражизм» в русской поэзии. Или, в самом деле, близится возобновление после тысячелетий «господство женщин»? Ведь никогда сильный пол так не пасовал перед слабым, как в наш «декадентский» век. Но я уклоняюсь...

Вот и г-жа Марина Цветаева. Она положительно талантлива. Талант ее не так звучно-ярок, как, напр., у г-жи Мариэтты Шагинян. Нет восточной благоуханности и музыки стиха. Стих даже несколько тускл и местами спотыкается... Но есть умение нарисовать картинку домашней жизни, комнатного уюта или передать интимные, иногда чисто женские настроения.[67] Г-жа Цветаева сама смотрит так на свои стихи. В предисловии она уговаривает нас всех «писать». «Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох!»... «Обивка дивана – не менее слов, на нем сказанных»...

Дамские присловья редко бывают удачны. Стихи г-жи Цветаевой закрепляют, к счастью, не каждый жест. Напротив: в них есть тот выбор, который делает из прозы поэзию. Ведь не всех своих подруг воспела г-жа Цветаева, а только одну грузинскую княжну Нину, погибшую жертвой чуждого севера:

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Бледнея, гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар...
...Умолкло сердце, что боролось;
Вокруг лампы, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза! [68]
И изо всех московских улиц она выбирает Тверскую:

Мы идем, оживленные, рядом,
Все впивая: закат, фонари, голоса,
И под чьим-нибудь пристальным взглядом
Иногда опуская глаза... [69]

Эта книжка составила из двух других сборников, но автор был слишком строг к себе: из «Волшебного фонаря» можно было взять больше.

3. Бухарова-Казина

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1913 {16}

Господа «акмеисты», «адамеисты», «футуристы» и пр. продолжают наводнять книжный рынок своими мутными, тяжелыми и, в сущности, глубоко однообразными поэтическими произведениями. Все отличие этих современных «пророков», зачинателей и вершителей, друг от друга состоит преимущественно в вычурах эгоцентризма и наглостях порнографии. Больно, когда в эту струю попадают люди действительно одаренные, встречающиеся чаще, чем думают. Талант их тускнеет, разжигается и, наконец, захлебнувшись мутой подражательности и сомнения, исчезает совсем. Все это, к счастью, неприменимо к автору только что появившейся милой книжки стихов, Марине Цветаевой, имя которой за последние годы не редко попадалось в печати. Правда – в прозаическом предисловии молодая поэтесса советует всем писать как можно больше, «закреплять каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох», ибо «все мы пройдем», а все, нами написанное, до подробностей нашей домашней обстановки включительно «останется в огромном мире, будет телом нашей бедной-бедной души». Завет этот явно подсказан большой, наивной молодостью автора. Такие ценности, как великолепный кабинет Леонида Андреева [70] или менее великолепные, но не менее знаменитые «брюки» Анатолия Каменского, [71] могут смело проваливаться в вечность без всякого ущерба для неблагодарного потомства. А ведь многие из пишущих «истов» закрепляют в стихах своих те же кабинеты и брюки!

Сама Марина Цветаева пока еще закрепила в маленькой книжке только нежные, чистые страницы своей души, своей жизни. Она сама называет стихи свои дневником, и действительно они рассказывают красивую историю детства двух сестричек, вместе игравших, вместе любивших свою маму, вместе полюбивших иною уже любовью кого-то чужого, их обманувшего, вместе перестрадавших это первое горе и затем разошедшихся для новой, отдельной судьбы. На палитре М.Цветаевой много красок, на арфе ее много струн, но извлеченные ею картины и звуки носят еще характер неустойчивости, незрелости. Впрочем, настоящей книжке свойство это как-то особенно пристало. Детский голос, детские руки, но уже не по-детски вопросительные глаза – все это радостно, ценно и благоуханно. Есть стихи прелестные, как, напр., «Сереже», с тихим образом тоскующей матери и примиряющим освещением смерти, «Принц и Лебеди», «Прости» и др. Стих почти всегда музыкален и прост хорошей, новой простотой. Но иногда в наивности сквозит сознательность, деланная манерность, как в последнем стихотворении, и настроение пропадает.

Будет очень грустно, если этот свежий талант погибнет, как уже погибли многие другие. Хотелось бы посоветовать Марине Цветаевой держаться в стороне от литературной кружковщины [72] и не заражаться никакими модными влияниями, дабы сохранить милую самобытность ее поэзии.

Н. Ашукин

Современные женщины-поэты

(А.Ахматова, М.Цветаева, Е.Кузьмина-Караваева, Л.Столица, М.Шагинян)

Отрывок {17}

... Другая поэтесса, интимно чувствующая поэзию вещей, поэзию будничной жизни – Марина Цветаева. В предисловии к своей книге она говорит: «Не презирайте внешнего! Цвет ваших глаз так же важен, как их выражение, обивка дивана – не менее слов, на нем сказанных... Нет ничего не важного! Говорите о своей комнате: высока она или низка, и сколько в ней окон, и какие в ней занавески, и есть ли

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ковер, и какие цветы на нем?..»

«Мои стихи – дневник, моя поэзия – поэзия собственных имен». И, действительно, стихи М.Цветаевой интимны: она пишет о маме, о сестрах, о Володе, Сереже, о своих прогулках по Тверской – словом поэтесса, я бы сказал, даже демонстративно интимна. Часто эпиграфами к своим стихам она ставит отрывки каких-то домашних разговоров, заботливо пометчая: «разговор 20 декабря», «разговор 27 декабря».

Она любит и чувствует поэзию вещей старых и по-детски тоскует об их исчезновении:

Слава прабабушек томных...

Грузные, в шесть этажей... [73]

Стихи М.Цветаевой изящны и музыкальны. В них много чистого, почти детски-наивного, искреннего чувства, хотя эта детскость подчас и утомляет. Интимность в поэзии хороша тогда, когда она обобщена и оправдана внутренним необходимым значением. К сожалению, этой оправданности в стихах Цветаевой часто не бывает.

В. Нарбут

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг. М., 1913;

Мариэтта Шагинян. *Orientalia*. М., 1913{18}

Из всех русских поэтесс, когда-либо выступавших на литературном поприще, пожалуй, лишь одна Каролина Павлова [74] оправдала долгий и основательный успех, который неизменно сопровождал ее. Ее изысканный стих, действительно, – и упруг, и образен, и – главное – самобытен. Ни пятнадцатилетняя, унесенная ранней смертью О.Кульман, [75] ни Ю.Жадовская, [76] ни Мирра Лохвицкая, ни, наконец, З.Гиппиус, несмотря на утонченную архитектонику, – не дали большего в выявлении женского мирозерцания, чем дала К.Павлова. Последняя в «женской поэзии» по-прежнему занимает доминирующее и одинокое положение. Но верится, что придет поэтесса, которая, не стесняясь, расскажет о себе, о женщине, всю правду, – расскажет так же просто и понятно, как раскрыл психологию мужчин Пушкин.

Укреплению этой веры в грядущую великую поэтессу способствуют, между прочим, сборники М.Цветаевой и М.Шагинян. [77] И если первая колеблется еще: идти ли ей по проторенной дорожке, вслед за поэтами-корифеями, то вторая – дерзает весьма заметно. Однако причиной смелости, выказанной М.Шагинян, не приходится считать ее «расовую осознанность», [78] как говорится в предисловии; что же касается молодости, то в ней не чувствуется недостатка и у М.Цветаевой. Напротив, нам кажется, что поэзия М.Цветаевой должна была бы определиться в более яркой форме, потому что первые две книги (особенно «Вечерний альбом») названного автора намекали на это.

Самым уязвимым местом в сборнике «Из двух книг» является его слащавость, сходящая за нежность. Чуть ли не каждая страница пестрит уменьшительными вроде: «Боженька», «Головка», «Лучик», «Голубенький» и т. п. Как образчик употребления таких неудачных сочетаний, можно привести стих. «Следующему»: «Взрос ты, вспоенная солнышком веточка, рая – явленье, нежный, как девушка, тихий, как деточка, весь – удивленье», – где приторность и прилизанность стиха – чересчур шаблонны.

И странно, право, наряду с указанными строками встречать – искренние, окрыленные музы:

Благословив его на муку,
Склонившись, как идут к гробам,
Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.
И опустились принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.
Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чаш!
Друг другу вняли – без обета –
Мундир, как снег, и черный плащ.
(Камерата)

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Или: «Наша мама не любит тяжелой прически, – только время и шпильки терять!» [79]
Разве – не по-хорошему интимны эти стихи? И разве не слышится в них биения
настоящей, не книжной жизни?

Кроме нарочитой слащавости, в упрек М.Цветаевой следует поставить туманность и рискованность некоторых выражений («он был синеглазый и рыжий, как порох во время игры (!)», «улыбка сумерек в окна льется» [80]), предвзятость рифм (голос – раскололось; саквояжем – скажем [81]), повторяемость («Вагонный мрак как будто давит плечи» – Привет из вагона, «Воспоминанье слишком давит плечи» – В раю), несоблюдение ударений.

«Orientalia», в противоположность «Из двух книг», – несколько грубоваты и эксцентричны. Впрочем, грубость в данном случае оказывается лишь перекидным мостом к выполнению рисунка в манере И.Бунина: «Закат багров; к утру пророчит он, как продолженье чьей-то сказки давней, свист ковыля, трубы зловеющий стон, треск черепиц и стук разбитой ставни. Под вой ветров, повязана платком, гляжу прищурясь, в даль, из-под ладони: Клубится ль пыль? Зовет ли муж свистком в степи коней? Не ржут ли наши кони?» [82] Здесь вторая строфа – совсем хороша: вполне выдержана стилистически и остро ощущается в ней ветряная погода в степи, а в первой – порывистые налеты вихря запечатлеваются словами: свист, стон, треск, стук. Есть целая вереница реалистически-метких строк в книге М.Шагинян, а в то же время попадают стихотворения символические и напыщенные: так неровно разворачивается небольшое дарование поэтессы, что не знаешь, за кем следует она – за Буниним, за певцами ли риторики и разных отвлеченностей, или же разовьет то восточное одурманенное жаркими полными грезами Кавказа упоение бытием, которое роднит «Orientalia» с «Песню песней».

Аноним

Из архива издательства «Огни»

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг {19}

Тоненькая книжка Марины Цветаевой «Из двух книг» – точно цветная, нарядная коробочка, что стоит у молодой девушки на туалетном столике, за зеркалом, повязанная розовой лентой и раскрывающаяся для друзей. В коробке ценности относительные... Интимные. Вещи драгоценные не сами по себе... раковины, засушенные листья, катильонные значки, а как мило, видные сувениры, наивные, трогательные безделушки, царапающие сердце нежными иголочками грустных и сладких воспоминаний. Прошлое и настоящее поэтессы – в интимных переживаниях. Расцвет жизни... У колен мамы... «Раннее детство верни мне и березки на тихом лугу...» [83] Родной уютный дом... «Волшебный дом...», [84] «Домик любимый... Розовый». [85] Небольшой семейный круг... Милые подруги... «Кто для Аси нужнее Марины? Милой Асеньки кто мне нужней?» [86] Поэзия одного дома... Дома, где:

Зала от сумрака синяя,
Жажда великих путей,
Пренебреженье к науке,
Переплетенные руки,
Светлые замки из инея
И ожиданье гостей.
Дом с небывальными веснами,
С дивными зимами дом.

«Ока...», «Мама в венке», «Возгласы эти и песенки, чуть раздавался звонок и через залу по лесенке, стук убегающих ног». Неизъяснимую прелестью нежных мелочей светлого детства напоена книжка Цветаевой, как воздух вечером около клумбы резеды.

На заре мы часто дышим розой,
Но резедой мы кончаем все. [87]
Чувствуется, что волшебное, по воспоминаниям, детство лучшая пора жизни поэтессы.

Ты дал мне детство лучше сказки
И дай мне смерть в семнадцать лет! [88] –
просит она Бога. Любовь к этой книжке не девичья даже, а детская... Полугрезы, полусон... Смутное сладкое предчувствие. Героини книжки, две девушки сестры, трогательные в бесконечно нежной дружбе, раненой, однако, острием нежданного соперничества.

Пусть повторяет общий голос

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

До ныне общие слова,
Но сердце на два расколосось
И общий путь на разных два. [89]
Обыкновенно поэтесс вдохновляет Он, а Цветаеву – она – милая сестренка.

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же сон. [90]
Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою они зажжены
В слишком похожих глазах. [91]

Две полудевочки, полуженщины, невинно склоняются на плечо товарища их детских игр, а он, тоже полурбенок «голубоглазый» в полудреме сладкого обаяния от обеих, не различает, которая ему близка больше, не может этого сделать и причиняет боль сестрам. В родном уютном уголке – «В розовом домике» все до мелочей так мило поэтессе, что она создает теорию своеобразного домашнего анимизма.

В своем предисловии она говорит: «не презирайте внешнего! Цвет ваших глаз так же важен, как и их выражение, обивка дивана не менее слов, на нем сказанных. Записывайте точнее, нет ничего не важного. Цвет ваших глаз и вашего абажура, разрезательный нож и узор на обоях, драгоценный камень на любимом кольце – все это будет частью вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души. Пишите, пишите больше. Закрепляйте каждое мгновение, каждый жест, каждый вздох». За этой наивно-важной сентенцией скрывается все же неуменье отличить важное от пустяков, глубокое и сильное от мимолетного и поверхностного. От книжки Цветаевой остается впечатление душистых грациозных безделок, несложного розового *interieur*'а молодой души; самый ритм ее стихов напоминает изящную музыкальную шкатулку, где серебряно позвякивает старинная полька... Неприхотливо веселый танец – чистой юности.

Н. Львова

Холод утра
(Несколько слов о женском творчестве)

Отрывки {20}

Двадцатый век, вероятно, будет назван в истории «женским веком», [92] веком пробуждения творческого самосознания женщины. Никогда не говорила она так громко. Никогда не прислушивались к ее голосу так внимательно. Трудно предсказать, во что выльется это стихийное – захватившее все области жизни – движение, наложит ли оно свой отпечаток на нашу слишком «мужскую» культуру. Во всяком случае, мы можем рассматривать лишь одну его сторону, но в ней, может быть, рельефнее всего отразился переворот в женском сознании. Мы говорим о литературе и – в частности – о поэзии. Тот факт, что женщина вошла в литературу, на Западе признан окончательно. Критические обозрения заграничных журналов пестрят женскими именами. И если у нас за минувшее столетие едва можно найти нескольких женщин-поэтов, – то подсчитать их теперь – задача очень нелегкая. Женщина вошла в поэзию, и вошла в тот миг, когда поэзия уткнулась в тупик. Не будем отрицать: этот тупик встал не только перед русской – он встал перед поэзией вообще. Разве на Западе тоже нет тревожных исканий, отрицания сегодняшнего дня, сознания – что так нельзя дальше. И нам кажется, что этот тупик явился неизбежным следствием мужского характера нашей поэзии. Мужчина – властитель поэзии, полноправный ее хозяин. Его душа, его взгляды, его стремления, – его мироощущения, – вот содержание поэзии. Если взять за основу мужской души ее разумность, рациональность, – то придется сказать, что наша поэзия, как и вся наша культура, задыхается от избытка рациональности. Мы все непременно хотим быть умными, блеснуть своими знаниями, своей культурностью, а что из этого выходит – знает всякий, просматривавший книги поэтов последнего столетия.

И единственным спасением кажется нам внесение в поэзию женского начала, причем сущность этого «женского» в противовес «мужскому» – мы видим в стихийности, в непосредственности восприятий и переживаний, – восприятий жизни чувством, а не умом, вернее – сначала чувством, а потом умом.

И тем интереснее в таком случае проследить творчество современных женщин-поэтов. Вошли ли они, как женщины, со своими темами и приемами, выделились ли в отдельную группу, внося свое, специфически женское, или же растворились в существующих течениях? ...

Вот Марина Цветаева – почти девочка – лепечет о детских играх, о маме, о тающих тучках. И вдруг в детски-звонкие строфы врывается смутное предчувствие того, что должно быть, что неизбежно:

Неотвратимого не может,
Ничто не может изменить!
Лицом к лицу встает загадка пола. И, с таинственным предвидением детства,
бросает она:

Нет, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы – ушли в туман.[93]
И в другом стихотворении:

Я только девочка. Мой долг

.....
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом –
Не куклу – а почти...
И ясно встает перед ней жизнь, где женщина – всегда раба, не смеющая «улыбаться
всем глазам, не опуская глаз», [94] – где для нее – все закрыто. ...

А за смутным предчувствием Марины Цветаевой слышится голос Анны Ахматовой –
«звонкий голос не узнавших счастья», [95] но узнавших уже, что «должен на этой
земле испытать каждый любовную пытку». [96] ...

Конечно, любовь, страсть – вообще доминирующая в поэзии тема. Но надо признать,
что в рассматриваемых книгах постановка ее, отношение к ней – чисто женские. У
мужчин – целый мир. У женщин – «только любовь». Понятая в большинстве случаев,
как боль, как страдание, как «властительный Рок» – она заполняет всю женскую
душу. Как будто мимо проносится гремящая жизнь 20-го века, как будто из всех
тысячелетий завоеваний и борьбы, как будто из всех океанов жизни для них
доступен один... И это очень по-женски. И часто находят они какие-то «свои»,
женские слова, так хорошо отражающие их переживания. Все же приходится пожалеть,
что, в большинстве случаев, женским стихам не удастся достигнуть той границы,
где личное становится общечеловеческим, где вырастает великий Синтез
переживаний, в большинстве случаев стихи почти всех рассматриваемых поэтов до
такой степени узколичные, что хочется повторить жестокие слова Брюсова: «е
стихи интересны только ее добрым знакомым». [97]

Какими же приемами пользуются женщины-поэты для передачи своих переживаний. К
сожалению, мы должны признаться, что в этой области, в области формы (а она,
может быть, самая важная), не дано ими почти ничего нового. Те же ритмы, те же
размеры, то же построение стиха, даже то же стремление быть «умными,
культурными», что и у всех поэтов последнего поколения. Легкий отпечаток
индивидуального, женского, конечно, лежит на этих книгах, но все же это не то,
далеко не то... ...

Книги г-жи Цветаевой и г-жи Кузьминой-Караваевой объединены ясностью и простотой
стиха, причем у первой он часто в достаточной мере легок и певуч. Тема ее
достаточно известна: это – детство, со всеми его характерными штрихами и
наивно-хрупкими переживаниями. Нам кажется, поэт мог бы в своих строфах дать
синтез этого забытого нами, капризного мира, – и единственно мешает г-же
Цветаевой разбросанность, неслитость чувств и ощущений, отсутствие той глубины,
которую видели мы у Нелли [98] и Ахматовой. Слишком поверхностно, по-комнатному,
относится она к тому, о чем пишет, берет не те слова, какие могла бы взять, а
те, какие первые придут в голову. Г-жа Цветаева как бы забывает, что
недостаточно переживать: надо – хотеть воплотить переживание в адекватное ему
слово. ...

В. Ходасевич
Русская поэзия. Обзор
Отрывок {21}

... «Волшебный фонарь» – так называется новая книга стихов Марины Цветаевой,
поэтессы с некоторым дарованием. Но есть что-то неприятно-слащавое в ее
описаниях полудетского мира, в ее умилении перед всем, что попадет под руку.
От этого книга ее – точно детская комната, вся загроможденная игрушками,
вырезанными картинками, тетрадами. Кажется, будто люди в ее стихах делятся на

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «бьяк» и «паинек», на «казаков» и «разбойников». Может быть, два-три стиха были бы приятны. Но целая книжка в бархатном переплетике, да еще в картонном, да еще выпущенная издательством «Оле-Лукойе» – нет.....

М. Шагинян

Женская поэзия

Отрывки{22}

Надо сказать правду – женские книги сейчас более утешительны, чем когда-либо, и это происходит по причине, ни мало не зависящей от самих женщин, по причине так называемого «безвременья»...

Стихотворство есть, прежде всего, самоопределение; наиболее индивидуальным, собственным, не заимствованным в мире является мелодия, мелос, то, что у древних было «поющей лирикой»; а эту мелодию, эту лирику женщины умеют искать и находить лишь тогда, когда в самой эпохе (или немного эже: в самом времени) нет крупных, все захватывающих тем, создавших уже свои яркие мелодии и тяготеющих над женским творчеством, всасывая и обезличивая его в себе.

Любопытно заметить, что всякие крупные, под знаком большой идеи протекающие общественные явления всегда насчитывают в своих рядах множество дельных, разумных и творческих женских умов; но именно памятки, оставляемые этой женской деятельностью в культуре, – и являются наиболее бледными и слабыми из продуктов женского творчества: крупная идея, так могущественно притягивающая женскую действенную энергию, абсолютно не обогащает, но, наоборот, обезличивает ее творчество.

В противоположность эпохам с большими идеями, эпохи «безвременья», перехода, моральной ослабленности, распада общественности – всегда выдвигают женщин-стилисток, женщин-поэтов и художниц, сгущая их созерцательность и сводя к минимуму их волевою энергию.

Происходит это, конечно, оттого, что крупные идеи, которым служат женщины, принадлежат не им, но мужчине; отдача своей энергии на служение «чужой» идее, вдобавок на служение почти молитвенно-жертвенное и лишенное критицизма, не оставляет, конечно, ни времени, ни психологической возможности для личного, индивидуального самоопределения. Но без этого «самоопределения» не может существовать и поэзии. И вот мы видим, как в эпоху освободительных проблем не выдвинулось и даже не запомнилось ни одной, сколько-нибудь яркой книжки стихов, принадлежащей женщине.

Как раз обратное происходит теперь; почти нет у нас так называемых «общественных тем»; каждый живет и думает уединенно, на свой риск; связующих начал нет ни в искусстве, ни в политике, ни в быту; все расшатано, раздроблено, предоставлено самому себе. И вот теперь возникает совершенно самостоятельно и целостно ряд женских попыток к самоопределению, почти сплошь интересных.

Я разберу тут несколько стихотворных сборников, наиболее значительных и успевших уже обратить на себя внимание публики.

Как женское рукоделие, эти сборники изящны и тщательны; стихи ложатся подобно стежкам; получается острое, трогательное и терпеливое мастерство, которое уже само по себе говорит об индивидуально женской манере. Ни любовь, ни ненависть не «выкрикиваются», не «выковываются», а как бы выстегиваются и вышиваются. У женщин нет пафоса (а когда он есть, то дурной, риторический), но есть особая тщательность и детализированность, которые ныне с таким трудом и так искусственно даются молодежи мужского пола. Перечисленные мною свойства являются наиболее характерными и для сборников, о которых я поведу речь. ...

Недавно вышла у Некрасова в Москве тоненькая белая книжка с надписью: Н.Крандиевская. Стихотворения. ...

Вторым после Крандиевской я разберу маленький, почти квадратный томик: Стихи Любви Копыловой, изданные в Москве у Португалова. [99] ...

К этим двум книгам мне хочется прибавить третью, бархатную книжку в картоновом футляре, принадлежащую Марине Цветаевой, изданную книгоиздательством Оле-Лукойе и называющуюся «Волшебный фонарь»; насколько хороша была первая книга стихов Цветаевой, настолько неудовлетворительна вторая; множество домашних

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru подробностей, никому не нужных и не интересных вещей, наивностей, которые милы только самому автору. Делается обидно за несомненный талант Цветаевой, когда читаешь эту книгу, которую она сама предваряет словами:

Прочь размышленья! Ведь женская книга –
Только волшебный фонарь!

Того же взгляда на «женскую книгу» придерживается, кажется, и очень даровитая поэтесса, недавно обратившая на себя серьезное внимание, – Анна Ахматова. Пишет она также орнаментально и «рукодельно», как перечисленные выше коллеги ее, но в своем нежелании быть «сознательной» и принять хоть какую-нибудь ответственность за говоримое ею доходит почти что до пределов цинизма, впрочем, весьма изящного. Основные черты ее творчества – легкий, смеющийся, обостренный любопытством и немного холодный эротизм. Вот образчик ее изящной манеры:

Еще струится холодок,
А с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.
И мальчик мне сказал таясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что в нем живет большой карась
И с ним большая карасиха. [100]

Все четыре, разобранные мною, поэтессы, каждая по-своему и с бульшим или с меньшим талантом, отказываются от жизни и от идейной ответственности перед нею. Марина Цветаева делает это по какому-то кокетству молодости, Анна Ахматова с изяществом женщины, мало заботящейся о чем-нибудь, кроме себя и своих настроений; Крандиевская – из-за усталости и надломленности большой души, старающейся сберечь себя «неисказенною»... Она говорит, например:

Надеть бы шапку-невидимку
И через жизнь пройти бы так!..
И есть ли что мудрее, люди, –
Так, молча, пронести в тиши,
На приговор последних судий
Неисказенный лик души!
И, наконец, Любовь Копылова признается:

Молюсь с надеждою лукавою:
Мой свиток дел пусть будет пуст,
Лишь чашу с жизненной отравою
Мне пронести бы мимо уст. [101]

Таков основной мотив творчества всех четырех; усталость, задор, легкомыслие и лукавство приводят каждую из них к различно сформулированному, но одинаково звучащему томлению «да минет меня чаша сия». И этим устанавливаются два полюса женского творчества: изысканное «рукодельное» изящество – и тягостная бесплодность.

С. Дмитриев

Вечер современных поэтесс

Отрывки {23}

Устраиваемый в Москве 22 января в зале Политехнического Музея вечер молодых поэтесс [102] даст представление о поэтических силах русской современной женщины. Многие талантливые представительницы современной лирики так или иначе примут участие в этом «состязании певиц». ...

Чертами нежной интимности лирического рисунка и мелодии отличаются две поэтессы, участницы вечера – Марина Цветаева и Любовь Копылова.

Из них первая Цветаева – в художественном отношении старше и выразительней. Юное дарование этой поэтессы, очертившей себе мирок детских зыбких впечатлений и снов, романтических самоутверждений, – чрезвычайно изящно и свежо. Ее интеллектуализм женственен, тонок и самобытен. Она не раба книги и модных течений, не задавлена кружковыми темами и вопросами, не тянется на буксире «очередных» вопросов и тем. Для нее, как для каждого истинного поэта, – есть самодовлеющий мир тех неизмеримых вопросов, которые представлены личным мирком переживаний, снов, грез, побуждений и созерцаний. В пределах своих юношеских видений и напевов поэтесса свежа, наивна весенней легкой наивностью и искренна. Ее будущее чрезвычайно интересно.

Любовь Копылова – дала хороший сборничек[103] непретенциозных простых и искренних отражений чувств, по преимуществу замыкающихся в дневник специфической женственности. Ее рисунок робок, мелодия – не густа, ее поэтические шаги вообще запечатлены нерешительностью и робостью литературной воли. В ней, как в поэтессе, что-то ценное и тонкое дремлет и ждет своего освобождения. ...

И. Оксенов

Отклики поэтов

Рец.: Тринадцать поэтов. Пг., 1917

Отрывки{24}

Приятно изданный сборник «Тринадцать поэтов»[104] заключен в зеленую бандероль с надписью: «Отклики поэтов на войну и революцию». ...

В сборнике, к несчастью, есть стихи, мимо которых нельзя пройти без чувства жалости к их автору. Это вещи Марины Цветаевой – хорошего подлинного поэта Москвы. Вероятно, только любовью к отжившему, тленному великолепию старины и боязнью за него объясняется «барская и царская тоска» Цветаевой. Или это просто – гримаса эстетизма? Конечно, «революционные войска цвета пепла и песка»[105] – категория, неприемлемая для эстетики, которой дороги «разнеживающий плед, тонкая трость, серебряный браслет с бирюзой», [106] по сделанному однажды признанию. А поэтому не удивляет вывод: – «Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон!» Впрочем, Москва обоих лагерей не послушалась совета – и показала себя в октябрьские дни. Второе стихотворение Цветаевой («... За живот, за здоровье Раба Божьего Николая...»[107]) также неприлично-кощунственное по отношению к своему же народу. Под личиной поэта открылся заурядный обыватель, тоскующий о царе.

Эти последние «отклики на революцию» сильно нарушают общее впечатление от сборника и заставляют яснее ощутить то неживое, «комнатное», что присуще в той или иной степени почти всем участникам сборника, перегруженным утонченной культурой.

И. Эренбург

Четыре [поэтессы]

Отрывки{25}

По забавному определению Жюль Лафорга, «женщина – существо полезное и таинственное». Она живет здесь, рядом, но что мы знаем об ее жизни? Будто слепец, она бредет, ощупывая вещи, по земле ползет – как нам проверить? Она лучше нас знает, как сильна земная тяга и сколько весит плоть. Но в своей норе порой прозревает она легко и просто то Небо, к которому так тщетно взвиваются аэропланы нашей мысли. Как понять ее? И мы ищем ответа в стихах поэтесс, в этих «Бедекерах», [108] по самым дебрям земного Ада, с маршрутами (увы! для нас невозможными) в Рай. ...

Марина Цветаева похожа не то на просвещенную курсистку, не то на деревенского паренька. Я не люблю, когда она говорит о Марии Башкирцевой или о мадридских гитарах[109] – это только наивная курсистка, увлеченная романтическими цветами Запада. Но как буйно, как звонко поет она о московской земле и калужской дороге, об утехах Стеньки Разина, о своей любви шальной, жадной, неуступчивой.[110] Русская язычица, сколько радости в ней, даром ее крестили, даром учили. Стих ее звонкий, прерывистый как весенний ручеек, и много в нем и зелени рожиц, и сини неба, и черной земли, и где-то вдали зареявших красных платков баб. Милая курсистка! Снимите со стен репродукции Боттичелли, бросьте томик Мюссе или (где уж в России толком разобраться) madame де Ноайль[111] – к вам в комнатку ветер ворвался – это Марина Цветаева гуляет, песни свои поет. ...

К. Бальмонт

Марина Цветаева{26}

Наряду с Анной Ахматовой, Марина Цветаева занимает в данное время первенствующее место среди русских поэтесс. Ее своеобразный стих, полная внутренняя свобода, лирическая сила, неподдельная искренность и настоящая женственность настроений – качества, никогда ей не изменяющие.

Вспоминая свою мучительную жизнь в Москве, я вспомнил также целый ряд ее чарующих стихотворений и изумительных стихотворений ее семилетней девочки Али. Эти строки должны быть напечатаны, и несомненно, найдут отклик во всех, кто чувствует поэзию.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вспоминая те, уже далекие дни в Москве, [112] и не зная, где сейчас Марина Цветаева, и жива ли она, я не могу не сказать, что эти две поэтические души, мать и дочь, более похожие на двух сестер, являли из себя самое трогательное видение полной отрешенности от действительности и вольной жизни среди грез, – при таких условиях, при которых другие только стонут, болеют и умирают. Душевная сила любви к любви и любви к красоте как бы освобождала две эти человеческие птицы от боли и тоски. Голод, холод, полная отрешенность – и вечное щебетанье, и всегда бодрая походка и улыбочивое лицо. Это были две подвижницы, и, глядя на них, я не раз вновь ощущал в себе силу, которая вот уже погасла совсем.

В голодные годы Марина, если у нее было шесть картофелин, приносила три мне. Когда я тяжело захворал из-за невозможности достать крепкую обувь, она откуда-то раздобыла несколько щепоток настоящего чаю...

Да пошлет ей судьба те лучезарные сны и те победительные напевы, которые составляют душевную сущность Марины Цветаевой и этого божественного дитяти, Али, в шесть и семь лет узнавшей, что мудрость умеет расцветать золотыми цветами. [113]

Н. Павлович

Рец.: Марина Цветаева. Версты: Стихи

М.: Костры, 1921{27}

Легкий огонь, над кудрями пляшущий.

Дуновение – вдохновения... [114]

Почти вся книга Цветаевой в этом легком огне. Отсюда богатство ее ритмов, дикая и прелестная музыка ее.

В те же немногие минуты, когда «огонь» исчезает, сразу мертвеет стих, мертвеет явно и откровенно – так незащищена книга. Например:

Я счастлива жить образцово и просто.

Как солнце, как маятник, как календарь... [115]

(последние два слова почти невозможно произнести!) – и дальше:

«Быть светской пустынною стройного роста» – строка безвкусная и ненужная в этой прекрасной музыкальной книге. Есть у Цветаевой грехи против чувства меры:

Я и в предсмертной икоте останусь поэтом. [116]

Слишком натуралистично, а потому и не убедительно! Но все это детали. Важно же то, что Цветаева не старается подменить «Дуновение – Вдохновения» – изощренностью форм, что делают теперь так часто. Да и не могла бы этого сделать, потому что стихия, в которой лежат корни ее творчества, – музыка. [117] Музыка же не лжет и лжи не прощает.

Марина Цветаева услышала какой-то исконный русский звук, пусть в цыганском напеве. Не потому ли цыганская песня была всегда так мила нам, что отвечает она чему-то древнему, степному, неистребимому в нас. И «Московская боярыня Марина» [118] сумела отдать стихии этого звука. Так прекрасна ее песня о цыганской свадьбе:

Полон стакан,
Пуст стакан,
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан,
Князем цыган!
Цыганом – князь!
Эй, господин, берегись. Жжет!
Это цыганская свадьба пьет! [119]
Или:

...Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре
Помните жаркое ржанье и степь в серебре?

Синий дымок на горе,

И о цыганском царе

Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей

Мы вам дарили прекрасных, – как ночь, сыновей,

Нищих – как ночь – сыновей,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И рокотал соловей
Славу. [120]

В диком странствии, в серебряной степи рождается песня, и под эту песню
рождаются новые странники, нищие и прекрасные сыновья, и так бесконечна песня и
род, род и песня, пока ветер, пока степь, пока жарко ржут кони. Такую жизнь
заповедал Бог, пусть друзья не манят.

Поэт принял это вольное песенное странничество как правду, потому что «Дух – мой
сподвижник, и Дух мой – вожатый».

Если Ахматова подвела итог целому периоду женского творчества, если она
закрепила все мельчайшие детали быта русской женщины, то Марина Цветаева сделала
сдвиг – ветром прошумела в тихой комнате, отпраздновала буйную степную волю, –
не ту ли, что несла и нам Революция в самой глубине своей, и усмотрела эту
«цыганскую», «райскую» волю, сама приняв на себя добровольно новый огромный долг
– уже не индивидуальный – долг мирского служения.

А. Свентицкий

Рец.: Марина Цветаева. Версты: Стихи

М.: Костры, 1921{28}

Очень слабый сборник, и потому посвящение «Анне Ахматовой» звучит оскорбительно.
На первой странице –

Мировое началось во мгле кочевье;
Это бродят по ночной земле – деревья,
Это бродят золотым вином – грозди
(гроздь?),
Это странствуют из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – вспять!
И мне хочется к тебе на грудь – спать.
Трудно понять, в чем тут дело. Стихи определенно плохие, а последняя строка
почему-то вдруг напомнила из блоковских «12-ти» –

На время десять, на ночь двадцать пять.
И меньше ни с кого не брать.
Пойдем спать.
Дальше – еще хуже...

...Где-то далече,
Как в забыти,
Нежные речи
Райской змеи... [121]
...Чтоб ослеп-оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох... [122]
– «Кабы – сдох!» невольно хочется закончить, именем анекдотической собаки, это
трогательное пожелание.

Вот еще образец:

И сказал Господь:

– Молодая плоть,

Встань!

И вздохнула плоть:

– Не мешай, Господь,

Спать.

Хочет только мира

Дочь Иaira. –

И сказал Господь:

– Спи.

С первой строки до последней, весь сборник – образец редкого поэтического
убожества и безвкусицы. [123]

Д. Святополк-Мирский

Современное состояние русской поэзии

Марина Цветаева{29}

Всей этой Красной Москве противостоит одно имя – Марины Цветаевой. Марина
Цветаева – старшего поколения: ей больше тридцати лет, и ее стихи печатаются с

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 1911 года. [124] Она – не продукт революции. Она недостаточно оценена и малоизвестна широкой публике. Между тем, она одна из самых пленительных и Прекрасных личностей в современной нашей поэзии. Москвичка с головы до ног. Московская непосредственность, Московская сердечность, Московская (сказать ли?) распушенность в каждом движении ее стиха. Но это другая Москва – Москва дооктябрьская, студенческая, Арбатская. Поэзия ее похожа на поэзию петербуржанок Ахматовой и Радловой [125] так же мало, пожалуй, как на поэзию «кафейных» поэтов. Это поэзия «душевная», очень своевольная, капризная, бытовая и страшно живучая. Цветаеву очень трудно втиснуть в цепь поэтической традиции – она возникает не из предшествовавших ей поэтов, а как-то прямо из-под Арбатской мостовой. Анархичность ее искусства выражается и в чрезвычайной свободе и разнообразии форм и приемов, и в глубоком равнодушии к канону и вкусу – она умеет писать так плохо, как, кажется, никто не писал; но, когда она удачлива, она создает вещи невыразимой прелести, легкости невероятной, почти прозрачной, как дым папиросы («и лоб в апофеозе папиросы» [126]), и часто с веселым вызовом и озорством. Этот вызов и это озорство иногда чисто формальны. Одно из самых лучших (и последних) ее стихотворений из цикла, где она говорит о радостях ученичества, начинается:

По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – рдяным и рваным.
И так три строфы, где меняются все эпитеты, и только сапожок остается тем же. А кончается:

Сапожком – робким и кротким –
За плащом – лгушим и лгушим... [127]
Такие стихи пьешь, как шампанское.

И. Эренбург

Марина Ивановна Цветаева {30}

Горделивая поступь, высокий лоб, короткие, стриженные в скобку волосы, может, разудалый паренек, может, только барышня-недотрога? Читая стихи, напевает, последнее слово строки кончая скороговоркой. Хорошо поет паренек, буйные песни любит он – о Калужской, о Стеньке Разине, о разгуле родном. [128] Барышня же предпочитает графиню де Ноай и знамена Вандеи.

В одном стихотворении Марина Цветаева говорит о двух своих бабках – о простой, родной, кормящей сынков бурсаков, и о другой – о польской панне, белоручке. [129] Две крови. Одна Марина. Только и делала она, что пела Стеньку-разбойника, а увидев в марте семнадцатого солдатиков, закрыла ставни и заплакала: «ох, ты моя барская, моя царская тоска!» [130] Идеи, кажется, пришли от панны: это трогательное романтическое староверство, гербы, величества, искренняя поза Андре Шенье, во что бы то ни стало.

Зато от бабки родной – душа, не слова, а голос. Сколько буйства, разгула, бесшабашности вложено в соболезнования о гибели «державы»!

Я давно разучился интересоваться тем, что именно говорят люди, меня увлекает лишь то, как они это скучное «что» произносят. Слушая стихи Цветаевой, я различаю песни вольницы понизовой, а не окрик блюстительницы гармонии. Эти исступленные возгласы скорей дойдут до сумасшедших полуночников парижских клубов, нежели до брюзжащих маркизов Кобленцкого маринада. [131]

Гораздо легче понять Цветаеву, забыв о злободневном и всматриваясь в ее неуступчивый лоб, вслушиваясь в дерзкий гордый голос. Где-то признается она, что любит смеяться, когда смеяться нельзя. [132] Это «нельзя», запрет, канон, барьер являются живыми токами поэзии своеволия.

Вступив впервые в чинный сонм российских пиитов, или точнее, в члены почтенного «общества свободной эстетики», [133] она сразу разглядела, чего нельзя было делать – посягать на непогрешимость Валерия Брюсова, и тотчас же посягнула, ничуть не хуже, чем некогда Артур Рембо на возмущенных парнасцев. [134] Я убежден, что ей, по существу, не важно, против чего буйствовать, как Везувию, который с одинаковым удовольствием готов поглотить вотчину феодала и образцовую коммуны. Сейчас гербы под запретом, и она их прославляет с мятежным пафосом, с дерзостью, достойной всех великих еретиков, мечтателей, бунтарей.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но есть в стихах Цветаевой, кроме вызова, кроме удали, непобедимая нежность и любовь. Не к человеку, не к Богу идут они, а к черной, душевой от весенних паров, земле, к темной России. Мать не выбирают, и от нее не отказываются, как от неудобной квартиры. Марина Цветаева знает это и даже на дыбе не предаст своей родной земли.

Обыкновенно Россию мы мыслим либо в схиме, либо с ножом в голенище. Православие или «ни в Бога, ни в черта». Цветаева – язычница светлая и сладостная. Но она не эллинг, а самая подлинная русская, лобызаящая не камни Эпира, но смуглую грудь Москвы. [135] Даром ее крестили, даром учили. Жаркая плоть дышит под византийской ризой. Постами и поклонами не вытравили из древнего нутра неумного смеха. Русь двоеверка, беглая расстрига с купальными игрищами заговорила в этой барышне, которая все еще умиляется перед хорошими манерами бальзамированного жантильома.

Впрочем, все это забудется – и кровавая схватка веков, и ярость сдиравших погоны, и благоговение на эти золотые лоскуты молившихся. Прекрасные стихи Марины Цветаевой останутся, как останутся жадность к жизни, воля к распаду, борьба одного против всех и любовь, возвеличенная близостью подходящей к воротам смерти.

И. Эренбург

Рец.: Марина Цветаева. Разлука: Стихи
М.-Берлин: Геликон, 1922;
Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922
(Вместо рецензии){31}
Дорогая Марина Ивановна!

Разными путями шли мои письма к Вам: по почте заказными и с добрыми дядями на честное слово, через дипломатов, курьеров и швейцаров. [136]

Это письмо особенное, о Ваших книгах, и дойдет до Вас неустанными трудами нашего книжника – проф. Яценко. [137]

Ваши книги были для меня не только радостью, нежной вестью, но и острой чернью солнечных часов. Коротка и крепка тень чертежника. Наши первые книжки – ровесники. [138] Вы, верно, помните 1910 год, первое напечатанное имя и нас обоих, неуклюжих и топорщащихся, рядышком в ежемесячном улове маститого Валерия Яковлевича?

После этого Ваши напечатанные книги: «Версты», «Лебединый стан». [139] Ровный, тяжелый путь к перевалу. Мы шли рядом и, может быть, от этой близости, оттого что Ваш шаг стал для меня шумом ливней и боем сердца, я видел Ваше лицо, но не вглядывался в него. Двенадцать лет. Чужой город. Утробная, крепчайшая тоска излишней зрелости. Ваши книги. Я остановился и оглядел Вас. В Вашем высоком лбу, на крутых коротких строках, прочел прежде всего: час – полдень.

С этим не поздравляю. Это зной, духота, зенит. Дерзость, радость – раньше. Слава, тихость – после. Но не в этом ли часе высшее таинство проступающей в муках завязи. Не поздравляю, тихо скажу: Вы – Марина Цветаева.

Утром Вы любили пышность слова. Вас обольщали разные китежи старин и все золотые созвездия на фиолетовых сутанах Барбье д'Оревилльи. [140] Вы жили орнаментом. И я, бедный иудей, не раз жмурил глаза от такого света и лепоты. Ныне обольщенное слово у Вас ушло в его чрево – Вы пристрастились к наготы дикой Вселенной, древней молельне полуденного сердца,

Где на земле

Мой

Дом,

Мой – сон,

Мой – смех,

Мой – свет,

Узких подошв след. [141]

Это о слове. Это же о ритме, который стал суровым и прямым: короткими выдыхами. Вы знаете, что я в Вас никогда не видел «музейности», даже тогда, когда Вы озарялись «томных прабабушек славой». [142] Тем паче теперь. Не об архаизме, не о заимствовании, исключительно о благородной поэтической генеалогии думаю, говоря, что, прочитав «Разлуку», Вячеслав Иванович, [143] наверное, умилился добрым

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
отцовским умилением.

О другом? Но ведь я же сказал о нем. И не все ли равно, новый героизм родил эти тяжелые голые слова или они, как башенный бой, пробудили иные чувствования? Вы были своевольной – Вы стали мудрой. Мне даже кажется, что Вы больше не сможете писать о гербах или стягах.[144] Вы ведь знаете, что «эта резная прелестная чаша не более наша, чем воздух»...[145]

Я помню любовь – печаль, каприз, задор, сон, виньетку. Теперь – подвиг. Вы недаром так любите полубогов и героев. Вы героически ощущаете мир, без позы, в буднях, растапливая печку на чердаке в Борисоглебском.[146]

Как это по-русски и не русски звучит:

В орлином грохоте
О, клюв! О, кровь!
Ягненок крохотный
Повис – любовь.[147]

(Где вы – серое небо, галки – увидели эту кровь?) Ваша же книга ягненок!

О. Мандельштам
Литературная Москва
Отрывок{32}

... Для Москвы самый печальный знак – богородичное рукоделие Марины Цветаевой, перекликающейся с сомнительной торжественностью петербургской поэтессы Анны Радловой. Худшее в литературной Москве – это женская поэзия. Опыт последних лет доказал, что единственная женщина, вступившая в круг поэзии, на правах новой музыки, это русская наука о поэзии, вызванная к жизни Потемкиной[148] и Андреем Белым и окрепшая в формальной школе Эйхенбаума, Жирмунского и Шкловского.[149] На долю женщин в поэзии выпала огромная область пародии, в самом серьезном и формальном смысле этого слова. Женская поэзия является бессознательной пародией, как поэтических изобретений, так и воспоминаний. Большинство московских поэтесс ушиблены метафорой. Это бедные Изиды, обреченные на вечные поиски куда-то затерявшейся второй части поэтического сравнения, долженствующей вернуть поэтическому образу, Озирису, свое первоначальное единство.

Адалис[150] и Марина Цветаева пророчицы, сюда же и София Парнок. Пророчество как домашнее рукоделие.

В то время как приподнятость тона мужской поэзии, нестерпимая трескучая риторика, уступила место нормальному использованию голосовых средств, женская поэзия продолжает вибрировать на самых высоких нотах, оскорбляя слух, историческое, поэтическое чутье. Безвкусица и историческая фальшь стихов Марины Цветаевой о России – лженародных и лжемосковских – неизмеримо ниже стихов Адалис, чей голос подчас достигает мужской силы и правды. ...

С. Бобров
Рец.: Марина Цветаева. Конец Казановы
М.: Созвездие, 192{33}

Странная и поучительная история поэтессы Марины Цветаевой. Несомненно очень одаренный автор, показавший это еще своей почти детской книгой «Вечерний альбом», далее все время спускался по наклонной плоскости в невероятную ахматовщину и дикий душевный нигилизм.[151] Любовь к мелочам обернулась однажды к Цветаевой своей трагической стороной: автор обнаружил, что он, кроме мелочей, вообще ничего в мире не видит. Детский восторг перегорел, остался пепел. Но теперь потихоньку это собирается в нечто более упористое и серьезное. И эти обе книжки разодраны в достаточной мере, но в них уже говорится кое-что и по-новому. В «Казанове» невозможна вся проза, ремарки и предисловие. Ужасные претензии, отвратительнейший писарской романтизм из приключений «Герцогини Розы, великосветской убийцы», [152] первый выпуск бесплатно, остальные по пятаку. Вот каков Казанова по Цветаевой: «Окраска мулата, движения тигра, самосознание льва». Как автор не замечает, что в этом зверинце не хватает только трех китов, на коих покоится вселенная, после чего все и обратится в самое зауряднейшее замоскворечье.

М. Слоним
Рец.: Марина Цветаева
Разлука: Стихи. М.-Берлин: Геликон, 1922{34}

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Эта маленькая книжка не только «разлука», но и уход, и отказ. Уход от прежней Марины Цветаевой.

Трудно сказать, окончательно ли избрала она этот новый путь – или после ухода будет возврат, – но сейчас по-новому зазвучали ее стихи.

Далеко ушла она от первых своих воскрешений прошлого теней прабабки, от любовной четкой лирики, от нежности материнства, от задорной жажды жизни.

Все брошено в ночь – точно бой часов: дом и сон, крепость и кротость.[153] Путь жизни лежит через героическое преодоление.

Символическая поэма «На Красном Коне», близкая творениям Вячеслава Иванова,[154] изображает всю жизнь точно стремительный скак огненного коня, точно жертвенный отказ от радости во имя победы духа пламенного.

И настезь, и настезь

Руки – Две.

И навзничь! – Топчи, конный!

Чтоб дух мой, из ребер взыграв – к Тебе,

Не смертной женой –

Рожденный!

Все горит, все рушится (не о революции ли говорит Марина Цветаева):

Вой пламени, стекольный лязг...

У каждого заместо глаз –

Два зарева! – Полет перин!

Горим! Горим! Горим!

И в огне пожара погибает кукла – игра мечтаний, легкая забава девичества; в бурном потоке тонет любовь, в высях орлиных круч, куда стремится таинственный всадник – требующий отречения и жертвы ради победной лазури, – исчезает дитя. Девочка остается без куклы, девушка – без друга, женщина – без чрева.

И в шуме борьбы раздается:

И шепот: такой я тебя желал!

И рокот: такой я тебя избрал, –

Дитя моей страсти – сестра – брат –

Невеста во льду – лат!

Моя и ничья – до конца лет.

Я, руки воздев: Свет!

– Пребудешь? Не будешь ничья, – нет?

Я, рану зажав: Нет.

Не Муза, не Муза, – не бранные узы

Родства – не твои путы,

О Дружба! – Не женской рукой, – литой

Затянут на мне

Узел.

В этом и есть разлука: разлука с дружбой, с любовью, с самой жизнью ради крещенья Духом Святым, ради «невесомых крыльев за плечами», ради освобождения от пут земных.

Стихи Цветаевой – трудные и туманные.

Еще и прежде любила она короткие, отрывистые ритмы, стихи, похожие на удары, пренебрегавшие грамматической правильностью. Эти приемы получили необычайное обострение в свободном рифмованном стихе «Разлуки». Фразы – точно отрублены, а нередко и обрублены – без конца, без сказуемого. Часто опущение глагола, нарочитое укорочение фразы, стремление к поэтической телеграфичности. Вся поэма – «На Красном Коне» – чередование восклицаний, отдельных слов, коротких предложений.

В некоторых местах поэмы и в отдельных стихотворениях достигнута выпуклая сжатость и выразительность, но все же чувствуется неровность, порой переходящая в символическую и трудно расшифровываемую алгебраичность.

Останется ли Марина Цветаева в кругу нового, избранного ею «героического идеализма», пронизанного символикой и боязнью «незримых тысячеоких и древних

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
богов», [155] – или же от мистического сознания своей предназначенности и чувства Рока вернется к прежней жадности бытия и впечатлений. «Разлука» отмечает своеобразный момент в творчестве одной из лучших русских поэтесс и является примечательным литературным явлением.

Л. Львов

Рец.: Марина Цветаева

Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 192{35}

Эти стихи частью написаны еще задолго до смерти Блока, частью тотчас после его кончины. В первой части стихи 1916, во второй – 1921 года. Вся эта маленькая книжка проникнута поклонением перед поэтом, но в стихах не чувствуется глубины переживаний и в стихах о смерти Блока больше холода и искусственности, чем непосредственного чувства глубокой утраты. Много изощрений в технике стиха. В своих исканиях Марина Цветаева не хочет банальностей и стремится к своему собственному, никем еще не сказанному.

Вот лучшие строки:

...Переломанное крыло.

Не расстрельщиками навyleт

Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.

Изуродованный ходил. [156]

П. Пильский

Рец.: Марина Цветаева

Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922{36}

Подзаголовные даты указывают, что стихи писались в период с 1916–1921 гг. Марина Цветаева обладает бесспорным поэтическим талантом.

В нем – искренность, настоящая женская сила, своеобразность, но есть неряшества, невыправленность, хаотичность, чувствуется спешность.

Недаром ей посвятил даже не критическую статью, а некое послание (во 2 номере «Новой русской книги») Г-н Эренбург. [157] У них есть общие черты!

Лучшее стихотворение в этой последней (очень тоненькой, но изящной) книжке – «Ты проходишь на Запад Солнца». Остальные – неровны. Попадают красивые строфы и строки, встречаются и обидные. Но общий тон – приятен. В самой надрывности звучат голоса сердца, женской боли, подлинной любви, теплых воспоминаний, какой-то нетерпеливости, даже растерянности, как всегда бывает в минуты больших несчастий.

Марине Цветаевой погибший поэт был дорог и близок ее душе:

И, под медленным снегом стоя,

Опустишь на колени в снег,

И во имя твое святое

Поцелую вечерний снег, –

Там, где поступью величавой

Ты прошел в гробовой тиши,

Свете тихий – святая славы –

Вседержатель моей души. [158]

Это написано в 1916 году.

Через 4 года певцу Прекрасной Дамы посвящены такие строки:

Так, узником с собой наедине,

(Или ребенок говорит во сне?)

Предстало нам – всей площади широкой! –

Святое сердце Александра Блока. [159]

Последние стихи говорят уже о вечной утрате, молятся погибшему, возвращают последнюю славу ушедшему.

О. Воинов

Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку

Берлин: Огоньки, 1922{37}

Зверю – берлога,

Страннику – дорога,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мертвому – дроги.
Каждому – свое.
Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне – славить
Имя твое.

Беленькая книжечка (в 47 маленьких страниц) поистине славословие Александру Блоку. Стихи Цветаевой оставляют незабываемое впечатление. Перед глазами читателя встает удивительно нежный, цельный образ женщины, раскрывшейся в своем чувстве к Блоку – «рыцарю без укоризны», «снежному лебедю», «солнцу светоносному», [160] как она его называет. Совершенно особая, чисто женская ритмика Цветаевой в этой книге звучит как-то особенно нежно и молитвенно. Кроме того, что эта книжечка – живой человеческий документ, она особенно должна быть нам дорога потому, что в ней мы находим удивительно простой и ясный облик самого Блока. Нам, склоненным над могилой отшедшего и старающимся разглядеть его подлинное лицо, – эта свечечка на его могилу даст возможность приглядеться к чертам таинственного, дорогого лика. И разве не следует нам глубже вслушаться в слова?

Вещи вьюги кружили вдоль жил,
Плечи сутулые гнулись от крыл
В певчую прорезь, в запекшийся пыл –
Лебедем душу свою упустил! [161]
Или:

Вот он – гляди – уставший от чужбин,
Вождь без дружин.
Вот – горстью пьет из горней быстрины,
Князь без страны.
Там все ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и Мать.
Красну твое наследие, – владей,
Друг без друзей!
Поистине мы должны благодарить женщину, отдавшую и «плащ, и посох свой»,
«пришедшую восславить дитяtko, как древле – пастухи» [162] к иконе Божьей Матери.

П. Антокольский

Рец.: Марина Цветаева. Разлука: Книга стихов
М.-Берлин: Геликон, 1922{38}

Марина Цветаева – поэт суровый и жестокий. Брови ее сдвинуты, взор затуманен. Раскрываешь ее книгу: как тесно, как жестко! Но не оторвешься – прочтешь еще и еще раз, и за недосказанными строками – словами – сквозь стиснутые зубы – начинает чудиться то синий, то багровый свет пожара ее души.

И настезь, и настезь
Руки – две.
И навзничь! – Топчи, конный!
Чтоб дух мой, из ребер взыграв – к Тебе, –
Но смертной женой –
Рожденный. [163]

Это – почти загадка. В шести строчках опущены три глагола. Строки нужно прочесть трижды, чтобы понять, что в этой скупой, колючей формуле – вся Марина Цветаева, что это – лишь упавшие на землю угольки ее пожара. Далее – поэма «На Красном Коне», такая же скупая, трудная и вдохновенная, – песня закованного в тяжкую, мучимую плоть Духа о вечной свободе.

Сей страшен союз. – В черноте рва
Лежу, – а Восход светел.
О кто невесомых моих два
Крыла за плечом –
Взвесил.
Немой соглядатай
живых бурь –
Лежу – и слежу
Тени.
Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне –

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мой Гений!

Марина Цветаева кровью и духом связана с нашими днями. Она жила на студеном чердаке с маленькой дочерью, топила печь книгами, воистину, как в песне «сухую корочкой питалась» [164] и с высоты чердака следила страшный и тяжкий путь Революции. Она осталась мужественна и сурова до конца, не обольстилась и не разочаровалась, она лишь прожила за эти годы – сто мудрых лет. И вот скупые строки – ее разжатые губы – говорят:

Башенный бой
Где-то в Кремле.
Где на земле,
Где –
Крепость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.
Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле –
Мой
Дом.
Мой – сон,
Мой – смех,
Мой – свет,
Узких подошв – след.

.....
И далее:

Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое, черное окно
Пустые руки.
Бросаю в полуночный бой
Часов, – домой
Хочу!

.....
Да, да, – она уже давно поняла:

Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная
Прелестная чаша –
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,
Повисшие в зорях..
Марина Цветаева поэт нашей эпохи (как принято теперь говорить). Она – честна, беспощадна к себе, сурова к словам. Ее не обольстить ни лютиками, ни хризантемами. Она поняла и слышит, что –

Все небо в грохоте
Орлиных крыл... [165]
Книга «Разлука» издана превосходно, как и все издания «Геликона». [166]

П. Потемкин
Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку
Берлин: Огоньки, 1922 {39}
Еще одна книга впечатлений, рожденных от впечатлений, зараженной другой поэзией, не своей, но ставшей своей.

И в этом «ставшей своей» вся суть, вся ценность книги. Восприятие чужого «я», забвение ради него своего «я», типично женская черта, женское преклонение, женская любовь, женская чуткость и женская интуиция.

Крест приятный и несомый до конца.

Зверю – берлога,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Страннику – дорога,
Мертвому – дроги.
Каждому – свое.
Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне – славить
Имя твое.

Стихи эти, написанные в 1916 году, стали пророческими. Сбылись и «мертвому – дроги» и «мне – славить имя твое».

Такую книгу, как эта, трудно критиковать. Она настолько лирична, настолько вся проникнута одним чувством, одним порывом любви, что никак не сообразить, хороши или плохи стихи.

Мне кажется, что поэзия подлинного чувства, подлинной жаркой веры не имеет законов стихосложения. Для нее все средства оправданы, все приемы дозволены, если она достигает цели.

Ужели же закономерен и одинаков рисунок пены кипящего чувства?

Книга Марины Цветаевой – лучшая из книг лирических стихотворений, посвященных чьей-либо «памяти». Она действительно сохранила от тления частицу А.Блока, пусть маленькую, пусть только по-женски, но разве вечно женственного не искал покойный?

Книга эта о последней дружбе, о последнем этапе рыцаря Блока, ищущего Прекрасной Дамы.

И важнее всего (хоть есть в книге приятное) стихи последние:

Последняя дружба
В последнем обвале.
Что нужды, что нужды –
Как здесь называли?
Над черной канавой,
Над битвой бурьянной,
Последнею славой
Встает – безымянной. [167]
Андрей Белый

Поэтесса-певица

«Разлука», стихотворения Марины Цветаевой {40}

Книгоиздательство «Геликон» выпустило небольшую книжечку стихов Марины Цветаевой. Она попала мне в руки; и не сразу сознал, в чем вся магия. Образы – бледные, строчки – эффектные, а эффекты – дешевые, столкновением ударений легко достижимы они:

Дум
Муй – сун,
Муй – смех [168]
и т. д.

Неправда ли, дешево?

Все читал, все читал: оторваться не мог.

В чем же сила?

В порывистом жесте, в порыве. Стихотворения «Разлуки» – порыв от разлуки. Порыв изумителен жестикуляционной пластичностью, переходящей в мелодику целого; и хорямб (-V V-) (великолепно владеет Марина Цветаева им) есть послушное выражение порыва: и как в 5-ой симфонии у Бетховена хорямбическими ударами бьется сердце, так здесь подымается хорямбический лейтмотив, ставший явственным мелодическим жестом, просящимся через различные ритмы. И забываешь все прочее: образы, пластику, ритм и лингвистику, чтобы пропеть как бы голосом поэтессы то именно, что почти в нотных знаках дала она нам. (Эти строчки читать невозможно – поются.)

Соединение непосредственной лирики с овладением культурой стиха – налицо; здесь

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru работа сознания подстигает небрежные выражения, строчки и строфы, которые держатся только мелодией целого, подчиняющего ритмическую артикуляцию, пренебрегающего всею пластикой образов за ненужностью их при пластичном ясном напеве; стихотворения Марины Цветаевой не прочитываемы без распева; ведь Пиндар, Софокл, не поэты-лингвисты, не риторы, а певцы-композиторы; слава Богу, поэзия наша от ритма и образа явно восходит к мелодии уже утраченной со времен трубадуров. Работа проф. Эйхенбаума, вышедшая недавно и посвященная именно проблеме мелодии и интонации, [169] – характерна для времени: он останавливается на мелодическом синтаксисе, подчиняющем прозаический синтаксис.

С синтаксисом обычно не одолеешь словосочетание поэтессы; а в пении оно яснее ясного.

Мелодический лейтмотив слышим в целом всех строф.

И три нудных спондея, –

Муй – сун,
Муй – смех,
Муй – дум, –

подготовлены тремя хориямбическими – V – строфами, в которых последняя строчка усилена в ионик VV- что создает великолепный трамплин: для полета спондеев; и без чего они бы – жалко плюхнулись.

Мелодические рисунки Марины Цветаевой высекаются в перегружении амфибрахия бакхией – V,V- с одной стороны, и пеонизации ямбов; умелая комбинация разноstopного амфибрахия, которого усечение так важны у нее, вдруг рождает (стр. 24), [170] например, паремический стих (V-V V V-V); иль рождает в системе строк ясно звучащую гликонову строчку (-V V-V - VV), которая как обертон (реально она не дана) подымается из предисловия к поэме «На Красном Коне».

И настезь, и настезь
Руки – две.
И навзничь. – Топчи, конный.
Чтобы дух мой, из ребер взыграв – к Тебе
Не смертной женой –
Рожденный!..

Мне говорили: легко так писать: «лежу и слежу тени» (столкновение ударений). Такое мнение – выражение рационализма, ошупывающего строку, выхваченную из системы; в пластической школе (у неоклассиков, акмеистов) вся сила – в другом: и задачи мелодики чужды сознанию неоклассиков, М.Цветаева издалика приготавливает, например, свой переход к хориямбу, пеонизируя ямб; и обратно: удивителен переход от хориямба к ямбу:

Кто это вдруг – взмахом плаща
В воздух меня – вскинул?
Кто это вдруг – красным всплеща
Полымем – в огонь синий?..
И переход – VVVV-V-VVVV-V-

Всплеск – и победоносный зов...
Далее ямб:

Из бездны. – Плавный вскок.
Что это не случайно, явствует из следующего: через страницу при подобном же переходе (стр. 30) подобное же строение строки:

Хрип – и громopodobный рев.
Переход от «V» совершается через пеоны «VVV» и «VVV» к «-VV-». Мелодия Марины Цветаевой явлена целым многообразием ритмов.

У нее есть и пластика образов («Вплоть до ноги упругой взлетает пенный клок»), и звуковая, гласящая фраза; так из «с» и «р», переходящего в «л», и из «б», переходящего в «м», строит она звукословие: стр-стлб-србр-сбр-рлм – в строчках:

Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю [171]

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и т. д.

Но не в лингвистике и не в пластике сила ее; если Блок есть ритмист, если пластик, по существу, Гумилев, если звучник есть Хлебников, то Марина Цветаева – композиторша и певица. Да, да, – где пластична мелодия, там обычная пластика – только помеха; мелодии же Марины Цветаевой неотвязны, настойчивы, властно сметают метафору, гармоническую инструментовку. Мелодию предпочитаю я живописи и инструменту; и потому – то хотелось бы слушать пение Марины Цветаевой лично (без нот, ей приложенных); и тем более, что мы можем приветствовать ее здесь в Берлине. [172]

В. Воронцовский
В Берлине птахи поют (1)
(Библиографическая заметка) {41}

1
Часто встречаем мы людей, бросающих книжку стихов новых поэтов на первой же странице. Обычно такой жест сопровождается безапелляционным:

– Ерунда!

Подобных людей много. Их миллионы. Они толпа. Но они – и общественное мнение. А это уже не все равно. Это страшно. Новые поэты – молодежь. И мнение миллионов – их крещение.

И кто знает, может быть, вследствие этих «мнений» не одна звенящая душа молодого поэта увяла? Не одна птаха умолкла?

А это уже на детях и внуках наших. Как кровь.

К счастью, молодая поэзия в целом – живет. Звенит. Поет. Радует усталый глаз порослью новаторства, новых всходов и неподдельной весны настроений и восприятий.

2
Передо мною – две маленьких изящных книжечки – «Стихи к Блоку» М.Цветаевой и «Опустошающая любовь» И.Эренбурга.

На Олимпе современности – фигуры небольшие.

М.Цветаева в маленькую книжечку собрала свой крик к Блоку. Женский крик. По-женскому и сильный и капризный. Главное, капризный.

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно-единственное движение губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту...
Так она о Блоке. О его имени. И разве не по-женски правдиво и тонко:

Имя твое – льдинка на языке...
Серебряный бубенец во рту?..
Это значит – холодный и звенящий. Как лед и серебро. Таков Блок в душе женской.
И не она ли, не женщина мечется любящая в этих строках:

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель замечает след...
И по имени я не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.
Разве это не женщина? Как она есть? Не аккорд любящей и боящейся быть любимой?
Любимая – это такое счастье!

И она это понимает (или чувствует), когда говорит:

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги,
Каждому – свое.
Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне – славить
Имя твое.

Да, только славить. Любящая должна только славить.

И это ее – М.Цветаевой, крик к Блоку – сила женской души, резкий взмах смычка скрипки в оркестре настроения. Нестройный и нужный. Нестройный по форме, нужный по содержанию.

К этому – дополнение:

Должно быть, за той рощей
Деревня где я жила,
Должно быть любовь проще
И легче, чем я ждала.

Нет, конечно не проще. Любовь – подвиг. Крест на твоих плечах, женщина.

Предстало нам, всей площади широкой,
Святое имя Александра Блока.

И неправда. Только тебе предстало оно, это святое сердце – и ты его схоронила. А мы... мы сожгли «льдинку на языке» палящим голодом и цингой.

Мы, как сама говоришь:

Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек...
Плачьте о мертвом ангеле.
З

Странно: мужчина и женщина об одном, М. Цветаева и И. Эренбург оба о любви.

Но какая разница!

Любовь М.Цветаевой (женщины) в любимом. Любя, она славит только любимого.
Эренбург же (мужчина) любя, славит только любовь.

Вы понимаете эту разницу?

У М.Цветаевой умер любимый – и ей некого славить (разве только память его), у Эренбурга любовь никогда не умрет. Она у него не в человеке, а сама в себе.

Чем бы стала ты, моя земля,
Без опустошающей любви?[173]

В страхе спрашивает он – и не дает ответа. Ни себе. Ни другим. Даже отвечать страшно.

Да и зачем? Ведь

Когда в веках скудеет звук свирельный,
Любовь встает на огненном пути...
И человеку некуда уйти.
И

Здесь, в глухой Калуге, в Туле, иль Тамбове,
На пустой обезображенной земле
Вычерчено торжествующей любовью
Новое земное бытие.[174]

Еще подробность: для М.Цветаевой – любовь это:

Святое сердце Александра Блока.

Только Блока. У Эренбурга же любовь не связывается не только с личностью, но и с местом. Он даже города не укажет. А может быть, и страны не знает. По его ведь

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Любовь встает на огненном пути.

А пути везде. Значит, и любовь везде.

Ясно и... пожалуй, не ново.

И по путям (везде!) ходит Эренбург.

С одним желаньем:

Привить свою любовь. [175]

И, видимо, прививает, потому что сейчас же добавляет:

Кто испытал любовный груз,
Поймет, что значит в полдень летний
Почти подвижнический груз
Тяжелой снизившейся ветви. [176]
И еще:

В зените бытия любовь изнемогает.

Какой угрюмый зной. И тяжело, тяжело мне...

Это уже не «груз», а «перегруз». Но такова любовь. Молодая. Без меры. Без краю.

4

Новое? Нет. Конечно, не новое. Книжки, которые пройдут бесследно. Лето выжжет эту молодую весеннюю поросль. Без остатка. И что делать? Каждый дает по силам своим, каждая птаха поет по силе разумения. И было бы неумно запрещать петь малиновкам только потому, что есть соловьи.

Пойте птахи!

Пойте, вас слушает жизнь.

Ю. Братов

В Берлине птахи поют (2){42}

Когда «писать стихи» было трудно – мало людей их писало. Теперь стихи пишут все, кому не лень.

Богатство нашего языка дает эту возможность излагать мысль рифмованными строчками, включая их в известный размер.

Но ведь это совершенно не значит, что каждый пишущий стихи поэт и что каждый поэт пишет стихи.

Две книжки стихов передо мной: Марина Цветаева, поющая необыкновенную любовь к А.Блоку не к человеку, а к поэту.

Ритм, размер, напевность и рифмы стиха дышат не земной любовью и читаются, как псалмы Давида, как музыкальнейшая поэзия «Песнь Песней».

О любви же, но земной и человеческой «поет» Илья Эренбург.

Конечно, могут найтись люди, которые и в Илье Эренбурге увидят поэта. ...

И. Шендриков

По поводу двух рецензий{43}

«Красота в глазах смотрящего», говорили греки и теперь вполне основательно говорят, что о вкусах не спорят.

Если г-ну Воронцовскому Илья Эренбург представляется поэтом дерзающим, то для г-на Братова он – вовсе не поэт.

Ни тот ни другой не дают обоснования своих приговоров. Между тем единственно правильным мерилom оценки поэта, художника является прямой ответ на простой вопрос, передает ли художник и поэт другим то, что он переживает сам, и заражает ли других своим настроением, вложенным в его произведение.

С этой точки зрения Марина Цветаева трогает своей искренностью, своей тоской, замкнутой в маленьком кругу индивидуальных, почти личных, переживаний.

Что касается Ильи Эренбурга, то у него, что называется, ни кожи, ни рожи: стихи его не блещут ни изяществом и новизной формы, ни глубиной вложенных в них переживаний.

Г-н Эренбург просто-напросто мудрит...

Конечно, и г-жа Цветаева и г-н Эренбург – фигуры калибра небольшого на поэтическом Парнасе, но вот что примечательно.

Мы, русские, пережили и переживаем страшные годы.

Пронеслась война, прошумел революционный ураган, мы накануне полного порабощения иноземцами, а наши писатели и поэты занимаются любовной галиматьей «земного и неземного свойства».

С такого рода поэтов и писателей, как с гуся вода!

Столько потрясающих драм, комедий и трагикомедий творится «в этом лучшем из миров» и кому-кому, а русским поэтам, писателям, художникам, композиторам и стыдно и грешно заниматься пережевыванием ничтожных чувствешек и извлекать из недр своей самовлюбленности дешевые перлы плоских переживаний.

Разве не характерно, что мы до сих пор не видим даже попытки художественного претворения пережитой и переживаемой трагедии нашей страны!

Но мы верим, что найдется такой русский гений, который воспроизведет в незабываемых образах наши страдания и муки, наши надежды и Любовь к тому, что называется Наша Родина, Наша Страна – Россия!

Д. Гр-в

Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку

Берлин: Огоньки, 1922{44}

Как приятно отдохнуть от бесконечного политиканства, развернув этот маленький сборник стихов прекраснейшей русской женщины и поэтессы. Имя Марины Цветаевой еще недостаточно популярно среди широкой публики и немудрено: слишком красочно, своеобразно и возвышено ее творчество, чтобы стать достоянием многих.

Поэзия М.Цветаевой не имеет подражателей. Необыкновенная искренность, мягкость и задушевность делают ее единственной в своем роде.

А язык? Чистый, как родниковая вода, яркий, ослепительный, пестрый, как древние росписи кремлевских церквей, и затуманенный дымкой извечной русской печали.

«Стихи к Блоку» как и «Стихи о Москве» горят самоцветными камнями в кошнице нашей литературы.

Надо быть русским, чтобы понять и прочувствовать все красоты этой поэзии.

Десять стихов. И в них вся душа раскрывается, как сказочный цветок навстречу любви – тихой и печальной, как отблеск потухающей зари на золотых маковках московских соборов.

Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души. [177]

Любовь и Смерть – две прекрасные сестры – чистые и холодные, как Христовы невесты, проходят об руку через всю поэзию Цветаевой, этот зачарованный сад, и не враждебны они друг другу.

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий святая славы
Вседержитель моей души!

Среди «Стихов к Блоку» есть датированные 1916 годом, есть написанные после смерти поэта, но и те и другие овеяны одним настроением. Смерть поэта не вызывает горячих восклицаний и метущихся слов – ведь любовь сильнее ее. Смерть

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru только:

Вольный сон
Колокольный звон,
Зори ранние
На Ваганькове. [178]
(«Стихи о Москве» М.Цветаевой)

А как сильна и понятна символика Цветаевой: образы выпуклые и яркие разом создают картину:

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке.
Одно-единственное движение губ.
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец – во рту.
Творчество Цветаевой овеяно глубокой религиозностью – религиозностью чисто православной, русской, пронизавшей всю жизнь и играющей в ее стихах как желтый огонек восковой свечи на окладе византийской иконы.

Русская душа – вот в чем кроется тихая прелесть стихов Цветаевой.

И опять возвращаемся к проклятой «политике», и больно становится, как подумаешь, что на смену этой русской душе идет другая – складная, потаскавшаяся по мостовым разных «центров» и впитавшая всю пошлость модного материализма.

Прильнем же запекшимися губами к чистому роднику, что бьет из-под мшистого камня! Отдохнем от «губисполкомов» и «пленумов», послушаем пышную медлительную московскую речь. Слушайте:

Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари. [179]

В. Брюсов

Рец.: Марина Цветаева

Версты: Стихи. М.: Костры, 1921

Отрывки{45}

Поток стихотворных сборников не убывает. Розовые, белые, серые, зеленые, голубые и иные книжки, с размеренными строчками внутри, продолжают рассыпаться по прилавкам книжных лавок. Покупаются ли эти сборнички? – не сумею ответить; но если кто-нибудь систематически их собирал и читал, вряд ли он не пожалел о затраченных деньгах и потерянном времени. По крайней мере, из тех двух десятков новых книжек со стихами, которые разными путями собрались у меня на столе, большая часть определенно принадлежит к одному жанру: скучному.

Скучны эти стихи прежде всего потому, что все они напоминают великое множество других стихов, читанных и десять, и двадцать, и тридцать лет тому назад. Не то только, что в этих стихах те же темы, которые давно стали даже не традиционными, а шаблонами, те же самые слова, которые, вот уже полстолетия, составляют тощий словарь «средних» стихотворцев, те же размеры и рифмы у одного автора, как у другого, и т. д., – но особенно то, что и самый подход к изображению своего чувства, своей мысли безнадежно схож с приемами всем знакомых поэтов: словно есть какие-то рельсы, пять-шесть твердо проложенных путей, свернуть с которых новые «певцы» никак не в силах и на которые фатально попадает их речь, как только они начинают слагать стихи....

К жанру «скучных» произведений несправедливо было бы отнести новую книгу стихов Марины Цветаевой. Ее стихи скорее – интересны, но они как бы запоздали родиться на свет лет на 10 (впрочем, большая часть их помечена 1917 и 1918 гг.). Десятилетие назад они естественно входили бы в основное русло, каким текла тогда наша поэзия. С тех пор многое из делаемого теперь М.Цветаевой уже сделано другими, главное же, время выдвинуло новые задачи, новые запросы, ей, по-видимому, совсем чуждые. А той художественной ценности, так сказать «абсолютной», которая стоит выше условий не только данного десятилетия, но и столетия, иногда даже тысячелетия, – стихи М.Цветаевой все же не достигают. Лучшее в ее книжке это – песни, немного в манере народных заклятий или ворожбы.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Женственный оттенок, приданный автором таким его стихотворениям, делает их оригинальными и рядом с подобными же стихами других символистов. Таковы, напр., строфы:

В лоб целовать – заботу стереть.
В лоб целую.
В глаза целовать – бессонницу снять.
В глаза целую...
и т. д. ...

С. Богдановский

Рец.: Марина Цветаева

Конец Казановы: Драматический этюд

М.: Созвездие, 1922{46}

В эстетическом движении современности наряду с основной нормой усиленного интереса к театру существует и другая, так сказать, меньшая норма, норма отрицания театра. Литература по «неприятю театра» обогатилась еще одним своеобразным номером: авторским предисловьем к драматическому этюду «Конец Казановы» Марины Цветаевой. В немногих красивых строках автор аргументирует: «театр (видеть глазами) мне всегда казался подспорьем для нищих духом, обеспечением для хитрецов породы фомы Неверного, верящих лишь в то, что видят, еще больше: в то, что осязают. – Некой азбукой для слепых. А сущность Поэта – верить на слово! Поэт, путем прирожденного невидения видимой жизни, дает жизнь невидимую (Бытие). Театр эту – наконец – увиденную жизнь (Бытие) снова превращает в жизнь видимую, то есть в быт... И то, что окончательно утверждает правоту... мою: в минуты глубокого потрясения – или возносишь, или опускаешь, или закрываешь глаза... Это не пьеса, это поэма – просто любовь: тысяча первое объяснение в любви Казанове. Это так же театр, как я – актриса. Знающий меня – улыбнется». Не имея чести быть лично знакомым с автором, мы тем не менее также полагаем, что это не театр и не пьеса, хотя, конечно, может быть материалом для театральной постановки. Отсутствие действия мешает нам признать это пьесой; это всегда лишь диалог в стихах.

В наши годы Казанова привлекает к себе значительное внимание, и новое произведение Марины Цветаевой – дань памяти неутомимого любовника – можно сопоставить с новеллой П.П.Муратова[180] «Приключенье Казановы, пересказанное им самим» («Герои и героини»).

Сопоставим два словесных изображения Казановы, как мы их имеем в новелле Муратова и драматическом этюде Цветаевой. В качестве основы поэтического изображения мы можем, с некоторой натяжкой, принять цитированные выше слова Цветаевой: «Поэт, путем прирожденного невидения видимой жизни, дает жизнь невидимую»; иначе: поэт перерабатывает некоторый непоэтический материал в поэтический. В данном случае: существует определенное, общепринятое, историческое или псевдоисторическое представление о Казанове; поэт «путем прирожденного невидения» (мы предпочли бы: искажения. – Б.) перерабатывает это представление в поэтическое изображение Казановы. Следовательно, мы оперируем с тремя Казановами: 1) традиционный (исторический), 2) в новелле Муратова и 3) в драматическом этюде Цветаевой. Традиционное представление о неутомимом любовнике в общем расплывчато, смутно и сливается с условным фоном галантного века. Поэтическая задача Муратова и Цветаевой состояла в искажении (или преображении) этого представления в поэтическое изображение. Муратовское изображение неожиданно (в неожиданности и есть поэтическая суть) оказалось во фламандском вкусе: этот Казанова, вставший с постели и длительно и громко зевающий львиным рыканьем мужчина в короткой рубахе выше колен, открывающей мускулистые волосатые ноги, с головой, подвязанной цветным платком, концы которого торчат во все стороны, и пр. и пр. Совсем другое изображение Казановы у Марины Цветаевой: ее «видение невидимого» выразилось лишь в том, что ее Казанова семидесятилетний дряхлый старик; в остальном же она мало отступила от традиционного представления Казановы на условном фоне 18-го века: грациозный и грозный, царственный, движения тигра, самосознание льва, «весь – формула 18-го века». Этюд Марины Цветаевой изображает, очевидно, последнее приключение Казановы, приключение с пылающей к нему страстью 13-летней девочки. Диалог чрезвычайно жив; стих на протяжении всей сцены необычайно энергичен, динамичен и нервен, и вполне обнаруживает отличительное качество Марины Цветаевой – ее несравненный поэтический темперамент. Изначальный монолог написан парными четырехстопными ямбами, сменяющимися затем пятистопными; в конце есть и анапестические размеры; больше всего все же нам понравился четырехстопный ямб, необычайно нервный,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
изрезанный диалогическими интонациями и enjambements.

В таких чертах представляется нам драматический этюд Марины Цветаевой. По признаку театральности место его находится где-то на переходе от поэмы к словесному театру. ...

Р. Гуль

Рец.: Марина Цветаева

Версты: Стихи. М.: Костры, 1921{47}

Если лицо поэта (хотя бы второпях скользя по его стихам) узнается сразу, запоминается и не сдваивается с другим, – значит, поэт крепок и подлинен. Одним – Пушкин. Другим – Фет. Третьим – Маяковский. Все – в крепком ряду. Дело интимного выбора – дело созвучия.

Черты Марины Цветаевой за последнее время вычертились четко. Ее ни с кем не спутаешь. Часто ходит Цветаева в цыганский табор, в кулашную: кумачную Русь. Широта дыхания просит этих тем. В оранжерее – скучно, воздух прян и слишком много толпится поэтов.

А в степи – ветер!

Из-под копыт

Грязь летит.

Перед лицом

Шаль – как щит.

Без молодых

Гуляйте, сваты!

Эй, выноси,

Конь косматый!

.

Полон стакан,

Пуст стакан.

Гомон гитарный, луна и грязь.

Вправо и влево качнулся стан.

Князем – цыган!

Цыганом – князь!

Эй, господин, берегись, жжет!

Это цыганская свадьба пьет! [181]

Из таборной цыганщины в бешенность русской гармонике, плясок, песен!

Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,

Со всей каторгой гуляла – нипочем!

Алых губ своих отказом не тружу,

Прокаженный подойди – не откажу!

Хороша Марина Цветаева в буйности, в неистовстве. Силен голос. Много в голосе звуков. Много музыки. Даже думаешь: наверное, грустить не умеет. Нет – грустит.

Но тебе, ласковый мой, лохмотья,

Бывшие некогда нежной плотью.

Всё истрепала, изорвала, –

Только осталось – что два крыла.

Мужская ли резкость, покорная ли усталость звучат подлинно, единственно, у поэта с большим голосом – Марины Цветаевой.

Е. Шкляр

Рец.: Марина Цветаева

Царь-девица: Поэма-сказка. Пб. – Берлин: Эпоха, 1922{48}

У многих, даже весьма талантливых, писателей и поэтов есть один крупный недостаток, а именно: отсутствие чувства меры. Они не понимают, что то, что им, быть может, кажется еще недостаточно законченным и полным, среднего читателя утомит и заставит забыть прекрасные, высоко талантливые строки, разбросанные по книге. Примером, иллюстрирующим это положение, может служить новая книга Марины Цветаевой «Царь-девица». Она написана изумительным русским языком, чрезвычайно талантливо построена, с прекрасным ритмом, меняющимся в зависимости от повествования. Попадают строки прямо филигранной отделки, как, напр., описание поездки Царь-девицы с Царевичем по морю.

Позволю себе привести несколько строк из этой части:

Спи, копна моя льняная,
Одуванчик на стебле;
Будет грудь моя стальная
Колыбелечкой тебе.
Сна тебя я не лишаю,
Алмаз, яхонт мой.
Оттого, что я большая,
А ты махонькой.
Что шелка – щека,
Что шелка – рука:
Ни разочку, чай, в атаку
Не водил полка?
Спать тебе не помешаю,
Алмаз, яхонт мой.
Оттого, что я большая,
А ты махонькой.

Таких строк можно из «Царь-Девы» привести десятки, но на протяжении 100 страниц они бледнеют и теряются. Кроме того, поэмой в полном смысле этого слова ее назвать нельзя, а для сказки она опять-таки слишком длинна и написана слишком тяжелым языком.

Издана книга «Эпохой» прекрасно.

Ю. Айхенвальд
Литературные заметки
Отрывок{49}

... Хочется отметить красиво изданную «Эпохой», еще красивее написанную Мариной Цветаевой поэму-сказку «Царь-Девы». Талантливая поэтесса создала художественную игрушку в народном русском стиле, который, правда, не выдержан строго и до конца; намеренно не выдержан, так что местами сказка переходит в словесное барокко. Она полна неожиданностями и причудами, за ее развитием не всегда сразу уследишь, но юмору и фантазии автора отдаешься охотно, с улыбкой внимания и удовольствия, и хорошо чувствуешь себя в этой красочности, в этой даже пестроты, в этой пленяющей звонкости русского слова. Именно звонкость, звуковая яркость больше всего отличает поэму г-жи Цветаевой. Иной раз дрогнет не задумывающееся перо поэтессы, кое-где посетуешь на излишний натурализм подробностей, на бесспорные длинноты – а целое все-таки заворожит тебя своими чарами, дыханием национальной стихии, умчит по чистым волнам, по реке русской речи. Воистину, «там русский дух, там Русью пахнет». [182] И даже кончается сказка картиной гибели некоего царя, на которого пошла «Русь кулашная, калашная, кумашная», пошли те, кто «все царствуйце» его «разнес в труху» и в чьи уста вложено у автора такое самоопределение:

Ой, Боже, да кто ж вы?
– А мы – бездорожье,
Дубленая кожа,
Дрянцо, бессапожье,
Ощебья, отребья,
Бессолье, бесхлебье,
Рвань, ягоды волчьи,
Да так себе – сволочь! ...

Б. Гусман
Марина Цветаева{50}

Сдвинулись с места вековые пласты, весь мир вспенился и вскипел на жарком пламени войн и революций, «началось мировое кочевье», – говорит Марина Цветаева, – не сдвинулась, не вспенилась и не вскипела лишь душа ее, и в этом ее пафос.

Мировое началось во мгле кочевья:

Это бродят по ночной земле – деревья,
Это бродят золотым вином – грозди,
Это странствуют из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – вспять.

И мне хочется к тебе на грудь – спать.

Замкнуться в глухой и тесный круг лирических переживаний и – «спать». Так велит ей, верной «дочери Иаира», ее «Господь».

И сказал Господь:

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Молодая плоть,
Встань!
И вздохнула плоть:
– Не мешай, Господь,
Спать.
Хочет только мира
Дочь Иаира. –
И сказал Господь:
– Спи.

Вот почему «островитянкой с далеких островов»[183] чувствует себя в этом мире Марина Цветаева, вот почему старательно обходит она «чужие дома».

Мой путь не лежит мимо дому – твоего.
Мой путь не лежит мимо дому – ничьего.
Но нет такой силы, которая могла бы удержать человека на этой грани, в самом стремлении к такому равновесию таится суровое «возмездие». И это хорошо знает Марина Цветаева.

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется – возмездье
За то, что каждый раз,
Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

.
Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных –
Рифм только, а не уст.
В этом порыве от жизни к отражению ее в «строках» и «рифмах» таится роковое мертвящее начало.

Где мой конь дохнул – родник не бьет,
Где мой конь махнул – трава не растет.[184]
И как бы ни хотелось Марине Цветаевой пройти «мимо дому ничьего», как бы ни хотела она сбросить с себя «жернова», навешанные ей на шею на земле,[185] жизнь властно зовет ее на свои пути. С грустью говорит об этом Марина Цветаева:

А все же с пути сбиваюсь,
(Особо – весной!)
А все же по людям маюсь,
Как пес под луной.[186]
И будет «маяться», пока не сойдет со своего окольного пути, пока не нарушит тяжкий «сон» своей «молодой плоти».

Г. Иванов
Почтовый ящик
Отрывки{51}
XVI

Даже «Воспоминания»[187] Белого кажутся сдержанными и сухими после статьи Марины Цветаевой о Пастернаке. («Световой Ливень», Эпопея, № 3)2.

23 страницы этой «статьи» написаны в таком тоне восторженной истерики, что первое чувство при их чтении – острая неловкость и за автора этих панегириков и за предмет их – Пастернака.

«„Сестра моя Жизнь“! Первое мое движение, стерпев ее всю: от первого удара до последнего – руки настезь: так, чтобы все суставы хрустнули. Я попала под нее, как под ливень.

– Ливень: все небо на голову, отвесом: ливень впрямь, ливень вкось, – сквозь, сквозняк, спор световых лучей и дождевых, – ты ни при чем – раз уж попал – расти». Сквозь эту галиматью просвечивает нехитрая суть статьи: Марине Цветаевой чрезвычайно нравится Пастернак и стихи его и наружность (стр. 12). Сама она, впрочем, признается, что сокровища, о которых говорит (вернее выкликает) она – сокровища «недоказуемые».

Будто бы опомнившись на минуту, она пишет: «довольно захлебываний».

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И обещает выйти на «трезвую мель тезисов и цитат».

Но вот тезисы:

Пастернак и быт

Пастернак и день

Пастернак и дождь и дальше – Быт. Тяжелое слово. Почти как бык. Это и есть обещанная ясность. Благодарю покорно. Во всяком случае, досадно за блестяще талантливого, но все еще плутающего в «поисках» Пастернака. Человек слаб, а Пастернака и без того сверх меры захваливают главным образом за его бесконечные срывы и ошибки. [188]

ХИХ

В «Ремесле» Марины Цветаевой избран своеобразный метод творчества. Обычно поэт сдерживает себя изо всех сил, скупится на каждое слово, сокращает написанное, бракует стихи, собирая книгу. М.Цветаева поступила как раз наоборот. Она точно раскрыла плотину, и стихи хлынули широким потоком, в огромном количестве, как попало. 160 страниц стихов написаны в год или около того.

В поэзии всякий метод хорош, если удачен. Победителей не судят. М.Цветаева не оказалась победительницей, но ее не хочется, может быть, даже нельзя судить. Не хочется, потому что она настоящий поэт, если и не идущий, то стремящийся идти вперед. Нельзя, потому что ее Муза так близка к птичьему чириканью, что рекомендовать ей сдержанность то же самое, что зажимать рот поющему дрозду.

Стихи Цветаевой имеют тысячи недостатков – они многословны, развинчены, нередко бессмысленны, часто более близки к хлыстовским песням, чем к поэзии в общепринятом смысле.

Но и в самых неудачных ее стихах всегда остается качество, составляющее главную (и неподдельную) драгоценность ее Музы – ее интонации, ее очень русский и женский (бабий) говор.

Самая книга? Среди ее бесчисленных полустихов, полузаплачек и нашептываний есть много отличных строф. Законченных стихотворений – гораздо меньше. Но эти немногие – прекрасны (стр. 24, например [189]). Они будут хорошим вкладом в антологию «отстоявшейся Цветаевой», ядром которой по-прежнему остаются удивительные «стихи о Москве».

Н. Насимович

Рец.: Марина Цветаева

Царь-девица / Рис. Д.Митрохина. М.: Госиздат, 1922{52}

Целых 160 страниц стихов, т. е. свыше 3000 стихотворных строк, на протяжении которых рассказывается эта – неизвестно для кого написанная – поэма-сказка! Если для детей, то слишком на эротике построен сказочный сюжет (страсть мачехи к пасынку), и, слушая, вдобавок, под такую сказку, всякое дите успеет не один раз заснуть и проснуться. Если же для взрослых, то слишком все это по-детски примитивно и... тоже не в меру снотворно. Не очень помогает разрешению загадки и символический конец поэмы-сказки (что-то туманное о Царь-Кумаче и Красной Руси), явно «приделанный» к эротическому туловищу. Взятые сами по себе стихи Марины Цветаевой достаточно однотонны, со слабой, деревянной фразировкой. Лучшие места – имитация частушек. Книжка издана нарядно, в кудреватых, салонных завитках. В общем – не к случаю ли изданный подарок – для приличной буржуазной елки?

В. Брюсов

Рец.: Марина Цветаева

Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922

Отрывки{53}

Г

Рецензентов, оценивающих сборники стихов, часто упрекают в «голословности». К сожалению, избежать такого упрека трудно. Чтобы доказать свое мнение о книге новых стихов, надобно подробно разобрать несколько стихотворений, т. е. по поводу книжки, часто небольшой, написать чуть ли не большую статью; между тем рецензент обычно имеет в своем распоряжении всего небольшое число строк. Остается одно, чтобы читатели поверили, что эта работа – внимательный разбор отдельных стихотворений – произведена рецензентом, подписавшим свое имя, «дома»,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «за кулисами», и что он в отзыве собирает лишь свои окончательные выводы. Ручательством, что это было так, служит подпись автора и авторитет изданий, где рецензия напечатана. ...

Марина Цветаева написала целую книгу «стихов к Блоку». Что же, Блок был хороший поэт, и о нем есть что сказать, в прозе ли, в стихах ли. Да и дело не в том, к кому стихи, а что за стихи.

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке...
Так книга начинается. Но ведь так продолжать можно и до бесконечности.

Имя твое – поцелуй в глаза,
Имя твое – поцелуй в снег...
Это – не пародия, а из той же книги

Имя твое – пять букв,
Имя твое – ах, нельзя!
И это оттуда же. А далее следуют не более не менее, как молитвы – к Блоку. Это не преувеличение, не иносказание, нет. М.Цветаева именно молится на Блока и молится словами православных молитв:

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет...
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души...
Свете тихий, – святыя славы, –
Вседержитель моей души...
Или «подруге» Блока:

Благословенна ты в женах!
Благословенна...
Твой стан над спящим над птенцом –
Трепет и древо.
Радуйся, Дево!..
Благословенна ты в снегах,
Благословенна...
Чем заслужить тебе и чем воздать
Присноблаженная! Младенца Мать!..
Жизнедательница в час кончины!
Царств утвердительница! Матерь Сына. [190]
В том же тоне сообщается еще:

Было явно на лике его:
Царство мое не от мира сего. [191]

Шли от него лучи...

Думали, – человек!
И умереть заставили...
Плачьте о мертвом ангеле! [192]
После этого – характеристики Блока, как «нежного призрака», «рыцаря без укоризны» и т. п., кажутся уже слабыми. Где тут, если «ангел» и даже «бог».

В общем стихи М.Цветаевой не плохи, именно – как мастерская стилизация под тон православных молитв. Но эта стилизация, которую человек верующий признал бы кощунственной, а la longue надоедает. ...

С. Родов

«Оригинальная» поэзия Госиздата

Отрывки{54}

7. Грешница на исповеди у Госиздата

По разбойничьему нраву большое сродство с П.Соловьевой имеет Марина Цветаева. Правда, все стихи ее книги помечены 1916 годом и из «Верст» исключены те совсем недвусмысленные «политические» стихи, какие имелись в одноименном издании того же автора, выпущенном издательством «Костры». [193] Стихи Марины Цветаевой о

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мщении и революции придется, таким образом, поискать в эмигрантских изданиях,
которые, конечно, известны Госиздату. Однако и в госиздатовских «Верстах»
осталась кой-какая закваска.

М.Цветаева «ужасная» греховодница.

Кабы нас с тобой да судьба свела –
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох, мой родной, мой природный, мой безродный брат!
...Как последний сгас на мосту фонарь –
Я – кабацкая царица, ты – кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю,
Присягай его царице, – всех собой дарю!
Разбойная натура – натура широкая.

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня – святцы,
А восприемников за душой
Цельный, поди, монастырь мужской!
Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!
Вот уж поистине: когда черт стареется, он идет в монахи. Как известно, от греха
до покаяния совсем недалеко. Нагрешила и – в церковь.

Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком. [194]
Церковь приводит Цветаеву в такое же умиление, как Шенгели и Соловьеву. [195]

Канун благовещенья.
Собор Благовещенский
Прекрасно светится.
Над главным куполом,
Под самым месяцем,
Звезда – и вспомнился
Константинополь.
...Большими бусами
Горят фонарики
Вкруг Божьей Матери.
Золотым кустом,
Родословным древом
Никнет паникадило.
– Благословен плод чрева
Твоего, Дева,
Милая!
Ну и, конечно, молитва:

Богородица в небесах,
Вспомяни о моих прохожих! [196]
Култ богородицы и церкви стоит в центре книги М.Цветаевой. Среди «Стихов о
Москве» есть одно, которое мы с особым удовольствием предложили бы комсомолу
распевать под окнами Госиздата в качестве серенады:

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.
По церковке – все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.
И Спасские – с цветами – ворота,
Где шапка православного снята.
Часовню звездную – приют от зол –
Где вытертый от поцелуев – пол.
Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.
К Нечаянным Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.
Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,
И встанешь ты, исполнен дивных сил...
И не расскаешься, что ты меня любил.
Вся сила, оказывается, в колоколах.

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.
Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.
Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.
Пока они гремят из синева –
Неоспоримо первенство Москвы.
И целых сорок сороков церквей,
Смеются над гордынею царей!

8. Житие святой

Перед силой церкви, этой, по словам товарища Мещерякова, «последней опоры»
контрреволюционной интеллигенции, [197] преклоняется и Екатерина
Волчанецкая. [198] Разница между ней и Цветаевой только в том, что одна
предпочитает Москву, а другая

Исакий, строгий и таинственный,
Мистическая полумгла,
где

Где, у колонн, тебе, единственный,
Я в первый раз свечу зажгла. [199]
Кто же этот «единственный»?

Живую душу пеленой обвив,
Как дар Христу, я положила в ясли;
Над ней с улыбкой руку протянул,
Благословил и отдал на распятие. [200]
Такую нежную душу, благословенную самим Христом, не может удовлетворить старый
Бог. Когда

Господь сойдет на землю,
Мы скажем – тебя не нужно.
...Нам белизна непонятна,
Ангелов мы забыли,
Наша одежда – в пятнах
Крови, грязи и пыли.
Мы шли по разным дорогам,
В тебе не признав господина...
Что такое? Бунт? Отрицание Бога? Ничего подобного!

И в сердце избрали богом
Тобой осужденного сына. [201]
Не умер Данила – болячка задавила. Впрочем, есть и еще разница между Цветаевой и
Волчанецкой в их отношении к церкви. Первая хочет представить себя отчаянной
грешницей, вторая прикидывается святой.

Мы сегодня гостей встречали,
Белой скатертью стол накрыли,
И лазоревый челн причалил
На больших лебединых крыльях;
В нем сидели мать и ребенок,
В поблекших парчовых платьях,
Как будто с старинных иконок,
А с каких – не могла узнать я.
Я придвинула стул плетеный
И сказала...
«Мне у лебеда хватит места, –
Упроси, Пречистая, Сына, –
Я хочу быть его невестой,
Как святая Екатерина» ...
К. Мочульский

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Русские поэтессы

Марина Цветаева и Анна Ахматова{55}

Наверное в далеком будущем и для нашей эпохи отыщется изящный синтез. Притупятся противоречия, затушуются контрасты, пестрота сведется к единству, и из разноголосицы получится «согласный хор». Будущий ученый, очарованный гармонией, блестяще покажет «единый стиль» нашего времени. Но как жалко нашей нестройности, нашего живого разнообразия, даже нашей нелепости. И никакая «идея» не примирит нас с превращением в маски тех лиц, которые мы знали и любили.

Сложность и противоречивость – черты нашей эпохи – будем хранить их бережно. Нам ценно сейчас не общее, соединяющее наших поэтов в группы и школы, не элементы сходства – всегда внешние и бессодержательные. Частное, личное, ни на что не сводимое – разъединяющее, – вот что интересует нас.

Марина Цветаева – одна из самых способных фигур в современной поэзии. Можно не любить ее слишком громкого голоса, но его нельзя не слышать. Ее манеры, порой слишком развязны, ее выражения вульгарны, суетливость ее нередко утомительна, но другой она быть не хочет, да и незачем. Все это у нее – подлинное: и яркий румянец, и горячий, непокладистый нрав, и московский распев, и озорной смех.

А рядом – другой образ – другая женщина – поэт – Анна Ахматова. И обе они – столь непостижимо различные – современницы.

Пафос Цветаевой – Москва, золотые купола, колокольный звон, старина затейливая, резные коньки, переулки путанные, пышность, пестрота, нагроможденность, быт, и сказка, и песня вольная, и удаль, и богомольность, и Византия, и Золотая Орда.

У меня в Москве – купола горят,
У меня в Москве – колокола звенят,
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят и цари.

Вот склад народной песни с обычными для нее повторениями и параллелизмом. Напев с «раскачиванием» – задор молодецкий.

Ахматова – петербуржанка; ее любовь к родному городу просветлена воздушной скорбью. И влагает она ее в холодные, классические строки:

Но ни на что не променяю пышный
Гранитный город славы и беды. [202]

Цветаева всегда в движении; в ее ритмах – учащенное дыхание от быстрого бега. Она как будто рассказывает о чем-то второпях, запыхавшись и размахивая руками. Кончит – и умчится дальше. Она – непоседа. Ахматова говорит медленно, очень тихим голосом: полулежит неподвижна; зябкие руки прячет под свою «ложноклассическую» (по выражению Мандельштама) шаль. [203] Только в едва заметной интонации проскальзывает сдержанное чувство. Она – аристократична в своих усталых позах. Цветаева – вихрь, Ахматова – тишина. Лица первой не разглядишь – так оно подвижно, так разнообразна его мимика. У второй чистая линия застывшего профиля. Цветаева вся в действии – Ахматова в созерцании. Одна едва улыбается там, где другая грохочет смехом.

Лирика Ахматовой насквозь элегична – страдальческая любовь, «душная тоска», муки нелюбимой или разлюбленной, томление невесты по мертвому жениху; сон ее – четыре стены постылой комнаты; мучительный недуг, приковывающий к постели. За окном метель – и она одна в надвигающихся сумерках. Поэзия Цветаевой пышет здоровьем, налита молодой кровью, солнечна, чувственна.

В ней исступление, ликование, хмель.

Кровь, что воет волкум,
Кровь – свирепый дракон,
Кровь, что кровь с молоком
В кровь целует – силком! [204]

Первая – побежденная, покорная, стыдливая, вторая – «Царь-Деввица», мужественная, воинственная, жадная, и в любви своей настойчивая и властная. Цепки ее пальцы, крепки объятия: что схватит – не выпустит. Весь мир – ее; и все радости его перебирает она, как жемчужины на ладони – сладострастно и бережно. Мало ей и земель, и морей, и трав, и зорь. Все ищет, все бродит по степям да по «океану»: глаза зоркие, сердце ненасытное.

Ахматова восходит по ступеням посвящения: от любви земной к любви небесной. Истончилось лицо ее, как иконописный лик, а тело «брошено», преодолено, забыто. Прошлое лишь во снах тревожит, вся она в молитве, и живет в «белой столице», в «келье». [205] Цветаева – приросла к земле; припала к ней, могучей и теплой, и оторваться не может. Она – ликующая, цветущая плоть. Что ей до Вечности, когда земная жажда ее неутолима и неутолена.

Пью, не напьюсь. Вдох – и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул. [206]
Одна уже в царстве теней: другая еще не постигает возможности смерти.

Я вечности не приемлю:
Зачем меня погребли?
Я так не хотела в землю
С любимой моей земли! [207]
Она любит благолепие церкви, торжественность обряда, сладость молитвы. Она богомольна, но не религиозна.

Как различно выражается у Ахматовой и у Цветаевой любовь к России! Первая возвышается до истинного пафоса, становится мольщицей за несчастную «темную» родину. Она отрекается от всего личного, отгоняет от себя последние «тени песен и страстей», [208] для нее родина в духе, и она молится:

Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей. [209]
У другой – не скорбь души, а страшный вопль терзаемого тела. Что ей до того, что убитые станут «Божьего воинства новыми воинами» [210] – все они ее сыновья, ее плоть. Она загораживает их собой, как мать своих детей, и диким звериным голосом воет над их трупами.

Это причитание – быть может, самое сильное из всего, написанного Цветаевой.

И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
– Мама!
Все рядком лежат, –
Не развесть межой!
Поглядеть: солдат!
Где свой, где чужой?
· · · · ·
Без воли – без гнева –
Протяжно – упрямо –
До самого неба:
– Мама! [211]

Искусство Ахматовой – благородно и закончено. Ее стихи совершенны в своей простоте и тончайшем изяществе. Поэт одарен изумительным чувством меры и безукоризненным вкусом. Никаких скитаний и метаний, почти никаких заблуждений. Ахматова сразу выходит на широкий путь (уже в первом ее сборнике «Вечер» есть шедевры) и идет по нему с уверенной непринужденностью. Цветаева, напротив, все еще не может отыскать себя. От дилетантских, институтских стихов в «Вечерний альбом» (заглавие первого ее сборника) она переходит к трогательным мелочам «Волшебного фонаря», мечется между Брюсовым и Блоком, не избегает влияния А. Белого и Маяковского, впадает в крайности народного жанра и частушечного стиля. У нее много темперамента, но вкус ее сомнителен, а чувства меры нет совсем. Стихи ее неровны, порой сумбурны и почти всегда растянуты. Последняя ее поэма «Царь-Девушка» погибает от многословия. И все же это произведение – примечательное, и голос ее не забывается.

Б. Лавренев
«Христоролюбивая Палингенезия»
Литературные заметки {56}
«Что такое Госиздат?»

«Госиздат – аппарат Советской власти, осуществляющий издательскую работу по социалистическому просвещению масс, путем печатного слова».

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Из никчемных диалогов)
Лошади едят овес.

Александр Македонский ездил на Буцефале.

Наполеон был император.

Госиздат занимается социалистическим просвещением масс.

Первые три фразы из новейшего самоучителя совершенно бесспорны.

Четвертая должна быть не менее бесспорной.

Потому, что социалистическое просвещение – хлеб насущный для темной и малограмотной страны.

Поэтому Госиздат старается всячески выполнить возложенные на него почетные задачи. [212]

Поэтому он издал замечательный календарь со святцами, в которых есть святые, имен коих не знают самые ученые богословы.

Поэтому в этом календаре превозносится римский царь Пума(?) Помпилий, которого горячо любили римские граждане и которого рекомендуется также горячо любить русским рабочим и подражать ему в уме и трудолюбии, равно как и римской богине Май, прекрасной, «как сказка» (!!!).

И, очевидно, поэтому Госиздат издал две лежащие передо мной книги.

Первая книга стихов Марины Цветаевой «Версты», вторая тоже книга стихов Георгия Шенгели «Раковина».

Начну с оговорки.

Меньше всего хочу хулить авторов этих книжек. Несомненно, что Марина Цветаева талант большого диапазона. Несомненно, что кованые стихи Георгия Шенгели могут стать учебником стиля для начинающего поэта, так же как и исключительно прихотливая и чудесная метрика и ритмика Цветаевой.

И да простят мне оба поэта резкость и односторонность последующего использования их материала, ибо моей целью становится доказать, что если лошади едят овес, то Госиздат, может быть, тоже ест оный, но социалистическим просвещением масс не занимается.

Начнем с книги Цветаевой.

Вся она с первой до последней страницы проникнута византийским кликушествующим и истеричным религиозным фанатизмом.

«Бог», с большой буквы, не сходит с ее строк во всех видах и падежах. Вот ряд последовательных выдержек из стихов Цветаевой: «на страшный полет крещу вас», «потруди за меня уста – наградит тебя Царь Небесный», «Богородица в небесах, вспомяни о моих прохожих», «помолюсь угодникам», «Архангелы меня ведут», «Благовещенье праздник мой», «Благословен плод чрева твоего, Дева милая», «по устам слово – Богородица», «за вас в соборе Архангельском большая свеча горит», «и все сорок чти – сороков церквей», «и на тебя с багряных облаков уронит Богородица покров», «одену крест серебряный на грудь», «молюсь угодникам», «всюду, где БОГ-судья», «Богородицей слыву – Троеручицей», «да молитесь за помин моей души», «плачьте о мертвом ангеле», «О, Господи Боже ты мой!», «что надобно любить Иегову», «возлюбила больше Бога милых ангелов его». [213]

Мне кажется, что этой неполной сводки богопочитания Марины Цветаевой достаточно.

Не осуждаю поэтессу, ибо каждому свое. Один любит горький хрен, другой бланманже, как сказал Прутков. [214]

Насильно мил не будешь.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но царелюбивый Госиздат решил, что в область социалистического просвещения, кроме почтения к Пуме Помпилию, входит обязательно и богопочитание.

Результат – тиснутая книжка Марины Цветаевой, с сохранением всех больших букв по отношению всемогущего управителя судеб мира, а в миру и Госиздата.

Всякий атом хвалит имя Господне.

Госиздат также атом.

Следовательно, и Госиздату надлежит хвалить имя Господа.

Из этого вытекает одно следствие: религия – опиум для народа.

Выпуском книги Цветаевой Госиздат дал явное доказательство актуальности означенной аксиомы...

О чем еще говорить. Доказывать непреложную истину, что в России существуют десятки частных издательств, которые (вольному воля – спасенному рай) могли бы издать книги Цветаевой и Шенгели?

Но к чему биться башкой о стену, когда на это есть Госиздат? Остается только внести скромное предложение о переименовании Госиздата за чрезвычайные заслуги в деле просвещения в «христолюбивую Палингенезию». [215]

Кратко, непонятно, но красиво.

В. Лурье

Рец.: Марина Цветаева

Ремесло: Книга стихов. Берлин: Геликон, 1923{57}

Цветаева – вся устремленность.

Я рук не ломаю!

Я только тяну их... [216]

С протянутыми вперед руками, готовая броситься вслед неотвязно зовущему, но неожиданно окаменевшая в движении; внешне застывшая, чтобы под спокойным покровом свершать вечный полет. Такой легче всего представить себе Цветаеву.

Люди с ее темпераментом, духовной силой и напряженностью совершают подвиги и преступления. Входят на эшафот, сжигаются на кострах, фанатически верные, даже не идее, а только протесту, бунту, экс-тазу.

Душа не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.

· · · · ·
Как смоляной высокий жгут
Дымящая под власяницей...

· · · · ·
– Саванароловой сестра
Душа, достойная костра!
Она жаждет реального подвига и жертвы:

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит!
(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
И – вдохновенно улыбнувшись – первым
Взойти на твой костер. [217]

В этих сухих строках сгущен мистический экстаз, духовное сладострастье, вся святость огромного, мрачного католического собора, готовая вдруг запрокинуться.

Путь Цветаевой труден и страшен. Рядом с молитвенными «Стихами к Блоку» и освещенной чистым огнем «Разлукой» могла появиться резкая – «Царь-Девица». Но «Ремеслом» Цветаева показала, что нашла выход своему духовному взрыву. Она принадлежит к тем огромным поэтам, которым нет средних путей: или полное падение

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
вниз головой, или победа. Цветаева победила себя и других.

Поэтесса прекрасно озаглавила свою книгу, хоть далеко не все вошедшее действительно имеет право носить название «Ремесла». [218] «Переулочки» и еще несколько произведений, судя по характеру всей книги, случайны. Но рядом с ними есть изумительные произведения, в которых скрылась под внешней гладкостью сила в глубине ворочающегося вулкана:

С такую силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет –
Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: Пора!
Так в ночь глядит – последними глазами –
Наложница последнего царя.
Как просто сделано: образное, неожиданное начало и несколько неотвязно ярких сравнений. Кратко, сжато, скреплено.

За всем удалством, грубоватыми мужскими замашками и силой в Цветаевой кроется бесконечно много женского, все устремление ее к жертве и подвигу – чисто женское.

Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть – Мариной!
Вестовым – часовым – гонцом.
.
Черным вихрем летя беззвучным,
Не подругою быть – сподручным!
Не единою быть – вторым!
Какой маленькой и бледной кажется женственность и нежность Ахматовой в сравнении с любовным порывом Цветаевой. А ту женщину, которая не смогла познать любви и жалости, она проклинает.

Проклята, проклята будь
Ты – Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной. [219]
Очень хороши и характерны стихи, обращенные к своей молодости. Муза «такая далекая» победила озорную и вольную молодость:

Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой!.. [220]
Зрелое, подлинное ремесло Цветаевой еще только началось, она богата бесконечными возможностями. От всей души, с искренней любовью и нежностью хочется сказать вместе с ней про ее музу:

Храни ее, Господи! [221]

А. Бахрах

Поэзия ритмов

(Рец.: Марина Цветаева. Ремесло: Книга стихов. Берлин: Геликон, 1923){58}
Сначала точно буйный, стремительный, разнузданный вихрь ритмических колебаний. Точно ветер, неожиданно ворвавшийся в комнату. Освежающий и волнующий своей неожиданностью. Стихийный и в своей стихийности беспорядочный; не знающий ни границ, ни пределов. Надо иметь время, чтобы привыкнуть, чтобы как-нибудь освоиться, чтобы иметь возможность разобраться в отдельных абстрактных звучаниях; в нестройной системе смочь найти свой особенный глубоко скрытый смысл, в форме – осязать идею, почувствовать нанизанную эмоциональную суть. В «Ремесле» пафос неосознанного сочетается с известной шероховатостью и недоделанностью всякого не-механического творения, творения подлинно и глубоко органического – пролившегося на страницы себя; «я» доходящего до исступленных вещаний Сивиллы, до выкриков, до боли, до истерики.

Читаешь книгу и удерживаешься, чтобы оставаться спокойным, чтобы не начинать двигаться, не обратиться в бешеную пляску, в буйную пляску необозримых степных раздолий.

А при этом «Ремесло» для немногих. «Большинство», читательская масса будет в затруднении. Для «большинства» может даже встать вопрос: стихи ли это? То, где главное, наисущественное кроется в знаках препинания, в тех или иных

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
расстановках пауз; то, что может строиться на одних ударных слогах – стихи ли
или надоевшие кунштютки? Для примера:

Конь – хром,
Меч – ржав.
Кто – сей?
Вождь толп.
и т. д. (стр. 58).

Прочсть без точнейшего соблюдения авторской воли, и прахом распадется
заманчивость всей постройки. Эгоизм автора сможет быть больше терпения читателя.

Но ясно одно – в «Ремесле» (какое это, кстати, «ремесло»?) Цветаева на перевале.
То, что было до этого – «Разлука», «Версты», «Стихи к Блоку» – шло к этому. В
«Ремесле» предел былых устремлений. Так дальше нет пути. Дальнейшее шествование
этим путем – шествование к пропасти, в бездну; в сторону от поэзии к чистой
музыке. Для поэзии, так дальше конец. Отсюда, т. е. от «Ремесла», должен
начаться тихий, планирующий спуск, поворот – надо найти скрытую в многосложности
тонкого поэтического дарования тропинку и начать спускаться от разряженной
атмосферы вершин в более нормальную обстановку, где ровнее сможет стать дыхание.
«Ремесло» – зенит. Отсель раскаленность должна охладиться. Буйность ритмов –
утихать. Хаос обрести твердые формы. Перевал перейден. Да, это ясно и поэту, и
для него самого:

Солнце Вечера – добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует – не греет
Солнце в полдень.
Отрешеннее и кротче
Солнце – к ночи.
Умудренное, не хочет
Бить нам в очи...
(стр. 9).

Не должно уже «бить в очи», а лишь кротко ласкать, стремиться к благостной
тихости.

Однако пока не поздно, пока перевал еще не позади, надо воспользоваться хотя бы
оставшейся минутой. Надо прокричать, просвистеть, протрубить – сделаться
всеслышной. Но что же сделать, если даже:

Все великолепье
Труб – лишь только лепет
Трав – перед Тобой...
(стр.13).

Тогда остается лишь ухватиться за мгновенье, когда этот «лепет трав» огромнее
звука фанфар, когда птичье щебетанье скорей сможешь всколыхнуть нежели
многосложность многоголосой симфонии. И на творчестве книги запечатлелось именно
это мгновенье. Отсюда и рождается вскрик, рождающийся с Саванароловым изуверством
«достойной костра», души поэта, восклицающей:

На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь.
Я раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь.

.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам...
(стр. 16).

В этой шахте поэта, поэта, на время забывшего о родстве физическом или
литературном и осознающего лишь единое, коренное родство с Россией-родиной –
больше свободы, чем во всем космическом пространстве. Здесь ширь. Безграничный
простор, порождающий пафос безмерности и внемности. Тут захлебывание и
запутывание в лабиринте, созданном отсутствием всяких преград и стен.

Такова Цветаева в одиночестве; но одинокой долго она оставаться не может.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Элегизм интимности не по ней. Ей вечно надо куда-то стремиться. Душа ее вся нараспашку, и тянет ее неизменно:

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне – не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит.[222]
(стр. 7).

Не только согреть, но и защищать активно, действенно. И не привлекает ее красочный пурпур признанья; с радостью складывает Цветаева оружие и заменяет охотно символический пурпур – верблюжьим мехом послушничества. (Но отнюдь не келейного, монастырского, самоистязующего послушничества, а своего цветаевского осознания послушничества в мире буйном, праздничном, пьяном.)

Однако просторы цветаевской музыки не всегда остаются «надмирными». Боль минуты вступает с одинаковой силой. Тема России трактуется со всей многосложностью. И тогда минорные ноты и глубокое чувство застывшей тоски начинают звучать со страниц книги. После буйности первой половины внезапно оказывается поэт у мертвого, разрушенного Китежа[223] с непоправимой брешью прозрения, с жизнью – таковой, как она есть – с протяжной безгололицей разочарованья. Тогда

... – в просторах – Норд-Ост и шквал
– Громче, громче промежду ребрами –
Добровольчество! Кончен бал.
Послужила вам воля добрая.
И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...[224]
(стр. 111–112).

Срывается последний вскрик, последняя вспышка посмертной боли, последний, недоконченный, застывший вопль, падающий в пространство и уносимый в просторы бесконечности. После этого потерянности тела, равнодушие, Со-ратник снова становится только поэтом. «Над разбитым Игорем плачет Див».[225] Песни продолжают литься, но нет уже прежней убедительности. Соловьиное пение заменяется напевностью, и жизнь настойчиво вступает в свои права, вопреки желанию поэта неизменно претворяющая «дважды два» в тоскливое четыре.

Вс. Рождественский
Рец.: Марина Цветаева
Версты: Стихи. М.: Костры, 1921;
Версты: Стихи. М.: Госиздат, 1922{59}
С именем Марины Цветаевой в комнату входит цыганский ветер – бродячая песня. Только под мохнатыми черноморскими звездами, у степного костра в гитарном рокоте, в табачном дыму ресторана может петь человек так самозабвенно, так «очертя голову».

У нас под окнами летят трамваи и авто, переливаются световые рекламы, мировой воздух полон гудением радиостанций, где-то в темных глубинах прапамяти еще бродит древнее вино кочевий, неумная дикая песня, пестрая как шаль, острая как нож, пьяная как ветер.

Полон стакан,
Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан.
Князем – цыган,
Цыганом – князь,
Эй, господин, берегись – жжет!
Это цыганская свадьба пьет.[226]
Помните цыганку Машу, ради которой забывал в московском «Яре» Федя Протасов[227] черную судьбу? Помните тонкую Грушу в «Очарованном страннике», [228] об улыбку которой обжег себе сердце непутевый князь? Помните всю ветровую, степную любовь, которую отдала русская литература цыганской песне?

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Помните жаркое ржанье и степь в серебре?

Синий дымок на горе,

И о цыганском царе

Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей,

Мы вам дарили прекрасных – как ночь – сыновей.

Нищих – как ночь – сыновей...

И рокотал соловей

Славу...[229]

Вся Марина Цветаева в этой кочевой прапамяти.

Вся она слух к тому, что еще не выветрилось из древнего сердца. Потому-то она так прекрасно чувствует огневую стихию слова, хмель и солод всякой песни, безымянно зачатой и безымянно рожденной под открытым небом.

Я не знаю в современности (разве только Пастернак) поэта более богатого ритмически. Каждое ее стихотворение – прерывистое дыхание речи взволнованной и горячей.

Это – темная, сама себя не измерившая душа, где все растет от «дикой и татарской воли», [230] от тех прекрасных, кочевых времен, когда сама собою слагалась песня, а жадная и еще бедная память тянулась к мифу, к предчувствию, к гаданию, к великой дружбе с судьбой. И в сущности все стихи Цветаевой – либо заговор, либо заклинанье. Ей ли, помнящей сквозь тысячелетия, не научиться ворожить. Кругом нее растет сказочный черный лес, где заблудился разум и папоротник расцветает детской верой в чудеса. О, конечно, она колдунья! Сколько она знает наговорных слов, как крылаты ее предвещения.

Да, она колдунья, которую уже не сожгут на костре, потому что времена не те и люди в чудеса верить перестали, но которой выпал жребий страшней и чудесней – гореть на певучем огне жизни и страсти земной. [231]

В новой России, по весне – думается мне – настала пора свежему, русскому слову. Европы нет, Европа руины, великий Рим, – и если нам суждено строить, вести за собой, то как отказаться от соблазна думать, что это путеводительное для всего мира слово – русское слово, возвращенное черноземом, слово пушкинского закала, гоголевской окрыленности, лесковской сочности.

Первым должны его почувствовать поэты, и Марина Цветаева уже несет его высоко в своих женских, вещих руках.

Мы накануне возрождения русской культуры, распыленной и растроченной. Теперь, когда вся страна – единый народ, мы ближе к ней, чем когда-либо, – и солнечное имя Пушкина тому залогом.

«Петербургские поэты» по мере своих сил ревниво берегли это слово. Но было оно у них четким и бесстрастным, как отражение града китежа в озерной глубине. Из Москвы, из сердца страны, надо было ждать горячего русского ветра.

У Марины Цветаевой именно такая, ветровая и жаркая любовь к Москве. С нею рождается истинно «московская» поэзия, нет, больше – русская, вольная, бродячая, цыганская.

«Много ль нас таких на святой Руси, у ветров спроси, у волков спроси». [232]

Книги Цветаевой неровны. Они показывают и высокое мастерство над строптивым словом, и творческое легкомыслие. Но в целом они прекрасны. Нужно быть искони русским человеком, нужно хорошо чувствовать вкус, цвет, вес и запах родной речи, песни, былины, частушки, чтобы обогатить свой стих таким исключительным ритмическим разнообразием.

Марина Цветаева – поэт для немногих, удел хотя и горький, но достойный. Это – путь Дельвига, Баратынского, Тютчева, Иннокентия Анненского и Владислава Ходасевича. Наряду с ними Цветаевой выпала радостная и трудная доля – беречь слово и любить мир.

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши – мира.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Нежную руку кладу на меч,
На лебединую шею лиры. [233]

В. Ходасевич

Рец.: Марина Цветаева

Ремесло: Книга стихов. Берлин: Геликон, 1923;

Психея. Романтика. Берлин: Изд-во З.Гржебина, 1923{60}

Судьба одарила Марину Цветаеву завидным и редким даром: песенным. Пожалуй, ни один из ныне живущих поэтов не обладает в такой степени, как она, подлинной музыкальностью. Стихи Марины Цветаевой бывают в общем то более, то менее удачны. Но музыкальны они всегда. И это – не слащаво-опереточный мотивчик Игоря Северянина, не внешне-приятная «романтическая переливчатость» Бальмонта, не залихватское треньканье Городецкого. «Музыка» Цветаевой чужда погони за внешней эффектностью, очень сложна по внутреннему строению и богатейшим образом оркестрована. Всего ближе она – к строгой музыке Блока.

И вот поскольку природа поэзии соприкасается с природою музыки, поскольку поэзия и музыка где-то там сплетены корнями – постольку стихи Цветаевой всегда хороши. Если бы их только «слушать», не «понимая». Но поэзия есть искусство слова, а не искусство звука. Слово же – есть мысль, очерченная звучанием: ядро смысла в скорлупе звука. Крак – мы раскусываем орех – и беда, ежели ядро горькое, или ежели его нет вовсе.

Но равноценны ядра цветаевских песен. Книги ее – точно бумажные «фунтики» ералаша, намешанного рукой взбалмошной: ни отбора, ни обработки. Цветаева не умеет и не хочет управлять своими стихами. То, ухватившись за одну метафору, развертывает она ее до надоедливости; то, начав хорошо, вдруг обрывает стихотворение, не использовав открывающихся возможностей; не умеет она «поверять воображение рассудком» [234] – и тогда стихи ее становятся нагромождением плохо вяжущихся метафор. Еще менее она склонна заботиться о том, как слово ее отзовется в читателе – и уж совсем никогда не думает о том, верит ли сама в то, что говорит. Все у нее – порыв, все – минута; на каждой странице готова она поклониться всему, что сжигала, и сжечь все, чему поклонялась. [235] Одно и то же готова она обожать и проклинать, превозносить и презирать. Такова она в политике, в любви, в чем угодно. Сегодня – да здравствует добровольческая армия, завтра – Революция с большой буквы. Ничего ей не стоит, не замечая, пройти мимо существующего и вопиющего – чтобы повергнуться ниц перед несуществующим, – например, воспеть никогда не существовавшего «сына Блока Сашу» [236] («Ремесло», стр. 87–88) в виде вифлеемского младенца, от чего неверующему человеку станет смешно, а верующему – противно. В конце концов – со всех страниц «Ремесла» и «Психеи» на читателя смотрит лицо капризницы, очень даровитой, но всего лишь капризницы, может быть – истерички: явления случайного, частного, переходящего. Таких лиц всегда много в литературе, но история литературы их никогда не помнит.

П. Скосырев

Рец.: Марина Цветаева

Царь-Девушка. М.: Госиздат, 1922{61}

Книга интересная, интересная в том смысле, что читающий ее, кто бы он ни был, мужчина ли, женщина, дитя или старик, революционер или сменовеховец, не понимает двух вещей: 1-ое, зачем она написана, 2-ое – если уж написана (поэт «свободен, как стихия», [237] пишет, или вернее, может писать, и то и се), зачем она издана, да не просто издана, а Госиздатом, да не просто Госиздатом, а с картинками, на прекрасной бумаге и т. д. [238]

В самом деле, кому эта нужна чудо Царь-Девушка и слабенький царевич и все прочее, написанное таким растрепанным не конченным стихом.

На последней странице М. Цветаева любезно сообщает, что сказка сия написана в течение нескольких месяцев.

Нам думается, что простодушный читатель, прочтя это сообщение, изумится, взвесит на руке «Царь-Девушку», а потом «Евгения Онегина» и, убедившись, что последний по размеру меньше, всплеснет руками:

– Куда, мол, Пушкину до Цветаевой. Чуть не десять лет писал своего Онегина, а она в 3 месяца...

В общем от талантливого автора мы ждем более ценных книг. И еще.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Покуда есть «Конек-горбунок», зачем «Царь-Девица»?

А. Бахрах

Рец.: Марина Цветаева

Психея. Романтика. Берлин: Изд-во З.Гржебина, 1923{62}

Новый сборник стихов Марины Цветаевой составился из нескольких циклов, написанных в бурный период 1916–1921 гг. Подзаголовок книги уже отчасти указывает на ту основную тенденцию, на которую опиралась поэтесса при его составлении. Правда, только отчасти, ибо почти все яркое творчество Цветаевой – от ее первых полудетских стихов к зениту «Ремесла» – своеобразный, пышный цветок подлинного романтизма, распутившийся на неблагоприятной почве изживаемой действительности. То подлинно «новое», что приоткрылось в колыпании сменявшихся эпох, что с болью нарождалось в процессе прошедших мучительных лет, естественно, не осталось чуждо цветаевской музе. Оно захватило ее и навеки ранило какой-то безмерной жадной приобщения к раскрывшемуся бытию. И при ее, казалось бы, ретроградных романтических устремлениях слилось в особый, единственно-цельный монолит. Это лишь одна Цветаева, которая смогла сочетать подслушанный в своем «Красном Коне» тембр революции с посвященными Батюшкову стихами, в коих инкрустированный стих самого поэта отнюдь не звучит диссонансом. Холодок, исходящий из дыхания ворвавшегося Эола, мгновенно тает в том море безудержной страстности, которую так стремительно расточает поэтесса на страницах своей «Психеи».

Путь, завершенный Цветаевой, – непрерывное вулканическое клокотание с резкими, неожиданными, несоразмерными извержениями. Ее перо не знает спокойного, лабораторного труда, не знает уверенной планомерности – в ней есть что-то от Сивиллы, все – взрывами, взлетами, вспышками, вещаниями, неожиданными, порой рискованными, подчас странными. И не о себе ли говорит она, обращаясь к Ахматовой:

Так много вздоха было в ней,
Так мало – тела.
По-человечески мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то.
И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон! [239]
(стр. 33).

Цветаева динамична от природы, и мир и бытие в ее стихах лишь неустанное regretium mobile (воистину, «покой ей только снится» [240]), не останавливающийся ни перед какими преградами (даже перед обильно расставленными шлюзами и заторами всепобеждающей любви), бурливый и стремительный поток – вечно единый и цельный, где лишь непрерывно сменяется береговой пейзаж: сегодня мятежная и суетливая Вандея, завтра Москва – типическая, подлинная, «руссейшая», почти лубочная; сорок-сороков и Царь-пушка; сегодня:

Дитя разгула и разлуки,
Ко всем протягиваю руки... –
(стр. 66)

а завтра в стендалевской обстановке угрюмо-клонящихся пинн, в дилижансе, за бокалом шипучего Асти слагаются стансы единственному Освальду. И не разгадать, куда же влился образ самой талантливой поэтессы, с кем она, с Донной Анной или с без вина пьяной Мариулой, скрывшейся в удали пестрого и шумливого цыганского табора.

Неуравновешенная, она к Блоку обращает молитвы, а Ахматовой дарит торжественные гимны. Ее манят к себе ущелья и провалы:

Бархатных ковров полезней –
Гвозди – молодым ступням.
А еще в ночи беззвездной
Под ногой – полезны – бездны! [241] –
(стр. 14)

и пугает гладкая дорога, сквозь бездны, быть может, наиболее краток путь:

В страну Мечты и Одиночества, –
Где мы – Величества, Высочества...[242] –
(стр. 12)

в ту страну, куда так ретиво устремляется поэтесса.

Звучащие в книге молитвы, как «мир – не оправдан», «мир без вести пропал...» и т. д., думается, не больше, как дань мгновенному обольщению величественной пышностью слова. [243] Цветаева слишком сильно вкусила сладость мира – в этом достаточно яркой порукой ее белоснежная «Психея» – а не достаточно ли уже это само по себе для полного его «приятия» и оправдания.

К сборнику приложены стихи семилетней дочери поэтессы. [244]

Г. Струве

Рец.: Марина Цветаева. Ремесло: Книга стихов
Берлин: Геликон, 1923;

Психея. Романтика. Берлин: Изд-во З.Гржебина, 1923{63}

Из русских поэтесс бесспорно самой признанной является Анна Ахматова. Марине Цветаевой еще далеко до ахматовской славы. Но несомненно, что при всех недостатках поэзия Цветаевой интереснее, шире, богаче возможностями, чем узкая по диапазону лирика Ахматовой. Ахматова – законченный поэт, создавший вещи, которые останутся навсегда. Но источник ее творчества уже застывает или оскудевает. Мы не чувствуем в ней потенциальной силы. После «Четок» было углубление старого русла, но не было движения вширь. Цветаева, напротив, вся – будущая потенция. У этих двух поэтесс общего только то, что они обе женщины и что их женская суть находит выход в поэзии. Тяготение Цветаевой к Ахматовой, выразившееся в посвящении целого цикла стихов, не поэтическое, а душевное, человеческое. Они во всем противоположны. Тогда как у Ахматовой везде – строгость, четкость, мера, подчинение словесной стихии логическим велениям, тяготение к классическим размерам, у Цветаевой из каждой строчки бьет и пышет романтическая черезкрайность и чрезмерность, слова и фразы насилуются, гнутся, ломаются в угоду чисто ритмическим заданиям, а ритмы пляшут и скачут как бешеные. Не стихи, а одно сплошное захлебывание, один огромный одновременный (каждое мгновение дорого! не промедлить, не упустить!) вздох и выдох:

Пью – не напьюсь. Вздох – и огромный выдох,

Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался царь Саул. [245]

В стихах Ахматовой и Цветаевой ясно выразились две линии современной русской поэзии: петербургская и московская. Петербургская – это, кроме Ахматовой: Мандельштам, Кузмин, Ходасевич, Рождественский и др. молодые. Московская – это, кроме Цветаевой: А. Белый, Есенин, Пастернак, имажинисты и футуристы, поскольку они поэты, Эренбург. В цветаевской галерее место и Пушкина. Московская – от нутра, от народной песни, от Стеньки Разина. Не может быть, чтобы Цветаева не любила и не ценила Пушкина, но она наверное больше любит романтических «Цыган» (одно имя Мариула чего стоит!), чем «Медного всадника» или «Евгения Онегина». [246] А когда Цветаева обретает строгость, это строгость не набережных и проспектов императорского Петербурга, а пышная строгость византийской иконописи.

У каждого поэта есть своя поэтическая родословная, более или менее явная. У Цветаевой ее нет. Иногда за ее строчками, то в бешеной скачке обгоняющими одна другую, то в каком-то неповоротливом движении одна за другую цепляющимися, но почти никогда не текущими плавно – почудятся лики и лица Державина, Тютчева, Блока, Эренбурга. Покажутся и скроются. Не портреты, а призраки. Не настоящие: в галерее предков их не повесишь. Прочтите «Сугробы», «Ханский полон», «Переулочки» – при чем тут Державин, Тютчев, даже Блок и Эренбург? В цветаевской галерее [247] место только одному лику, но этот один на стене некрепишь: все норовит уйти. Это – лик России.

Родины моей широкоскулой,
Матерный, бурлацкий перегар,
Или же – вдоль насыпи сутулой,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Шепоты и топоты татар. [248]

Едиственное сильное влияние, осязаемое в поэзии Цветаевой, – это влияние русской народной песни. Не оттуда ли этот безудерж ритмов? Цветаева безродна, но глубоко почвенна, органична. Свое безродство она как будто сознает сама, когда говорит:

Ни грамоты, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет – отрывается, –
Такая далекая!

.....
Подол неподбранный,
Ошметок оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя. [249]

В «Ремесле» (здесь стихи, наиболее поздние по времени: 1921–22 гг.) народно-песенный уклон поэзии Цветаевой сказался с особой силой. По ритмическому богатству и своеобразию это совершенно непревзойденная книга, несмотря на присутствие плохих, безвкусных стихов (Цветаева лишена чувства меры, и от этого страдает часто ее вкус). Но, мне кажется, дальнейший путь Цветаевой пролегает не здесь, не в области разрешения чисто ритмических задач. Многие стихи «Ремесла» суть, по-видимому, просто опыты; еще не прошел «час ученичества» и не наступил «час одиночества», [250] т. е. наибольшей поэтической зрелости.

Есть у Цветаевой другой намек на родство – с романтиками. В книжке «Психея» она собрала стихи разного времени, преимущественно более ранние, чем в «Ремесле» (есть и 1916 г.), объединив их по признаку «романтики». И это едва ли не лучшее из того, что Цветаевой написано. Романтическая струя – основная в ее творчестве. Чувствуется она и в «Ремесле», где, однако, внутренний романтизм заслоняется внешней вакханалией ритмов. Но в «Психее» она проступает явственно. С романтиками роднит Цветаеву и самая ее чрезмерность, стремление перелиться в другую заповедную стихию – проникнутость поэзии духом музыки. Романтические стихи Цветаевой неизменно задевают и волнуют – не только ошарашивают, как некоторые ее ритмические опыты, – не есть ли это самое большее, что можно сказать о стихах? Особенно хороши циклы «Плащ», насыщенный подлинной романтикой, «Иоанн», «Даниил», «Стихи к дочери».

Дальнейший путь Цветаевой теряется в тумане, но она вступает в него с богатой поклажей поэтических возможностей. С интересом будем ждать ее дальнейших книг.

Обе книги изданы хорошо, особенно «Ремесло».

А. Свентицкий

Рец.: Марина Цветаева

Царь-девица: Поэма-сказка / Рис. Д.Митрохина. М.: Госиздат, 1922{64}

Как у молодой жены – да старый муж,

Морда тыквой, живет шаром, дышит – терем дрожит...

По-видимому, сказка для детей младшего возраста – и начало поэмы и картинки Митрохина наводят на эту мысль, но уже на 11-ой странице, прочтя:

Можно рядышком прилечь?

Постеля узка!

Коль, и впрямь она узка – свернусь в трубочку.

Говорливые мои шелка, скину юбочку –

и чем дальше, тем пуще, тем откровеннее, – можно убедиться, что сказка эта не для детей, а для взрослых. О чем же говорит Цветаева на 159 страницах своей книжки. А о том, что молодая жена царя влюбилась в своего бессильного пасынка (подробно описывается, как «царевич до баб не охоч»); о напрасной любви

Царь-Девы. Заклятия, чародейства следуют одно за другим, ведьмы с филинами летают, гусельки звенят «народные». Эпитеты сменяют мотивы частушек. Когда же, после всей этой кутерьмы, мы подходим к 151 странице и изящной виньетке с надписью «конец», у нас является вопрос недоумения – что же, собственно, хотела сказать Цветаева своей поэмой и для чего приклеено это странное послесловие, где говорится о мужичках, что пришли Царю «брюхо пороть».

«Да, Царь-Кумач, мы – Красная Русь» – дань ли это революционному духу или просто пошлость на товар. Но в конце концов дело не в том, что М.Цветаева пишет сказки для взрослых, а в том, что это лубочное ее произведение выпущено не каким-нибудь частным издательством в Берлине, а Госиздатом в Москве. Годы лежат, дожидаясь

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru очереди, рукописи пролетарских писателей, а мы издаем Цветаеву, и это тем более печально, что сегодня Цветаева, отвешивая кому-то поклон, напишет зачем-то в конце своей книжки – «мы – Красная Русь», а на завтра, да нет, даже одновременно с этим, пошлет стихотворение в эмигрантскую газету «Сегодня».

Там, рядом со статьями Амфитеатровых-Кадашевых и Тэффи – найдем и стихи о Боге, Иоанне и Христе («Сегодня», 24 дек. 1922 г., № 291. Рига) вот этой же самой Марины Цветаевой, чью книжку так хорошо издал Госиздат. Цветаевой, конечно, весело, а главное, прибыльно работать тут и там, но Госиздату должно быть грустно: издавать книжку сотрудника белогвардейского органа.

Р. Гуль

Рец.: Марина Цветаева

Психея. Романтика. Берлин: Изд-во З.Гржебина, 1923{65}

Марина Цветаева. Еще недавно это имя было мало известно. Теперь его знают многие. «Версты» – «Разлука» – «Стихи к Блоку» – «Царь-Девица» – «Ремесло» – одну за другой выпустила талантливая поэтесса. Последняя – «Психея», лучшая из книг.

В подзаголовке стоит: «романтика». Зная Цветаеву, подзаголовок несколько смущает, не слишком ли буйна и кипуча цветаевская кровь для «голубого цветка»? Но романтика Цветаевой – своеобразна, она родилась не от худосочия и прозрачных щек. Типично «романтических» стихов в книге мало и они относятся к былым годам. В большинстве ж «Психея» Цветаевой – буйная Психея!

У Ахматовой стих строг и в напеве своем музыкально закончен. В чувстве стиха – всегда успокоенность. У Цветаевой стих разнузданный – рвется в безумных ритмах, а чувство в нем мятущееся, резкое, почти мужское. Поэтому частое пристрастие Цветаевой – короткая строка. Напор ритмов и чувств в короткой строке («Ремесло») порой утомителен. В «Психее» – этого нет. Рядом с типично цветаевским:

Руки люблю
Целовать и люблю
Имена раздавать
И еще – раскрывать
Двери
– Настеж! – в темную ночь!
Голову сжав
Слушать как тяжкий шаг
Где-то легчает
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес. –
есть и другие, спокойные в своей музыке стихи:

После бессонной ночи – слабеет тело
Милым становится и не своим – ничьим
В медленных жилах еще занывают стрелы
И улыбаешься людям, как серафим..
Разбитая на отделы – «Психея» очень хороша. Из отделов ее лучшие «Иоанн» и «Мариула». Приложенные отрывки «стихов дочери», может быть, печатать не стоило б. И не потому, что они не интересны. Не нужны также некоторые пояснительные приписки к стихам.

В целом буйная «Психея» говорит о большом таланте своего автора. Издана книга приятно.

Ф. Кубка

Поэзия революционной России

Отрывок{66}

Очень интересное явление русской поэзии – молодой поэт Борис Пастернак, переводчик Клейста, [251] лирик лермонтовского стиля («Сестра моя жизнь»). Его последний сборник «Темы и вариации» [252] тяготеет к экспрессионизму. Повседневное Пастернак воспринимает как вечное. Его поэзия органически связана с философией разума. Его стихам свойствен скептицизм, рассудительность. Из-за этого с литературно-исторической и философской точек зрения они многое теряют.

Марина Цветаева – полная противоположность Бориса Пастернака. Она вся – чувство,
Страница 58

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сказка, традиция, страсть. Она музыкальна и чувственна. Она любит Россию Блока и музыкальные сны Андрея Белого. Не только поет красу исторического прошлого, но и любовно тянется к светящемуся настоящему. Кремль царской славы – за каждым стихом, ее литературная культура насыщена Байроном и французским декадансом. В Марине Цветаевой соединяются благородная аристократическая традиция со страстным анархизмом простой русской души. Она погружена в музыку и воспоминания, в тихую тоску, она гордая и мудрая. Превыше тяги к белым и красным для нее является тяга к Руси. Ее патриотизм растет со страданием.

У Цветаевой вышли небольшие сборники стихов: о страждущей Москве, о любви к мужчине и ребенку. Последняя книга появилась в 1923 г.[253] – уже во время ее пребывания в Праге. Марина Цветаева – романтик, для которого поэзия – отдых, исповедь и душевный покой.

С. Парнок

Б. Пастернак и другие

Отрывок{67}

... Пастернак и – Брюсов, и – Асеев, [254] и – Третьяков, [255] и – Эренбург, и – Тихонов, [256] и – Антокольский, – эти созвучия более или менее пикантны, да и то скорее в психологическом, чем в литературном смысле.

Но вот два созвучия, которые не могут не волновать: Пастернак и – Мандельштам, Пастернак и – Цветаева.

Мандельштам и Цветаева в пути к Пастернаку! Зачем это бегство? Любовники, в самый разгар любви вырвавшиеся из благостных рук возлюбленной. Отчего, откуда это потрясающее недоверие к искусству? Как могли они, так щедро взысканные поэзией, усомниться в ней и в своем вечном начале? На какого журавля в небе посмели польститься – они, родившиеся с синицей в руках? Какими пустынными путями к обманчивой прохладе воображаемых источников поведет их лукавое марево и вернет ли их опять к тому ключу, который их вспоил? Я слишком ценю этих поэтов для того, чтобы заподозрить их в лустом гурманстве: Пастернак не причуда их вкуса, а страшное и, кто знает, быть может, роковое искушение. Конечно, ни Мандельштам, ни Цветаева не могли попросту «заняться отражением современности», – им слишком ведома другая игра, но ими владеет тот же импульс, то же эпидемическое беспокойство о несоответствии искусства с сегодняшним днем. Их пугает одиночество, подле Пастернака им кажется надежнее, и они всем своим существом жмутся к Пастернаку. ...

С. Бобров

Рец.: Марина Цветаева

Царь-девица: Поэма-сказка. М.: Госиздат, 1922;

Ремесло: Книга стихов. М.-Берлин: Геликон, 1923{68}

Пожалуй, что только вот с этих двух книг начинается серьезная история М.И.Цветаевой как поэта. Ее первое, почти что детское выступление («Вечерний альбом») при всей наивности сразу поразило своей чрезвычайной свежестью, летучим таким темпераментом напева и хорошей учебой на французах. Если не ошибаемся, главными ее учителями были прекрасная, хоть и мало у нас известная, французская поэтесса Марселина Деборд-Вальмор[257] (1785–1859), П.Верлен поместил ее в свое время в свою серию «Проклятых поэтов», [258] рядом с Вилье де Лиль-Аданом[259] и Артюром Рембо), и несколько худший, не первосортный, разумеется, автор – Э.Ростан. Дуэт, конечно, немного странный, но для Цветаевой вообще характерны такие очень непоследовательные и взаимно-противоречивые привязанности. Вторая ее книжка «Волшебный фонарь», как это очень часто бывает у авторов нашего времени, показывала несколько пониженный и основательно ослабевший переход от захлебывающихся юношеской жадностью описаний «всех впечатлений первых дней» к некоторому разочарованию вступления в жизнь, так как она есть. Та юношеская натуга, девическая резвость, глаза на весь мир сразу, все, что очень трогало в первой книге, стало как-то взвинченным, искусственным, фальшивоватым во второй книжке. Кое-что поостыло и возникало у автора вновь исключительно в порядке какой-то труднопостижимой инерции, без существенных внутренних оправданий, а потому и превращалось в нечто достаточно надоедливое. Стремление к искренности, к исчерпанию пережитого обращалось как раз в ту самую искренность, о которой Уайльд хихикнул, что она «поза, и самая невыносимая из поз». [260] Экзотика бутафорического реквизита, самой такой кумачевой романтики, страшная неровность, неумение совладать ни с собой, ни со стихом, – все это заставляло подходить к Цветаевой с большой недоверчивостью. А на развалинах этих построений возник некоторый совершенно неведомого происхождения русский стиль – ни дать, ни взять

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru козаковская дума. [261] Нам пришлось видеть кое-что у Цветаевой в рукописях за время революции – и все это (громадное количество стихов; Цветаева, сдается, вообще страдает многописанием) было настолько безотрадным, что создавалось впечатление о том, что здесь и ждать больше нечего. Вот теперь две новые книжки: одна относится к 1920 году (по времени написания), другая («Ремесло») обнимает год с апреля 1921 по апрель 1922.

Именно эта-то сказанная руссопетщина является основным говорком автора. Эстетика «Мира Искусства» [262] приучила нас к подкрашенному разными Бартрамами, Поленовыми, [263] абрамцевскими рукодельями русскому стилю. Рерих [264] затем по этой дорожке доехал чуть ли не до каменного века: так все солидно, серьезно поставлено, не без мистагогических ухищрений и постаментингов. Цветаева взялась за это дело совсем с другой стороны: ее русский стиль – это бабий вой, как по покойнику голоса, с украшеньицами самого простейшего в этом стиле рода: эдак вроде самых незамысловатых петушков и розанчиков. В это неожиданно врывается напетый на символистах (не Брюсов ли?) стих, с хорошей такой щегольской отделкой, с прочным лаком первых брюсовских вещей.

У Марины другой раз (то, что пришлось видеть в рукописях в 1920) появлялась совершенно ей чуждая, по всему ее естеству, по вкусовому ее классу, по значительности ее стремлений – тяга к ахматовщине, [265] но это, видимо, быстро выветрилось, и теперь этого не найдешь. Неровность, срывы остались. Их особенно много в «Царь-Девике». За отличным напевом в сторону частушки, женской заплачки вдруг возникнет, как кол какой торчит, совершенно не сделанный, не сработанный, никак не склеенный стих вроде:

Толк по полкам прошел безвестный:

«Не будет Девы – нам – Царя!»

И что нам до зари небесной,

Когда земная нам заря!

Тут можно не два восклицательных знака поставить, а сотню, и все-таки это пустое место во весь свой гренадерский рост – и больше ничего. За этим надвигается настырный и совершенно ненужный гиперболизм:

Полк замертво свалился пьяный,

Конь пеной изошел, скача.

Дух вылетел из барабана.

Грудь лопнула у трубача.

Настоящий Бова-королевич с сытинской литографии: [266] удивляешься, как у автора не хватает чувства юмора, чтобы одернуться вовремя и не наваливать в свои вещи этого кустарного хламу, которым буквально забита вся поэма, так что по ней надо рыскать с карандашом, а иное торопливо переворачивать, чтобы не налететь на эдакого лопнувшего по швам трубача. А если исключить этих лопнувших от удовольствия и неприятностей персонажей, то книга прямо искрится своими отдельными строками, где так отлично, непосредственно понята песня, понят былинный лад. Понят так, как давно не приходилось видеть, как не удавалось никому из писавших в русском стиле, ни Бальмонту (в его «Жар-птице»), ни Клюеву, ни Клычкову, [267] ни Столице, не говоря уж, разумеется, об Есенине и его подражателях. Вот так, например:

Скрытые твои ресницы,

Без огня сожжена!

Отчего я не девица,

А чужая жена!

Отчего-то людям спится,

А мне плачется,

Отчего тебе не мать родная

Я, а мачеха...

Или:

Слабыми руками

Вдоль перил витых,

Слабыми шажками

С лестничек крутых.

Не трубили зорю

С крепостной стены,

В небесах Егорий

Не разжег войны...

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Или:

В серебряном нагрудничке,
И кольчики занятные.
А ничего, что худенький, –
На личико приятненький...
...Быстро – руки, вниз – ресницы,
В одной юбке легкой, летней –
То плетуны кружевницы
День и ночь сплетают сплетни...
...Стоит полоняночка
На башенной вышечке.
Связалась, беляночка,
С тем самым, с мальчишечкой...
И отличные параллелизмы:

И вижу еще я, –
Речет сам не свой, –
Что плачет смолою
Дубок молодой.
Ветвями облапит,
Как грудку – мне – стан,
И капит, и капит
Слезой на кафтан.
Хороший Царь у Марины:

Веселитесь, наши верные народы!
Белогривый я ваш Царь, белобородый.
Круговой поднос, кумачевый нос,
Мне сам черт сегодня чарочку поднес.
Веселитесь, наши руки даровые!
Все хлеба я ваши пропил яровые!
Коли хлеба нет, будем есть овес:
Напитаемся – и личиком в навоз...
...Рухай-рухай, наше царство разваленное!
Красный грянь петух над щами несолеными!
Красный грянь петух: Царь-кумашный нос
Все, как есть, свое именице растрес!
Вот еще в другом роде:

Черным словом, буйным скоком
Не грешил я на пиру.
На крыльце своем высококом
Дай ступеньку гусяру...
Море:

Ох, стакан твой полный,
Голубые волны!
Ох, медок в нем ценный,
Чересчур уж пенный!
Выпьешь, ничего не
Скажешь, – мед хваленый!
Ох, твой ужин ноне
Весь пересоленный.

Итак, несмотря на ряд провалов, капризов, странных стиховых причуд, вроде четырех строк, одна за другой кончающихся одним и тем же словом, [268] несмотря на непонятность приема, на необычность этого говорка, – все-таки поэма эта маленькое событие в нашей поэзии. Она по-своему удалась Марине, – удалась этой удалью, силой, единством.

«Ремесло», однако, гораздо лучше поэмы. Там есть прямо отличные стихи. К сожалению, надобно сказать, что темой почти всей книги являются настроения высоко белогвардейские. Правда, они очень смягчены чисто женским к ним отношением, но все-таки как-то больно видеть, как человек отрывается от родины, отрекается от Москвы – собственно, неведомо во имя чего. Конечно, революционный ригоризм наш теперь малость поостыл, и можно понять женское сердце, жалеющее расшибленную белогвардейщину. Можно вообразить себе романтику этого гиблого места, но все-таки вспоминается А.К.Толстой, когда-то тоже любивший русский

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
стиль:

Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псе вспоминаешь сегодня,
На что тебе грязного пса целовать, –
На то мои дочки пригодней! [269]
Верно, конечно, – по Толстому опять-таки, – что наши московские дочки «колючи,
как ерши», и с ними «сожителство трудно», но не стоит ли попробовать и есть ли
какой смысл убивать свой лиризм и песню на эту безотцовщину, в конце концов,
просто жалкую. Тем паче, что надежд на белых у Марины уже никаких не осталось, –
«добровольчество – добрая воля к смерти», [270] пишет она. Тем паче, что она
отлично и горячо умеет говорить о революции:

Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мех –
Звезда российская
Противу всех!
Отцеубийцами –
В какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенский бич!
«Люд земледельческий,
Вставай с постелею!»
И вот с расстрельщиком
Бредет расстрелянный,
И дружной папертью:
– Рвань к голытьбе:
«Мир белоскатертный,
Ужо тебе!» [271]

Но как же мы-то, в СССР, сможем подойти к таким вот стихам о революции,
навеянных непонятной и истерической смесью ненависти с рыдающей жалостью? Или
вот эта горечь изголодавшейся Москвы блокадного времени, несчастной страны,
которая карабкалась окровавленными ногтями, чтобы выползти из той «романтики»,
куда ее усадили Маринины закордонные беленькие приятели:

Слезы – на лисе моей облезлой!
Глыбой – черезплечные ремни!
Громче паровозного железа,
Громче левогрудной стукотни –
Дребезг подымается над щебнем,
Скрежетом по рощам, по лесам.
Точно кто вгрызающимся гребнем
Разом – по семи моим сердцам!
Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегар,
Или же – вдоль насыпи сутулой
Шепоты и топоты татар.
Или мужичонка, нб круг должный,
Зб косу красу – да о косяк!
(Может, людоедица с Поволжья
Склабом – о ребяческий костяк?)
Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
Или же за кровь мою, за труд –
Сорок звонарей моих взбесились –
И болярыню свою поют...
Сокол – перерезанные – путы!
Шибче от кровавой колеи!
– То над родиной моею лютой
Исстрадавшиея соловьи.

Прекрасное стихотворение. И жаль ужасно, что эти исстрадавшиея соловьи
предпочитают звенеть и шелкать над белогвардейской мертвецкой, которая,
оказывается, ни в чем, бедняжка, кроме своей собачьей смерти, не виновата. И как
шелкают, послушайте:

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Уронив лобной облом,
В руку, судорогой сведенную,
– Громче, громче! – Под плеск знамен
Не взойдет уже в залу тронную!..
и т. д.

Хоть все это и называется «Посмертный марш» и не оставляет никакой надежды
отпеваемым... А какое изящество иной раз.

А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, вьюг – твоих – приютство,
Воркотов приютство.
Веретен ворчливых царство,
Волков белых – рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,
Белокаменный, приютский
Для сестры, для братца...
А сугробы подаются,
Пора расставаться.
Ах, в раззор, в раздор, в разводство
Широки – воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!..

Обижаться на Марину, конечно, нечего. Из песни слова не выкинешь, а из сердца и
подавно. Будем верить, что ей незачем больше ворочаться к этим белобандитским
панихидам.

Автор за границей, а это сильно действующее средство не раз излечивало от
реакционного обморока и более постулированных людей, чем поэтессы. Хорошо
проститься с сугробами, плохи ли слезы над ними, – да какова-то жизнь без них?
«Ремесло» – больная, обиженная книжка, но в ней есть истинная боль и этим она
оправдывается. В крайнем случае мы оставим ее в музее, как горький памятник
загубленному дарованию. Революция велика, – могилы вместит, да вместит; это дано
не всякому, а Марина Цветаева еще не жила настоящей Россией.

Е. Зноско-Боровский

Рец.: Марина Цветаева

Ремесло: Книга стихов. М.–Берлин: Геликон, 1923{69}

Книга стихов Марины Цветаевой оставляет на первых порах впечатление довольно
смутное и, пожалуй, не много найдется читателей, которые терпеливо прочтут все
полтораста составляющих ее страниц.

Нет здесь живых картин и ярких образов, зримый и осязаемый мир словно исчезает, и
мы погружаемся в нечто нематериальное и почти бесформенное. Это не сообщает
стихам, однако, характера философского, идейных пьес в сборнике немного. «Солнце
вечера добрее – солнца в полдень»; «низвергаемый не долу – смотрит, в небо»;
«Завтрашних спящих воинов – Вождь и вчерашних, – Молча стоят двойной – Черною
башней» – таковы захваченные наугад общие размышления поэта.

И тем не менее, есть привлекательность и большие достоинства во многих вещах,
составивших этот томик. Заглавие его может даже дать повод думать, что и сам
автор относится к ним преимущественно как к упражнениям на определенные задания,
которые он сам себе ставил. Каковы они именно, эти задания, преодоление каких
именно трудностей стихосложения было его целью – об этом рассказать может только
он сам. Но вот какие особенности «Ремесла» отмечаешь и запоминаешь при прочтении
этой книжки. Лучшие пьесы Марины Цветаевой в этом сборнике ничего не
рассказывают, ничего не описывают, но их стихи текут и поют непрерывно. Если
прочтешь только такую строфу: «А – и – рай. А – и – вей. – Обирай. – Не побей»,
что можно вынести, кроме непонятного набора слов? Между тем, если сказать их
нараспев, с соответствующими ударениями и остановками, сразу возникает яркий
напев какого-то заклятья, которое так отлично продолжается следующими строками:
«Яблоко – яхонт, – Яблоко – золото. – Кто захахнет, Про то знато»[272] и т. д.

Поэтому так охотно автор прибегает к темам песенным или музыкальным.

Вот, например, прелестная новогодняя, с припевом «Грянь, – кружка о кружку»; это

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
один из лучших образцов на русском языке застольной песни:

Братья! В последний час
Года – за русский
Край наш, живущий в нас!
Ровно двенадцать раз –
Кружкой о кружку!
Или вот еще отличный образец марша похоронного:

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает... –
где эта строфа, служащая припевом, отмечает постепенное умирание, все
сокращаясь, уменьшаясь, пока не остаются только два слова:

И марш...[273]
Часто все дело заключается в том, чтобы найти тот лад, в котором должно быть
пропето стихотворение, – и тогда оно вдруг окрашивается, загорается огнями,
расцветается красками.

Как сразу подымается красота, например, стихотворения к Анне Ахматовой, и без
того прекрасного и жуткого:

Кем полосынька твоя
Нынче выжнется?
Чернокосынька моя!
Чернокнижница!
Что Анна Ахматова – «колдунья из логова змиева», [274] это мы знаем давно; но
когда читаешь эти, обращенные к ней стихи, она кажется простой, наивной и
нелукавой рядом с Мариной Цветаевой, которой знакомы все заклятья, покорны все
зелья.

В песенной стихии, объемлющей ее, Марине Цветаевой не нужны, часто вредны
связные предложения с подлежащими, сказуемыми и остальными частями речи. Она
ломает, комкает язык как ей хочется, выкидывает одно, другое слово, сжимает
фразу до одного слова, одного звука.

Конь – хром, – Меч – ржав, –
Кто – сей? – Вождь толп.
Или еще:

Враг. – Друг. – Терн. – Лавр. –
Всё – сон... – Он. – Конь. [275]
Отсюда и некоторая приподнятость тона, никогда не покидающая ее.

Вот портрет Маяковского:

Превыше крестов и труб, –
Крещенный в огне и дыме, –
Архангел-тяжелоступ, –
Здорово, в веках Владимир. [276]
А вот описание глаз в стихотворении М.А.Кузмину:

Два зарева! – Нет зеркала! –
Нет, два недуга! –
Два серафических жерла!
Два черных круга!
Или еще, несколько строк из прелестного портрета кн. С.М.Волконского:

Какое-то скольжение вдоль, –
Ввысь – без малейшего нажима... –
О, дух неуловимый – столь –
язвящий, сколь неуязвимый!
И вот, смутное настроение проясняется. Теперь видишь перед собой творца,
которого словно непрерывно бьет поэтическая лихорадка. Эта изумительная
плодовитость – чуть ли не каждый день по стихотворению; – эти спешащие, друг
друга перегоняющие строчки, отсутствие устойчивых фраз, в напеве ломающийся

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru язык, – беспрестанно электрический ток пронизывает поэта, излучается из него. В этом роде писал и пишет иногда Андрей Белый; и есть что-то декадентское в растрепанности таких стихов.

В этом, быть может, их осуждение. Но редко русский язык обнаруживает свою гибкость, покорность, певучесть, как в стихах Марины Цветаевой. И в этом их несомненная ценность.

Г. Лелевич

1923 год. Литературные итоги

Бесплодная смоковница

Отрывки{70}

Буржуазно-дворянская литература не создала ни одной вещи, которая заслуживала бы серьезного внимания. Ахматова хранила гробовое молчание. ... Более или менее любопытна, может быть, книга стихов Марины Цветаевой «Ремесло», вышедшая в Берлине. Цветаева печатает свои стихи и в нашем добросердечном Госиздате, и в эсеровских «Современных записках», но душа ее вряд ли испытывает подобное раздвоение. Идеологически и психологически Цветаева – целиком эмигрантка. И «Ремесло» – зловещая эмигрантская книга. Наиболее искренни и до жути сильны те строки ее книги, в которых она оплакивает старую Россию:

И марш вперед уже,

Трубят в поход.

О, как встает она,

О, как встает...

Уронив лобяной облом

В руку, судорогой сведенную, –

– Громче, громче! – Под плеск знамен

Не взойдет уже в залу тронную!..

Что выйдет из Цветаевой в будущем, – не берусь гадать; но сейчас эта талантливая поэтесса безнадежно запуталась в эмигрантских силках и тенетах, и ее стихи не принадлежат к тем, которые могут заставить ответно забиться сердца читателей-трудящихся. ...

Ю. Айхенвальд

Литературные заметки

Отрывки{71}

«Записки наблюдателя»[277] – так называется серия литературных сборников, осуществляемая чешско-русским издательством в Праге. Судя по только что вышедшей первой книге, составленной разнообразно, снабженной иллюстрациями, серия эта будет посвящена проблемам обеих культур – как русской, так и чешской. ...

В недостатке сжатости, в разбросанности можно упрекнуть и г-жу Марину Цветаеву. Она свою статью «Кедр», посвященную книге кн. С. Волконского «Родина», сама называет апологией, хотя как раз в апологии прекрасная книга Волконского не нуждается и никто ее не обвинял, не осуждал. Не апологию, а панегирик[278] в неудержимом восторге пишет г-жа Цветаева, и вот именно пишет так, что пробуждает в нас тоску по сдержанности и сосредоточенности. Впрочем, это – вопрос темперамента. По существу же, в основном, трудно с нашей писательницей не согласиться и не полюбоваться на меткость, и тонкость, и задорность многих ее замечаний. ...

Н. Берберова

Рец.: «Записки наблюдателя»

Литературный сборник. Кн. 1. Прага, 1924{72}

Материал сборника далеко не равноценен, но, в общем, книга не безынтересна. Новые стихи Бальмонта, конечно, прекрасны, но звучат как-то слишком знакомо и привычно. Шесть пьес Маковского тоже ничего не прибавляют к облику этого тонкого поэта-дилетанта.[279] Стихи Цветаевой – бессвязно нагроможденный словесный и эмоциональный материал, еще не оформленный до искусства; в ее «Федре» – метрическая попытка, которая могла бы быть интересной, будь она исканием более широкого и гибкого строя, а не поводом, чтобы еще, и по-новому, разнудать слово.

После этого положительно отдыхаешь на первом из стихотворений Одоевцевой:[280] здесь, хотя в малом, есть и равновесие и проясненность, а потому – это уже искусство. О стихах Туринцева лучше умолчать.[281]

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Повесть Крачковского «Желтые, синие, красные ночи» волнует и оставляет в недоумении. Как отнестись к этому мятущемуся потоку раскрепощенных атомов душевного мира, к этому непрерывному смещению угла зрения, к нарушению всех пропорций, искривлению всех линий? Нет остова в этой повести. И все держится лишь непрерывным напряжением подстилающей ее эмоции. Это не художественное создание, а эксперимент – талантливый и интересный, но опасный и вряд ли плодотворный.

Отдел статей очень разнообразен по содержанию: о Блоке, о Манесе, о чешской поэзии, о Шевалье, Шарло и Максе Дэрли, о Дмитриевском. [282] Но ни новых материалов, ни нового подхода к материалу в упомянутых статьях не найти.

Ценны замечания Маковского («К теории графики»). Никак не пройти мимо крикливой статьи Цветаевой о кн. Волконском. Автор прекрасной книги «Родина» уподобляется здесь и Лукрецию, и Гете и даже – «Богу первых дней», и это – с выкрикиванием и причитаниями, – на протяжении более чем тридцати страниц. Просто непонятно, откуда это кликушество по поводу такой спокойной и прозрачной книги.

Н. Светлов

Правый активизм в молодой лирике

Отрывки {73}

Современную русскую поэзию иногда делят на московскую и петроградскую. В то время как первая, возглавляемая группой Леф, [283] является идеологически левой, на три четверти – коммунистической, последняя во главе с Ахматовой и Кузминым до сих пор героически держится против захлестнувшего искусство революционного шторма, сторонясь новаторства, следуя, идеологически и формально, пушкинским традициям.

Московские поэты прежде всего – бунтари.

От пролетарской группы до футуристов – все они, не удовлетворяясь достижениями классической школы, ищут новых способов выражения, ломают метр, категорически порывают со старыми сюжетами или подходят к ним по пути, чуждому шаблону. Удача здесь, конечно, зависит столько же от требований, предъявляемых к себе поэтом, сколько и от его одаренности; все же несомненно, что московские левые «искусствари», по сравнению с петроградцами, значительно шагнули вперед. Это ясно, хотя бы на примере Ахматовой и Маяковского.

В то время как ахматовский интимизм перепевает сам себя и, в условиях нового, рождающегося быта, на три четверти утрачивает свой *raison d'être*, – Маяковский, пользуясь небывальными в русском искусстве приемами, создает поэзию, которую, правда, принято называть плакатной, как будто плакат не может быть фактом искусства, – но которая, несомненно, заряжена огромной динамикой.

У «правых», у групп, объявивших войну коммунизму, плакатного искусства не было. И это не сила их, а слабость. Об этом догадался еще Колчак, поощрявший различные осведовские издания, [284] не имевшие, к сожалению, за отсутствием талантливых людей, никакого успеха.

Встать на трибуну, говорить с массами правое искусство не могло не столько в силу своей «классичности», сколько в силу неблагоприятно слагавшихся социально-политических условий: для него долго не было соответствующей почвы.

Коммунисты же – всеми возможными в голодающей стране средствами – поощряли развитие левого искусства. Это делали они не потому, конечно, что «краса и гордость русской литературы» к ним не идет: просто со свойственной им практической сметкой они оценили динамическое действие левого искусства на массы.

Ведь надо же помнить, что В.Маяковский не есть футурист, как нечто неменяемое, уродец, говорящий на зауми, что это только – для тех, кто до сих пор не выучился читать его стихов, – что его гениальные поэмы, читаемые с эстрады, заставляют слушателей загораться революционным пафосом, что, наконец, марш С.Третьякова на смерть Воровского, [285] написанный для коллективного (совершенно новое в русском искусстве) чтения, – есть искусство, организующее идущую массу.

Левое искусство – на служебной, утилитарной – организующей плоскости, мы же все еще пробавляемся «чистым искусством» (в кавычках, в кавычках!), забывая, что

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
традиции, даже самые лучшие, важны лишь как исходный пункт для дальнейших индивидуальных достижений мастера.

Оттого мы, правые, так и бедны действенным искусством, оттого-то так безнадежно скучны, так лишены динамичности гладенькие стишки Бальмонта.

Наши дни не таковы, чтобы культивировать в себе прекрасноту и эстетизм. Это преимущество победивших, мы же – в борьбе, и все другие культуры, а искусство в особенности, должны перековывать в оружие нападения и защиты.

В этом – цель поэзии идеологически правых групп, и насколько это осуществимо, настолько эти группы – жизненны. Тут, думается, определена связь. Не печальный ли тон стихов покойного талантливого Маслова [286] предсказал гибель омской государственности?..

Прислушиваясь к голосам поэтов-москвичей, мы слышим один голос, молодой и страстный, резко диссонирующий с общим тоном группы.

Это Марина Цветаева.

Идеологически она подошла бы скорее к петроградцам, будучи лишь более определенной и резкой. Больше этого; если Ахматову Осинский и Коллонтай пытаются еще (коммунистически) оправдать, причисляя – один из историко-литературных курьезов – к революционным поэтам, или, во всяком случае, к поэтам, отображающим революционный момент, [287] – то Марину Цветаеву эти и бесчисленные другие совкритики называют определенно «белобандиткой». [288] В те дни, когда добровольческое движение на юге России доживало последние дни, когда перед побежденными стал выбор: гибель или эмиграция, в Москве, где, разыскивая «белых», свирепствовала чека, Марина Цветаева писала такие стихи:

Во имя расправы
Крепись, мой крылатый,
Был час переправы,
А будет – расплаты.
И далее

Тогда по крутому
Эвксинскому берегу,
Был топот побега,
А будет – победы. [289]

Самый поверхностный разбор стихов поэтессы (мы имеем – сборники «Версты», «Ремесло» и поэму-сказку «Царь-Девица», за которую петроградская совкритика и назвала Цветаеву «белобандиткой») и самое поверхностное погружение в стихи ее творчества, – указывает на причастность ее к искусству, выработавшему новые способы выражения. Это, сообщая ее стихам небывалую динамичность – небывалую для правого искусства, – делает их особенно ценными.

Наконец-то у нас есть поэт, которого мы можем читать, кричать с трибуны, поэт, стихи которого не нуждаются в салонном резонансе, ибо настигают вас там, где застигли, и заставляя слушать их, заражая вас определенной энергией, как шелк заражает электричеством палочку сургуча.

Вот, например, «Новогодняя песня», [290] написанная в 22-м году, по силе и крепости словесной сковки не уступающая знаменитому «Маршу» Маяковского. Это тоже марш, весь гремящий трехдольник, заставляющий вас двигаться по определенному пути; это тротиловая бомба, спрессовавшая огромный запас энергии.

Разве сравнить с этими строками «поэтическую» абулию сладенького Бальмонта или крикливый пафос Макса Волошина:

Братья! В последний час
Года – за русский
Край наш, живущий – в нас!
Ровно двенадцать раз –
Кружкой о кружку!
За почетную рвань,
За Тамань, за Кубань,
За наш Дон русский,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Старых вер Иордань...
Грянь,
Кружка о кружку.
И великолепный конец:

Добровольная дань,
Здравствуй, добрая брань!
Еще жив – русский
Бог! Кто верует – встань!
Грянь,
Кружка о кружку!

Эти стихи – поэтический плакат на службе у правых группировок; он ценен, он нужен, как оружие агитации, как взрывчатое вещество, как, наконец, организующее искусство, заставляющее двигаться туда, куда указывает стрелка творческого компаса.

Ибо верно сказал Маяковский:

Никакие советы не сдвинут армии,
Если тон не дадут музыканты! [291]
Дореволюционное же искусство, мало ли в нем колченогой шарманки с шарманщиком на костылях!

Идем далее.

Вот стихотворение.

Каменногрудый,
Каменнолобый,
Каменнобровый
Столб;
Рок.
Промысел, знанье!
Вставай в ряды!
Каменной дланью
Равняем лбы.
Хищен и слеп,
Хищен и глуп.
Милости нет:
Каменногруд.
Ведомость, номер.
Без всяких прочих!
Равенство – мы:
Никаких Высочеств!
Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
Пушкин – на снег,
И Шенье – на плаху.
Это стихотворение пощечина революции.

Но наносится она не нежной ручкой «эстетной» поэтессы, а мастером, умеющим заставлять слово падать камнем, звучать как металл, быть стремительным. Вот, например, стихотворение «Возвращение вождя». Оно, написанное одними ударными слогами, спондеями, – дает впечатление ударов молотка о камень, ритм его замедлен (ибо там, где тире, – пауза) и чрезвычайно, внушительно оригинален:

Конь – хром,
Меч – ржав.
Кто – сей?
Вождь толп.
Шаг – час,
Вздых – век,
Взор – вниз.
Все – там.

Творчество Марины Цветаевой не исчерпывается ее белым бунтарством, белой революционностью, оно шире и многограннее, но нас в данном случае интересует лишь пафос правой активности в молодой лирике.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Он у нее не надуманный, как у Волошина, не эстетизирующий и безвольный, как у Бальмонта: это живая стихия революции, хлынувшая в стихи. И стихи ее – народные, временами почти былинны и воспринимаются как песни... Вот отречение поэтессы от любимой когда-то Москвы:

Как в осьмнадцатом-то

Праведница в белом,
Усмехаючись, стояла
Под обстрелом.
Как в семнадцатом-то
– А? – следочком ржавым
Все сынов своих искала
По заставам.
Вот за эту-то – штыками
Не спокаюсь! –
За короткую за память
Отрекаюсь.
И конец:

Старопрежнее, на свалку!
Нынче, здравствуй!
И на кровушке на свежей –
Пляс да яства.
Вот за тех за всех за братьев
– Не спокаюсь! –
Прости, Иверская Мати!
Отрекаюсь. [292]

В «Посмертном марше» Марина Цветаева поет о добровольчестве как о доброй воле к смерти:

А – в просторах – Норд’Ост и шквал,
– Громче, громче промежду ребрами! –
Добровольчество! Кончен бал!
Послужила нам воля добрая!
И рефрен:

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает.

Таково творчество Марины Цветаевой; повторяем, что мы рассматривали его лишь под углом пафоса правой активности, не затрагивая других сторон, где талант поэтессы столь же ярк и любопытен. Ее стихи первые после революции революционные стихи, насыщенные динамикой, волей к борьбе... ..

Это следующий шаг от Гумилева, от мужества в поражении:

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще, [293] –
от гордости в несчастье, от умения сохранить только свою душу, – к смелым и дерзким атакам врача.

Цветаева не может видеть поражения даже там, где оно надвигается неминуемо, ее пафос непрекращаем как боевая труба, зовет к борьбе:

Над спящим юнцом – золотые шпоры.
Команда – скачь!
Уже по пятам воровская свора.
Георгий, плачь!

Пропали! Не вынесут сухожилья!
Конец! – Сдались!
– Двумолием раскрепощает крылья
Команда: ввысь!
Верность, мужество, вера в удачу своего дела и – самое главное – бодря

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru активность, вот содержание песен Цветаевой. Она, единственная из поэтов правого лагеря, оставаясь все время в Москве, восприняв и преодолев в себе все достижения левого искусства, усвоив его динамику и умение воздействовать на массы, – отдала свое мастерство на служение близкому делу, порвав с интимизмом, с ненужными для наших дней эстетическими мотивами – создавая могучую гражданскую лирику, лирику борьбы, где Муза играет не эмигрантский фокстрот, а великолепный марш, от которого руки сами тянутся к клинку.

И появление у нас таких поэтов – знак, что наши силы не иссякли, что мы нужны:

Добровольная дань,
Здравствуй, добрая брань!
Еще жив – русский
Бог! Кто верует – встань!
Грянь,
Кружка о кружку!

Г. Адамович
Литературные заметки
Отрывок{74}

... Марина Цветаева написала две статьи, обе безмерно-восторженные. Одну о поэме Б.Пастернака, [294] другую о кн. С.Волконском.

Князь Волконский, как все знают, человек очень культурный, даровитый и умный, писатель сдержанный и спокойный. Не думаю, чтобы он мог без усмешки прочесть статью, в которой его ежеминутно сравнивают с Гете, с Лукрецием и бог весть с кем еще.

Не думаю, чтобы в нем вызвал добрые чувства этот кликушеский стиль, бесчисленные восклицательные знаки, многоточия, вскрики, скобки, вся эта претенциозная и совершенно пустая болтовня.

Марина Цветаева, как бы в свое оправдание, пишет в начале статьи от лица каких-то неведомых «нас»:

«Нас, кажется, уже ничем не потрясешь, – после великой фантазмагии Революции, с ее первыми-последними, последними-первыми, после четырехлетнего сна наяву, после черных кремлевских куполов и красных над Кремлем знамен, после саженого: „Господи, отелись!“ на стенах Страстного монастыря, после гробов, выдаваемых по 33-му талону карточки широкого потребления, после лавровых венков покойного композитора Скрябина, продаваемых семьей на рынке по фунтам...»

Это верно. Но после этих действительно потрясающих явлений менее всего способны взволновать или просто дойти до человека такие мелко-неврастенические записи. Есть какая-то фальшь и наивность в столь распространенном теперь стремлении отразить стилистическими судорогами катастрофы последних лет.

Надо очень любить стихи Цветаевой, чтобы простить ей ее прозу. Не могу не сознаться: я очень люблю стихи ее. Хорошая половина цветаевских стихов никуда не годится, это совсем плохие вещи. У Цветаевой нет никакой выдержки: она пишет очень много, ничего не вынашивает, ничего не обдумывает, ничем не брезгует. Но все-таки ей – одной из немногих! – дан «песен дивный дар» [295] и редкий, соловьиный голос. Некоторые ее строчки, а иногда и целые стихотворения, совершенно неотразимы и полны глубокой прелести. Не хватает ей простоты. Пушкин писал жене: «Если будешь держать себя московской барышней, ей-ей разведусь», – цитирую по памяти, едва ли точно. [296] В Цветаевой очень много московской барышни. Не сомневаюсь, что это показалось бы ей упреком не существенным – эстетическим «возраженьицем». Но мне кажется, что это гибельный порок. ...

Г. Адамович
Литературные беседы
[Цикл «Двое»]
Отрывок{75}

... Что с Мариной Цветаевой? Как объяснить ее последние стихотворения – набор слов, ряд невнятных выкриков, сцепление случайных и «кое-каких» строчек. Дарование поэта, столь несомненного, как Цветаева, не может иссякнуть и выдохнуться. Вероятно, она еще найдет себя. Но сейчас читать ее тяжело.

Цветаева никогда не была разборчива или взыскательна, она писала с налета, от

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru нее иногда чуть-чуть веяло поэтической Вербичкой, [297] но ее спасала музыка. У нее нет, кажется, ни одного удавшегося стихотворения, но в каждом бывали упоительные строфы. А теперь она пишет стихи растерянные, бледные, пустые – как последние стихи Кузмина. [298] И метод тот же, и то же стремление скрыть за судорогой ритма, хаосом синтаксиса и тысячами восклицательных знаков усталость и безразличие «идушей на убыль души». ...

Ю. Айхенвальд

Рец.: Марина Цветаева

Молодец: Сказка{76}

Сказка эта написана стихами и написана так, что ее трудно понять. Виною в этом не непонятливость читателя, а непонятливость книжки. Такого мнения держится, по-видимому, и сама сказочница; оттого она и приходит на помощь своему читателю в его затруднительном положении и в одном подстрочном примечании оговаривает: «относится к Марусе», а в другом подстрочном примечании оговаривает: «вопросы ее, ответы – бариновы». Эти пояснения необходимы, потому что текст сам за себя не говорит. Со стороны автора любезно такие пояснения давать, но мы предпочли бы ясность самого текста. Ведь сказка, сказка-складка особенно не имеет права требовать от нас напряжений, и хочется ее воспринимать легко, и хочется, чтобы она была проста и прозрачна. Недаром «Молодец» посвящен Борису Пастернаку, одному из темнейших поэтов современности. Но есть логика смысла и есть логика звуков. Если первая у Марины Цветаевой зачастую отсутствует или, по крайней мере, от читателя прячется, то вторая присуща нашей поэтессе вполне. Г-жа Цветаева роскошно купается в звуках, в стихии русского языка или чрезмерного русизма; и одни звуки у нее влекут за собою другие – с какою-то необходимостью. Таким образом, «Молодец» фонетически оправдан и часто слышишь и слушаешь с удовольствием его самодовлеющее звучание – например, такое: «что ж барин? бражничает? буйствует? шпажничает? жизнью небрежничает? с цветком нежничает; цвет мой – найденыш, жар мой в ладонях, князь мой затворник, красный поддонник». Если же, сверх звуков, вам хочется получить еще и смысловое наслаждение, то для этого изошрите все свое внимание и понимание.

В. Ходасевич

Заметки о стихах

М. Цветаева. Молодец{77}

Рассуждения о народности пушкинских сказок справедливы лишь до тех пор, пока речь идет о сюжете и смысле. По сюжету и смыслу они народны. По сюжету – хотя бы уж оттого, что, кажется, все они (за исключением «Сказки о золотом петушке») в этом отношении прямо заимствованы из народной литературы. По смыслу же – оттого, что вместе с сюжетом Пушкин почерпнул из народной сказки ее действующих лиц, столь же традиционных, как персонажи итальянской комедии масок, – и в своих переработках оставил их носителями тех же идей и переживаний, носителями которых они являются в подлинных созданиях народной массы.

Иначе обстоит дело со строением языка и стиха. Начать с того, что народная сказка, в отличие от былины и лирической песни, почти всегда, если не всегда, облечена в прозаическую форму. У Пушкина все его девять обработок сказочного сюжета – как раз стихотворные. Вдобавок, из этих девяти – только три («Сказка о попе», «Сказка о рыбаке и рыбке» да неоконченная сказка о медведях) по форме стиха в той или иной степени приближаются к образцам народного творчества. Из прочих – пять писаны чистопробнейшим книжным хореем, а шестая ямбом, да еще со строфикой, явно заимствованной из бюргеровой «Леноры» [299] («Жених»).

Так же, как размер стиха, язык пушкинской сказки в основе своей – тоже книжный; отмеченный всеми особенностями индивидуально-пушкинского стиля, он в общем восходит к литературному языку XIX века, а не к языку народного (или, как иногда выражался сам Пушкин, простонародного) творчества. То же надо сказать о преобладающих интонациях, о характерно-пушкинской инструментровке, наконец – о рифмовке, лишь изредка приближающейся к той, какую мы встречаем в настоящей народной поэзии.

Поэтому, если допустить, как это иногда делается, будто Пушкин в своих сказках хотел в точности воспроизвести народную словесность, то пришлось бы сказать, что из такого намерения у него ничего не вышло, что книжная литературность у него проступает на каждом шагу и сказки его надо не восхвалять, а резко осудить, как полнейший стилистический провал.

Но в том-то и дело, что Пушкин, почти всегда умевший осуществлять свои замыслы в

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru совершенстве, не ошибся и на сей раз: то, что он хотел сделать, он сделал великолепно. Только сказки его не следует рассматривать как попытку в точности повторить стиль сказок народных. Пушкин не был и не хотел сойти за какого-то Баяна. Был он поэтом и литератором, деятелем книжной, «образованной» литературы, которую любил и которой служил всю жизнь. Как бы ни восхищался он «простонародной» поэзией, в его намерения не входило подражать ей слепо и безусловно. Конечно, в свои сказки он внес немало заимствований оттуда, но это сокровища, добытые во время экскурсий в область народного творчества и использованные по возвращении домой, в область литературы книжной. Пушкин отнюдь не гнался за тождеством своих созданий с народными. Он не пересаживал, а прививал: прививал росток народного творчества к дереву книжной литературы, выгоняя растение совершенно особого третьего стиля. В том и острота пушкинских сказок, что их основной стилистической тенденцией является сочетание разнороднейших элементов: прозаического народно-сказочного сюжета и некоторых частей, заимствованных из стихотворного народно-песенного стиля – с основным стилем книжной поэзии. Законно ли такое сочетание? Удачно ли оно выполнено? – Только с этих двух точек зрения можно судить сказки Пушкина.

Белинский их осудил: «Они, конечно, решительно дурны, – писал он. – Мы не можем понять, что за странная мысль овладела им (Пушкиным) и заставила тратить свой талант на эти поддельные цветы. Русская сказка имеет свой смысл, но только в таком виде, как создала ее народная фантазия; переделанная же и прикрашенная, она не имеет решительно никакого смысла».[300]

По существу, мы можем не согласиться с оценкою Белинского: такая переработка, особенно – раз она сделана Пушкиным, имеет в наших глазах самостоятельный и высокий смысл. Но надо признать, что подход Белинского верен: несправедливо осудив пушкинские создания, он все же правильно понял намерение Пушкина – дать книжную обработку сказочных сюжетов.

Как известно, Пушкин однажды дал П.В.Киреевскому собрание народных песен, сказав: «Когда-нибудь, от нечего делать, разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам».[301] Однако, разобрать это не удалось ни Киреевскому, ни кому-либо другому: наглядное доказательство того, что Пушкин, когда хотел, мог подражать народному стилю до полной неотличимости. Его собственные «Песни о Стеньке Разине» почти не отличимы от записанных им. Почему же, владея народным стилем в таком совершенстве, Пушкин не применил своего умения в сказках? Ответ, мне думается, возможен только один: именно потому, что хотел найти тот третий стиль, о котором говорено выше: не народный, не книжный, а их комбинацию. Изучение полученной смеси еще далеко не произведено, да и невозможно с математической точностью установить принятую Пушкиным «дозировку». Однако, основываясь на своих наблюдениях, я бы сказал, что в стиле пушкинских сказок элементы народного и книжного стиля смешаны приблизительно в отношении 1 к 3: 1 – народное, 3 – книжное.

Надо заметить, что в поисках этого третьего стиля Пушкин вовсе не был новатором. Попытки того же порядка делались и до него. В сущности, он только внес в это дело свои знания, свой вкус и свое мастерство. Это отметил и Белинский. Принципиально возражая против того, что считает «прикрашиванием» народной поэзии, о пушкинских сказках он говорит: «Все-таки они целую голову выше всех попыток в этом роде наших других поэтов».

Пушкинская традиция в обработке народной поэзии утвердилась прочно. Начиная с Ершова, в точности повторившего пушкинскую манеру, пушкинская «дозировка» в смешении народного стиля с книжным сохранилась до наших дней почти без изменения, как в эпосе, так и в лирике. Даже Кольцов, сам вышедший из народа, пошел по пушкинскому (или до-пушкинскому) пути: по пути, так сказать, олитературивания. То же надо сказать об Алексее Толстом, о Некрасове; в наши дни – о С.Городецком, о Клюеве, Клычкове и др. Эти поэты разнятся друг от друга дарованиями, но методологически их работы принадлежат к одной группе: книжность в них стилистически преобладает над народностью. Едва ли не единственным исключением является «Песня о купце Калашникове», в которой стиль народной исторической песни преобладает над книжным.

Только что вышедшая сказка Марины Цветаевой «Мблodeц» (Прага, 1925. Издательство «Пламя») представляет собою попытку нарушить традицию. Цветаева изменяет пушкинскую «дозировку». В ее сказке народный стиль резко преобладает над книжным: отношение «народности» к «литературности» дано в обратной пропорции.

Известная непоследовательность и у Цветаевой налицо: сказку пишет она стихом народной лирической песни. Но надо прежде всего отдать ей справедливость: этот стих ею почувствован и усвоен так, как ни у кого до нее.

Новейшие течения в русской поэзии имеют свои хорошие и дурные стороны. Футуристы, заумники и т. д. в значительной мере правы, когда провозглашают самодовлеющую ценность словесного и звукового материала. [302] Не правы они только в своем грубом экстремизме, заставляющем их, ради освобождения звука из смыслового плена, жертвовать смыслом вовсе. Некоторая «заумность» лежит в природе поэзии. Слово и звук в поэзии – не рабы смысла, а равноправные граждане. Беда, если одно господствует над другим. Самодержавие «идеи» приводит к плохим стихам. Взбунтовавшиеся звуки, изгоняя смысл, производят анархию, хаос – глупость.

Мысль об освобождении материала, а может быть, даже и увлечение Пастернаком, принесли Цветаевой большую пользу: помогли ей найти, понять и усвоить те чисто звуковые и словесные задания, которые играют такую огромную роль в народной песне. Народная песня в значительной мере является причитанием, радостным или горестным; в ней есть элемент скороговорки и каламбура – чистейшей игры звуками; в ней всегда слышны отголоски заговора, заклинания – веры в магическую силу слова; она всегда отчасти истерична – близка к переходу в плач или в смех, – она отчасти заумна.

Вот эту «заумную» стихию, которая до сих пор при литературных обработках народной поэзии почти совершенно подавлялась или отбрасывалась, Цветаева впервые возвращает на подобающее ей место. Чисто словесные и звуковые задания играют в «Мулодце» столь же важную роль, как и смысловые. Оно и понятно: построенная на основах лирической песни, сказка Цветаевой столько же хочет поведать, сколько и просто спеть, вывести голосом, «проголосить». Необходимо добавить, что удастся это Цветаевой изумительно. Я нарочно не привожу цитат, ибо пришлось бы перепечатать всю книгу: за исключением двух-трех не вовсе удачных мест, вся сказка представляет собою настоящую россыпь словесных и звуковых богатств.

Конечно, никакая попытка воссоздать лад народной песни невозможна без больших знаний и верного чутья в области языка. Цветаева выходит победительницей и в этом. Ее словарь и богат и цветист, и обращается она с ним мастерски. Разнообразие, порой редкость ее словаря таковы, что при забвении русского языка, которое ныне обще и эмиграции, и советской России, можно, пожалуй, опасаться, как бы иные места в ее сказке не оказались для некоторых непонятными и там, и здесь.

На некоторые затруднения натолкнется читатель и при усвоении фабульной стороны. Однако причиной этому – не авторская неопытность. Сказка Цветаевой построена на приемах лирической песни. Лирическая песня почти не имеет повествовательных навыков. Для этого она слишком отрывочна и слишком любит говорить в первом лице. Чтобы изобразить ряд последовательных моментов, Цветаевой, в сущности, приходится превратить сказку в ряд отдельных лирических песен, последовательностью которых определяется ход событий. Это, конечно, ведет к некоторым как бы прорывам в повествовании, к спутанности и неясности. Недаром автору пришлось в нескольких местах сделать пояснительные подстрочные примечания. Но повторяю – это темнота, которую при данных условиях вряд ли можно было избежать и которая, кстати сказать, отчасти свойственна и народной лирике, всегда слабоватой по части построения.

Выше я указал, что Цветаева нарушает «пушкинскую» традицию в отношении народного стиля к книжному. Действительно, давая преобладание народному, она все же вводит в свою сказку некоторые приемы литературы книжной. Самая мысль рассказать сказку путем соединения ряда лирических песен – конечно, книжная. Книжными кажутся и некоторые частности, подробное перечисление которых заняло бы слишком много места. Как пример – укажу на прием не только «книжный», но даже почти типографский: на сознательный пропуск некоторых рифмующих слов, которые должны быть угаданы самими читателями. Этот интересный, но слегка вычурный прием, если не ошибаюсь, впервые применен П.Потемкиным в книге «Смешная любовь» (1907 г.). [303]

Восхваление внутрисоветской литературы и уверения в мертвенности литературы зарубежной стали в последнее время признаком хорошего тона и эмигрантского

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
шика. [304] Восхитительная сказка Марины Цветаевой, конечно, представляет собою явление, по значительности и красоте не имеющее во внутрисоветской поэзии ничего не только равного, но и хоть могущего по чести сравниться с нею.

Г. Адамович
Литературные беседы
Отрывок {78}

Нельзя сомневаться в исключительной даровитости Марины Цветаевой. Читая ее, нередко приходится думать: «победителей не судят». Все средства, употребляемые ею, – качества не перворазрядного. Вся внешность ее поэзии – скорей отталкивающая. Тон – льстивый, заискивающий, большей частью фальшивый. Но настоящий художник всегда обезоруживает, наперекор предположениям: так и Цветаева. По редкому дару певучести, по щедрости этого дара ее можно сравнить с одним только Блоком. Конечно, шириной, размахом, диапазоном голоса Цветаева значительно превосходит Анну Ахматову. Если же мы, не задумываясь, отдадим «пальму первенства» Ахматовой, то только потому, что стихи – не песня и поэзия все-таки не музыка.

«Молодец» – только что вышедшая сказка Цветаевой – вещь для нее очень характерная. Она кажется написанной в один присест. Есть страницы сплошь коробящие, почти неприемлемые. Все разухабисто и лубочно до крайности. Нужен был подлинный и большой талант, чтобы из этого болота выбраться, чтобы всю сказку спасти. Цветаевой это оказалось под силу. Она дыханием оживила стилистически мертвые стихи. Более того: «Молодец» в целом – очаровательная вещь, очень свежая, истинно-поэтическая. Закрывая книгу, ни о каких недостатках не помнишь. Все кажется прекрасным. Опасно требовать большего от поэта.

Но постараемся холодно разобраться во впечатлении. Замысел «Мулодца» может заинтересовать и растрогать даже в простом пересказе. Это история об «упыре» или оборотне, влюбившемся в бойкую деревенскую Марусю. Начало сказки отдаленно напоминает баллады Бюргера и Жуковского, последние страницы – погоню в «Лесном царе»: так же все страшно и чудесно. Это – старая тема вторжения смерти в живую непрерывающуюся жизнь, тема всегда действенная, всегда словно распахивающая окно в мир пугающий и влекущий. Если и правда, что о любви и смерти все человеческое искусство, то ведь говорит-то оно о любви, а на смерти оно только обрывается. Дальше страх или надежда, но всегда вопрос. Попытка проникнуть туда всегда поражает сознание, как поражает нас самое страстное, самое восторженное и, может быть, прекраснейшее стихотворение Пушкина «О, если правда, что в ночи» – об этом.

Сказка Цветаевой написана языком не разговорным, не литературным или книжным, а «народным». Я отдаю должное изобретательности Цветаевой, если она изобрела большинство встречающихся в ее сказке оборотов и выражений. Я преклоняюсь перед ее знанием русского языка, если она все эти речения взяла из обихода, а не выдумала. Не берусь судить, какое из двух предположений правильное. Но с уверенностью я говорю: насколько наш обыкновенный, простой, развенчанный и оклеветанный «литературный» язык богаче, сильнее, выразительнее цветаевского волапука! Сколько возможностей дает обыкновенный русский синтаксис, хотя бы в объеме учебника Смирновского, [305] по сравнению с монотонно-восклицательным стилем Цветаевой.

Месяц – взблестами
Звяк об стеклышки.
Чаркой по столу:
С милым чокнуться.
Вплавь. Вскачь.
Все – в раз.
Пляс. Плач.
Плач. Пляс.
(стр. 57)

Эти строки дают представление о тоне сказки. Если бы русский народ изъяснялся так, иностранцы были бы правы, утверждая, что все русские – полупомешанные, тоquйs.

Некоторые страницы «Мулодца» гораздо больше напоминают Андрея Белого, чем народные песни, – например, вся глава о «мраморах».

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Очень хороши диалоги. В них убедительная певучесть цветаевского стиха
сказывается сразу и в них она «уместнее», чем в других частях рассказа. ...

В. Амфитеатров

Рец.: Марина Цветаева

Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924{79}

Предел inferнальности в русском фольклоре – «любовь мертвеца» (мрачная тема, последним несчастьем своим, страстностью своей недозволенности, и недозволенностью своей страсти, соблазнявшая столько поэтов – от Гете и Лермонтова и до Бодлера и Брюсова): не в глупом черте, существе почти добродушном и легко надуваемом, – воплощает русская сказка – Тьму и Мрак; подлинный ее Сатана – не нечисть, а – мертвец, дерзостно восхотевший вернуться «со смертью занавешанных тихих берегов», – в шум, блеск, пляс земной жизни, загробный сладострастник, навье.

Насыщенность образов – и разнообразие ритмики полно и явственно воплощают в сказке М.И.Цветаевой – сладострастную жуть русского вампиризма, обаяние его неодолимого нечестия: «Молодец» – подлинная сказка, злая и страшная...

Не все – приемлемо в «Мулодце». Не говоря уже о некоторых более мелких погрешностях, «топора литого олова» или нежити, вкушающей соль – есть в сказке М.И.Цветаевой – вызывающие протесты неологизмы («нечеловецк свет»), и какофоничность («Сгреб – не дает. Брык – скок – бег – лет. – Поводом рвет – парусом бьет» или «Ан – в храм – тот – сап: – Встань, барин – млад, скидай халат. Слезай в парад»), и выверт (паузы, усекающие конец слова: «Наш знакомец то, грызет уло...» или «Нынче мать загры...»).

Утомляет однообразие темпа: при разнообразии ритмов, – «Молодец» почти целиком написан как плясовая – *allegro molto*: лишь очень редко Цветаева вносит – *ritenuto*: таково, например, прекрасное начало «Херувимской», развивающееся, плывущее широкой, почти кантиленой темой:

И еле – как будто бы мысли сказались –
Над барыней – шелест:
– Проснись, моя зависть!
И брежно – как будто слезою колеблясь –
Над барыней дребезг:
– Проснись, моя ревность!

Но чаще стих Цветаевой мчится бешеным *presto*, поражая неукротимыми диссонансами, жесткий, шершавый, угловатый: хрюк фаготов, гнус гобоев, клик тромбонов, рокот литавров и лязг тарелок в нем гораздо слышнее певучего стона скрипки или широкого рыдания виолончели.

Говорю это не в осуждение «Мулодца», утомляя, – создает то, что является смыслом, сутью всякой поэзии, – очарование. Незабываемым сохраняется и плясовой парафраз: «Ах, вы, сени мои», – словно сказанный в слове – отрывок из «Петрушки» Стравинского: [306]

Эй, звоночки, звончей вдарим
Наша новая дуга
Молод барин, холост барин
Стар у барина слуга.
Эй вы кони мои,
Кони мои
Собственные.
И трубный вопль:

Оттого, что клад
Закопали в тай:
Жемчугом! Золотцем!
Оттого, что ад
Мне кромешный – рай
С молодцем! С молодцем!
И легко летящая мелодия:
Твои очи голубы.
Мои мысли вздорные,
Твои очи голубые,
А бывают черные.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И многое другое, на чем лежит печать истинной поэзии.

В. Амфитеатров

Рец.: Марина Цветаева

Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924{80}

«Молодец» – самые подходящие стихи для танца под декламацию, некогда усиленно пропагандировавшегося в Москве г. Александром Струве: [307] Это – сплошная пляска, где ритм и темп властвуют нераздельно, оттесняя на задний план – образность, очень причудливую, иногда ошеломляющую, но которая, кроме очаровательного рассвета: «И дале, и возле, и звоном, и вязью... Рассветные сквози... Рассветные связи» («Молодец», ч. II, 5), почти не запоминается: настолько внимание приковано к ритмике поэмы.

Именно захват ритмической стихией является причиной многочисленных дерзостей «Мулодца»: удлинения слов и размещение их на разных строках («Он – дай, ты – на»... О – на: «не зна – ю, не помню...») (Ibid, 2), пауз, усекающих конец слова (прием еще невиданный, если не считать институтской переделки лермонтовского стихотворения: «И ску, и гру, и некому ру»...).

Последний фокус – иногда приводит к блестящему эффекту:

Лют брачный твой пир,
Жених твой у –
(Ibid, ч. 1, 3).

Здесь отпадает, конечно, «пир», создается впечатление предсмертного прерывистого шепота... Но –

Стоит наш знакомец-то,

Грызет упо –

уже не грозно, а комично: и едва ли не естественны два вопроса: вкусно ли «упо» это самое? – и что оно такое? учреждение в Совдепии или кинофирма в Берлине?

Ритмы «Мулодца» внешне очень разнообразны, но внутренне они едины: это – все время – русская пляска, трепак... хороводный круг...

Иногда он обнаруживается не таясь, почти в бытовой окраске: «Синь да сгинь – край села, рухнул дуб, – трость цела. У вдовы, у той, у трудной дочь Маруся весела» (Ibid, 1), иногда – переходит в лунную, скользящую замедленность призрака: «Громки мраморные долы, а ее шаги – как в золы, громки ржавленные скрепы – а ее шаги – как в пеплы»... (Ibid, ч. II, 2), иногда – превращается в бешеную скачку жестких какофоний, скороговорки: «Сгреб – не дает. – Брык – скок – бег – лет – поводом рвет, парусом бьет» (Ibid); страстным иногда вызывает воплем («Оттого, что клад закопали в тай; жемчугом! золотцем! Оттого, – что ад мне крошечный – рай: с молодцем! с молодцем!»); то мчится отчаянным стремительным летом («Через пень-колоду – топом, через темь-болото – следом, табуном – летит – потопом, чугуном – гремит – железом»), то, как плющ, обвиняет ползучим inferнальным заклинанием («И сле – как будто бы мысли сказались – над барыней шелест: – Проснись, моя зависть! И брежно – как будто слезою колеблясь – над барыней дребезг: – Проснись, моя ревность!»), то наконец распадается в неясный сумбур адского шабаша. – («Вот вам, гикоты – торги, мое дитяtko – труд! Вот вам, ярмарка – орда, моя барыня – строга! Чур не щупать! За версту дивись!» или еще: «Тут как взвизгнут, растопырься: – Должно в гирьях! должно в гирьях!.. стакан – dna нет, кругом – хари... Тут, как грянут, тут, как вдарят...»)

Но всегда – ритм «Мулодца» во всех своих многообразиях есть пляс... Несколько утомительный, но придающий сказке – законченность и единство.

В заключение – несколько протестов: я очень сомневаюсь, чтобы про нечистую силу можно было сказать: «Христом просят» или «Ехать за хлеб, да за соль!»: всякому, мало-мальски знакомому с этим малопочтенным миром, – ведомо: нечисть, немочь, нежить не в состоянии выговорить Имени Спасителя и никогда не ест соли; качества сии подтверждены всеми фольклорами, – и найти обратное в русской сказке – странно.

Затем – «топор литого олова», конечно, невозможен: таким топором ничего не срубишь: олово – металл мягкий.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И, наконец, последний, самый горячий, протест против формы «нечеловецк» (вместо «нечеловеческий»): это – неуклюже, какофонично, похоже на название уездного города, а – главное – так не в духе и стиле языка, что странно встретить это у поэта, чувствующего национальную стихию и к ней влекущегося.

Н. Цуриков

Неприятная выходка{81}

Журнал «Своими Путиами», вероятно, в целях «исторической объективности» и «полноты» один из своих номеров (посвященный России) украсил портретами большевистских вождей. [308] Этот «номер» редакции был назван мною «блудной» типично эмигрантской затеей, а поступок редакции (не журнал) охарактеризован словом «эмигрантщина» («Возрождение», № 125). [309]

В своей статье я писал, что идейный журнал не есть историческая хроника и что поступок редакции есть характерный пример той распространяющейся «эмигрантской» болезни, которую один из редакторов журнала охарактеризовал как потерю собственного лица из-за стремления принять новое лицо родины. [310]

Я не думал, что поступок редакции характерен для всего журнала вообще, и мне казалось, что все, мной сказанное, чрезвычайно бесспорно и элементарно, и я не предполагал к нему возвращаться. К сожалению, я ошибся.

Не столько в защиту журнала, сколько для посрамления меня, и персонально, и в качестве «возрожденца», выступила в «Днях» М.И.Цветаева, указав, что она одна из сотрудниц журнала. [311] Может быть, она сочла нужным упомянуть об этом не в качестве обоснования своей статьи, но так как-то вышло. И потому, для ее сведения: некоторые мои добрые знакомые, статьи которых были помещены в журнале, без особого волнения отнеслись к моей статье, может быть, потому, что они понимали, что моя статья их не касается, может быть, потому, что «иллюстрации» им самим особого удовлетворения не доставили. Кроме того, если М.И.Цветаева начнет впредь обижаться за все журналы, в которых печатаются ее стихи, проза или статьи по искусству, то положение не столько зарубежной печати, сколько ее собственное, станет критическим. Придется только и делать, что обижаться, ибо М.И.Цветаева помещала свои произведения и в «Русской Мысли» и... в «Воле России». Диапазон порядочный!

В области публицистики М.И.Цветаева, по-видимому, новичок. Это видно из того весьма полезного урока, который она получила от редакции «Дней», на страницах которых она занялась моим «опозорением». М.И.Цветаева начинает свою статью с горькой жалобы на то, что журнал «Своими Путиами» замолчан прессой, а «Дни» в редакционном примечании отвечают: вы ошибаетесь, сударыня, мы этот журнал в свое время основательно обругали. Стихи помещают без комментариев, а с публицистикой надо быть осторожнее и не ходить «чужими путями». Во всяком случае М.И.Цветаева права, о «плохой прессе» журнала теперь говорить уже не приходится.

Что она пишет, – в отличие от меня, по ее словам «потерявшего равновесие», в своей «корректной» и «спокойной» статье, носящей совсем не полемический заголовок «Возрожденщина» (?!). Это не легко понять, но вот как будто три основных положения. Первое. Я не смел говорить об одном только поступке редакции «Своими Путиами», а должен был непременно писать рецензии чуть ли не о всех вышедших номерах. Нелепая претензия! Увижу я, скажем, как кто-нибудь на улице бьет ребенка и напишу об этом поступке, характеризуя нравы общества, и вдруг на меня накинутся: «Да вы знаете биографию этого человека? Он так любит детей!». Не знаю, да и знать не хочу, не обязан. Впрочем, я ведь подчеркнул антибольшевистский текст журнала, а с одной из основных для журнала статей – даже согласился! Максимум внимания.

Второе. Я будто бы Герцена от Ленина не отличаю, и в одну кучу их свалил. Это заключение – на основании моей фразы: «прежние эмигранты, начиная с Герцена и кончая Лениным...» Мне думается, что не только совесть, но и грамматика не дают возможности так толковать мою фразу. Если я напишу: начиная с Архангельска и кончая Севастополем, то накидываться на меня, утверждая, что я не знаю географии, и приписывать мне мысль, будто эти города находятся по соседству – и смешно, и бездоказательно. Это уже, действительно, чистая демагогия.

Третье. К сожалению, М.И.Цветаева сочла нужным поставить свой штамп на поступке редакции «Своими Путиами». Зачем понадобилось большим поэтическим именам поддерживать маленькое и явно гиблое дело – не понимаю. Тем более, что большие

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru имена не спасают ничтожных аргументов. Что же она говорит по существу моего обвинения? «Историчность не позорна, Дзержинский есть история, значит, и его портрет в эмигрантском журнале не позор...» И это все? Нет, есть еще, уже не от разума, а от чувства. «Ненависть – страсть, и требует достоверности. Дзержинский – олицетворение моей ненависти, хочу видеть ее лицо...» (?!). Теперь все.

Что же тут скажешь, ну и смотрите и любуйтесь от ненависти! Ведь я же писал: «Если редакция вздумала издавать справочник для террористов, то это так и надо было оговорить».

И наконец завершение всего... Имена Г.Гейне, Фета и Гумилева, «по моему чувству, – заявляет М.И.Цветаева, – неуместны на злободневных устах автора Эмигрантщины», сотрудника, по характеристике М.И.Цветаевой, «гнилого ковчега Возрождения».

Это уже геркулесовы столпы! Можно ли, даже в самом густом чаду полемики, до таких вещей договориться! Если бы это был только истерический вопль, можно было бы лишь пожалеть о нем. Но, к сожалению, есть в этих словах не только публицистическая беспомощность, но и... нечто худшее.

Я вовсе не думал сражаться именами Фета и Гумилева, особенно последнего, и никогда не пришло бы мне в голову отнимать у кого-нибудь право любить его и произносить его имя, но теперь М.И.Цветаева вынудила меня расшифровать смысл ее «удивительной» фразы.

Чьи это уста получили патент на произнесение имени Гумилева. Поэтов, небожителей, членов аристократического пантеона, роняющих со своих уст только «вечные слова»? О, если бы так, то мы еще готовы были бы смолкнуть. Но хлесткая статья «Возрожденщина» написана и не стихами и не поэтессой М.И.Цветаевой. Ибо нельзя же в самом деле думать, что звание поэта делает все его действия поэтическими. Я не поэт, а публицист, но уверяю вас, что когда я покупаю сапоги или хожу в баню, я не думаю, что совершаю публицистические акты. А раз так, раз дело не в поэтах, противопоставляемых «злободневности», а, очевидно, в «гнилом ковчеге», то уж позвольте мне сказать следующее:

Да, Гумилев замечательный русский поэт, и мы не думаем, что благодаря тому, что он был религиозен, был монархистом, был офицером и Георгиевским кавалером, только монархисты и офицеры вправе считать его своим. Нет, право любить стихи поэта Гумилева принадлежит каждому и притом не только пишущему стихи.

Но Гумилев не только поэт. Образ Гумилева есть ослепительный образ героя. Он наша гордость, он порука тому, что в России были и есть люди, не склонившие своей гордой головы перед хамами и убийцами. Гумилев не прошлое, а настоящее и будущее. Его имя призывает к мщению и непреклонной непримиримости. Был ли он заговорщиком или не был, все равно. И его жизнь, и его смерть героичны, они призывают к героизму и они не дают людям забыть своего патриотического долга, они напоминают, они будят совесть и они проклинают всех, забывших дело его жизни и его смерти. И вот благодаря этому я и думал, что газета, поставившая своей первой целью утверждение дела белых героев: русских офицеров Корнилова, Алексеева, Маркова, Дроздовского[312] и всех живых их сподвижников, боевых товарищей и продолжателей – имеет во всяком случае не меньше права на произнесение имени офицера-поэта, героя внутренней России – Гумилева... чем газета «Дни» и те, кто в ней пишут.

Может быть, и поэт М.И.Цветаева, некогда воспевавшая Галлиполи,[313] – поймет это и в глубине души признает неправой... публициста М.И.Цветаеву.

Г. Адамович
Литературные беседы
Отрывок{82}

... Статья Марины Цветаевой о Германии[314] вызвала некоторый «шум». О ней идет много разговоров. Очень уж неожиданна тема ее и заразительно цветаевское восхищение Германией – «продолженной Грецией, древней, юной».

Статья помечена 1919 годом. Увидев пометку, я вспомнил появление Цветаевой в Петербурге, в первый год войны, кажется. Тогда все были настроены патриотически, ждали близкого суда над Вильгельмом и разделения его империи между союзниками. Цветаева, слегка щуря глаза, сухим, дерзко-срывающимся голосом, читала:

Германия – мое безумье!

Германия – моя любовь! [315]

Стойкая, значит, была любовь, не ослабевшая с годами.

О том, как написана статья, говорили меньше. У людей простодушных она вызвала недоумение: бред какой-то, чушь – многоточия, скобки, опять многоточия, восклицательные знаки, ни конца, ни начала, ничего не понять! Читатели более искушенные даже не заметили, что статья написана хаотически. После Розанова и Белого ничем человека не удивишь.

Между тем по поводу прозаического стиля Цветаевой стоит задуматься.

Нет спору, Цветаева чрезвычайно даровита. Не менее ее даровит и своеобразен Розанов, да ведь и у Андрея Белого можно отрицать все, кроме таланта. Однако до чего схожи цветаевские писания с розановскими или с монологами Андрея Белого, и какая скудость сквозит в этом сходстве! Эти писатели стремятся передать пером малейшее движение, легчайший оттенок мысли. Они презирают «школьный» синтаксис. Им кажется условным и мертвенным искусственное построение фразы, а исправление или – Боже упаси – обтачивание ее для них прямое кощунство. Их обуревают стремление дать фразу «еще теплую». Их прельщает бесформенность разговорной речи.

Казалось бы: их слог должен быть безмерно богаче и ярче, чем слог любого другого писателя. Ведь мысль их не знает никаких препятствий, их воле все доступно. Читая Розанова, все и восхищались до слез, до последних пределов умиления. Но когда после Розанова появились его стилистические продолжатели, то оказалось, что продолжать нечего. Все оказались похожи на Розанова, как ни разнились от него душевно и умственно. Разговорность речи всех обезличила. Отдельные блестящие индивидуальности сбились в одно стилистическое стадо.

Марина Цветаева, если бы она пожелала выработать у себя подлинный стиль, если бы она не довольствовалась первой попавшейся, кое-какой фразой, увидела бы, что теперешняя ее свобода – мнимая, что она сковывает и ежеминутно предает ее. Она увидела бы, насколько больше бы удалось ей сказать, насколько лучше сказать.

Кроме того: «Мысль изреченная есть ложь». [316] Под обманчивой парадоксальностью тютчевского афоризма есть глубокая истина. Мысль может и не оказаться ложью в слове, но какой-то остаток мысли всегда, навеки, неизбежно остается недоговоренным. У Цветаевой кажется, что в стиль уложилась вся мысль, до последней крупинки. Но, конечно, это только кажется. Однако именно тем она так страшно и обедняет себя, что притворяется в каждой случайной, пустой газетной статье выболтавшейся до конца.

А. Рудин

Рец.: Марина Цветаева

Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924{83}

Могучему дару вживания во все тонкости и особенности народной речи мы должны быть благодарны нашей родной, русской поэтессе, в прекрасной обработке одарившей нас сказкой о девушке, полюбившей упыря. Ведь мы так мало знаем и ценим нашу народную литературу. То, что дала Марина Цветаева в своей сказке, – не стилизация народного сюжета, – это смелая и единственная в этом роде попытка передачи народным же складом всей музыки и ритма русской народной песни-сказки, попытка, блестяще удавшаяся...

Закрываешь книгу, а в ушах все звенит:

Верста слева, верста справа.

Верста в брови, верста в тыл.

Тому песня, тому слава,

Кто дорогу породил.

И само собой напрашивается мысль, что последний стих мы должны отнести к самому автору, «породившему» новую дорогу к кладезю народной песни.

Е. Простов

Литературно-житейские разговоры

Отрывки{84}

... Весь журнал густо насыщен политикой. [317] Для будущего историка нынешних

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru социальных взаимоотношений и исследователя их в прошлом – материал занятый и неисчерпаемый. Но рядовому читателю, обозревателю в конце концов становится совсем тяжело... Ищешь оазиса хоть в литературном отделе, но и здесь – «нет отдыха измученной душе, отрады и забвенья». [318] Талантливы, конечно, А.Ремизов [319] и Марина Цветаева, но... «выверт» их заел. От гримас становится тошно, как от того «рая», о котором поет Цветаева:

Рай – с драками?

Без раковин

От устриц?

Без люстры?

С заплатами?!

Зря плакали:

У всякого

Свой. [320]

Вообще об этих двух писателях «держав» сказать, что не только мне они не по душе. Есть, конечно, любители и в гастрономии, предпочитающие ласточкины гнезда и сыры с миниатюрными ползающими червячками в гречневой каше; о вкусах, понятно, не стоит спорить. Но нельзя отрицать того, что большинство читающих от них лишь изнемогает, усваивая эту с трудом перевариваемую пищу (то со стиснутыми, то со скрежещущими зубами) по велениям моды и подражания. История безкостюмного андерсеновского короля! ...

Да, совсем большой и красивый талант Марина Цветаева! С размахом и безудержной удалью. Но чувствуется он лишь в те моменты, когда он дает яркие вспышки искренности, здоровой простоты и самобытности. Сильное индивидуальное, эпическое дарование – а когда ветер временами сметает с него мусор неуклюжей словесной заимствованной от века и среды манеры, тогда отдыхаешь на тепле и свете этого яркого русского горения. А потом – опять заволакивание чадом преходящей эпохи, болезненной «литературщины».

Я не переношу никакой «прилизанности», «вылизанности», «ganz-аккуратности» и напомаженности в словесном творчестве, в словесных красках, не люблю их и в живописи; но, с другой стороны, представляются нестерпимыми и словесная разнузданность, растрепывание неприбранной шевелюры, сумбур загрязненных лохм и патл у субъекта, притворяющегося каким-то юродивым. Всякому чудачеству и образности имеются свои пределы. При всем моем преклонении перед дарованием Цветаевой часто им возмущаюсь.

Читаешь какое-нибудь длинное, большое стихотворение... И ровно ничего в нем не понимаешь: какой-то бессвязный, смысла лишенный набор слов. «Будущего» ли это музыка? Или «издевка» над чинопочитающим?

Оставим всякие пожелания... Марина Цветаева, надо верить, сама «образуется» в пределах своего призвания. ...

М. Осоргин

Поэт Марина Цветаева {85}

Марина Цветаева, недавно переселившаяся из Праги в Париж, выступит 6-го февраля на вечере своей поэзии. [321] Будет любопытно послушать стихи в исполнении автора.

Марина Цветаева – поэт интересный и не общедоступный. Если я скажу, что, по-моему, она – среди поэтов живых, творящих, ищущих, способных к движению, не топчущихся на месте и не робких – лучший сейчас русский поэт, то тем самым заранее делаю оговорку к дальнейшему, где огромный плюс может встретиться с некоторыми минусами.

Ее не нужно бояться – хотя она иногда запугивает. Прежде всего не нужно удивляться ее диапазону: поэмы в «Воле России», стихи и воспоминания в «Последних Новостях» и «Днях», мечтательные гадания о пришествии Бонапарта в «Возрождении», обязательное для каждого крупного эмигрантского писателя участие в «Современных записках», довольно редкостное для эмигранта сотрудничество в московском «Русском современнике». [322] Не нужно изумляться и ее, на первый взгляд, путаным симпатиям: сама русская, руссешая и в своей поэзии, она неумеренно перевозит культуру Германии и страстно восхищается восемнадцатым веком Франции. Но главное – да не устрашает акробатизм ее стиха, – что на языке поэтов называется, конечно, иначе, более специальными терминами.

В Марине Цветаевой хотели усмотреть гражданского поэта эмиграции (белая армия, контрреволюция, Бонапарт и пр.). Затея пустая: к счастью, Марина Цветаева менее всего способна быть последовательным политиком и более всего способна разочаровывать кого угодно. Хотели выкроить из нее барда русской песни; но ведь лучшее, что она написала, это драматические поэмы о Казанове («Феникс», «Приключение») и «Фортуна».[323] По-видимому, судя по ее печатному отзыву, любимым поэтом Марины Цветаевой является сейчас Пастернак,[324] – а уж менее русского поэта трудно отыскать среди пишущих по-русски.

Нет, к Марине Цветаевой никакие ярлычки не прилепимы. Если ее лучшая тема – любовь, то ее высшее поэтическое устремление – «цепь розовых измен».[325] Не потому ли простодушные читатели так ее побаиваются?

Марина Цветаева – величайший искусник и изумительный мастер стиха. Поэтому она позволяет себе роскошь писать невнятно для неискушенного читателя, – к которому, однако, и обращается (ведь не к избранным же коллегам по перу!). Читателю-обывателю приходится потерпеть, и ему не привыкать стать. То ли еще делали с ним ранние символисты, позже имажинисты; впрочем, никто и не обязывает его восхищаться непонятным. Потерпев, он убедится, что Марина Цветаева способна, и много лучше других, говорить совершенно внятными поэтическим языком, и прекрасным.

Ее творческая лаборатория так заставлена склянками и банками, что опыты ее заметнее ее достижений, – ужасная судьба лаборантов, которым – по разным житейским причинам – приходится выпускать из мастерской на рынок не только шедевры, а и подготовительные к ним макеты. И, в конце концов, читатель, думающий, что он интересуется поэзией, обязан поучиться; в картинную галерею тоже нельзя входить с одним каталогом и знанием конфетных иллюстраций. Для неимеющих времени и желания – все газеты и журналы полны простых, внятных стихотворных произведений, читающихся с тою же легкостью, как заметки хроники о предстоящем бале и о рождении теленка с двумя головами. В иных из них ночевала и поэзия; ну, а в другие она не заглядывала даже на пятиминутный чай.

Невнятность Марины Цветаевой не порок, хотя далеко и не добродетель. Ее стародавнюю книжку стихов в бархатном переплете[326] я все же всегда предпочту весьма музыкальной нелепости «Крысолова» («Воля России», XII). Но уже помянутые ее пьесы-поэмы – высокое поэтическое достижение.

В писательской судьбе Марины Цветаевой много общего с судьбой Алексея Ремизова. На них обоих злится рядовой читатель; их обоим нельзя не признать лучшими фабрикантами русского слова. Из слов, уже сказанных, никто не создаст такой новой красоты, как Иван Бунин. Слова же для будущего, отличные русские слова в отличных сочетаниях, творятся в лабораториях Цветаевой и Ремизова. И оба они интимны – каждый по-своему. И оба высоко-независимы: для «публики» уступок не делают, для легкого успеха тоже. У них обоих нет своей аудитории, своего журнала; поэтому, подчиняясь неистощимой своей плодовитости, оба пишут всюду и везде, – нигде не признанные своими. Два интересные писателя – Бог их прости за то, что они нас совершенно замучили, эти смиренные духом гордецы, чудак и чудака, монах-непристойник и вечно влюбленная институтка.

Умеющего читать поэзия Марины Цветаевой волнует и будоражит – то ритмом пляшущего каблучка, то тонкой паутиной любовного кружева. Откуда она, русская, так владеет кастаньетами? Или это – ладоши? Любовное же в ней прозрение – одаренность женщины. Никогда мужчина не мог бы написать «Фортуна». Поэзия Марины Цветаевой – женская, но, в отличие от Анны Ахматовой, она не поэтесса, а поэт.[327] Читающий да понимает.

Марина Цветаева много пишет (это хорошо) и много печатает (это хуже) прозой: дневники, мемуары, афоризмы.[328] Это не столько творчество, сколько деятельность. О деятельности поэтов говорить не очень интересно. Мне кажется, что все эти дневники с большим успехом могла бы опубликовать впоследствии их неизменная соучастница и героиня Аля. Это не значит, что они лишены интереса или таланта. Это лишь значит, что им не повредило бы отстояться в письменном столе. Обычная ошибка поэтов, думающих, что прозой писать легче, чем стихами (в действительности наоборот), и что прозаическое сырье можно печатать без особого стеснения. Да, это прямой упрек поэту.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Упрек любимому поэту – не обида. И я опять повторяю свою оговорку: Марина Цветаева – наш прекрасный русский поэт. У нее уже много в прошлом и, я уверен, еще больше в будущем. И, кажется, можно предсказать, что именно: прощай лаборатория, спасибо, и – здравствуй внятность и простота, право на которую уже завоевано!

Г. Струве

Рец.: Ковчег: Сборник союза русских писателей в Чехословакии. Прага: Пламя, 1926{86}

В первой книге «Ковчег», за которой должны, очевидно, последовать другие, участвуют покойный А.Аверченко (рассказ «Зайчик на стене»), Вал. Булгаков («Замолчанное о Толстом»), А.Воеводин (рассказ «Ольга»), С.Эфрон («Тиф», рассказ), Д.Крачковский («Vita cruciata»), С.Маковский («Венецианские Ночи», сонеты), С.Савинов (статья о чешском поэте О.Бржезине), М.Цветаева («Поэма Конца») и Е.Чириков («Между небом и землей»). [329] Сборник, кроме географического признака – проживания всех авторов в Чехословакии, – ничем не объединен.

Хороши в нем «Венецианские сонеты» С.Маковского: есть сила и выразительность в рассказе С.Эфрона, хорош рассказ Чирикова. Статья В.Булгакова о Толстом читается с интересом. Слабее других вещей рассказ А.Воеводина, и какой-то неприятный осадок оставляет рассказ (или воспоминания?) Д.Крачковского с его приподнятым напыщенным тоном. И единственное значительное, волнующее произведение в сборнике это – «Поэма Конца» Марины Цветаевой. Недавно я прочел в одном отзыве, что эта поэма – не больше как простой набор слов. [330] Очевидно тот, кто так написал, не вчитался как следует в поэму. Это произведение нелегкое, дающееся в руки не сразу. Когда прочтешь его по первому разу, оно лишь захватывает, покоряет своим ритмом. Но вчитываясь и перечитывая (а я перечел его раз пять), вы начинаете чувствовать его лирическую напряженность, больше того – его драматическую насыщенность. Эта небольшая поэма, собственно, – насыщенная богатым содержанием лирическая драма-диалог. Конечно, многим читателям приемы Цветаевой могут показаться странными, и, поддаваясь первому впечатлению, они тоже решат, что это – набор слов. Приемы эти – глагольная скупость, местами полное отсутствие глаголов, придающее особую динамичность и напряженность поэме, частые эллинизмы, требующие некоторого усилия читательской мысли, смелые и необыкновенно удачные enjambements, и над всем – все себе покоряющий, волнующий и увлекающий ритм. Вот характерный образчик цветаевского стиха:

Воды – стальная полоса –
Мертвецкого оттенка –
Держусь, как нотного листа
Певица, края стенки –
Слепец... Обрато не отдашь?
Нет? Наклонюсь, услышишь?
Всеутолительница жажд
Держусь, как края крыши
Лунатик...
Но не от реки
Дрожь, – рождена наядой!
Руки держаться, как реки,
Когда любимый рядом –
(Какие замечательные, поющие строки!).

И верен...

Мертвые верны...

· · · · ·
Смерть с левой, с правой стороны –
Ты. Правый бок как мертвый.
Или вот эти строки с их частушечным ритмом.

Жестока слеза мужская!
Обухум по темени!
Плачь, с другими наверху
Стыд, со мной потерянный.
Одинакового
Моря – рыбы! Взмах.
Мертвой раковиной
Губы на губах.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вот характерное описание поцелуя:

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так государыням руку,
Мертвым – так...
Опущение глагола «целуют» и инверсия двух последних строк («Так государыням, мертвым – так») придают этим строкам необыкновенную силу и выразительность.

Повторяю, поэма Цветаевой, тема которой «конфликт» любящих[331] – не только не набор слов, а мастерское поэтическое произведение, отмеченное печатью подлинного таланта. О некоторых его недостатках говорить сейчас не хочется.

Д. Резников
«Поэма Конца»{87}

Не знаменательно ли, что в наши дни – дни полного разложения крупной формы (лирическая и эпическая поэмы – в поэзии и роман – в прозе), когда эпическая поэма, с героями и героинями, растворилась и (временно что ли) выпала из искусства, не знаменательно ли: за последние пять лет Марина Цветаева напечатала: «Царь-Деввица» (1920 г.), «На Красном коне» (1921), «Переулочки» (1922 г.), «Молодец» (1923 г.), «Поэма конца» (1924 г.), «Поэма Горы» (1924 г.), «Крысолов» (1925 г.) – семь прекрасных поэм.

Марина Цветаева, вообще, пишет очень много. Стихотворная продуктивность в наше «безвременье» (я говорю о крупных поэтах) – факт особенно ценный.

Стихи разошлись по типографиям, залежались на страницах журналов, мы их прочли, читаем, появилось много статей, рецензий, но в обхват не взяли, до конца не додумали.

Марина Цветаева больше чем кто-либо ждет серьезного критика.

Были свои критики у символистов – мы знаем все (если можно знать все) об А.Блоке (знаем еще при жизни), о Ф.Сологубе, А.Белом, К.Бальмонте и др. – мы таких критиков не имеем. Мы пишем статьи – отзывы об отдельных вещах и ничего о поэте в целом. «У каждого поэта должно быть свое литературное лицо» – это бесспорно. Но есть поэты с установившейся литературной «походкой» без определенного пути – поэты «настроенный», сегодня одно, завтра другое, ничем внутренне для поэта не узаконенное, и есть другие поэты – с намечающимся или уже найденным, не только литературным, но и своим, внутренним путем.

У поэтов первого порядка – каждая вещь самостоятельна (сама по себе), исчерпывается отдельной статьей; у поэтов второго – внутренняя, идейная связь (не всегда ясная для самого поэта), преемственность одного стихотворения от другого. Вот почему разбор отдельных вещей М.Цветаевой, не ощутив ее в целом, занятие в значительной мере праздное.

Однако вернемся к поэме.

Тема: Он и Она – любовь – разрыв. Он и Она, уступающие друг другу «честь конца». – Конец.

С начала встречи читатель попадает в атмосферу нарастающего разрыва. Встреча. Чрезмерно вежливый он:

Преувеличенно-плавен
Шляпы взлет.
...Преувеличенно-низок
Был поклон.
Эта растянутасть во времени его движений сразу порождает внутреннюю тревогу:

Сердце упало: что с ним?
Мозг: сигнал!
Отсюда аперцепция. – Тревога длительности передается на окружающую обстановку:

Преувеличенно-нуден
Взвыл гудок.
...Длился злесь.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И сразу дается окончательная формула –

Преувеличенность жизни
В смертный час.

Любовь к формулам далеко не случайная особенность в творчестве М.Цветаевой. Из всякого данного положения надо найти формулу. – Она пишет для формул, формула – ступень ее восхождения, число личного календаря, который нужно сорвать. –

«Две любимые вещи в мире: песня и формула.
То есть – стихия – и победа над ней».

Творчество – преодоление времени – жизни. Если смертью – смерть, то жизнью – жизнь. Поэма разворачивается, ширится внутренняя пропасть героев: разность чувств, разность мер – измерений. Она, как всегда, женщина «шестых чувств». Он прост – обывателен. Он – быт, она – бытие. Он – во, она – вне (быта ли, времени ли?). Он всегда рвется во что-то, она – из чего-то.

Так из дому рвутся,
Как ты – домой!

Любовь простая, земельная (не земная) мыслима, как попытка. «Попытка Ревности» – так называется одно из стихотворений М.Цветаевой. Всю поэму можно было бы назвать «Попыткой любви». Была тяга, любви не было, любовь не возникла.

Для него: – «Любовь – это плоть и кровь».

Для нее: – «Любовь – это значит лук натянутый –
лук: разлука».

Там, где для него только «уедем» – для нее – «умрем».

Для него: душа – тень

Для нее: тело – тень.

Ее бытие действительно, бытие хочет опрокинуть, раскрепить быт. Он – быт косен – бытию не сопричастен. Пропасть вскрыта. Он хочет, он должен уйти: ибо, что делать быту в бытии?

Она борется, она хочет полюбить и не сознательно заполняет собой его внутреннюю пустоту – живет ею отраженным светом.

В поэме дана одна реальная и конечная встреча. Конец уже созрел в переходе через мост. Мост – переход из одного мира в другой. Реальный конец моста дан, как конец любви (попытки любви).

Сцена на мосту особенно патетична: последний поединок двух стихий – последняя напряженность и ее победа – победа духа над телом.

Здесь даже существование души было поставлено под вопрос:

Пресловутая ересь вздорная,

Именуемая душа.

Здесь тело билось, заламывало руки, умоляло и отрекалось от души.

...Было тело, хотелось жить.

И над телом вещь, как меч – душа:

– Конец

...Жить не хочет.

Будто шли по одной дороге и думали – по пути, но какой-то стрелочник перевел рельсы

...И покосившись сбоку:

– Как ты уже далек!

Любви не было, она не успела возникнуть: убита попытка любви. И если еще идут вместе – дохаживают, не говорят – досказывают. – Дается реальная развязка конца, внутренне уже разрешенная.

– Наша улица! – Уже не наша.

Сколько раз по ней! – Уже не мы.

Перешли мост – душа перешагнула через тело. Перевалили гору чувств. Вершина страсти – вершина горы: перевалили гору.

Здесь можно было кончать поэму (победитель уходит с поля сражения), если бы

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru просто: ее победа над ним. Но победила не она – то, что в ней, не над ним – над тем, что в нем, ради чего-то «третьего», что не он и не она. И это «третье» надо ощутить – утвердить. – Поэма продолжается.

За городом: Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Еврейский квартал.

Что-то похоронили (позади – могила чувств); – глаза видели, но душе невдомек.
Так мы долго не можем ощутить до конца смерть близкого человека – не в силах
ощутить то «между», что отделяет всякое «есть» от «нет». Оттого она так долго и
недоуменно пытается вникнуть в мысли непонятного для нее слова – «Расстаемся».

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас-стаемся. – Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которым пустота.
И вот: это «третье» – утверждено. Это «конец концу» – бесконечность.

Союз
Сей более тесен,
Чем влечься и лечь.
Самуй Песней Песен
Уступлена речь.

И в полые волны
Мглы – сгорблен и равн –
Бесследно, безмолвно –
Как тонет корабль.
Я обещал формулу, она была найдена М.Цветаевой раньше: – «Ответ в любви – для
меня тупик. Я ищу не входов, а выходов» (курсив мой. – Д. Р.).

И передохнув: какая прекрасная поэма!

Д. Святополк-Мирский
Марина Цветаева{88}
Три или четыре года назад казалось, что господство поэзии в русской литературе со времен смерти Чехова подошло к концу. С революцией и гражданской войной наступил новый век прозы в беллетристике. И ее тенденции разочаровали многих. Основная масса так называемой советской литературы сейчас настолько плохого качества, что даже то интересное, о чем она пишет, становится неинтересным. Среди прозаиков найдется лишь несколько, равных Бабелю, чей уровень прозы достаточно высок, но сами они, хотя и не подвержены влияниям новых веяний в литературном процессе, абсолютно безжизненны. Общественный интерес к поэзии падает с 1922 года, но сборник стихов Бориса Пастернака «Сестра моя жизнь» безусловно стоит особняком и ярко выделяется среди всей литературы революционных лет (1917–1922), книга действительно великих и действительно новых стихов. И также не вызывает сомнения, что самый значительный результат последних трех или четырех лет – это поэмы Марины Цветаевой, особенно поздние – «Поэма Конца» (в альманахе «Ковчег», Прага, 1926) и «Крысолов» (в «Воле России», 1925, 5–8 и 12). В век исключительно богатый поэтами настоящая поэзия не является рядовым событием. И тем более неожиданно, когда она приходит от поэта, который занимал одно время передовые позиции и которому всякий верит, кто знает его стихи.

Марина Цветаева опубликовала свои первые книги перед войной, будучи еще школьницей. Они показали ее индивидуальность и независимость от общепринятых мнений и веяний моды, но были еще достаточно незрелы и обнаружили склонность к беглости стиха, пожалуй, опасную для любого поэта, особенно для поэтессы.

Затем в течение десяти лет она ничего не печатала. 1920–1921 годы в Москве стали расцветом поэтического бума. В годы голода и войны печатание книг было совершенно прекращено и практически заменено поэтическими декламациями, которые собирали огромные аудитории. Марина Цветаева внезапно обнаружила в себе поэта чрезвычайной силы. Подобно всем российским интеллектуалам, в те годы она вела жизнь, полную лишений и постоянного голода. Но стихи, которые были написаны в той Москве, свидетельствовали о ее непокорности и жизнестойкости ее духа. Что-то было сверхчеловеческое в этом непрекращающемся потоке радостных, живых виршей, кипящих от избытка жизненных сил, несмотря на всю трудность ее

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru положения. Для тех, кто знал Цветаеву и слышал, она сама и ее стихи были настоящим даром богов. Они еще не собраны и не опубликованы: Цветаева тогда очень много писала и писала неровно. Некоторые из ее стихов тех лет пронизаны высочайшим вдохновением, совершенно неожиданным, и во всем присутствует уникальность и индивидуальность, искупающие то, что может показаться наивным и безвкусным.

В 1922 году Марина Цветаева покинула Россию и поселилась в Праге. Тогда же в Москве и Берлине было опубликовано несколько ее книг. Русские эмигранты встретили поэта восторженно. Но энтузиазм их вскоре угас – и на то существует две причины. Первая – будучи антикоммунисткой, Марина Цветаева воодушевлялась высоким и благородным духом мятежа, что вовсе не гармонировало с чувствами эмигранта. Вторая – вместо бесконечного повторения мелодий, которые могли бы создать ей популярность, она намеренно начала бороться с плавностью и непосредственностью в стихе и стала работать над созданием новой конструктивной техники. И во всем, что написано после 1922 года, проявились исключительной силы дисциплина и, в то же время, формальное, техническое воображение, которое позволило ей выйти за рамки уже известных стихотворных методов. И в тот момент, когда уже большинство поэтов останавливаются на том, что достигнуто ими в стихотворном плане, она начала работать в ином направлении. Стихи, которые написаны ею в 1920–1923, в основном экспериментальные. В них проникают элементы русского народного фольклора. Она заявила о себе как о новом поэте современности. И это, по существу, оттолкнуло от нее консервативных (даже если они были социалистами) литературных и журналистских лидеров эмиграции, и, за исключением пражской «Воли России», эмигрантские журналы почти перестали принимать ее новую работу. С другой стороны, большевистская цензура не разрешила работать эмигранту в России. Поэтому в настоящее время Россия лишена возможности читать одного из своих величайших поэтов.

Новая российская поэзия (или ее левое крыло), нужно заметить, последние двадцать пять лет не испытывает французского влияния. Наоборот, в ней можно наблюдать утверждение чисто русского стиля после почти двух столетий полуиностранных влияний. Даже русский футуризм не имеет ничего общего с итальянским, и наиболее значительные поэты, Хлебников и Маяковский, являются первооткрывателями так называемых антифранцузского и антилатинского бунтов.

Марина Цветаева не футурист, она не принадлежит к левому крылу поэзии. Она всегда абсолютно независима. Но ее стихи, особенно последние, являются, конечно, продолжением и, вероятно, окончательным утверждением русского бунта против влияния Запада. Это особенно справедливо по отношению к языку. Это первая действительно успешная попытка (подсознательная) освободить язык русской поэзии от тирании греческого, латинского и французского синтаксиса. В прозе это было сделано Розановым и Ремизовым, но никак до сих пор в поэзии. Потрясающая самобытность Марины Цветаевой возвращает России ее естественную свободу, не отказываясь при этом от сложности «литературной» поэзии и ее границ; она не пытается имитировать менталитет народного певца. В действительности ее поэзия может быть описана как метафизическая не только потому, что имеет свои корни в высшей степени полном, последовательном и личном «мировом кругозоре» (не это ли есть английский язык для мировоззрения?), но и потому, что она полна разума в наиболее одаренном богатом воображении в лучшем значении слова семнадцатого века. Еще более удивительно разнообразие размеров, которые Цветаева использует для большей части своих стихотворений, и использует с величайшей свободой. Она избегает монотонности и плавности не только характерной лексикой, но также постоянным использованием «по-разному удлинённых», переполненных чувствами строк. Ее строки короткие, насыщенные фонетической выразительностью, рифмами или неполными рифмами, различными каламбурами и игрой слов. Поверхностному читателю все это может показаться лишь пустым фейерверком звуков, но при втором прочтении он обнаружит лежащую в основе стиха логическую структуру. Такая поэзия непереводаема, но настоящим переводчиком удавались чудеса (я имею в виду немецкую версию Вольфганга Грегера [332] блоковской «непереводаемой» поэмы «Двенадцать»), так что не стоит отчаиваться, может быть, мы еще однажды увидим произведения Марины Цветаевой переведенными на какой-нибудь западный язык.

Трудно передать простым изображением темы две поэмы – «Поэму Конца» и «Крысолов», о которых я, главным образом, и говорю. Первая является длинным (около 750 строк) «драматическим стихотворением», в значительной степени в диалогах, описывающим разлуку двух влюбленных после неудачных «попыток любить». «Поэма Конца», по сравнению с «Улиссом», длиннее примерно на тридцать минут. Но

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru она абсолютно не похожа на «Улисса» из-за постоянных превращений «впечатлений» в исключительно изощренное воображение, от жизни к поэзии. Она производит впечатление быстрого движения зрительного, вербального и диалектического воображения.

Темой «Крысолова» является герой поэмы Браунинга «Дудочник из Гаммельна».[333] Эта «лирическая сатира», романтическая по духу, направлена против мещанства. Смешно проводить параллель между ней и аналогичной сатирой английских поэтов, например Ситвелла, [334] чтобы выявить, в стиле Рабле, жизненную силу и неистощимую энергию русской поэтессы по сравнению с английским поэтом. Стиль Рабле не кажется здесь неподходящим словом, так как, хоть Марина Цветаева и напоминает отдаленно Ариэль [335] и более романтична, чем священник из Meudon, [336] нет слов, чтобы описать неудержимый дух ее сатиры и безграничный полет фантазии. Эта жизненная сила, ум и духовное начало и есть то, что является наиболее важным в ее поэзии, и похоже, что, в то время как вся западная поэзия преимущественно печальна, русская чуть ли не впервые (впервые в такой степени) становится неудержимо живой.

Марина Цветаева недавно написала также замечательную прозу (среди лучших вещей – воспоминания о Валерии Брюсове в «Воле России», 1925). Хотя это и не сравнимо по художественной ценности с ее поздней поэзией, но, возможно, даже более человечно и более откровенно раскрывает ее исключительную личность, такую русскую и в то же время не похожую ни на что из того, что ассоциируется со словом «русский» в голове английского интеллектуала.

А. Чернова
В огонь-синь
Рец.: Марина Цветаева
Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924{89}
Не ветер в горах
Седины отряс.
Гудит в мраморах
Двенадцатый час.
Раскат двенадцатого часа – раскат рока. И под знаком рока – вся поэма М.Цветаевой «Молодец».

Звеньями песен спаян рассказ – последовательностью песен – цепью песенной определяется связь событий – цепь повествовательная. Всеми звонами, гудами, переливами, зазывами – меди, серебра, хрусталя звенит и поет стих. Чудодейной силой заклинанья убеждает и завораживает. Звук, передающий движение. Движение, превращенное в звучание.

Песнь переходящая в бег, пляс, вихрь.

Но не в этом только сила поэмы.

Не в том, что каждое слово самозвонно – из материала звонко-голосового, переключки созвучий, пережат, перехват звуков-самогудов. И не в изумительной инструментовке музыкального построения, не в знании стихии народной лирики – но в подходе к сюжету, в том вневременном, наднациональном, что является сущностью этой чисто народной и русской сказки.

Старинное, общеславянское сказание об упыре – многократно послужившее основой русских сказок, претворяется автором в поэму нечеловеческой любви-судьбы.

Воля – обреченность – рок.

Тема – любовь молодца, скрытого упыря, к девушке – Марусе. Любовь и с той и с другой стороны мгновенно вспыхнувшая, неодолимая – «пуще жизни, пуще смерти».

В упыре-молодце любовь вызывает борьбу двух начал, скрытых в нем – человеческого и потустороннего. Человеческое – любить Марусю любовью-нежностью, любовью-жалостью. И гибели Маруси не хочет. Потустороннее – подчиненное законам, нам неведомым, – требует жертв, вовлекая в круг своих чар Марусю, губит ее и всех близких ей.

Молодец-человек невинен, неволен в этом. Человеческой волей он сопротивляется жестокому велению судьбы. Но власть судьбы неодолима, и молодец-упырь не может

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
пощадить девушку.

Упырь опознанный, в глаза своим именем названный по народным повериям в прах
рассыпается.

И Мlодец-человек умоляет Марусю сказать ему правду о том, что видела она ночью,
когда тайно, по наущенью матери, шла за ним.

Все мне до самой
Капли и выложь
И разорвется
Весь наш союз –
Ветром в воротцы
Ввек не вернусь.
Он угрожает ей смертью брата и гибелью матери. Она молчит, но

Раз – другой
С колокольни бой –
Бой часов – бой рока – он слышится часто в поэме. Глагол времен – металла звон,
он напоминает о судьбах, не здесь задуманных, о решениях, не здесь взвешенных.
Колокольный бой и отказ с ее стороны – она

Глаза вскидывает
– Была – видела? – Нет..
Нет, ибо она уже во власти судьбы.

И угроза осуществляется – последовательно гибнут – брат, мать и сама Маруся.

Пять встреч – три гроба. Лежит Маруся, «как в церкву убрана». Глаза незрячи,
хотя уже видят вневременное, живым неведомое. Прошое и будущее, для нас
разъятое, там – в одном измерении. И чудится ей одновременно и прошое, когда
еще не жила, и будущее, когда снова будет жить, – в одном сне слитыми.

А над нею Мlодец-упырь творит заклинания, чтобы из кровинки алым цветком
зацвела, из цветка свежей прежнего встала, снова бы жизнь начала, прошое
забыла.

Силой заклатья ограждает он ее и себя от неизбежной власти любви. Велит «цвести
скромно», «глядеть наземь», чтобы встретив, не сглазить невольно. И еще – в
искупленье пяти встреч греховных – пять годов в новой жизни прожить без обедни.

Жизнь земная пройдена, но искус не кончен. Начинается жизнь вторая на земле –
полуявь, полусон.

По заклатью – в чистом поле, в снегах – распускается Маруся алым цветком.
Проезжает барин «буен-барин, бубен-барин» прельщается им и, вырвав с корнем, по
совету слуги, увозит под шубой домой. У барина мраморный дом.

Сугроб – белая гора,
Прадедовы мрамора.
Привозный, посаженный цветок алым огнем зажег белый мрамор. Зачарованный барин
забыл прежние забавы. Он «цветиком не налюбуется». С ним «нежничает, жизнью
небрежничает».

Вскоре он узнает, что по ночам цветок превращается в девушку и выслеживает ее –
околдованный ее чарами.

Одна из лучших – сцена призрачного пляса: только месяц да мрамора (Как взыграет,
раскалясь, лунный луч во хрусталях). Она пляшет и плачет, чьей-то воле покорная
– плачет и пляшет.

И только под утренний звон возвращается к кусту, чтобы снова превратиться в
цветок. Барин за нею «как припаян, как приклепан». Хватает за руки. Между ними
борьба, но она –

Вьется из рук,
Бьется из рук,
Рвется из рук,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Льется из рук.

И только, когда слуга пришел на помощь и произнес:

Крест тебе – ключ –
она превратилась в земную женщину и становится его женой.

Пятый год к концу идет. У барыни сын. Все по слову Мулодца. Что было раньше,
забыто.

Живет как во сне – качает сына – песни поет. И вдруг в замороженное бытие
врывается нежить. С гиком, шумом, завистью, злобой вторгается в образе гостей –
пьяных, наглых, хитрых. Играя на барской спеси и дури, гости подговаривают
барина показать сына и жену, которой до срока искупления, положенного Мулодцем,
осталось пять дней.

Под пьяный зык, топот и крики разгулявшихся гостей у Маруси пробуждается смутное
воспоминание о прежней жизни. К извечной тоске народных колыбельных песен –
предчувствие тяжелой судьбинности жизни – примешивается тоска о несбывшемся,
придающая песне изумительную музыкальность горьчайших народных причитаний.

По настоянию барина, она выходит с сыном. «Хороша да некрещена», – вопят гости и
подстрекают барина дать клятву свезти ее в церковь к обедне.

Еще в окнах «рассветные седи, рассветные сквози». Спит барыня

И еле – как будто бы мысли сказались –
Над барыней – шелест:
– Проснись, моя зависть!
Это он – Молодец, весть подает и, чуя беду над нею, хочет переломить судьбу и
спасти ее от окончательной гибели – на вечность.

И слезно – как будто бы женщина плачет –
– Не езд! Не езд!
Блаженством заплатишь!
Бой меди – бой рока – звонят к обедне. Барин велит коней запрягать.

Под санный бег, под вьюжный запев Маруся в видениях метели воочию видит всю свою
прежнюю жизнь: мертвого брата, мертвую мать, подружек и, наконец, себя алым
цветком, на перекрестке.

У церкви вход загораживает толпа нищих, тех же, на этот раз в рубищах, «гостей».

Идет обедня. Поет хор. Голос священника и голос его – Мулодца, оттуда ей весть
подающий.

Ратоборство двух голосов – спор о душе.

– Гряди!
Сердце мое – смятйся во мне!
Слова божественной службы и его слова:

Трезвенница! Девственница!
Кладезь, лишь мне – ведомый!
Дивен твой рай!
Красен твой крин!
Сына продай,
Мужа отринь.
Он над нею – знает, близок час, неотвратимое свершится – ибо судьба неодолима.
Но, как и тогда, невольно вовлекая ее в круг гибели, он все-таки пытается
бороться с судьбой. И там не умерла в нем любовь человеческая.

И, жалея Марусю, еще пытается предостеречь:

Оком не вскинь!
Взором не взглянь, –
в левую оконницу, куда приник он тайно и куда влечется она.

С первых строк, поднявшаяся, неоскудевающая волна напряжения, все нарастая, в

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
последней главе достигает наивысшего, трагического пафоса.

Огла-шеннии,
Изыдите!
Грозный возглас, и голос его –

– Свет очей моих!
Недр владычица! –
и снова – Оглашеннии – Она прощается с сыном – никнет –

Голос мулодца-человека в последний раз молит:

Только глазка не вскинь:
В левой оконнице!
Грянул торжествующий хор – херувимская:

И-же хе-рувимы!
Удар – окно настезь. Никакие силы, никакие законы.

– Гляди, беспаятна!
(Ни зги – люд замертво)
– Гряди сердь рдяная!
Ма-руся!
Глянула.
В окна потоком огонь: Маруся – при звуках своего имени вспомнившая, себя
нашедшая – к нему –

Та – ввысь,
Тот – вблизи:
Свилисьь,
Взвилисьь:
Зной – в зной,
Хлынь – в хлынь!
До-мой
В огонь-синь.

Передать содержание Мулодца – хотя оно ясно и последовательно разворачивается –
трудность непреодолимая. Слишком музыкально связаны между собой строфы – все
строчки нерасторжимые звенья – хлынувший ливень звуков, колокольный разлив –
сыгравшийся оркестр – не разъять на отдельные части – не расчлнить звуков.
Чтобы полностью воспринять, надо прочесть целиком – никакой пересказ не передаст
ритмически-музыкального богатства.

Излагая содержание, хотелось отметить одну из сторон творчества Цветаевой –
переплетение, переключки жизни «этой» – земной и «той».

Слова, которыми заканчивается «Молодец», для М.Цветаевой знаменательны.

Домой – в огонь-синь.

Д. Шаховской

Рец.: Ковчег: Сборник союза русских писателей в Чехословакии. Прага: Пламя, 1926
Отрывок{90}

... После холодных, мраморных стихотворений Сергея Маковского – «Поэма Конца»
Марины Цветаевой. Автор – создатель «культурного» эпоса. Каким-то чудом (чудом
рождения, вероятно!) похищено перо у сказочной Птицы русской народной песни – и
пишутся, пером этим, «цивилизованные» – сюжетно и формально – стихотворения.
Вместо того чтобы поздравить «цивилизацию» (или, по крайней мере, оскорбиться за
эпос!), некоторые критики... разводят руками. Может быть, Марина Цветаева и
повинна немного в этом жесте. Может быть, она, желая весь мир вещей собрать в
свое поэтическое объятие, жертвует для этой великой цели некоторыми маленькими
человеческими привычками мышления... возможно. Что следует удержать из «Поэмы
Конца», это – все. ...

В. Даватц

Тлетворный дух{91}

Недавно я написал в «Новом времени» небольшую рецензию о сборнике «Ковчег». [337]
В этом сборнике есть произведение Марины Цветаевой «Поэма Конца». Эту поэму я
назвал набором слов и издевательством над читателем.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я имел некоторое право на это. Во-первых – я не присяжный критик, – а потому могу говорить все, что думаю, не справляясь о моде. Во-вторых, я действительно понял очень мало (критики Марины Цветаевой обыкновенно говорят: «Передать содержание ее поэмы трудность непреодолимая» [338]). В-третьих, я действительно ощутил почти физически то издевательство, о котором писал.

Да будет позволено мне рассказать, при каких обстоятельствах это было. Я был ночью в карауле на охране наших знамен. На кладбище было тихо; в караульном помещении потрескивала печь, было светло. В полном одиночестве, в полной тишине, были слышны не только отдаленные шаги, но даже шорохи. И, когда, после обхода вокруг церкви, я убедился, что все спокойно и тихо, я вошел в караулку и мне захотелось, в этой тиши и одиночестве, прочесть хорошую русскую книгу.

Я вынул из кармана хорошую русскую книгу – и стал читать.

Там было написано:

Небо дурных предвестий:

Ржавь и жесть.

Ждал на обычном месте.

Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:

Губ столбняк.

Так – государыням руку,

Мертвым – так...

.....
Заблудшего баловня

Вопль: долой!

Дитя годовалое:

«Дай» и «мой».

.....
Серебряной зазубинкой

В окне – звезда мальтийская!

Наласкано, налюблено,

А главное – натискано!

Нащипано... (Вчерашняя

Снедь – не взыщи: с душком!)

...Коммерческими шашнями

И бальным порошком.

.....
Назад? Наготовю грубой

Дразня и слепя до слез –

Сплошным золотым прелюбы

Смещимся пролилось.

.....
Справляли заутреню.

Базаром и збкисью

Сквозь – сном и весной...

Здесь кофе был пакостный, –

Совсем овсяной!

(Овсом своенравие

Гасить в рысаках!)

Отнюдь не Аравией –

Аркадией пах

Тот кофе...

.....
Разом проигрывать –

Чище нет!

Загород, пригород:

Дням конец.

Негам (читай – камням),

Дням, и домам, и нам.

Может быть, если бы это было лет пятнадцать тому назад, когда еще не было ни войны, ни революции, когда наиболее радикальное казалось мне наиболее совершенным, когда можно было после хорошего обеда почитать и помечтать за рюмкой ликера, – может быть, это вызвало бы приятную улыбку.

– Знаете: а ведь это смело!

Что значило это «смело» – никто не знал. Но все понимали, что быть «смелым» необходимо, что это также необходимо в искусстве, как быть радикалом или социалистом в политике.

Но это «смелое» преподносится теперь мне, который постарел на пятнадцать лет (и каких лет!). И преподносится это тогда, когда рядом дышат своим дыханием Петровские знамена, когда тут, под боком, в спящей церкви, воплотилась вся история российская – и когда знаешь, что у этих полотнищ пролито море крови русских людей, чтобы в свое время высоко их держать, а в наше – отбить, спасти, сохранить...

Не на родине ли спят они? Не русский ли дух витает над ними? Не ясно ли, что в этой близости и одиночестве, хочется яркого правдивого русского слова.

.....
И у Иова,
Бог, хотел взаимы?
Да не выгорело:
За городом мы!
За городом! Понимаете? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал.
Так не достойнее ль во сто крат
Стать вечным жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев-рейский погром –
Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! – всюду! – но не в
Жизнь...
Каюсь, мне хотелось заплакать от оскорбления.

А когда пришел день, настала обычная суতোлка жизни, принесли почту. Здесь были газеты всех направлений. И почти во всех этих газетах, без различия политических оттенков, было написано о Марине Цветаевой и о ее «Поэме Конца».

Должен сказать, что Марина Цветаева имеет «хорошую прессу». Русские люди, которые никак не могут сойтись и семь лет грызутся друг с другом, сошлись на нашей поэтессе. «Дни», «Последние новости», «Возрождение» – все в один голос – посвятили нашей поэтессе сочувственные строки. Находили прежде всего «ритм». Затем – настроение. Затем – «формулу». Затем – «чувство русской народной песни». Затем – «новые формы» (обходится без глаголов)! Затем...

Да стоит ли перечислять достоинства Марины Цветаевой! В журнале «Благонамеренный» об этой поэме написано: «Автор – создатель „культурного“ эпоса. Каким-то чудом (чудом рождения, вероятно!) похищено перо у сказочной Птицы русской народной песни, – и пишется этим пером „цивилизованные“ сюжетно и формально стихотворения... Что следует удержать из Поэмы Конца, это – все».[339]

Таков приговор критики. Около голого короля ходят придворные и вельможи и восторгаются его платьем.

Мне остается лишь уподобиться озорному мальчишке и на глазах у всей честной компании закричать:

– Смотрите-ка, а ведь король наш голый!

Тогда, – говорится в сказке, – все увидели, что король-то на самом деле голый.

Я не льщу себя этой надеждой. Я знаю, что меня объявят «ретроградом» и «невеждой», а слава Марины Цветаевой не потускнеет. Самый большой либерализм допускает только чуть-чуть и очень почтительно подшутить, как это сделал Лоfo:

Помню: по-простецки написал я как-то:
«Он ее целует»... Мой Зоил пришел

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В гнев неутолимый от такого факта:

– «Он – ее! И только! К черту ваш глагол!»

– «Он – ее! И только! Глубина. Стремнина.

Он – ее... Поймите, что глагол – шаблон.

Он – ее. Так пишет яркая Марина!

Я в стихи Марины бешено влюблен!»

Что Марина нынче в славе и фаворе –

Это всем известно и приятно всем.

И, конечно, я бы не «жалел о воре»

Если б он похитил пук ее поэм.

Но насчет глаголов с ней я не согласен, –

И скажу смиренно мнение мое:

«Он ее целует» (этот звук прекрасен),

Лучше, чем сухое, злое: «он – ее». [340]

Но я не могу шутить.

Через тот ров, который тщетно пробует засыпать г-жа Кускова, [341] подул тлетворный ветер, принес с собой дух Маяковских, разлился по эмигрантским весям, – и вот здесь, в эмиграции, празднует свою легкую победу.

Кривлянье этих господ объявляется там пролетарским чудом. В его «ритме» находят, что полагается: лязг железа, грохот молотов, фабричные свистки.

Кривлянье Цветаевой – объявляется здесь национальным достижением. В ее «экспрессии» ощущают «вечный пульс народной песни»...

И разве при таком кривлянии важно что написано? Разве не еще оскорбительнее, если «без глаголов» вздумается капризной поэтессе прославлять «белое движение» или возвеличивать «галлиполийцев»? [342] Разве не металась бы душа от негодования, если бы, в стиле советского павильона на декоративной выставке, был выстроен православный храм?

Д. Резников

Вечер Марины Цветаевой {92}

О Марине Цветаевой не напишешь в двадцати строках, которых едва ли хватит на перечисление ее стихов и поэм. Цитатами тоже не отделаешься: место не позволяет, да и к тому же стихи Цветаевой в написанном виде гораздо менее убедительны, чем когда слышишь их с голоса. Читая ее книги, невольно начинаешь читать вслух. В них столько жизни, движения, трепета; автор задыхается, выбивается из сил, спешит. Это стремительное начало в стихах Цветаевой обуславливает синтаксис, отрывочный, с опущенными промежуточными звеньями, и выбор слов: по кратке, пожатей. Стихи ее увлекают читателя, он невольно начинает спешить вместе с ней, не зная куда, не понимая зачем, – не все ли равно?

Нужно ли перечислять ее книги? «Волшебный фонарь», «Стихи к Блоку», «Ремесло», «Царь-Девушка», «Молодец», с каждым новым сборником Цветаева обновляется и совершенствуется. Она все лучше овладевает своим ремеслом и в последних своих поэмах и драмах: «Фортуна», «Смерть Казановы» [343] и т. д. выявляет себя большим мастером. Стихи ее необычайно индивидуальны, с первой строки, с первого слова узнаешь их высокий пафос.

Не следует сомневаться, что любители хороших стихов почтут своим долгом прийти послушать Марину Цветаеву на ее вечере, который состоится в субботу, 6-го февраля (79, rue Danfer-Roche, Париж 14).

М. Гофман

Вечер Марины Цветаевой {93}

6-го февраля в Париже, в помещении клуба молодых поэтов, состоялся вечер Марины Цветаевой. Еще недавно считавшаяся среди вторых имен, полуимен современной поэзии, Марина Цветаева стала за последнее время не только одним из самых крупных имен, но бесспорно самым крупным именем. Ее вечер является лишним подтверждением ее мгновенно выросшей популярности, ее модности: за четыре года в Париже мне еще не удавалось видеть такого множества народу, такой толпы, которая пришла бы послушать современного поэта; еще задолго до начала вечера не только большое помещение капеллы и хоры были переполнены, но и в проходах происходила такая давка, что невозможно было продвигаться.

Вечер прошел удачно, и публика награждала щедрыми аплодисментами певицу Кюелли

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru и скрипача Могилевского, [344] но самый большой успех выпал на долю виновницы вечера – Марины Цветаевой. Она читала и старые стихи из «Лебединого стана» (стихи, написанные в Москве в 1917–1922 г.) и новые; свежий, несомненный, настоящий талант чувствуется и в старых примитивах, в которых Марина Цветаева отдает власть взволновавшего ее чувства и из него создает простые, но поэтически-выразительные стихи, и в новых стихах, в которых она влюбленно упивается звуками своего поэтического голоса. Однако Марина Цветаева еще не нашла своего настоящего голоса и тона, и ее широкий диапазон не разнообразие творческой природы, а проба голоса, искание настоящего, своего тона.

Г. Адамович

Вечер Марины Цветаевой{94}

В Союзе молодых поэтов состоялся в прошлую субботу вечер Марины Цветаевой.

Вечер собрал множество слушателей. «Принимали» поэтессу восторженно. Впрочем, еще бульшие восторги вызвала какая-то певица, [345] которую, говоря по-театральному, «публика не хотела отпускать».

Цветаева сначала прочла цикл «белогвардейских» стихотворений, посвященных добровольцам, Дону, Галлиполи. Стихи эти нигде еще не напечатаны. [346] Их поэтическая ценность показалась мне далеко не безусловной. Но одушевление их несомненно.

Во втором и третьем отделении Цветаева читала стихи более общие, частью напечатанные, частью неизвестные. Под конец ей, как Шаляпину, кричали чту читать, и она, улыбаясь, исполняла заказы. Кто-то крикнул:

– «Откуда такая нежность?»

Цветаева удивленно подняла брови и задумалась:

– «Откуда такая нежность?»... 1916 год.. не помню больше.

Как жаль, что она эти стихи больше не помнит. Это одно из прелестнейших ее стихотворений.

В том, что прочла Цветаева, не все одинаково хорошо. Есть среди прочитанного вещи неотразимо-привлекательные, своеобразные, отмеченные подлинной, чудесной «Божией милостью». Но есть и стихи, смущающие грубоватыми эффектами, то звукового, то смыслового характера (вроде выкрика «За Софью – на Петра!» [347]).

Впрочем, победителей не судят, – а Цветаева, конечно, победитель.

Н. Рыбинский

Литературная хроника{95}

В зарубежном литературном обществе появился новый знакомец, представившийся под довольно интригующим именем: «Благонамеренный». Это журнал, выходящий в Брюсселе два раза в месяц, редактирует его кн. Д.А.Шаховской и руководит им Григорий Соколов. [348] Первая книга журнала не разъясняет различия функций редактора и руководителя – признаемся, для нас это разделение не ясно, – но зато дает пространное «философское обоснование благонамеренности». Прочитывается оно не без интереса, но вся сущность редакторского (надо полагать, руководительского то ж!) кредо сводится к его заключительным словам: «Главное же обоснование „Благонамеренного“ в том, что печатающиеся в нем его сотрудники имеют собственное обоснование благонамеренности».

Вот очевидно, это-то собственное обоснование благонамеренности и дало повод Марине Цветаевой дебютировать в «Благонамеренном» не только в стихах, но даже в философском трактате. О стихах этой модной поэтессы принято говорить только восторженно. И это, конечно, в конце концов, только дело вкуса, но странно одно: ни в одном произведении Марины Цветаевой ни один из ее восторженных поклонников не сказал просто: это хорошо. А всякий раз при восхвалении ее стиха требуется тщательное убеждение, что он, т. е. стих, несмотря на кажущуюся нелепость, все же хорош.

Философия же ее (не женское это дело) – того горше. Ну, на кого в самом деле рассчитано такое изречение (беру первый попавшийся абзац, а их много, и все они, как изречения из Корана, разделены черточками) – «Брать – стыд, нет давать –

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru стыд. У берущего, раз берет, явно нет; у дающего, раз дает, явно есть. И вот эта очная ставка есть с нет... Давать нужно было бы на коленях, как нищие просят». [349]

Журнал разбит на отделы. В отделе поэзии, кроме Цветаевой и Г.Струве, представлены начинающие поэты. [350] Из прочитанного запоминается только стихотворение Струве, благодаря своей зверской опечатке. [351] В отделе прозы среди неизвестных фамилий – имя Бунина. Интересней других отдел статей: со многим, конечно, нельзя согласиться, но собственное обоснование благонамеренности представляет большую свободу.

По одежде встречают – издан «Благонамеренный» прекрасно, – надо думать, обратит на себя внимание.

Д. Святополк-Мирский

Рец.: Марина Цветаева

Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924{96}

Значительным событием в русской литературе последних двух-трех лет является необычайный, можно сказать, неожиданный, рост поэтического мастерства Марины Цветаевой. Уже с 1922 года, когда ее лирические стихи, написанные в Москве в 1916–1922 годах, впервые увидели свет, [352] она стала одной из самых ярких звезд на нашем поэтическом небосклоне. Но в удивительной непосредственности и свежести лирики было некоторое ощущение преходящего, недостаточной устойчивости, заставлявшее опасаться, что она не сможет совладать со своим вдохновением и не выдержит собственной плодovitости. Ее последнее произведение, начинающееся с цитированного в заглавии стихотворения, рассеивает эти опасения. К непревзойденной непосредственности Марина Цветаева добавила мастерство и строгость формы, что делает ее возможности неограниченными. «Молодец» – только первая из поэм, раскрывающих новую сторону ее таланта, чрезвычайно усиленного сознательной дисциплиной и мастерством. Две большие поэмы, опубликованные после «Мулодца» и еще не вышедшие в книжном варианте, – «Поэма Конца» (в альманахе «Ковчег», Прага, 1926) и «Крысолов» («Воля России», 1925, № с 5 по 8 и 12) – являют новые достижения в том же направлении. Без колебаний их можно назвать великой поэзией совершенно нового типа. Не может быть сомнений в том, что, за исключением Бориса Пастернака, Марине Цветаевой нет равных среди русских поэтов ее сверстников. В короткой рецензии невозможно должным образом проанализировать истоки ее творчества, но мы надеемся со временем вернуться к этому подробнее.

Д. Святополк-Мирский

Рец.: Марина Цветаева. Молодец: Сказка

Прага: Пламя, 1924{97}

Первые книги Марины Цветаевой вышли еще в 1910 и 1912 году. Но после того она десять лет ничего не печатала, и только в 1922 году вышло одновременно несколько книг ее стихов, написанных за годы войны и революции, и она вдруг предстала нам во весь свой (тогдашний) рост, – говорю «тогдашний», потому что с тех пор она еще много выросла, и продолжает расти неудержимо, как в бочке князь Гвидон. («Современные записки» первые явили Марину Цветаеву эмигрантской публике, напечатавши (№№ 7 и 8) ряд ее стихотворений, привезенных из Москвы Бальмонтом). [353] Таким образом, несмотря на ранний (еще гимназисткой) дебют, Марина Цветаева должна почитаться поэтом послереволюционным.

Среди поэтов послереволюционных ей принадлежит или первое, или одно из двух первых мест: единственный возможный ей соперник – Борис Пастернак, – поэт совершенно иного, чем она, склада. При полном несходстве этих двух поэтов интересно отметить черты, общие обоим. Кроме явной, очевидной, несомненной новизны (беру это слово в строго бергсоновском смысле [354]) – признака как будто необходимого и неизбежного в истинно большом современном поэте; кроме общей обоим приподнятости, которая почти не может считаться индивидуальным признаком в поэте лирическом, – единственное, что есть и в Цветаевой и в Пастернаке, это мажорность; бодрая живучесть, «приятие» жизни и мира. Тех, кто болеет патриотической тревогой, должно радовать, что два первых поэта нашего поколения, во всем остальном столь несходные, объединены именно этим признаком. Значительность этого факта подчеркивается тем, что вся русская литература предшествующего поколения (за исключением одного Гумилева) была объединена признаком как раз обратным – ненавистью, неприятием, страхом перед жизнью. Эта настроенность, мы теперь знаем, была пророческой, и вообще, после явного примера Блока, мы стали верить в пророчесственность поэзии. Не может ли быть, что Цветаева и Пастернак явление же пророческое, как Чехов и Блок? И в то же время

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru на Западе (говорю, преимущественно, о знакомой мне Англии, но, кажется, это верно и относительно Франции и Германии) поэты того же калибра проникнуты как раз вчерашней, предсмертной нашей настроенностью.

Но, повторяю, за изъятием этих черт, Пастернак и Марина Цветаева – несходны, почти противоположны. Пастернак зритель и веществен. Его поэзия – овладение миром посредством слов. Слова его стремятся изображать, передавать, обнимать вещи. В этом объятии и овладении реальными вещами вся сила Пастернака. Он «наивный реалист». Марина Цветаева – «идеалистка» (не в вильсоновском, а в платоновском смысле [355]). Вещественный мир для нее только эманация «сущностей». Вещи живут только в словах. Они не *sunt*, а *percipiuntur*. *Sunt* только их сущности. Самая зрительность ее, такая яркая и убедительная (особенно в ее прозе) как бы бестелесна. Люди ее воспоминаний, такие живые и неповторимые, не столько бытовые, трехмерные люди, сколько сведенные почти к точке индивидуальности, неповторимости. В этом умении мимо и сквозь «зримую оболочку» увидеть ядро личности, и, несмотря на его безразмерность (точка), передать единственность и неповторимость этого ядра – несравненное очарование прозы Марины Цветаевой. Наоборот, Пастернак, в своих рассказах («детство Люверс»), дает одни оболочки, и души его не личности, а геометрические места пересечения внешних впечатлений. (Это и имеют в виду, когда говорят о конгениальности Пастернака Прусту).

В стихах эта разница проявляется в том, что для Пастернака слово – знак вещи. Язык его «нейтрален», «интернационален», вполне переводим. Для Цветаевой слово не может быть знаком вещи, которая сама только знак. Слово для нее «онтологичнее» вещи, – прямо, мимо вещи связано с сущностями; абсолютно, самоценно, незаменимо, непереводаемо. Стихи ее неотрывно-русские, самые неотрывно-русские во всей современной поэзии. И ритм, который для Пастернака только данная схема, только сеть долгот и широт (что вовсе не умаляет его как ритмика), для Марины Цветаевой – сущность стиха, сам стих, его душа, его живящее начало. Пастернаковский ритм – кантовское, цветаевский – бергсоновское время.

В воспоминаниях Марины Цветаевой о Брюсове («Герой труда») есть эти замечательные слова: «Безграничность преодолевается границей, преодолеть же в себе границы никому не дано». Безграничность у ней была с самого начала. (Не хочу этим сказать, что дарование ее не имеет границ; но эти границы только сбоку, не спереди; оно бесконечно раскрывающийся угол, а не замкнутый треугольник; ограничено поле, но не дальность ее зрения). Судя по ее ранним стихам, можно было бояться, что она не сумеет преодолеть границей свою безграничность, – как не сумел в свое время Бальмонт. В ее стихах, написанных до 1919–1920 годов, была чрезмерная легкость, незадержанность, которая давала возможность говорить о «распущенности». В них не было дисциплины стиля. Начиная приблизительно с 1920 года, она неуклонно и победоносно преодолевает свою безграничность, – и как всякий мастер *zeigt sich erst in die Beschränkung*. (Прибавлю, что в ее прозе этот процесс начался позже и достиг еще не той ступени). В стихах 1916–1920 годов были изумительные отдельные, минутные взлеты, есть, Богом данное, единственное «необщее выражение», без остатка спасавшее даже (нередкие в те годы) худшие безвкусицы. Но не было полного овладения своим «демоном». В новейших ее вещах – «Молодец», «Поэма Конца», «Крысолов», «Поэма Горы», «Тезей» – особенно бросается в глаза именно это полное овладение, полная техническая удача.

Для столь романтического (т. е. субъективного и непосредственного) по природе поэта, каким была Марина Цветаева, такой путь – редкость. Главную роль в этом преодолении «своей безграничности» сыграла ее «словесность» – т. е. ее чуткость (и поэтому честность) к слову. Большую роль сыграло и прикосновение к стихии народной словесности (начиная с «Царь-Девуцы») и особенно (начиная с нее же) дисциплина большой формы, повествовательной и безличной, которая дала ей преодолеть «эмпирическую субъективность» ее ранней лирики, т. е. сделать свой стих из средства излияния переживаний орудием постройки поэтических зданий. «Царь-Девуца» и «Молодец» написаны на извне данные темы и свободны от «психологической информации». Но и как лирический поэт Марина Цветаева вышла преображенной из этой школы. Ее последние лирические поэмы, «Поэма Горы» и «Поэма Конца» – совершенно не «фонографичны», вполне конструктивны. Это не лирические записи переживаний, а поэтические (*poetikos* – значит созидательный, конструктивный) постройки из материала переживаний.

Главное, что ново и необычно в последних вещах Марины Цветаевой – и неожиданно

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru после ее первых стихов, – это присутствие стиля. Не стилизации, а настоящего, своего, свободно-рожденного стиля. В наше время она единственный поэт, достигший стиля. Присутствие стиля дает ее последним вещам единство и необходимость, – а читателю уверенность, что он не будет обманут или оскорблен фальшивой нотой. Такое мое суждение, наверно, удивит иных читателей, которые как раз наоборот находят в стихах Цветаевой дерзкое нарушение всех ихних канонв вкуса и ничем не оправданную (непонятную) пестроту. Но стиль ее нужно понять изнутри, и для этого нужно то, что Тургенев называл «симпатической настроенностью» (и без чего стихов вообще читать не стоит).

«Молодец» – первая вещь Марины Цветаевой, в которой стиль достигнут. Он отличается от «Царь-Девуцы» и «Переулочков» тем, что в нем уже нет стилизации. Это уже не подражание народной поэзии, это не похоже на народную поэзию, хотя тесно связано с ней, как дерево с почвой, – не сходством, а родством. Цветаева давно уже идет по пути освобождения русского языка от пут греко-латинской и романо-германской грамматики и возвращения ему его природной свободы и природных интонационных средств связи. (В этом отношении она соратница Ремизова). В «Молодце» это осуществлено. В нем господствует в высшей степени русская «безглагольность» (не в бальмонтском смысле, и не в шихматовском, [356] а в том, что она предпочитает обходиться без глаголов). Отсюда прямое следствие «прерывность» ритма, – так как «текучесть» пушкинского ямба была обусловлена именно его связью с ломоносовско-карамзинским глагольно-причастным синтаксисом. Необыкновенно искусно Марина Цветаева умеет использовать односложные слова и смежные ударения. Слово, даже слог получают у нее новую свободу и существенность, и интонация становится главной грамматической силой.

Я вижу, у меня уж нет места, чтобы изложить содержание «Молодца»; укажу лишь, что сюжет взят из народной сказки «Упырь». Но трудности и непонятности изложение самого поэта не представляет никаких. Нужно только внимание. Но без внимания вообще ничего не следует читать. Новый стиль требует большего внимания, чем старый и давно разжеванный. Но не больше, чем от ребенка (или взрослого), впервые начинающего читать русские стихи и читающего «Полтаву» или «Демона». Называю именно эти две поэмы потому, что помню, как я читал их десяти лет, удивленно и восхищенно, открывая новый мир, сперва непонятный, а потом вдруг понятный. То же сперва не понятное, а потом вдруг понятное откровение нового мира, новой системы отношений и ценностей – я переживал, читая последние поэмы Марины Цветаевой. Это совсем не такое уж обычное переживание, так как истинно новое редко, а особенно истинно новое, «полный и цельный», стиль.

«Молодец» вышел еще в 1924 г., а написан в 1922 г. [357]

С тех пор (и тем я начал свою статью) Марина Цветаева не сидела на месте, а росла не по дням, а по часам. «Поэма Конца», напечатанная в Пражском сборнике «Ковчег» (1926), «Крысолов» – в «Воле России», «Поэма Горы» и «Тезей», еще, к сожалению, неизданные, – еще более высокие достижения, чем «Молодец».

Я сознаю, что в этой рецензии я так ничего и не сказал о Марине Цветаевой и никого ни в чем не убедил. Но о ней надо писать не рецензии, а книги (если вообще стоит писать не-поэтам о поэтах), – и гордясь тем, что она наша соотечественница, и радуясь тому, что она наша современница.

М. Осоргин

Дядя и тетя

Рец.: «Благонамеренный», книга 2, 1926

Отрывки {98}

Вторая книжка молодого брюссельского журнала «Благонамеренный» столь же симпатична, сколь и первая, но на этот раз журнал вызывает улыбку сомнения.

Ждалось, что журнал, созданный литературной молодежью, поэтами и писателями, еще не признанными и не утвержденными в этом звании, – этой молодежи и будет принадлежать. В первой книжке промелькнули имена и старшего поколения, но явно – в качестве почетных гастролеров, гостей, приглашенных на семейный праздник.

Случилась, однако, курьезная бытовая сценка. Представьте себе, скажем, молодоженов, которые обставили себе новенькой, изящной и стильной мебелью уютное гнездо, которые этим и всем прочим счастливы, полны приветливости ко всему миру, искренне хотят, чтобы родственники и гости посетили их новоселье, порадовались бы за них. И вот, по любезному их приглашению, явились к ним дядя и тетя, люди

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru известные, всеми уважаемые и очень уважающие самих себя. И случись, на грех, что тетю по дороге в гости обидел какой-то непочтительный мальчик. И вот, как начала тетя еще на пороге рассказывать об этом и жаловаться, – так до самого вечера и проговорила о себе, не дав никому сказать ни слова. Вещи тетя говорила исключительно умные и справедливые, дядя же, особых реплик не подавая, присел к закусочному столу и использовал его в интересах питания.

И было новоселье совершенно испорчено, так как о молодых забыли, на гнездышко их не обратили внимания, счастьем их не порадовались, и праздник как будто устроен был не ими и не для них, а для их замечательных дяди и тети.

Ровно одну четверть книги журнала (46 ст. из 184) заняла Марина Цветаева статьями о себе и о том, как ее не умеет понимать критика, в частности Г.Адамович в «Звене», которому и отведено 16 страниц. К этому нужно прибавить одно ее стихотворение, снабженное сноской «Стихи, представленные на конкурс „Звена“ и неудостоенные помещения. М.Ц.». Если бы Марина Цветаева не воспретила не-поэтам критиковать поэтов, то я бы осмелился робко заметить, что писывала она стихи и лучше; сейчас – молчу. Следует прибавить также 7 страниц статьи Д.Святополк-Мирского, отчасти посвященной той же Марине Цветаевой.

Гораздо скромнее дядя – А.Ремизов, давший превосходный отрывок [358] из своей книги «Страды мира» и ряд библиографических заметок (Россика), которые можно бы и не подписывать его инициалами, настолько их язык и манера письма неподражаемы и могут принадлежать только ему одному. Этих заметок 13; две из них – о собственных его книгах, две – об изданиях с его участием. В награду за скромность (конечно, – и в признание литературных заслуг) в остальной библиографии имя Ремизова упоминается с эпитетами «тончайший писатель», «огромный писатель», «один из самых редких писателей», [359] а также высказывается предположение, что «самообольщенный американец будет обеспокоен, даже потрясен развитием таких личностей», [360] как Ремизов. На двадцати страницах библиографии имя Ремизова упомянуто 16 раз, – извините за скучную статистику.

Со значительной долей мыслей Марины Цветаевой (статья ее «Поэт о критике» написана очень талантливо) нельзя не согласиться, как и со всеми эпитетами, данными А.Ремизову. Обоих этих писателей – в их подлинном творчестве, а не в их литературных выходках – я ценю превыше многих их русских современников, безоговорочно отводя им лучшие места в нашей литературе (с просьбой самим эти места поделить). Готов даже помириться с новой манерой полудурашливой библиографии, вводимой Ремизовым в журнальный обиход: за талант многое прощается охотно. Но решительно нельзя мириться с отсутствием минимума словесного целомудрия по поводу собственных дел и делишек. Нам (и писателям, и критикам, и читателям) положительно нет дела до того, как Марина Цветаева реагирует на критические о ней (о ней лично) отзывы, кому она дает право судить себя, кому не желает его предоставить, кого слушается, кого не слушается, для кого она пишет, как она сама себя понимает, каковы ее черновики, каковы ее беловики, какова была раньше ее наружность, какова стала теперь. А уж анализировать под ее пристрастным руководством отзывы о ней Г.Адамовича – от этой глубокой провинции окончательно следовало бы нас избавить. Мы нисколько не сомневаемся, что Марина Цветаева ценит себя, знает себя, любит себя и даже, может быть, понимает себя больше и лучше, чем ее ценит, знает, любит и понимает Г.Адамович или еще кто-нибудь, будь он критик или простой читатель. Но беседовать об этом в печати с самой Мариной Цветаевой – для такой интимности у читателя пока поводов нет, и зря поэт обкрадывает своих будущих биографов.

Что касается до Ремизова, достаточно хитрого, чтобы шуточно увернуться от упрека в излишней самозанятости, то им так же самая интимность доведена до крайних пределов. ...

Между прочим, известно ли А.Ремизову и М.Цветаевой, что не потому они не всеми признаны, что их лишь немногие понимают, а потому, главным образом, что известная доля их писаний («штучки» Ремизова и половина прозы Цветаевой) совершенно не интересны многим из тех, кто вполне способны любить, и понимать, и ценить подлинную их литературу и поэзию? А ведь отношение читателя им, авторам, далеко не безразлично, о, нет! Несмотря на все мнимые высоты, с которых М.Ц. покрикивает на читателя и критика! О, нет! Редко можно найти авторов, столь заботящихся о всеобщем признании, именно всеобщем, а не одних только избранных. Пусть извинят меня за эту откровенность добрые друзья и любимые писатели. О нет!

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ни я, ни мы обманываться на этот счет не можем.

Введение в литературный обиход провинциальных интимностей – ремизовских разговоров о добрых знакомых и цветаевских длиннот о самой себе – можно объяснить только отрывом зарубежной литературы от российской почвы, уменьшением литературной аудитории до пределов эмигрантской комнатешки и отсутствием свободной, не связанной тесной семейственностью критики. Не представляю себе, что Марина Цветаева в России могла тратить время и чернила на мелкие и скучнейшие жалобы на Г.Адамовича. На моей памяти, в тяжчайшие годы революции, без корки хлеба и в холодной комнате она писала «Казанову».

Во всем, что не относится прямо к личности автора, статья Марины Цветаевой «Поэт о критике» заслуживает не только отзыва, но и ответных статей. В ней много интереснейших и чудесно высказанных мыслей и много несомненнейших нелепостей, вызванных, прежде всего, общим, всем поэтам свойственным, преувеличением роли поэзии (стихотворческой) в литературе. Поэт воспрещает не поэту быть своим критиком; но, не будучи ни критиком, ни прозаиком, он и в мыслях не допускает отсутствия у него права быть критиком прозаика и критика. Как аксиома признается, что поэзия выше прозы и выше искусства критики, хотя это нужно доказать, причем, первое, по-моему, не только не доказуемо, а просто вздор и недоразумение; и очень печальное недоразумение, наплодившее нам тысячи недурных и никчемных версификаторов, не способных грамотно и литературно написать письмо к приятелю. Мысль не новая, если вспомнить слова Л.Толстого о «связывании себе ног». Но для спора по существу здесь не место.

Чтобы покончить с дядей и тетей, заполнившими собой и личными своими делами журнал молодых благонамеренных, упомянем еще о соучастии в их деле их талантливом двоюродном племяннике Д.Святополк-Мирского, бескорыстно служащего их делу. Его статья «О консерватизме», написанная в неприятной форме диалога, как всегда интересна и достаточно парадоксальна. ...

В библиографическом отделе имеются два отзыва о книгах Д.Святополк-Мирского (один – ремизовский) [361] и цитаты из Д.Святополк-Мирского о Ремизове. В статье своей Святополк-Мирский отводит милые строки Цветаевой, которая, в своей статье, очень хорошо говорит о Святополк-Мирском. [362] Все это чудесно и очень похвально, но невольно является мысль:

– Да уж подлинно ли это «Благонамеренный»? Не есть ли это анонсированный нам газетами и недавним неудачным «вечером» новый журнал «Версты»! [363] ...

Следуя указанию Марины Цветаевой, пропускаю без критической оценки помещенные в журнале стихи («Испытание» Давида Кнута, [364] «Соррентийские фотографии» Вл. Ходасевича, «Старинное благоговение» Марины Цветаевой, «Сжигальщикам» Шаховского). Впрочем, два слова о Шаховском (не о достоинстве его поэзии, а о теме ее) сказать и мы вправе. Зараза Марины Цветаевой сказывается: Шаховской тоже на кого-то обиделся и стихи свои посвятил своим «сжигальщикам», т. е. критикам:

Ступайте прочь, сжигальщики мои,
И казни огненной не верьте.
Вам не дано вкушать мое бессмертье,
Как и читать мои стихи.

Кн. Д.А.Шаховской два года тому назад издал книжку стихов «Песни без слов», оцененную критикой значительно, по-моему, ниже, чем эта книжка заслуживала. [365]

...

Внешность журнала превосходна, только стало больше опечаток. Общее же о нем заключение приходится выразить словами: подождем еще! Когда в нем будет отводиться меньше места провинциальной прозе и игре дешевых самолюбий – мы подойдем к нему с большим почтением и большей серьезностью.

Антон Крайний
Мертвый дух{99}

1

Было бы странно, если б на теле нашей эмиграции, при дрящемся существовании в России очага заразы, не появлялось, время от времени, подозрительных пятен. Но не следует относиться к ним с беспечностью. Здоровое ядро эмиграции тем скорее избавится от того или другого нежелательного явления, чем прямее мы будем на

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru него указывать и внимательнее его исследовать. Даже самыми ничтожными с виду и теми не надо пренебрегать.

Все современные разлагающие течения, в каком бы слое эмиграции они ни зарождались, все группы людей известного уклона и даже одиночки – начинают с того, что выкидывают флаг «патриотизма». Выкинутый искренно, эмоционально, или в силу посторонних соображений, – этот флаг всегда защита и, одновременно, соблазн. Соблазн: не звучит ли теперь для всякого имя России, как имя возлюбленной? А защита: не достойны ли самого осторожного, уважительного, обращения люди, которыми движут «патриотические чувства»?

Что скрывать: ведь все мы, без различия левизны и правизны, очень стали бояться, как бы нас не заподозрили в недостаточной «любви к России». Если кто и думает, что СССР еще не Россия, что, не взирая на «трех праведников», в этой стране находящихся, он, по многим причинам, ее не хочет... – да не всякий это скажет. Напротив, сделалось принято вдруг выскочить со своей «подоплекой», с чувствами к «Родине», до ее цветочков и ручеечков, до... почти готовности забыть, что она СССР (кстати, эти цветочки, ручеечки, березки – возлюблены одинаково и левыми, и правыми).

В защитный цвет «патриотизма» окрашено было и недавнее течение «возвращения». [366] Много потратили на него слов, долго катали его, перевертывая осторожно то на одну, то на другую сторону, пока «малые сии» соблазнялись именем Прекрасной Дамы... Но как хорошо, что течение выбилось наружу: побурлило – и на глазах у всех, естественно, стало сохнуть. Солнечный свет имеет силу обеззараживающую.

Но есть такие же, подобные же, течения, – лишь более ядовитые, потому что еще не всем приметные. На поверхность они выбиваются пока тонкими струйками.

И особенно обманчивы струйки, зажурчавшие в прекрасном саду «искусства». Политики привыкли смотреть на этот сад и на «играющих в нем детей» – как вообще на эстетику – с полууважительным, полуснисходительным равнодушием. Чем дитя ни тешится – кому какое дело? Старые эти привычки пора бы, однако, бросить. Пора бы понять, что эмиграция, в известном смысле, есть цельность, и в какой бы из ее областей ни появлялись знаки разложения – это имеет одинаковую важность.

Разлагателями-эстетами я и намерен заняться.

2

Конечно, и над эстетической пешехоновщиной [367] развевается знамя «патриотизма». Но, по сравнению с «просто пешехоновцами», эстеты ограждены гораздо лучше.

У них есть и вторая защита – сама эстетика, искусство, т. е. область, куда обыкновенным людям, со своим человеческим судом, нечего соваться. Искусство, поэзия, красота – сияние этих жупелов так ослепляюще, что эстеты не стесняются, действуют безбоязненно.

С пешехоновцами, возвращенцами и другими «слоняющимися» [368] – все-таки мог быть разговор: обиходные слова, например, свобода, власть, честь, труд, – они понимали, сами их употребляли... Даже слово «политика» они понимали, хотя и в крайне узком, допотопном, виде. Признавали, что идут на «компромиссы», но до известного предела. Другой вопрос, чего все это стоило и как с этим распорядилась реальная действительность.

С эстето-разложенцами говорить нельзя. Можно только говорить о них, показывать их другим в настоящем их виде, без дымовой завесы «святого искусства». Эта завеса особенно удобна и для обыкновенного человеческого нигилизма: прикрывает его и в то же время как бы оправдывает. А без нигилизма – природного или приобретенного, в большой мере или малой – не обходится никакое сменовеховство. [369]

Чтобы перейти к наглядности, конкретности, – возьмем хотя бы эмигрантский журнал «Благонамеренный». Явление само по себе ничтожное, но в нем, как в дождевой капле, отразилось эстето-сменовеховское движение со всеми его характерными особенностями. Благодаря ядру, конечно: группе «эстетов», держащих определенный курс на СССР.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Еще не все сотрудники примыкают к основной группе. Есть случайные, есть попавшие в журнал, как куры во щи. Однако последняя книжка – достаточно яркий букет с очень знакомым ароматом.

Во всяком подобном движении существуют разновидности: обманывающие, обманутые, «мерцающие», – ни в тех, ни в сех, смотря по настроению; наконец, просто наивные эмоционалисты. Все эти разновидности представлены в группе «Благонамеренного». Несколько лиц, в известных соединениях и в соответствии с провозглашенными лозунгами, – дают прекрасный материал для исследования.

Лозунги – или первоположения – очень ярко и темпераментно выразила поэтесса Марина Цветаева... Вот они, в главном: «сияющая красота» – конечно, превыше всего. В индивидууме, причастном к «совершению» красоты, – в пишущем стихи, например, – два существа: одно – человек; другое – поэт. Для поэта – есть законы, поэтические (впрочем, для каждого – свои, постороннему суду не подлежащие). Для человека же – нет законов, никаких; человеку (это подчеркивается) «все позволено». И даже так, что, чем «скандальнее» ведет себя человек, тем чище и прекраснее его поэзия.

Естественно является и все дальнейшее: суд над поэтом или, того хуже, над человеком-скандалистом, должен вызывать «святое негодование». Политика? Смерть политике! «От нее вся тьма». Не ее ли темное дело – различать большевиков и не-большевиков? И не ясно ли, что все взоры надо обратить на СССР, где творится «новая, послереволюционная» красота и где, уже благодаря наиболее скандальному поведению, поэты «совершают вещи», наиболее чистые и прекрасные?

Можно сказать, – недрогнувшей рукой начертаны эти общие первоположения. Они все нашли поддержку у товарищей поэтессы: то же самое, в виде афоризмов, или в виде прямых заигрываний с Маяковскими, Пастернаками и др. – гармонично рассеяно по страницам журнала. Один большой поэт (враждебный движению) сказал мне: «отлично работают на разложение эмиграции! Все туда да туда: мы, мол, от вас не оторвались; улыбнитесь нам – и помиримся»!

Я не сомневаюсь в искренности М.Цветаевой. Она – из обманутых; но она точно создана, чтобы всегда быть обманутой, даже вдвойне: и теми, кому выгодно ее обманывать, и собственной, истерической стремительностью.

Ремизов, соседствующий с Цветаевой справа, слева, со всех сторон, – в несколько ином положении. Он, хотя и сам великий обманщик, но обманщик невинный, бескорыстный – мистификатор. Если он очутился в данном течении, попустил воспользоваться собою, своим именем, то частью по вечным: «да что ж»? «да все люди хорошие», а «печатают да хвалят – слава богу»; частью же потому, что потерял меру притворства и уже не всегда знает, что можно, чего нельзя.

Я его, однако, не оправдываю. Именно с большого писателя, каков Ремизов, – спросится ответ и за это (пусть лично невинное) содействие разложению. Скорей не спросится с «редактора» Шаховского. Что – он? Даже не орудие – веревочка, которая «в хозяйстве годится». Его, прирожденно-старого, всякий вяжет и ведет, куда хочет. Подхватила волна эстето-соглашательства, с аксессуарами, красотой, поэзией, скандалом поведения, – он и закачался на ней, как недавно качался – на православной. Марина Цветаева утомительной кошкой вцепилась в господина Адамовича из «Звена» (за неполное преклонение!) – и редактор «Благонамеренного» вслед, тоже на критиков: вы, мол, недостойны ни моего бессмертия, ни моих стихов. [370]

В эмигрантской печати посмеялись над «Благонамеренным»: в одной газете легко, в другой – мелко, в третьей – как-то сладко и оборванно. [371] Удивил меня смешок М.Осоргина: [372] ведь известно, что почтенный публицист сам, всей своей сущностью, предан эстето-патриотическому (СССР-скому) движению, сам туда обращен взором, как бы тоже говорящим: «я не оторван; улыбнитесь мне – и помиримся». В бытность «пешехоновины» – открыто стоял за нее, не забывая традиционных «цветочков – ручеечков»... Одно, разве, объяснение: сущность у Осоргина такая рыхлая, талая, вялая, что, чему бы он ею сегодня ни предавался, – завтра, если найдет смешливое настроение, через сущность свою перескочит, даже не заметив.

Словом, вышутили действительно смешную сторону журнала, а того, что под смешным, не увидели. И никто, занявшись сотрудниками «с именами», не обратил внимания на маленькую, но такую ароматную розу, что без нее, пожалуй, не было бы и самого

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
букета. Я говорю о разновидности, которую представляет господин
Святополк-Мирской.

Разновидность, в сменовеховстве почти неизбежная. Это – некто «обманывающий». Таланта – и даже эстетического чутья – лишен; однако страдает, если не славолюбием, то известнлюбием. Взамен таланта ему дана некая сообразительность и нюх к моменту. А так как база его – полнейший душевный нигилизм, то в выборе моментов и путей он ничем не стеснен, только бы подходящий – и удобный.

Эта разновидность в господине Святополке еще индивидуально-размахровлена: он облюбовал путь эстетического пробольшевизма – с его все-таки вывеской какой-то «России», – сам не имея ни к какой России ни малейшего отношения, ни малейшего о ней понятия и... даже плохо владея русским языком?!

Нужна смелость, чтобы при этих свойствах – естественных для человека, издавна проживающего за границей, стать проповедником «связи с Россией» и литературным критиком. Но нигилисты вообще очень смелы. Господин Святополк уже давно успел пробраться в чистые журналы и газеты, орудуя именно «патриотизмом», перед которым пасуют самые храбрые: как же, мол, вот беспристрастный критик говорит о молодых побегах в России, находит там эстетические достижения... Большевики большевиками, но литература вне политики... Мы не можем ее заслонить большевиками... Это лубочно...

Но лубочен-то был «патриотизм», а также «эстетизм», под прикрытием которых господин Святополк проводил в эти журналы рецензии весьма определенного духа.

Ныне его деятельность расширяется. У него уже свой орган[373] и группа «помогающих», «сочувственников». Приобрести журнал маленького Шаховского ничего не стоило; с помощниками труднее, а они абсолютно необходимы, да еще с литературными «именами», – чтоб было на что опираться. Наметив более годных, господин Святополк употребил, для их приобретения, верное, испытанное средство: он стал хвалить их, со всей щедростью, не останавливаясь, по нужде, перед возвеличением; не умаляя этих, намеченных, перед советскими писателями (высшая похвала!), иногда приравнивая какого-нибудь советского гения к здешнему, эмигрантскому. Так, Марина Цветаева с Пастернаком были вместе объявлены первыми, великими, современными поэтами. [374]

Средство – что говорить – верное. Художественные «творцы» – а голенькие «эстеты» преимущественно – бессильны перед похвалой. Иные немало куражатся; но, в конце концов, всякий на похвалу сядет, как рыба на крючок. И талант не спасет. Цветаева, несомненно, талантлива, а посмотрите, что с ней сделалось, до чего она домагнула под непрерывным поощрением ее собственных нигилистических наклонностей и под действием постоянных ее, Цветаевой, возвеличений (довольно грубых). Попутно она утеряла здравый взгляд и на самого Святополка. Он уж кажется ей «редким и счастливым исключением» [375] из всех критиков. А свою близость к пастернакову гению – она уж так глубоко восприняла, что стихи начала писать, подражая Пастернаку («Старинное благоговение», например, во втором № «Благонамеренного»). Она уверовала в Святополка по-женски, целиком: и в его эстетическое чутье, и в талант, и в его позицию. Собственное ее чутье могло бы, кажется, подсказать, что в одной строке господина Адамовича больше таланта, нежели во всех писаньях Святополка, бывших и будущих; но... чутье изменило, Цветаева отравлена, заморожена.

На Цветаевой все это выпуклее, откровеннее, нагляднее; приблизительно то же происходит и с другими. Сладкая вода похвал имеет свойство соленой: чем больше пьешь, тем больше хочешь пить. И недаром этой соленой сладостью – взаимных похвал и самохвалений – так обильно политы, улины все страницы «Благонамеренного».

Вышутить такое собрание кукушек и петухов, наперерыв друг друга хвалящих, – конечно, соблазнительно. И весело. Но – повторяю – жаль, что критики не заглянули за кулисы, не отметили, о чем эти кукушки и петухи поют и куда зовут.

Г. Адамович

Литературные беседы{100}

Марина Цветаева сделала мне честь: она перепечатала в некоем «журнале литературной культуры» выдержки из моих статей за целый год и снабдила их комментариями. [376] Я никак не предполагал со стороны нашей популярной поэтессы

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru такого внимания к моим писаниям; надо ведь было следить, выбирать, вырезать, отмечать. Я тронут и польщен.

Марина Цветаева на меня чрезвычайно гневается.

В гневе своем она то и дело меня поучает. Поучения и примечания Цветаевой таковы, что не знаешь, чему в них больше удивляться: недобросовестности или недомыслию. Она выкраивает строчки, сопоставляет их, делает выводы – все совершенно произвольно. Она дает наставления в хлебопечении, рассуждает о свойствах сельтерской воды, сообщает новость, что Бенедиктов был не прозаик, а поэт, заявляет, что она до сих пор не может примириться со смертью Орфея, – не перечтешь всех ее чудачеств. В том же журнале поэтесса жалуется на то, что стихотворение ее, посланное на конкурс «Звена», не было «удостоено помещения».

Когда-то М.Шагинян писала о противоположности вечно женственного – о «вечно бабьем». Мне вспомнилось это выражение при чтении цветаевской болтовни.

Ю. Айхенвальд
Литературные заметки
Отрывок{101}

...Не без манерности один из драматических эпизодов нашей междоусобной войны воспроизводит и Сергей Эфрон в рассказе «Тыл»... ..

Почетное место, красный угол в тесной, но элегантной гостиной «Благонамеренного», в его литературном салоне, занимает на этот раз Марина Цветаева – так сказать, царица словесного бала. Непропорционально большое количество страниц отведено под ее статьи «Поэт о критике» и «Цветник», и в статьях этих она убежденно и пространно говорит, по преимуществу, о самой себе. Недовольная своими критиками, она зато очень удовлетворена собой и к своим стихам относится на редкость сочувственно, с неподдельной родительской теплотой. Это изобилие домашности, это почти сплошное *pro domo sua* мешает сосредоточиться на тех ее общих мыслях о критике, которые она выражает в свойственной ей несколько растрепанной и неряшливой форме. Тем не менее надо отметить некоторые из них, причем я выделю те идеи г-жи Цветаевой, которые мне настолько близки, что сходные с ними я давно уже высказал в своем этюде «Самоупражнение критики». [377] Я понимаю, как эта близость компрометирует почтенную поэтессу: в числе других своих критиков она сводит строгие счеты и со мною. Я не буду возражать ей и отражать ее упреки – не только из гнетущего сознания своей беспомощности, но и для того, чтобы вежливо оставить ее правой, т. е. чтобы оправдать ее мнение обо мне как о литераторе, питающем и питающемся «розовой водой» и «лимонадом». Правда, нечто подобное этим приятным влагам нашел я у нее самой – именно в тех совершенно неожиданных строках ее, из которых я, к своему удивлению и к смущению для своей скромности, узнал, будто я – «критик, наиболее читаемый, любимый и признанный». Хорошо бы ее устами этот мед, этот лимонад пить... впрочем, ее собственные уста здесь участия бы все равно не приняли, так как сама, повторяю, меня презрительно осуждает...

Итак, что же в соображениях Марины Цветаевой нашел я, как мне кажется, правильного и родственного соображения своим? Критик, замечает она, это – «абсолютный читатель, взявшийся за перо». А я уже много лет назад писал: «Читатель сам – критик, иначе он не был бы и читателем; критик и читатель – внутренние синонимы; не нужен критик специалист; книга литературы не книга за семью печатями: она лежит раскрытая перед каждым, и читателю писатель говорит: „приди и возьми“, заметив критика, его вмешательство, укоризненно указывая на него, еще говорит писатель читателю: „зачем тут третий между нас?..“ лицом к лицу становится поэт, становится певец со своим слушателем; излишни в искусстве посредники». Далее утверждает г-жа Цветаева: «чтение – прежде всего – сотворчество; если читатель лишен воображения, ни одна книга не устоит». А я уже много лет назад писал: «читатель творит себе писателя по образцу и подобию своему; между ними устанавливается симпатическая связь; читатель-критик вступает в родственное или дружеское общение с писателем, как его сотрудник, как солидарный с ним участник его творчества». И даже, решаясь на парадокс, я заявлял: «читать – это значит писать».

Я-то имел в виду, что читатель вчитывает в себя лежащие перед ним страницы, и они начинают принадлежать ему почти в такой же степени, как и своему первоначальному автору; писатель начинает, читатель продолжает.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Но есть между г-жой Цветаевой и мною также и большое различие. Оно, как уже и видно, состоит в том, что ей критик, ей судья нужен, не только для того, чтобы было с кем браниться, но и для того, чтобы он узрел поэта «за триста лет и за тридевять земель», чтобы он, «бог путей и перекрестков, двуликий бог, смотрящий взад и вперед», бодрствовал над поэтом, как «Сивилла над колыбелью», – мне же критик не нужен, т. е., по-моему, поэт в критике не нуждается. Я усматриваю глубокий эстетический и психологический смысл в том религиозном предании, что, когда божественный автор мира окинул последним взглядом дело рук своих, созидательной десницы своей, он сам расценил его, он остался им вполне доволен и удовлетворенно сказал себе: все очень хорошо. В скобках еще раз укажу, что приблизительно так же поступила по отношению к своим стихам и г-жа Цветаева: мы уже видели, что она тоже осталась ими вполне довольна. Не говорят ли оба факта, большой и маленький, о том, что творчество и критика совмещаются в единой личности, проистекают из одного общего источника и служат двумя родственными проявлениями одной и той же силы? «Взыскательный художник» – читаем мы у Пушкина. Взыскательный к кому? К самому себе, конечно. «Ты сам – свой высший суд; всех строже оценить сумеешь ты свой труд». [378] Строгое самоосуждение – удел художника. Но и награду за подвиг благородный, за подвижничество слова, он тоже найдет в самом себе. Критика соприсуща творчеству. Художник – свой собственный критик. Зоркий как орел, как пробудившийся орел (душа поэта – орлица, даже когда она – орлица спящая, и прекрасно права Марина Цветаева в своем сравнении: «каждый поэт – тихий океан»), – зоркий художник лучше кого бы то ни было сознает и свои достижения, и степень своего несовершенства, он лучше всех ощущает границу и расстояние между своею мечтой и ее воплощением, между поэтической грезой и реальной явью. Он-то знает, как никто, – он сам сказал, что мысль изреченная есть ложь; и в чем ложь его создания, и в чем его правда – это он чувствует отчетливее, смущеннее и радостнее своих судей. В плане практики художнику нужен заказчик; но ни в каком плане художнику не нужен указчик. Поэт без критика может обойтись. Последний не ведает ничего такого, чего, в пределах своего мастерства, не ведал бы первый, – а умеет первый больше последнего. Отзвук обязан звуку. И как бы ни было звонко, богато и раскатисто эхо, не ему принадлежит инициатива. «Критика, – гласит афоризм Попа, – похитила у поэтов то, что сами они похитили у неба». [379]

Это вполне примиримо с тем, что внутренний смысл и дух произведения нередко лучше открывается критику, чем творцу. Очень верно говорит г-жа Цветаева, что критик «в новой поэме», т. е. в своем художественном отклике на художество чужое, «истолковывает сон поэта» и что критик – «последняя инстанция в толковании снов» – прибавлю от себя, «в толковании слов», слов-снов. Ибо творение больше творца; и вот эта преимущественность творения перед творцом может быть явственнее критику, работающему при свете сознания, чем художнику, кладя свои извлекающему из глубин своего подсознательного мира. Но отсюда еще далеко не следует, чтобы критик в состоянии был оказывать художнику какую-нибудь существенную помощь и учить его светлой науке, радостной науке красоты. Законодателем критика является художник: он – критик критика. Не критик художнику, а художник критику должен угодить. Это связано с тем, что теория искусства эмпирически вытекает из практики искусства. Сначала – слова, потом – словесность.

Отсюда я и вывожу свою мысль, что цель критики – самоупражнение критики. Если Ницше называет филолога учителем медленного чтения, то не в меньшей степени этого почетного, но и скромного титула заслуживает и критика. Он учит вникать в написанное, медлительно перебирать слова как четки или перебирать их как радующий жемчуг. Но когда он этому научит, он больше не нужен, он сделал свое дело, и мавр может идти. Критик, лучший из читателей, воспитывает читателей, более слабых, менее чутких, более торопливых. А задача воспитания когда-нибудь да кончается. Читатель не вечный недоросль. Когда все научатся читать, когда и в сфере внутреннего чтения будет осуществлена ликвидация безграмотности, критик успокоенно произнесет: ныне отпускаеши.

И для блага литературы, в интересах культуры, надо желать, чтобы такой момент наступил возможно скорее. Когда все станут критиками, отпадет критика. В цветущий период Древней Греции не процветала критика – не потому ли, что, по слову Оскара Уайльда, все греки были народом критиков, [380] т. е. народом художников, и все они были сопричастны красоте? Критика в своем конечном назначении отходит, предоставляя честь и место писателю и читателю, их двуединству, их духовному сотрудничеству.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но если так, почему же критики не отказываются от своего ремесла? Почему же, в частности, к огорчению Марины Цветаевой, не отказывается от него и пишущий эти строки, а предпочитает, поникнув головой, почтительно выслушивать из уст поэтессы убийственные слова о розовой воде и лимонаде?.. Да потому, что критик не нужен принципиально, в идее, а на практике, пока еще безграмотность не ликвидирована, он может быть полезен. Он может быть полезен как истолкователь писателя, как читатель по преимуществу, как тот, кто занимает к писателю ближайшее место – его собеседник и наперсник.

Критика – фермент литературы. Критика не дает литературе успокоиться, застыть, и она способствует ее непрерывному волнению и развитию. Но когда, взамен специальной критики, эту возбуждающую роль будет играть все общество, все читающее общество, тогда в особом бродиле нужды не окажется. И критика, дружественная литературе и обществу, сама первая этому порадуется – она будет приветствовать свое самоупряднение. И тогда критики перестанут обижать Марину Цветаеву и она перестанет на них обижаться. ...

А. Яблоновский

В халате{102}

В одном из романов Вербицкой героиня Маня, неожиданно для самой себя, осчастливила какого-то земского начальника (у Вербицкой это иначе было сказано – «провалилась в бездну» совместно с земским начальником).

Действие происходило в беседке, а роман назывался «Ключи Счастья».

Я как-то позволил себе пошутить в печати над этим романом и назвал его «Ключи от беседки».

А по адресу героини Мани, помнится, даже сказал:

– Сударыня, с кем бы вы ни «провалились в бездну» – с земским начальником или с банкиром-евреем, – но первое правило в любви говорит ясно: Запирайте двери.

Г-жа Вербицкая сделала мне честь и на мою маленькую заметку отвечала ураганным огнем дамского негодования.

Она – первая писательница в России, ее читают больше чем Толстого, ее талант признан всеми, ее книги печатаются по 40 тысяч экземпляров, – а я, злобный, низкий грязный человек, который оклеветал чистую девушку Маню.

– «Да, моя Маня „провалилась в бездну“, да, она провалилась с земским начальником, но душой она осталась чиста, как и прежде. И, наконец, вам какое дело?»

Признаюсь, мне даже сейчас страшно вспомнить, что со мной сделала тогда г-жа Вербицкая. Прямо в котлету человека превратила.

Но представьте же себе мое изумление, когда на литературном горизонте нашей эмиграции я обнаружил еще одну г-жу Вербицкую, да еще, так сказать, в издании дополненном и исправленном. Это – г-жа Марина Цветаева, бросившая якорь в журнале «Благонамеренный».

На мое счастье, однако, мне лично почти ничего не влетело от г-жи Цветаевой. Только отмахнулась рукой и сказала:

– Отойди от меня, непристойный мужчина!

Но зато г-ну Адамовичу, бедному критику из «Звена», досталось так, что до зеленых веников помнить будет.

– «Не может быть критиком!»

– «Не смеет быть критиком!»

– «Кого я слушаю».

– «Для кого я пишу»...

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– «Ты мне не судья!»

Я, впрочем, совсем не имею в виду защищать Г-на Адамовича и просовывать свои пальцы между этих дверей – пускай Г-н Адамович сам отбодряется как знает.

Но о «вербицкой» манере письма Г-жи Цветаевой сказать несколько слов, мне кажется, стоит.

В литературу Г-жа Цветаева пожаловала с таким видом, как будто она на собственную дачу во второе Парголово переехала.

Закроешь глаза и видишь: стоят перед крыльцом возы с мебелью, а на возах кухарка и горничная с узлами в руках. И тут же тетя Варя в коляске и племянник Ника, который по дороге лампу разбил. А на крыльце, с собачкой под мышкой, стоит Г-жа Цветаева и кричит кухарке:

– Как же это, Аннушка, вы самоварную трубу забыли? Как же теперь самовар будем ставить?

Вот неуютно ли несколько примеров этой домашней бесцеремонности: «Ждать от поэта одинаковых стихов в 1915 г. и в 1925 г. то же самое, что ждать – от него же в

1915 г. и в 1925 г. одинаковых черт лица. Время, как известно, не красит... И никто мне, тридцатилетней, которую знал двадцатилетней, не скажет „Как вы похорошели“. Тридцати лет я стала очерченной, значительней, своеобразней – прекрасней, может быть. Красивей – нет. То же, что с чертами – со стихами».

Как видите, это очень трудно читать без чувства неловкости. Во-первых, о дамском возрасте говорить как-то не принято – это считается нелюбезностью. И уж совсем не принято, чтобы писательница говорила читателям о своей наружности:

– Нельзя сказать, чтобы я похорошела, однако, стала еще прекраснее и значительнее.

Это можно сказать мужу, жениху, тете Варе, наконец, – но читателям (а в особенности критику Адамовичу) этого положительно нельзя сказать.

– Почему?

Ну, хотя бы потому, что Г. Адамович может не поверить.

Вот этого чутья к тому, что дозволено и что недозволено, и нет у госпожи Цветаевой, как не было и у Вербицкой.

Она приходит в литературу в папильотках и в купальном халате, как будто бы в ванную комнату пришла.

Печатаемая в Благонамеренном (журнале терпеливом и многомилостивом) свое стихотворение, она не стесняется делать сноску: «Стихи, представленные на конкурс Звена и не удостоенные помещения». [381] Это, конечно, сделано с очевидным намерением пригвоздить Г. Адамовича «к позорным столбам Благонамеренного», как писал один провинциальный еврей в письме в редакцию.

Но когда вы прочтаете непринятые стихи, то невольно убедитесь, что Г. Адамович прикован к «позорным столбам» совершенно напрасно. Стихи – действительно плохенькие и уже, во всяком случае, не такие, каких можно было бы ждать от «тридцатилетней, значительной, своеобразной и прекрасной» Г-жи Цветаевой.

Это непонимание меры вещей, это отсутствие чутья к «дозволенному и недозволенному» заходит у Г-жи Цветаевой так далеко, что, познакомивши читателей со своим возрастом, со своей наружностью и со своими «врагами» (Адамович!), она сочла за благо довести до общего сведения и о своей денежной наличности:

– Чего же я хочу, когда по свершении вещи, сдаю вещь в те или иные руки?

– Денег друзья, и возможно больше.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Признаюсь, я не понимаю, для чего это пишется. Если к сведению Г. Адамовича, то ведь это бесполезно: он человек жестоковыйный и может «вещь» возвратить.

А нам, читателям, зачем же это знать?

Не понимаю я и «высокого стиля» г-жи Цветаевой.

Толстой, когда окончил Войну и Мир, говорил:

– Вот и написал роман.

И Пушкин, когда поставил точку к Евгению Онегину, говорил:

– Ну, слава богу, кончил.

А г-жа Цветаева говорит:

– Свершила вещь, но Адамович не принял...

Это так забавно – «свершила вещь», – что на этом можно бы и кончить.

Но г-жа Цветаева считает еще своим долгом объяснить читателю, зачем именно ей нужны деньги.

«Деньги – моя возможность писать дальше. Деньги – мои завтрашние стихи. Деньги – мой откуп от издателей, редакторов, квартирных хозяек, лавочников, меценатов – моя свобода и мой письменный стол. Деньги, кроме письменного стола, еще и ландшафт моих стихов, та Греция, которую я так хотела, когда писала Тезея, и та Палестина, которой я так захочу, когда буду писать Саула, – пароходы и поезда, ведущие во все страны, на все и за все моря»...

Я совершенно согласен с г-жой Цветаевой, что деньги – это крылатый конь для поэта: и в Грецию можно съездить (хотя страна сама по себе – скучнейшая), и лавочникам можно заплатить, и тете Варе помочь.

Но следует ли, позволительно ли, нужно ли об этом писать?

Признаюсь, если бы я имел право давать советы г-же Цветаевой, я бы сказал:

– Хотите просить прибавки – просите. Но ни лавочника, ни квартирную хозяйку не выносите на «позорные столбцы» вашего журнала. Во-первых, это бесцельно, а во-вторых, это очень утомительно для читателя. Да и не так, сударыня, деньги делаются.

– Если хотите денег – «свершите вещь», но не несите к Адамовичу, а отдайте в Благонамеренный – там все съедят.

П. Струве

Заметки писателя

О пустоутробии и озорстве{103}

Печальное впечатление оставляют некоторые новейшие литературные явления за рубежом и связанные с ними пререкания.

Беру журнал «Благонамеренный», книга 2 (март–апрель), и в нем нахожу стихотворение М.И.Цветаевой, озаглавленное «Старинное благоговение», ее же статью «Поэт о критике» и ее же набор цитат из «Литературных бесед» Г.Адамовича, напечатанных в журнале «Звено».

Грешный человек, Г.Адамовича я не читал, но, познакомившись с ожерельем его суждений и изречений, нанизанных г-жой Цветаевой, я впал в уныние.

Но уныние вызывает у меня и то, что пишет сама М.И.Цветаева. И то и другое огорчительно не потому, что бездарно, а потому, что совсем безнужно.

Именно – предметно безнужно, при известной личной одаренности самих пишущих.

Ни к чему.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Безнужно, ибо беспредметно.

Безнужно, ибо невнятно.

Вот, например, строфа г-жи Цветаевой:

Двух нежных рук оттолкновение –
В ответ на ангельские плутни.
У нежных ног отдохновение
Перебирая струны лютни.
Что это значит?

А таково все стихотворение.

Я утверждаю, что это литературное произведение беспредметно и не только невнятно, но и прямо непонятно, а потому безнужно. Почти так же или более безнужно, чем суждение Г.Адамовича о Пушкине, Гоголе, Фете, Брюсове, нанизанные г-жой Цветаевой и производящие удручающее впечатление каких-то развязных глупостей, изрекаемых неглупым человеком. Чем объясняется эта беспредметность и невнятность, эта неприятность лично не бездарных писателей?

Это психологическое явление не безразличное и не простое, а наоборот, серьезное и сложное.

Г-жа Цветаева в своей статье «Поэт о критике» обмолвилась словом «суть» и назвала поэта «человеком сути вещей».

«Суть вещей» есть то, что я называю «предметом» и что можно также назвать «содержанием».

Многие современные литераторы всегда или часто бывают:

бессущны,

или, что то же,

беспредметны,

или, что то же, бессодержательны,

а потому их произведения безнужны.

Именно не банальны, не бездарны, а бессущны и безнужны.

В русской литературе это началось давно и постигало и постигает многих. Бессущность это есть какое-то духовное пустоутробие.

Я пишу это с большим огорчением, но это так, и это – настоящая болезнь.

Болезнь эта началась давно, едва ли не с Брюсова, который, однако, сам ее почти преодолел. Брюсова я довольно хорошо знал, человек он был весьма неприятный, лично глубоко порочный, но несомненно крупный писатель, поборивший свое писательское озорство, но не свою человеческую порочность (именно порочность, а не греховность, черту общечеловеческую, ибо присущую всякой «твари»).

Озорство есть именно то слово, которое выражает другую сторону писательской бессущности. А корень этой бессущности в каком-то отсутствии предметной (объективной) религиозной скрепы при часто очень повышенных личных субъективных религиозных потребностях.

Души без скрепы, без дисциплины, без направленности, без сосредоточенности, а потому часто не дошедшие до сути, не обретшие предмета.

Дойти до сути, обрести предмет не так-то просто и легко, но без такого обретения духовное и, в частности, словесное творчество сбивается на пустословие и являет озорство.

Скрепа, средоточие, направление может даваться не только религией, но для многих

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
современных русских душ характерно, что они другие скрепы утеряли, а религиозной предметно еще не приобрели.

Е. Шевченко

Разгадка благонамеренности{104}

Выход нового русского толстого журнала за границей представляет событие значительное. Поэтому вышедший в Брюсселе журнал «Благонамеренный» привлек к себе особое внимание. Определение, данное редакцией своему журналу как «журнал русской литературной культуры», заставило отнестись к нему и с понятной строгостью. Поэтому когда обнаружилась невнятица в редакционном «философическом обосновании благонамеренности» журнала и в руководящей статье кн.

Д.Святополк-Мирского, то окончательное суждение о «Благонамеренном» пришлось отложить до появления его второй книги. Теперь появилась эта вторая книга «Благонамеренного».

Книга эта, пожалуй, окончательно разрешает загадку «благонамеренности» журнала, дает возможность оценить его по достоинству. Место «философического обоснования» во второй книге «Благонамеренного» заняло рассуждение «Поэта о критике» Марины Цветаевой, а кн. Д.Святополк-Мирский продолжил свое рассуждение о необходимости не только слушать «музыку революции», [382] но и «делать революцию». Не углублять ее, не возвышать. Строить на революции. Динамическую ее форму «наполнять своим содержанием». Признать революцию «нашей» и т. д.

Марина Цветаева написала о том, кто, по ее мнению, может быть критиком, кто не смеет им быть, кого она, Марина Цветаева, слушает, кого слушается и для кого пишет. Эта статья Марины Цветаевой, самая пространная в книге, является, по-видимому, ответом на письмо в редакцию «Благонамеренного» «известнейшего русского литературного критика», который отказался от участия в журнале. («Поблагодарите меня за откровенность и будьте счастливы!»). По этим причинам статья Марины Цветаевой, как и статья кн. Д.Святополк-Мирского, должна почитаться продолжением обоснования и определения программы «Благонамеренного».

Эти две статьи являются совершенно достаточным материалом для окончательной оценки литературно-философического направления «Благонамеренного», но до того можно принять в соображение и некоторые показания со стороны.

В первой книге «Благонамеренного» поместил два своих стихотворения Георгий Адамович, во второй книге Марина Цветаева поместила ряд выдержек из его, Георгия Адамовича, «литературных бесед», снабдив их своими ироническими примечаниями. В силу этого следует полагать, что Георгий Адамович сначала вошел в состав сотрудников «Благонамеренного», а затем как будто разошелся с его редакцией. Так или иначе, но Георгий Адамович, по-видимому, близко ознакомился с той «благонамеренностью» журнала, которая другим кажется загадочной, и потому некоторые его свидетельства имеют существенное значение.

Георгий Адамович, сообщая в «Звене» о состоявшейся лекции кн.

Святополк-Мирского, организованной журналом «Версты» и носившей название «Культура смерти в русской литературе», свидетельствует, что в лекции этой кн. Святополк-Мирский доказывал, что вся дореволюционная русская литература говорила только о смерти. Новая же русская литература, в лице Марины Цветаевой, Пастернака и Маяковского, призывает к жизни. «Вывод из лекции, – пишет Адамович, – таков: да здравствует Марина Цветаева и оба ее жизнерадостные соратника!»

Г.Адамович клянется, что, определяя таким образом содержание и сущность лекции кн. Святополк-Мирского, он ничуть не впадает в преувеличение. Ничего другого, кроме указанной мысли, в лекции не было. «Слушая кн. Святополк-Мирского, казалось, что сидишь в каком-нибудь захолустнейшем пролеткульте, где лектор изобличает гнилую буржуазную культуру»...

Оставляя в стороне все могущее быть слишком личным в сказанном Георгием Адамовичем, следует признать, что характеристика, данная им умозрению кн. Святополк-Мирского, вполне совпадает с тем выражением этого умозрения, которое дано самим Святополк-Мирским в обеих книгах «Благонамеренного». Слово кн. Святополк-Мирского о «культуре смерти в русской литературе» является перепевом темы его статьи в первой книге журнала о «нынешнем состоянии русской литературы», [383] в которой князь утверждал факт, что «русская литература находит больше радости жизни после революции, нежели находила до революции». То, что, в дополнение к этому, сказано кн. Святополк-Мирским во второй книге

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Благонамеренного» о приятии революции, настолько красноречиво, что не вызывает сомнений в том, к насаждению какой «русской литературной культуры» он, Святополк-Мирский, призывает.

«В дореволюционной культуре, – пишет кн. Святополк-Мирский, – нечего сохранять, или, точнее, в предреволюционной. Это не значит, что мы должны отречься от „интеллигентского“ периода нашей истории или забыть о нем. Наоборот, сильные его примером, положительным и отрицательным, мы должны уходить от него, не забывая о нем... Новое должно быть новое, а не подогретое вчерашнее. Оно должно быть революционным, должно смотреть вперед, а не назад»...

«Мы можем, – пишет далее кн. Святополк-Мирский, – и должны чтить Пушкина, как лучший Божий дар России, но учиться у него мы не можем. Кроме некоторого общего завета силы и страсти, ничему у Пушкина научиться не можем»... У кого мы, по слову кн. Святополк-Мирского, «просыпающиеся поздно», должны учиться – это ясно: да здравствуют Марина Цветаева, Пастернак и Маяковский!.. [384]

Этого достаточно. Приведенное ясно определяет направление мысли князя Святополк-Мирского, а вместе с тем и «философическое» направление «Благонамеренного».

Это критико-литературное направление совершенно совпадает с направлением мысли тех политических деятелей в эмиграции, которые призывают к возвращению. В «благонамеренности» «Благонамеренного» и кн. Святополк-Мирского воплотился дух пешехоновщины. Получилось раздвоение единого духа на две пары: Пешехонов – Кускова и Святополк-Мирский – Марина Цветаева.

Загадку «благонамеренности», о которой так туманно говорилось в «философических обоснованиях», можно считать разгаданной. А из этой разгадки следует сделать вывод, что «Благонамеренный» заслуживает того же противодействия, что и Пешехонов с Кусковой.

Откладывать окончательное суждение о журнале далее, до выхода его третьей книги, не приходится. К тому же почему-то кажется, что эта третья книга уже и не выйдет. Бедность содержания второй книги «Благонамеренного» не подтверждает установленной кн. Святополк-Мирским истины, что после революции русской литературе живется легче, чем до революции.

О всех сомнениях, вызванных первой книгой «Благонамеренного», было уже мною сказано в заметке о «Загадке благонамеренности». [385] Увы, сомнения эти совершенно оправдались...

В. Познер
Сжигальщики и сжигаемые [386]
Отрывок {105}

Статья М.И.Цветаевой «Поэт о критике» при поверхностном чтении кажется некоей *profession de foi*. Потом убеждаешься, что дело не так. М.И.Цветаева, очевидно, думает, что критики при поэте нечто вроде тех птичек, которые чистят зубы крокодилам. Поэтесса не предполагает, что критика – искусство, поэзии не подчиненное, что критики вовсе не должны рассказывать авторам что бы то ни было (подобно ученикам, отвечающим урок: все прочел? ни строки не пропустил? запомнил?).

Вся статья построена на утверждениях, требующих доказательств. Так, мы узнаем, что критик должен быть «пророком» и «судьей» обязательно непогрешимым. Таким образом, критику заказано даже сомневаться. Говоря кратко, автор требует от всех критиков, чтобы они были, по крайней мере, Сент-Бевами. Критики снисходительней и не требуют от поэтов стихов, равных пушкинским.

В приложении к статье даны цитаты из «Литературных бесед» Г.В.Адамовича за 1925 год. Это вызывает общее недоумение: во фразах, приведенных М.И.Цветаевой, внимательный читатель не найдет больших противоречий или ересей. В отрицательной оценке этой совершенно не нужной части статьи талантливой поэтессы сошлись единодушно люди самых разных взглядов.

Н. Мельникова-Папоушкова
О «Благонамеренном»-II
Отрывки {106}

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Думаю, что не я одна прочла с чувством глубокого удовлетворения только что вышедшую в свет вторую книжку «Благонамеренного». Большинство недостатков, отмеченных по поводу первой книги, отпали, и журнал начал показывать свое собственное, определенное и вдумчивое лицо.

В отделе стихов на первом месте стоит неизданный отрывок [387] из Рустема и Зораба Жуковского. Эта вещь становится тем интереснее, что в архиве напечатаны письма Жуковского и к Жуковскому, освещающие личность и среду поэта. Работникам и специалистам они вряд ли дадут что-либо чрезвычайно новое, но просто культурному читателю они будут интересны и приятны. Далее идет прекрасное стихотворение В.Ходасевича. [388] Этот поэт никогда не обманывает наших ожиданий. Не изменяя своей манере, он постоянно дает новые и новые образы и переживания. Что касается стихов М.Цветаевой, то, говоря не по существу, а лишь по тому внешнему впечатлению, которое производит чтение, ее можно упрекнуть за сделанную заметку: стоит ли так откликаться на нечуткость «Звена». ...

Статья М.Цветаевой «Поэт о критике» замечательная вещь, но это не статья, а исповедь о переживаниях поэта. Сейчас в зарубежной русской литературе (да, кажется, и в России ее не особенно много, и качество не высоко, иначе бы так истощено не писали в январском номере «Красной Нови» слова, похожие на обвинения М.Цветаевой [389]) нет настоящей серьезной критики. Вообще, почти вся зарубежная литература страдает провинциализмом, а критика, как явление более точное, вследствие недостатка знаний впала в дилетантизм. Иными словами, сейчас нет критики, но есть частное мнение, и нет критиков, а есть публика, читатель же или публика очень легко переходят в то, что называется чернь. Так возникает в новой форме известный спор между поэтом и чернью. Замечания М.Цветаевой хлестки и остры, 99 раз они попадают в самую цель, но бывают и перестрелы, вызванные лирическим характером ее статьи; беря наугад, можно указать хотя бы на те стрелы, которые она пускает по формальному методу. Нельзя ведь не признать, что формальный метод является одним из основных средств, выводящих критику как раз из тупика частного мнения и лирических восклицаний на широкий научный путь. Данный как бы в виде приложения к предыдущей статье «Цветник» является яркой иллюстрацией. Это собрание цитат из критик Г.Адамовича, помещенных в «Звене» за 1925 г. Цитаты подобраны едко, умело и уничтожающе для Адамовича.

Ф. Степун

Рец.: «Благонамеренный»:

Журнал русской литературной культуры», книга 2, 1926

Отрывки {107}

Второй номер «Благонамеренного» и лучше (цельнее) и хуже (беднее) первого.

Будем надеяться, что третий счастливо объединит относительное богатство первого с относительной цельностью второго. Некоторым речательством того, что наши надежды оправдаются, является та внимательная любовь к русской литературной культуре, которую бесспорно исполнены как содержание, так и внешность нового эмигрантского журнала.

В отделе поэзии надо прежде всего отметить «Соррентийские фотографии» Владислава Ходасевича. Эти стихи не принадлежат к лучшим вещам поэта, но они все же очень хороши: в них есть и характерное для Ходасевича умное чувство жизни и то органическое чувство формы, с которым нечего делать формалистам.

«Старинное благоговение» М.Цветаевой, вряд ли принадлежащее к последнему периоду ее творчества, читается без той острой радости, которую мы привыкли испытывать над строками этого крупного поэта. ...

В отделе статей интересна большая вещь М.Цветаевой «Поэт и критик». О верности главных мыслей Цветаевой можно много спорить, но об остроте и даже блеске самого процесса мышления – спорить нельзя. У Цветаевой умны не только мысли, но и фразы; иногда не столько мысли, сколько фразы, самые жесты фраз: их темпы, перехваты, ракурсы. Читать Цветаеву всегда большое наслаждение; соглашаться же с нею часто опасно.

Не думаю я, например, что критика «абсолютный слух на будущее». Абсолютный слух на будущее – пророчество. Пророческое же и критическое дарования – вещи весьма различные. Вряд ли справедливо также заподозревать серьезность и верность стихотворной критики на том основании, что ее автором является слабый, к себе самому недостаточен строгий, поэт. Правда Сент-Бев отверг в себе поэта, но

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Август Вильгельм и Фридрих Шлегель [390] этого не сделали; а ведь и они были величайшими критиками своего времени; критиками, не лишенными слуха на вечное. Весьма спорна и та резкая грань, которую Цветаева полагает между жизнью и творчеством поэта: «в частной жизни все позволено – в стихах ничего». Человек, в особенности человек-творец, – существо духовное; духовное же начало, начало целостное, неделимое. Отделять Маяковского-коммуниста от Маяковского-поэта – значит пренебрегать духовным содержанием его стихов. Такое пренебрежение естественно для Шкловского, но Цветаева должна была бы думать иначе.

Наряду с этими ошибочными мнениями в статье Цветаевой есть и очень много верного... Особенно существенно все сказанное в 4-ой и 5-ой главах. Конечно, вещь пишется поэтом «не для миллионов, не для единственного и не для себя»... «а для самой вещи». И очень верно, что всякая вещь до того момента, как начинает писаться, «где-то существует, точно и полностью написанная». Платоновское убеждение и ощущение, что всякое творчество есть лишь воспроизведение некой высшей духовной реальности, передано Цветаевой очень хорошо: лично, просто и точно. ...

Е. Глуховцова

Рец.: «Благонамеренный»

Отрывки{108}

Вторая книжка журнала «Благонамеренный», март-апрель, – производит странно-двойственное впечатление.

Резкой гранью различных настроений отделяется художественный отдел от публицистического, точно они выпали из отдельных изданий и случайно сброшюрованы в одной книге. ...

Публицистический отдел представлен собственно двумя: Святополк-Мирский и Марина Цветаева. Тут легкое дуновение пешехонощины. В статье о «консерватизме» Мирский доказывает, что мы не должны быть литературно-культурными консерваторами, мы должны уходить от прежнего. У нас нет литературных традиций, учиться не у кого. Пушкин хотел ее создать, но не мог. От Бунина веет трупным запахом – в другом месте он называет его «белогвардейцем». Надежда на евразийцев, если победит то лицо в них, которое обращено в будущее. Определенное указание на споры евразийцев о «приятии большевиков» – мысль, близкая ко рву Кусковой.

Марина Цветаева: «поэт о критике» – пишет преимущественно о себе. Ее проза похожа на ее стихи. Все нарочито, все придумано, ни словечка в простоте, везде ужимочки, позы, оригинальничание. Статья разбита на главы: «Кого я слушаю», «Кого я слушаюсь», «Для кого я пишу», «Чего я хочу».

Самовлюбленность, непролазный апломб и особая неприятная развязность и нескрываемое убеждение в своей почти гениальности.

Кто смеет критиковать ее? Только тот, кто так же пишет, как она. Говорят, что она раньше лучше писала: полное невежество! В 15-м г. у нее был молодой задор, теперь «я стала очерченной, значительней, своеобразней, прекрасней, может быть». Слушается она только «старого раввина, умудренного кровью, возрастом и пророками». «Он мудр, и его мудрости на меня хватит». И семилетнего ребенка – в нем космос, как и в ее стихах.

Для чего она пишет? Оказывается для денег. Ей «нужны деньги, деньги, деньги».

Забавная персона.

Б. Пастернак

Из писем к М.Цветаевой{109}

Того письма о Крысолове, которое начал на днях, не дописать. Начинаю наново, а то уничтожу. Оно начато с дурной широтой, слишком с разных сторон сразу, слишком лично, слишком изобилует воспоминаниями и личными сожалениями. Т. е. оно чересчур эгоистично, и эгоизм его – страдательный: это барахтанье всего существа, получившего толчок от твоей сложной, разноударной поэмы. Крысолов кажется мне менее совершенным и более богатым, более волнующим в своей неровности, более чреватым неожиданностями, чем Поэма Конца. Менее совершенен он тем, что о нем хочется больше говорить. Восхищенность Поэмой Конца была чистойшей. Центристремительный заряд поэмы даже возможную ревность читателя втягивал в текст, приобщая своей энергии. Поэма Конца – свой, лирически

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru замкнутый, до последней степени утверждённый мир. Может быть, это и оттого, что вещь лирическая и что тема проведена в первом лице. Во всяком случае тут где-то – последнее единство вещи. Потому что даже и силовое, творческое основание ее единства (драматический реализм) – подчинено лирическому факту первого лица: герой-автор. И художественные достоинства вещи, и даже больше, род лирики, к которому можно отнести произведение, в Поэме Конца воспринимаются в виде психологической характеристики героини. Они присваиваются ей. В положении, что большой человек написал о большом человеке, вторая часть перевешивает первую, и изображенный удесятеряет достоинства изобразившего. [391]

Что может, вообще говоря, служить началом единства и окончательности несобственной, неперволичной лирики? Чтобы долго не думать и ответить тотчас, доверюсь беглому ощущенью. Тут два фокуса. Редко они уравниваются. Чаще борются. Однако для достижения окончательной замкнутости вещи и тут требуется либо равновесие обоих центров (почти невысказанное), либо совершенная победа одного из них, или хотя бы долея, неполная, но устойчивая. Такими фокусами мне кажутся:

1. Композиционная идея целого (трактовка ли откровенно сказочного образа, или вымысла мнимо правдоподобного, или любой другой предметной тенденции). Это один центр. 2. Технический характер сил, двинутых в игру, химическая характеристика материи, ставшей в руках первой (1^о) силы миром; спектральный анализ этого небесного тела. Бесконечность первой волны упирается в идеальное бессмертие предмета (вселенной). Бесконечность второй, завершаясь горячим, реальным бессмертием энергии, есть, собственно говоря, поэзия – в ее ключевом бое. В Крысолове, несмотря на твою прирожденную способность компановать, мастерски и разнообразно проявленную в Сказках, несмотря на тяготенье всех твоих циклических стихотворений к поэмам, несмотря наконец на изумительность композиции самого Крысолова (крысы как образное средоточье всей идеи вещи!! Социальное перерожденье крыс!! – идея потрясающе простая, гениальная, как явление Минервы) – несмотря на все это – поэтическое своеобразие ткани так велико, что вероятно разрывает силу сцепленья композиционного единства, ибо таково именно действие этой вещи. Сделанное в ней говорит языком потенции, как это бывает у больших поэтов в молодости или у гениальных самородков – в начале. Это удивительно молодая вещь, с проблесками исключительной силы. Действие голого поэтического сырья, т. е. проще: сырой поэзии, перевешивает остальные достоинства настолько, что лучше было бы объявить эту сторону окончательным стержнем вещи и написать ее насквозь сумасшедше.

Может быть, так она и написана, и в последующих чтеньях под этим углом у меня и объединится. Святополк-Мирский очень хорошо и верно сказал о надобности многократного вчитыванья. – Замечательно, что в самой композиции были два мотива, двинувшие тебя по пути оголенья поэзии и писания чистым спиртом. Это, во-первых, издевательская нота сатиры, сгустившая изображение до нелепости и таким образом, и параллельно этому доведшая аффект выраженья до крайности, до той крайности, когда, разгоревшись среди высказанного, физическая сторона говора в дальнейшем – овладевает словом как предметом второстатейным и начинает реально двигаться в нем, как тело в одежде. Это конечно благороднейшая форма зауми, та именно, которая заключена в поэзии от века. Хорошо и крупно, что она у тебя не в случайных мелочах и не на поверхности, как это часто бывало у футуристов, а вызвана внутренней мимикой, совершенно ясна и как кусок музыкального произведенья подчинена всему строю (например, Рай-город и пр.). Потом она – предельно, почти телесно-ритмична. Вторым поводом в сюжете для разнузданья поэзии был мотив музыкальной магии. Это ведь была отчаянно трудная задача! Т. е. она ужасно затруднена реализмом прочего изложенья. Это точь-в-точь как если бы факиры своим чудесам предпосылали речь о гипнозе или фокусники – объясненье своих приемов и потом, разоружившись, все-таки бы ошеломляли! Т. е. ты понимаешь, начни ты всю поэму с «Ти-ри-ли» «Индостан» – это было бы в тысячу раз легче, чем дать одним и тем же языком и жестом сперва – правдоподобье (отрицанье чудес) и затем – чудо. Словом, никакая похвала не достаточна за эту часть шедевра, за эту его чудесность. Но сколько бы я ни говорил о «Крысолове», как о законченном мире со своими качествами, постоянно будут нарастать кольца, типические для всякой потенции. Говоришь о вещи, нет-нет соскользнешь на речь о поэзии вообще; говоришь о тебе, то и дело подымаются собственные сожаленья: силы, двинутые тобою в вещь, страшно близки мне, и особенно в прошлом. Не прочти я Крысолова, я был бы спокойнее в своем компромиссном и ставшем уже естественным – пути.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru – Перебои, ритмическое перемежение мысли заскакивающими (ровно насколько можно) скобками другой. «Фиговая! Ибо что же лист / Фиговый (Mensch wo bist?) – / Как не прообраз ее? (Bin nackt) Наг, потому робею».

Осатаненье восстающего на себя ритма, одержимость приступом ускоряющегося однообразья, стирающего разность слов и придающего несущейся интонации видимость и характер слова.

В партии Рай-город эта стихия матерьялизуется до предела в переходе: Кто не хладен и не жарок, прямо в Гамельн поез-жай-город – и знакомый, уже раньше поразивший дикостью лейтмотив целиком, точно лошадь в реку, обрушивается в несущееся дальше изложение, чтобы сразу пресечься рожком ночного сторожа. (Замечательно).

Такое задалбливание, анестезирование слова встречается не раз в поэме и постоянно служит либо эквивалентом насмешки (почти высывание языка), либо материализацией флейтового лейтмотива. Вообще ты в этом отношении Вагнерианка, лейтмотив твой преимущественный и сознательный прием. Так, чудесно набегание того же лейтмотива в следующей главе, где он, помимо напоминания, представляет еще варьянт горячности (вместо сарказма – волна гордости): В моих край – город). В этой второй главе прекрасен переход от сравнительной аритмии рассуждения о снах, досадливого и против воли копания – к партии «замка не взломав», которая кажется возмущением подавленного ритма. Это ощущение не обманывает, ритм, разбушовавшись, как всегда у тебя, начинает формировать лирические суждения (Не сущность вещей – вещественность сути. Не сущность вещей – сущность вещи). Это собственно-поэтический полюс зауми. Во всех смыслах. Т. е. я так его всегда переживал. Диаметральные противоположности возможны лишь как завершение однородной сферы. Они достаточны для ее построения, т. е. они дают все и все исчерпывают. Какая однородность связует законченную лирическую сентенцию Лермонтова с материальным до бессмыслицы звучанием иных элементов его стиха? (Лермонтова я взял потому, что при его дилетантской подчас аффектации посторонних поэзии вещей, при множестве дурных стихов, при его двойственности в деле эмоции – в одном случае истинная эмоция поэта, – в других якобы нечто большее: слабость и беспорядок «искренности», при всем этом вдвойне поразительна его сухая мизантропическая сентенция, задающая собственно тон его лирике и составляющая если не поэтическое лицо его, то звучащий, бессмертный, навеки заражающий индекс глубины). – Так вот. Ты и другую крайность связует их общий родник: движение. Твои нагромождающиеся друг на друга определения всегда сопутствуют апогею ритма, всегда своею формой и содержанием ему обязаны, всегда, наконец, натуральны в этом именно месте возвысившейся до предела стихии, начинающей мыслить и швыряться определениями, формулами, пифическими «мантиссами», кусками оформленного смысла. Точно так же и разлеты в тупики осязаемого слова, т. е. в элементы губного, горлового и мышечно-шейного возбуждения или охорашивания – порождаются изгибами и поворотами ритма. Но в этой поэтической физике «бесконечно большое» (определение, сентенция, философствующее слово) удавались тебе всегда несравненно больше, чем выражение «бесконечно малого» (основание качества, тональности образа, неповторимости и пр.). – Опять радостно узнать, при повторении, что прокатившаяся часть была лейтмотивной (Засова не сняв, замок не затронув). Я уже сказал, что в этой вещи частности отобраннее, чем это у тебя в обычае:

«Гусиных перьев для нотариуса».

«Полка с мопсами в лавке глиняной».

В «Напасти» снова удивительная музыка. ...

Знаешь что? Пошлю-ка тебе пока эту ерунду. Слух тебя не обманет. Ты по вялости и топтанию на месте восстановишь хаос, в котором я урывками конспектировал этот разбор. При первой возможности (думаю через неделю) допишу и дошлю. Самые замечательные части, конечно, Увод и Детский рай, и часть «Напасти». Т. к. я неизбежно забуду, что тут писал (так писано), то ты не будь в претензии, если в дальнейшем обсуждении встретишь повторения сказанного.

Затем еще вот что. Тебе, конечно, покажется, что в этом Сакулинско-коганском[392] разборе нет веняня жизни (моей, твоей, всякой истинной). Ну так вот тебе. Больше года мы жили без крыс, когда-то (плод разрухи) нас одолевавших. В день прочтения поэмы, опять набегали, пришлые, на

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
дворе ремонт. Толкуй эпизод как знаешь. Я с ними, конечно, не уживусь и выведу, хотя бы они и были притянуты лирикой. Но все-таки это интересно. ...

Я выше меры испустословился по поводу начала Крысолова. Тебе, верно, было неприятно читать. Пропорционально достоинству частей мне теперь после той воды о первых частях надлежало бы излить ее бассейнами. Но я эту пропорцию порушу. Постараюсь вкратце. Наилучшие главы: Увод и Детский рай. На их высоте (но, по теме, без флейты; а это ведь как партия без королевы!) – Напасть. В ратуше нравится мне меньше. Почти исключительно, как и в первой половине, приходится говорить о ритме, о музыкальной характеристике действующих слагаемых, о лейтмотивах. Прерогативы ритма в Уводе и Детском Рае почти предельны: это ту, о чем может мечтать лирик: тут и субъективный ритм пишущего, его страсть и полет, и подъем, т. е. то, что никогда почти не удается: искусство, берущее предметом себя же, а ты вспомни поэтов, художников и чудаков в драмах, повестях и пр., вспомни эту извечную пошлятину, чтобы правильно измерить свою собственную заслугу. В Напасти ритм живописующий. И как он живописует! Он какой-то природно гостинодворский, точно музыка всегда знала такую тональность. Только искрометность его и позволяет тебе мгновенным бреднем пройтись по рынку, захватив целую площадь, во всей ее случайности, в садок двух-трех ритмических определений. Прекрасна своей силой (богатством дальнейших возможностей) мотив судаченья (а у нас а у нас), в особенности, когда он возвращается после ошеломляющей по своей воплощенности крысиной фуги. Просто кажется, что ты срисовала одновременно и крысиную стаю, и отдельных пасюков и свела этот рисунок на сетчатку ритма, ниткой отбив по ней, к хвосту, к концу, это накатывающее, близящееся, учащающееся укороченье! Ритм похож тут на то, о чем он говорит, как это редко ему случается. Похоже, что он состоит не из слов, а из крыс, не из повышений, а из серых хребтов.

Всего скупей о наилучших главах: все предшествующие наблюдения вызваны к существованию магнетической полнотой этих центральных. Так что косвенно, многое уже сказано и о них. Увод!!! Буду лаконичен и беспорядочен. Хорошо идут мимо ратуши. Бредовар. Очень хороши единством стиля, тяготеющего к какой-то действительности тридевятого царства, все словообразования главы. Они собираются в узел фантастического правдоподобья. У места, куда он их ведет, имеется особая флора, климат, нравы, и тайны: ими объясняется жуткое постоянство этого словаря. Вообще, в этой сказочной партии – за сердце хватющий лиризм. Тирили. – Его собственная одержимость сильнее всего охарактеризована реализмом ритмически вылепленной флейты. Ее реализм странно сказывается на странице 44, где за двукратным восклицаньем – «не жалеите» попадает в окончанье строки и содержит между жалеите и аллейке зачеркнутую или намеренно опущенную рифму «флейте», вдвойне навязанную мнимым отсутствием.

Вообще, поразительна ритмическая фигура (Лейтмотив) Крысолова! Первая строчка этой правдивейшей музыкальной фразы интонирована до последней степени. Индостан. Страшно действует то, что UU – занято одним словом (восклицаньем). Возбужденное этим анапестом и призванное работать, воображенье, не находя сопротивления в виде оформленного предложенья, с разбега строит образ самого флейтиста, его так сказать позитур (корпус подающийся вперед на узде и в артикуляции этого трехлененья: UU –: в пушинэ!). Поразительны волны идеальные (перекаты смысла) в моменты, когда расходитя гипнотическая сведенность флейтовой темы (например, чего стоит одно это: миру четвертый час и некоторый год). Здесь Индия усыпительно материальна. Резня красок – это ты сама о своей руке сказала, и оценила правильно. А в новом переплетеньи с лейтмотивом неверья и отрезвленья (примерно с ритмического перебоя: тот, кто в хоботе видит нос собственный) тема флейты дорастает до захватывающей новой силы.

Это ведь по существу полный траурный марш, колдовски-неожиданно подслушанный откуда не привыкли, с черного его хода, или с черного входа впущенный в душу; между тем как мы всегда в Бетховенский, Шопеновский, Вагнеровский и вообще во всякий траурный марш вступали со стороны ожидающегося выноса, через парадное Те Дешт. В «Ратушу» ты вложила много мысли и остроумья. По значенью ратсгерр от Романтизма – замечателен. Он как персонаж просится в группу, окружающую и поддерживающую Фауста. Сарказм главы очень содержателен и не карикатурен.

Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,
Мрите, чтоб мы плодились!

Так же хороша тема «Я». Очень ловко чехол вырастает в символ. Жвачно-бумажный. Но когда к концу главы бороздой взрезает ее сложную рябь угроза знакомого и

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru ставшего родным голоса: Не видать как своей души! имитирующего окончательное и непоправимое: «Не видать как своих ушей!», тогда понимаешь, отчего, невзирая на свои крупные достоинства, глава оставляет более холодным, нежели 1-я и 2-я. (Потому что только IV-я и последняя ни в какое сравнение с другими нейдут). Это оттого, что после «Увода» внимание, прикованное к судьбе Крысолова, нетерпеливо ждущее даже не развязки, а жаждущее счастья ему, уже не соглашается заниматься ничем другим, как бы оно ни было интересно, и видя в VI-й главе только то, что относится к развитию темы, т. е. измену слову и предательство, воспринимает их мгновенно и томится оттяжкой взрыва.

И бытовая роспись, может быть, наудачнейшая в этом месте, его только мучит и возмущает. Может быть, это в твои планы и входило. Терзательная глава.

И опять, – живопись, живопись. Живопись и музыка. Как я люблю тебя! Как сильно и давно! Как именно эта волна, именно это люблю к тебе, ходившее когда-то без имени, было тем, что проело изнутри мою судьбу, и снаружи ее почернило и омеланхолило, и висит на руках и путается в ногах. Как именно потому по роду этой страсти, я медлителен и неудачлив, таков как есть. И твой женский возраст и твоё незнание того, как и зачем встретимся, и моя вчерашняя вера в прелесть, теперь перескочившая на год и годом от меня закрытая и как бы переставшая существовать. Все это в духе этого чувства. Всего этого не изменить. Это я собственно про «Детский Рай». Жестокая и страшная глава, вся вылившаяся из сердца, вся в улыбке, и – жестокая, и страшная. Восхитительно взята школа. Гун да галл. Гун да галл. И пропущенный сквозь эту лихорадящую, будоражащую, раннеутреннюю ритмику:

Школьник? Вздор. Бальник? Сдан.

Ливня, ливня барабан.

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.

Щебня, щебня водопад, –

пропущенный, стало быть, через нее вчерашний, показавший свою силу «Индостан!» UU– страшный анапест, при вчерашнем ритмическом магните, только с измененным звучаньем. В тот миг, как узнаешь его мелодию, хочется кинуться ограждать детей от ее последовательности (от знанья конца)

Детвора

Золотых вечеров мошкара!

Это обреченные всем разом входят в очковое поле зренья ритма. Некоторое облегчение, что для животных флейта звучала реально флейтой (реализм неукоснительный, беспродышно-фатальный), для душ же он метафоризируется, зовет трубой (бессознательно в фонетике рифмы: тра ра ра). Очищается, просветляется также и траурный марш. Гармония его раскалывается надвое. Мотив обетованья (звучит почти честно, действительно благовестующе): Есть у меня – –

И мотив отпевальный: В царстве моем... (звучит как канон: идеже несть болзнь, ни печаль, ни въздыханье). Первый мотив вырастает в глубине, за сеткой обольщения, достигает твердости, истинной высоты, оплаченной драматически, в прорвавшейся после строчки «Для мальчиков – радость, для девочек – тяжесть» личной ноте:

Дно страсти земной

И рай для одной.

Но довольно о Крысолове. Я боюсь, что сделал его ненавистным тебе кропотливостью своего разбора. Summa summarum: абсолютное, безраздельное господство ритма. Оно естественно вызвано характером сюжета. Предельно воплощенное в двух драматических главах, где творятся и показываются его чудеса, оно распространяется и на другие главы, где ритм только лишается первого лица, остается же (в остальном) во всей силе и вызывает к существованью мысли, образы, повороты и переплетенья темы. ...

«Крысолов» не такая вещь, о которой можно сказать, что она «страшно нравится», и дело с концом. Меня волновали ее особенности и хотелось в них разобраться.

Д. Святополк-Мирский

«Крысолов» М. Цветаевой{110}

На тех, кто любил Марину Цветаеву за «Стихи к Блоку», «Психею», «Фортуна», последние ее поэмы, написанные за границей, производят в большинстве случаев впечатление странное и неприятное. Оборот, принятый ее творчеством, раздражает и разочаровывает их – они чувствуют себя обманутыми. Они жалуются на

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «непонятность» и «надуманность» этих новых стихов, и с сожалением вспоминают о «простоте» и «непосредственности» прежних. [393] И несомненно, что после «Ремесла» (или, вернее, начиная с «Ремесла») то же, что можно назвать творческой передачей, значительно осложнилось у Цветаевой и приняло формы настолько новые и необычайные, что прежняя установка читательского восприятия для них уже не годится. Всякое восприятие писателя читателем зависит от соответствия читательского представления о поэте его действительному существу. И так как это существо «всегда течет», читательское представление о нем должно тоже постоянно применяться к каждому его повороту или терять возможность его воспринимать. История каждого «романа» писателя с читателем полна таких разрывов, – за которыми не всегда следуют сближения. И чем сильнее была читательская связь с прежним писателем, тем труднее, тем даже безнадежнее возобновление ее с писателем изменившимся. Достаточно сказать, что до сих пор гипноз «Войны и Мира» и «Анны Карениной» настолько силен над русским (и иностранным) читателем, что исключает всякую возможность подлинно художественного понимания старого Толстого. И, наоборот, восстановление связи нередко происходит ценой полного забвения первоначального предмета любви: так поклонники «Детства» и «Воспоминаний» Горького утратили всякое воспоминание даже о таких несравненных вещах, как «Мой Спутник» или «Двадцать шесть и одна». Так и с Мариной Цветаевой – трудно нащупать то единство, которое связало бы «Фортуна» и «Конец Казановы» с «Поэмой Конца» и «Крысоловом».

Связующее же единство это, несомненно, существует – не столько в стиле и форме, сколько в том, что (если бы мы не боялись так напомнить о Белинском и Н.И.Карееве[394]) мы бы до сих пор называли мирозерцанием. Определить это «мирозерцание» своими словами можно только приблизительно – оно романтично и идеалистично, но и то и другое как-то не по-русски. В цветаевском романтизме больше линии, чем цвета (самая ее невнятность происходит не от смазанности и неясности отдельных линий, а от чрезмерного количества мелких, разнообразно-пересекающихся линий). Такой «линейный» романтизм вообще не русская вещь и не случайно, что столь различные между собой «Фортуна» и «Крысолов» – два разновременных заострения этого романтизма – на иностранные темы. (С другой стороны, с точки зрения чисто языковой, Цветаева очень русская, почти что такая же русская, как Розанов или Ремизов, но эта особо прочная связь ее с русским языком объясняется не тем, что он русский, а тем, что он язык: дарование ее напряженно словесное, лингвистичное, и пиши она, скажем, по-немецки, ее стихи были бы такими же насыщенно-немецкими, как настоящие ее стихи насыщенно-русские).

В прошлом Цветаевой «Крысолов» имеет предшественников – много «крысоловного» есть в «Царь-Девине» (особенно в ее конце) и совсем как предисловие к нему звучит (напечатанная тоже в «Воле России») восхитительная «Полотерская». Во всех этих вещах романтизм Марины Цветаевой принимает определенно бунтарский оттенок, не только в том смысле, что в них ясно звучат определенно социальные, революционные ноты (звучащие и в других вещах, например, в цикле «Заводских»), но и потому, что в них ярко выступает озорство, можно почти сказать, хулиганство Цветаевой. (Хулиганство, гораздо более задорное и живучее, чем у покойного Есенина.) Озорство ее находится в подлинном родстве с частушкой, родстве не только духовном, но и формальном – и это одно из многочисленных указаний на сближение современной литературной поэзии с современной поэзией народной. Понятно, что для среднего романтически настроенного читателя такие вещи, как в первой главе «Крысолова»: «маленькая диверсия в сторону пуговицы», должна производить впечатление – болезненно не-эстетическое и не-поэтическое. Между тем, именно в таких местах, именно в таком издевательстве над устоями мира вещественного и устойчивого, подлинный романтизм цветаевской поэзии утверждается особенно явственно.

Тема «Крысолова» одна из самых вечно-романтических тем, созданных романтичнее из народов – немцами. Это прославление романтичнее из земных вещей – *der deutschen Musik* – и посрамление косности и подлости устроенного общества. В выборе этой темы Марина Цветаева была верна своему романтическому существу. В разработке она подчеркнула и выдвинула ее анархические возможности.

Для цветаевского «Крысолова» по сравнению с другими «Крысоловами» (например, Браунинга³) характерно сильное подчеркивание сатирического элемента в изображении благонравных бюргеров Гаммельна, где один

Только товар и дорог:

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Грех.

(Дорог – редок);

и внесение мотива обуржуажения разъяевшихся «красных» крыс в гаммельнских подвалах, от которого их спасает анархический зов «немецкой музыки». – Еще особенно примечательна пятая глава, где ратсгерры обсуждают музыку и достоинство музыканта. Эта глава – торжество сатирической манеры Цветаевой. Наконец, интересно, что конечный мотив заданного сюжета – сказочное волшебное царство – «детский рай», в который музыкант уводит детей обманувших его гаммельнцев, – сохранился у Цветаевой только в заглавии шестой главы. Таким образом, месь музыканта, утопившего детей, только видимая в немецкой легенде (ибо утонувшие дети попадают в «детский рай»), у Цветаевой делается реальной, что придает всей сатире более сухой и как бы жестокий тон.

Несомненно, что «Крысолов» не только то, чем он кажется на первый взгляд, не только изумительная по богатству и стройности словесная постройка – это серьезная «политическая» (в самом широком смысле) и этическая сатира, которой еще, может быть, суждено сыграть свою роль в росте нашего общего сознания.

Д. Горбов

Мертвая красота и живучее безобразия

Отрывок{111}

... М.Цветаева – неплохая поэтесса, спору нет. Но сплетница она, судя по «Моим службам», – первоклассная. «Мои службы» – дневник. Дамский дневник. Форма, как видите, выбрана удачно. Где же и посплетничать всласть даме из хорошего общества, как не в таком интимном дневнике. Артистка своего дела, М.Цветаева не мельчит себя сплетнями про отдельные личности; она сплетничает про строй, которого не понимает и не хочет понять. «Нет, руку нб сердце положи, от коммунистов я по сей день лично зла не видела (может быть, злых не видела?). И не их я ненавижу, а коммунизм». Она несогласна с другими, мелкотравчатыми сплетниками, утверждающими, что «коммунизм прекрасен, коммунисты ужасны». Нет, коммунисты не так уж плохи. Цветаева рассказывает, например, об одном, который устроил ее на службу в Наркомнац. За эту поддержку она отплатила чудачку, что поиздевалась над ним в дневнике. Коммунисты были даже слишком хороши к ней, это чувствует, конечно, она сама: из ее уже клеветнического дневника видно, что они относились к ней как к товарищу по советской работе, а она двуручничала и втайне ненавидела все вокруг как могла. «Третьего дня узнала от Бальмонта, что заведующий „Дворцом Искусств“ Рукавишников оценил мое чтение „Фортуны“ – оригинальной пьесы, нигде не читанной, чтение длилось 45 мин., может, больше – в 60 руб. Я решила отказаться от них публично – в следующих выражениях: „60 руб. эти возьмите себе, на 3 фунта картофеля (может быть, еще найдете по 20 руб.), или на 3 фунта малины, или на 6 коробок спичек, а я на свои 60 руб. пойду к Иверской, поставлю свечку за окончание строя, при котором так оценивается труд“». Итак, счет М.Цветаевой ненавистному ей «строю» предьявлен с педантичной точностью, если не Шейлока, [395] то базарной торговли. Если мы примем во внимание, что, по ее собственным словам, поэма, о которой идет речь, активно направлена против строя, который должен ее оплатить, положение становится прямо пикантным. Увы, спор между М.Цветаевой и «ненавистным строем» едва ли когда придет к благоприятному окончанию. Дело не в деньгах, конечно. В связи с укреплением нашего хозяйства авторские гонорары, как известно, повышены. Так что М.Цветаевой нет больше повода «не признавать коммунизм». Вся беда в том, что в связи с режимом экономии коммунисты перестали быть такими добродушными, какими их изображает М.Цветаева, и научились гнать прочь тех, кто застрахован от понимания новой России собственной глупостью и злобой.

И. Бунин

Рец.: «Версты», № 1

Отрывки{112}

Еще один русский журнал за рубежом – первая (и громадная) книга «Верст». Просмотрел и опять впал в уныние. Да, плохо дело с нашими «новыми путями». Нелепая, скучная и очень дурного тона книга. Что должен думать о нас культурный европеец, интересующийся нами, знающий наш язык, понимающий всю страшную серьезность русских событий – и читающий подобную русскую книгу? Кто тот благодетель, тот друг «новой» России, который так щедро на нее тратится? И что значит – «Версты»? Верстовые столбы, что ли, то есть опять «новые вехи»? И с какую целью расставляются они?

Редакторы – Святополк-Мирский, Сувчинский и Эфрон, ближайшее участие – Ремизова, Марины Цветаевой и... Льва Шестова. Что за нелепость, за бесшабашность в этой

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
смеси: Цветаева – и Шестов! И какая дикая каша – содержание журнала! Треть книги – перепечатки из советской печати. Остальное – несколько вещей Ремизова, [396] поэма («Поэма Горы») Цветаевой, статья Лурье о музыке Стравинского, статья Шестова о Плотине, несколько статей Святополк-Мирского, затем опять перепечатки из советской печати... и, наконец, ни с того ни с сего, «Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное»... Что за чепуха, и зачем все это нам преподносят?

«Мы, говорится в программной статейке журнала, ставим себе задачей объединение всего, что есть лучшего и самого живого в современной русской литературе...

В настоящее время русское больше самой России; оно есть особое и наиболее острое выражение современности. Намереваясь подходить ко всему современному, „Версты“ будут отзываться не только на явления русской культуры, но и на иностранную литературу и жизнь. Что же касается попытки найти естественное сочетание наиболее живых и нужных тяготений русской современности, то, объединяя в одном издании русскую поэзию, беллетристику, критику, библиографию и литературные материалы со статьями по вопросам философии, языкознания, русского краеведения и востоковедения, мы устанавливаем один из возможных обобщающих подходов к нынешней России и к русскому».

Вот, значит, каковы намерения журнала, – выписываю его программу почти целиком, выпустив всего пять строк из первого абзаца, ни в каком отношении не важных. Но, что можно понять из этого набора слов?

Только одно: хотим собирать все лучшее русское, все наиболее живое, нужное... Однако почему первые же строчки этих русофилов так скверно звучат по-русски?

«Объединение всего, что есть лучшего и самого живого...» А затем: весьма сомнительно, что все лучшее стремится собирать журнал.

Нет, у него есть, очевидно, другие, весьма предвзятые намерения. Как ни мало вкуса у его редакторов, все-таки видно, что действуют они не только по своему вкусу.

И действуют прежде всего страшно по старинке; эта смесь сменовеховства и евразийства, это превознесение до небес «новой» русской литературы в лице Есениных и Бабелей, рядом с охаиванием всей «старой», просто уже осточертело. Книга Протопопа Аввакума, конечно, всячески интересна, но зачем все-таки понадобилось «Верстам» печатать ее? Для придания себе серьезной, культурной видимости? Как всегда, очень интересен Шестов. Но чем его статья связана со всем прочим, что есть в «Верстах»?

Вот перепечатки из советской печати. Прежде всего – зачем они теперь? Русские зарубежные издания неизвестно по какому праву уже давным-давно так злоупотребляют ими, что смотреть тошно. А, кроме того, что в них замечательного и нового? ...

А уж про Ремизова и Цветаеву и говорить нечего: тут любой дурачок за пятак угадает, что именно дал в сотый, в тысячный раз Ремизов насчет Николая Чудотворца и Розанова и чем опять блеснула Цветаева:

Красной ни днесь, ни впредь
Не заткну дыры, –
жалуется она в своей поэме и продолжает:

О, далеко не азбучный
Рай сквознякам сквозняк...
Гора, как сводня святости,
Указывала: здесь...
Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего,
Той горой будет горд
Город, где с утра до ночи мы
Жизнь свою, как карту, бьем
Страстные не быть упорствуем
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами...

А рядом с Цветаевой старается Святополк-Мирский: в десятый раз долбит, повторяет

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru почти слово в слово все то, что пишется о нас в Москве, наделяя нас самыми нелепыми, первыми попавшимися на распущенный язык уничижительными кличками и определениями...[397] ...

Антон Крайний

О «Верстах» и о прочем

Отрывки{113}

К журналу «Версты» – недавно вышедшему толстому зарубежнику – я намереваюсь подойти весьма просто. Просто исследовать, что это такое.

Для этого мне совершенно достаточно «ума холодных наблюдений», а «заметы сердца», горестные или не горестные, пусть делают читатели.

Предупреждаю, впрочем: исследовать факт я буду с определенной точки зрения: не левой и не правой, не новой и не старой, очень широкой, но очень определенной – общечеловеческой.

Есть такое понятие: «человек» и «человеческая» точка зрения. Она приложима ко всем предметам, во всех областях. И даже так, что взгляд «по человечеству» в конечном счете и решает все.

Зачем, однако, объяснять? Это понятно каждому. Другое дело, когда человек «забывается», т. е. забывает себя как человека. Но забыть, у нормальных людей, может проходить. Неизменны лишь органически-дефективные индивидуумы, от природы не понимающие, что такое «человеческая» точка зрения, и вообще лишенные внутреннего критерия. ...

Все старое прошло и сгнуло, объявляют «Версты». Эмиграция – нуль. Она творить больше не может. Пожалуй, лишь «дотваривать», чего не успела в свои старые времена. Истинно новые творцы – в России, приобщившиеся к ее новой жизни. Впрочем, создается «прекрасное» и здесь – теми, кто повернут к сегодняшней России, кто прислушивается к ее песням.

Таково положение. Чтобы его доказать, а, вернее, для того, чтобы все могли к песням прислушаться, – «Версты» и наполнили ими свои страницы (первый промах: не следовало быть столь щедрыми...).

Особенно богат поэтический отдел. И так ярко, что один дает представление обо всем остальном. ...

Взглянем на нового, новейшего – на великого Пастернака (таким называют его «Версты»). Мне сказал один читатель, свободный от «предрассудков», жадный к любой новой книге: «я готов на все, но только надо сделать выбор: или наш русский язык – великий язык, или наш Пастернак – великий поэт. Вместе никак не признаешь, не выходит»...

Чем же щегольнул в «Верстах» Пастернак?

Да ничем особенным, его «достижения» известны: «Гальванической мглой взбаломученных туч» «пробираются в гавань суда»... «Расторопный прибор сатанеет от прорвы работ» – «и свинеет от тины»... Далее, конечно, о «тухнувшей стерве, где кучится слизь, извиваясь от корч – это черви»...[398] Образы не молоденькие, но у новейших советских знаменитостей к ним особое пристрастие: должно быть, старым считается буржуазно-помещичий Соловей с розой, так лучше хватить подальше. И хватают: редкая страница выдается без стерв, язв, гноев и всего такого. Открываю совсем наудачу какую-то «Новеллу»:

«В оскале ботинка гнила нога – и зевала рана по храпу». (Москва – Ленинград). [399]

У здешней великой – у Марины Цветаевой – стерв меньше, зато она, в поворотном усердии своем, перемахивает к довольно запредельным «новшествам»: в любовных строках (она всегда насчет любви), не желая описывать, «вороной ли, русой ли масти» ее возлюбленный. («Разве страсть – делит на части? – Часовщик я, или врач?») – под конец находит-таки ему (возлюбленному) достойное определение: «Ты – полный столбняк!»[400]

Прошу прощения за слишком длинные выписки: зато они исчерпывающи, и кто не читал

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Верст», может быть так же спокоен, как если бы и читал.

Первое, непосредственное, движение всякого человека – беззлобно отмахнуться: «это мне совсем не нужно». Не то, что непонятно, или противно, или незабавно, – нет; а только самым обыкновенным образом «не нужно».

На этом «не нужно» сойдутся и простой читатель, и литературный критик; впрочем, критик может еще и объяснить, почему не нужно, без труда доказать, что это – не дурные стихи, не плохое искусство, а совсем не искусство.

Нерасчетливо было со стороны «Верст» так раскладывать перед нами образцы новой поэзии, если редакторы журнала хотят повернуть к ней кого-нибудь «лицом». ...

М. Слоним

Литературные отклики

Отрывки{114}

Гиппиус назвала свой фельетон «О „Верстах“ и о прочем». И самое важное, конечно, в этом «прочем», потому что «Версты» только повод поднять вопрос о русской новой литературе.

В сущности, «Версты» поставили его скорее не прямо, а косвенно, – давши в своей первой книжке большое количество перепечаток. Составлять журнал из перепечаток – опасно: получится аналогия. До статей Бунина и Крайнего я считал это основной ошибкой «Верст», тем более что в перепечатках многое может показаться случайным. Но то, как «отозвались» на эти перепечатки наши критики, показало, что известную службу «Версты» сослужили: для того чтобы разъярить быка, перед ним машут красным; перепечатки «Верст» оказались обладающими свойствами красного цвета: по ним нельзя судить о силе и характере новой литературы, но реакция против них обнаружила все идейное убожество местоблюстителей.

Конечно, в критическом отделе «Верст» есть установка на Россию – и это надо всячески приветствовать. «Версты», очевидно, искренне желают быть вместе с Россией. Желание обычно считают отцом мыслей – но у «Верст» желание гораздо лучше своего детища. Некоторые из мыслей в «Верстах» настолько темны, что можно только догадываться об умысле.

Содержание журнала очень многоцветно. Но от обилия красок еще не получается картины. ...

Оригинального в «Верстах» лишь «Поэма Горы» Марины Цветаевой – трагическая поэма любви, вознесенной над жизнью, вне жизни, как гора над землей, и жизнью земной раздавленная.

Марине Цветаевой дан необыкновенный пафос, при котором в каждом слове – молниеносность, разительность. Смысл сгущен, сжат, в каждой фразе – переполненность, образ – и символ и формула. И этот патетический избыток, эта напряженность высокого строя души (а не духа только) – в замкнутом словесном ряде. Своеобразный контраст творчества Цветаевой, быть может, и состоит в этом сочетании: бессмертность, сжатая в лаконичность, вихрь, заключенный в отрывистость, страсть к бескрайности в отчетливой, подобранной формуле, непрерывность движения, на лету взнузданная стихия, богатство, брошенное в коротком ударе словесной игры. Но за этой кажущейся игрой – созвучия, словесная связь, подчеркивание ударением и интонацией при сближении схожего (горе началось с горы, та гора на мне надгробием) – огромная работа, которая стремится устранить все случайное и лишнее и придать слову насыщенность и остроту. Слова нанизаны якобы по звуковой близости: нет ли более глубокого соединения понятий за этими словесными сплетениями?

Мне всегда странно, когда я слышу, что иные простодушные (вернее, простодумные) читатели не находят в произведениях Цветаевой ничего, кроме «набора слов», и никак не могут докопаться до смысла ее стихов и поэм.

С легкой руки критики, о Цветаевой укрепилось мнение, как о любительнице всяких словесных ухищрений и новшеств. Конечно, Цветаева – мастер слова, но нет ничего неправильнее формального к ней подхода. Кроме Пастернака, я не знаю в современной русской поэзии другого примера насыщенности мыслью и эмоцией, содержанием. Многие жалуются, что не могут понять ее стихов: на самом деле они не хотят сделать известного напряжения, чтобы проследить за бегом ее мыслей, за

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
переполненностью ее души – на высоте люди со слабыми легкими – задыхаются.

Цветаева – новое. Она перекликается с теми, кто в России. Я уверен, что ее взволнованные строки кажутся там подлинным выражением пафоса и бури наших дней. Она единственное в «Верстах», что – не только желание, но и свершение, но она ведь не «Версты», она вне их.

А остальное тускло. Перепечатки интересны. Оригиналы приличны. Чужое ярко. А своего почти нет. Ядро «Верст», даже если тщательно его вышелушить, – оказывается окрошкой из евразийства, умеряемого разумом, приправленного неопределенной левизной и сдобренного эстетизмом.

Это еще не лицо. Мелькают разъятые черты, но еще неуловимо выражение; сквозят намеки и уклоны, но еще не очерчен путь.

Во всяком случае направление его идет не по эмигрантским топям. «Версты» обращены лицом к России – и это хорошо. Но еще лучше было бы, если б обращены они были своим лицом. ...

Е. Шевченко

Под знаком Марины Цветаевой{115}

Довольно поздно, почти на исходе 1926 года, подводить литературный итог 1925-му году. Но такой итог теперь подвел князь Святополк-Мирский. Оказывается, что 1925 год «прошел под знаком Марины Цветаевой». [401] «Крысолов» Марины Цветаевой, напечатанный в декабрьской книге «Воли России» за 1925 год и в первой книге этого журнала за текущий год, доказал, что «Россия жива не только в границах русского мира, но и в царстве духа превыше всех границ»...

Насколько превыше всех границ здравого смысла песни увядающего соловья, которым зачарован кн. Святополк-Мирский, можно судить по самому «Крысолову». Но –

Не соловью беречь
Горло. (Три капли нб ночь!)
Что до футляра – в печь!
Или наденьте нб нос...

.....
В царстве моем (нежнейшее dołce)...

А веку все меньше, а око все больше...

В скромной по размерам библиографической заметке в первой и, быть может, последней книге «Верст» (мое предсказание о том, что вторая книга «Благонамеренного» будет его последней книгой, уже исполнилось [402]) кн. Святополк-Мирский провел великую красную черту между двумя эпохами – до и после появления... «Верст». Последние могики «Современные записки» – это «инерция предреволюционной России». Заслуга «Современных записок» в том, что они, «как добрые консерваторы, сохранили и передают потомству все то, что писатели не успели написать до революции».

Что касается литературы вообще (конечно, зарубежной литературы), то, если о ней судить по «Митиной любви» Бунина, – она «бледнеет и меркнет перед подлинной жизнью».

Мережковский если когда-нибудь и существовал, то «перестал существовать по крайней мере двадцать два года тому назад». Зайцев был близок к тому, чтобы «засуществовать, но не осуществиться». Зинаида Гиппиус «видна во весь рост только изредка в немногих стихах» и т. д. Старая русская литература закатилась, замерла навсегда, и новая эпоха началась с «широкого ока» Марины Цветаевой.

О том, что представляет из себя «новая» русская литература рассказал в «Опыте обзора» призванный на помощь кн. Святополк-Мирскому объять необъятное... Александр Туринцев, [403] маленький старый знакомец.

«Голос нашего времени и есть – необходимость третьего, нового, рожденного из борьбы двух мировоззрений (буржуазного и коммунистического). Русские писатели к новому мировоззрению должны идти сейчас по целине...»

Если попутчиком литературы должна быть критика, то критика эта должна быть такой, по мнению третьего «сотрудника» [404] «Верст», какую признает, опять-таки, только Марина Цветаева.

А критика эта уже решила, что на первые страницы новой истории новой русской литературы попадет Борис Пастернак. [405]

Весь же дальнейший путь этой литературы определяется «пророческой природой современной русской поэзии» и Россия – «как единство, как один рост от князя Игоря до Ленина для нас реальнее, чем была когда-нибудь» (кн. Святополк-Мирский). [406]

Этому несколько противоречит свидетельство В.Каменского, который пишет из советской России в Америку неутешительно по части поэзии: «Поэзия рухнула. Вне внимания. Даже Володя Маяковский взялся за очерки и рассказы. Есенину надо было удавиться, чтобы наконец стихи его зачитали. Но прошло полгода. Лишь! И книжки его лежат, выцветая и выветриваясь в витринах. Полагаю, что через год от поэзии не останется ни черта!..»

Не отстает ли уж кн. Святополк-Мирский от самоповейшего миропонимания? Это для него очень рискованно. Что может сказать на это Лелевич – он шутить не любит. Первая книга «Верст» может оказаться последней.

Возможно, что кн. Святополк-Мирский переусердствовал в своем осуждении на забвение всей старой русской литературы..

Недавно А.Вербицкая, автор романа «Ключи счастья», сообщила нам, что покойный Воровский решил переиздать многие из ее произведений. Кстати, история этого признания «полезности» романов Вербицкой настолько интересна, что ее не грех привести в выдержке из письма самой Вербицкой, напечатанного в «Правде».

Дело в том, что в 1919 году «наркомпрос» решил было сжечь все книги Вербицкой «за порнографию, юдофобство и черносотенство». «Я молчать не могла, – пишет А.Вербицкая, – и написала в Наркомпрос заявление, что я требую над собой гласного суда. Пусть мне докажут, в какой книге и на какой странице повинна я в взводимых на меня преступлениях. Я доказывала, что в журналах, где я печаталась, коллегами моими были Луначарский, Покровский, Скворцов-Степанов, Максим Горький и другие большевики.. Наркомпрос решил передать это дело на рассмотрение Воровского, слывшего знатоком литературы. В эту критическую минуту у меня нашлось двое защитников: Максим Горький, всегда прекрасно относившийся ко мне, возмутился и написал Воровскому. Через неделю Воровский купил весь мой склад, затем избрал литературную комиссию из 12-ти литераторов-коммунистов, которые в течение трех месяцев перечитали все мои 33 книги и 14 переводных изданий. Этого именно я и добивалась. В конце ноября товарищ Воровский позвонил мне и сказал:

– Поздравляю с полной победой. Все книги признаны безвредными, а многие полезными. Их решено переиздать».

В настоящее время у Вербицкой нашлись новые враги и стали на нее нападать в советской печати. Но за нее вступился на страницах «Правды» коммунист Ольминский, [407] который заявил, что в пользу Вербицкой высказался и Луначарский.

Таким образом, авторитетными голосами Воровского (увы, загробный голос!) и Луначарского Вербицкая, хотя и дореволюционный писатель, признана достойной быть в среде новой литературы.

Доброе мнение –
Вот она, гению,
Плата: кошель похвал.
– Смертный дороже б взял.
Стало быть – аттестационный лист. [408]
(М.Цветаева)

Не было более зловещих предзнаменований для русской литературы, чем те, которые принимает за добрые кн. Святополк-Мирский. Но никогда не бывало и более идиотски-смешной и трагически-забавной свистопляски вокруг русской литературы, чем в наши времена. Все это, конечно, достойно времен, идущих «под знаком Марины Цветаевой».

И. Бунин

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Записная книжка

Отрывки{116}

Кого тут ведьма за нос водит?

Как будто хором чушь городит

Сто сорок тысяч дураков!

Это говорит Фауст, которого Мефистофель привел в «Кухню Ведьмы», и это вспомнилось мне, когда я на днях прочел в «Последних новостях» статью[409] о том, что в «Красной Нови» какой-то Горбов[410] опять шельмует писателей-эмигрантов и опять все за то же: за то, что мы будто бы «мертвецы», отстали от века, не видим и не понимаем всего того «живого, молодого, нового», что будто бы есть в большевистской России. ...

Да, работает подобная же кухня и здесь, в Европе, – например, кухня пражская, называемая «Волей России», во главе с Виктором Черновым, Лебедевым,[411] Слонимом, Пешехоновым, который уже давно славится своими проклятиями эмиграции, совершенно, по его мнению, сгнившей заживо. Из Москвы постоянно раздается по нашему адресу: «Мертвецы, гниль, канун вам да ладан!» Но не отстают от Москвы и Прага. И вот опять: только что просмотрел в последней книжке «Воли России» «Литературные отклики» некоего Слонима,[412] который счастливо сочетает в себе и заядлого эсера, и ценителя искусств, и переводчика: если не ошибаюсь, это тот самый Слоним, что сравнительно недавно выбрал из всех десяти томов любовных мемуаров Казановы эпизоды наиболее похабные, перевел их и издал двумя книжками.[413] Удивительные «отклики»! Будучи якобы врагом большевиков, а на самом деле их единоутробным братом, который грызется с ними только из-за частных, подхватывая московский лай на нас, Слоним даже и Москву перещеголял: ничего подобного по лживости и пошлости я, кажется, даже и в московских журналах не читал.

Отклики эти – обо мне, о Гиппиус и вообще об «эмигрантской литературной знати и ее придворной челяди», как с лакейской яростью выражается Слоним. А придрался он ко мне из-за журнала «Версты». Он и сам невысокого мнения об этих «Верстах», он отзывается о них на своем смехотворном жаргоне тоже не очень почтительно:

– «„Версты“, – говорит он, – обращены лицом к России, и это хорошо. Но еще лучше было бы, если бы обращены они были своим лицом!»

(Странная картина: «Версты» обращены лицом «и это хорошо», но обращены чужим, а не своим. Ничего не вижу тут хорошего!)

– «Ядро „Верст“, даже если его тщательно вышелушить, оказывается крошкой... Оригинального в них лишь поэма Цветаевой – трагическая поэма любви, вознесенной над жизнью, вне жизни, как гора над землей, и жизнью земной раздавленная»...

Слоним захлебывается от Цветаевой. Он посвящает ей в своей статье и еще немало столь же высокопарной ахинеи, как только что приведенная. Он говорит:

– «Смысл у Цветаевой сгущен, сжат... У нее патетический избыток, напряженность высокого строя души (а не духа только) в замкнутом словесном ряде»...

Контраст творчества Цветаевой и состоит в этом сочетании: бессмертность, сжатая в лаконичность, вихрь, заключенный в отрывистость, страсть к бескрайности в подобранной формуле»...

Он с великолепным презрением к простым смертным и с восторгом перед своим собственным умом и вообще перед самим собою фыркает:

– «Мне всегда странно, когда я слышу, что иные простодушные, – вернее, простодумные, – читатели не находят у Цветаевой ничего, кроме набора слов, и никак не могут докопаться до смысла ее стихов... На высоте люди со слабыми легкими задыхаются!»

Все так: легкие у Слонима удивительные, человек он не «простодумный», прекрасно «докапывается» до «сгущенного» смысла Цветаевой и в совершенно телячьем восторге от своих раскопок. Но к «Верстам» он, повторяю, почти столь же непочтителен, как и я, который нашел их прежде всего просто прескучными со всеми их перепечатками Пастернаков, Бабелей, каких-то Артемов Веселых, поэмой Цветаевой насчет какой-то горы и «красной дыры», рассказами Ремизова опять о своих снах, о Николае Угоднике и Розанове. Слоним, повторяю, в восторге только от Цветаевой. Но и тут

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru – не водит ли он кого-то за нос? «Цветаева – новое, говорит он. – Она перекликается с теми, кто в России!»

Так вот не за эту ли перекличку он и превозносит ее, а на меня ярится за то, что я будто бы ни с кем из России не перекликаюсь? Впрочем, я полагаю, что он все-таки не настолько «простоудумен», чтобы думать, что в России я пользуюсь меньшим вниманием, чем Цветаева, и что я уж так-таки ни с кем там не перекликаюсь. Нет, он, вероятно, это понимает, да все дело-то в том, что совсем не с теми перекликаюсь я, с кем перекликается Цветаева. И каких только грубостей и пошлостей не наговорил он мне за это в своих «откликах»! ...

В. Злобин

Рец.: «Версты», № 1

Отрывки{117}

Помни, помни, мой милоч,
Красненький фонарик.

Писать о «Верстах» после таких исчерпывающих статей, как статьи Антона Крайнего и М.Цетлина, [414] – задача не легкая. Все, что можно было сказать об этом журнале с точки зрения культурной, политической и просто человеческой, – уже сказано. Главное – связь его с растлевателями России отмечена с достаточной ясностью. Остается только одно: рассмотреть, в чем эта связь выразилась наиболее ярко, какое разлагающее начало соединяет «Версты» с той «Россией», на которую они так пристально устремили взор. [415] ...

Удивляться ли, что и в «Верстах» «новый темперамент» развивается весьма успешно, настолько успешно, что, собственно, следовало бы вместо поднятого над журналом красного флага, повесить – красный фонарь. Тогда сразу бы многое объяснилось. Показались бы уместными не только специфические ругательства Артема Веселого и его цыганщина, но и Ремизов с некрофильским влечением к Розанову, с которым он, воистину, как с мертвым телом, делает, что хочет. О Марине Цветаевой нечего говорить. Она-то, во всяком случае, на своем месте. [416] И как ей, в ее положении, не вздыхать, что мы в этот мир являемся «небожителями», а не «простолюдинами» любви, т. е. больше идеалистами, чем практиками «О когда б, здраво и попросту» восклицает она:

В ворохах вереска буроого

.....на же меня! Твой.

И не лжет, – только не дли!

А затем, спокойно разойтись, ибо:

Не обман страсть и не вымысел!

И не лжет – только не дли!

Но Цветаева все же не теряет надежды, что когда-нибудь, «в час неведомый, в срок негданный», люди наконец почувствуют:

Непомерную и громадную

Гору заповеди седьмой, –

и сбросят ее с плеч – «обнажатся и заголятся». Что эта надежда не тщетна свидетельствует следующая выдержка из «Красной газеты»: «Несмотря на то, что, в настоящее время, процедура браков и разводов крайне упрощена (для регистрации таковых необходимо лишь словесное объявление сторон) в ближайшем будущем ожидается утверждение нового проекта о регистрации разводов по заявлению только одной стороны». Таким образом, скоро будут не нужны те «ботинки на резиновом ходу», о которых поется в одной из частушек, перепечатанных «Верстами» в доказательство своей «смычки» с деревней:

я куплю себе ботинки

На резиновом ходу,

чтобы спали, не слышали,

Как я с уль'цы прихожу.

Достаточно будет дважды забежать в комиссариат, чтобы со спокойной совестью возвращаться под «отчий кров». Но, по уверению Святополк-Мирского, «Версты» не только «перекликаются» с современной народной поэзией, они еще и «через голову 19 века подают руку Державину». «Державинское начало, – лопочет зарпортованный Святополк, – воскресло в поэзии Гумилева, Маяковского, Пастернака, Марины Цветаевой... Северное сияние Ломоносова перекликается (!) с солнцем Маяковского и золотые стерляди Державина с красными быками Гумилева». Объединяющее Маяковских и Пастернаков начало есть, по мнению Святополка, «то,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
что можно было бы назвать их не – или сверх-человечностью».

Необычайным я пареньем
От тлена мира отделюсь. [417]

Взгляд для названных поэтов, конечно, лестный, но вполне патологический: считать то, что ниже человеческого – сверхчеловеческим, разложение – победой над тленом, воображать, что «облегчаясь» при всех – творишь новые ценности – это, воистину, граничит с патологией, и Антон Крайний справедливо назвал Святополка дефективным индивидуумом. [418]

Весьма характерна и статья Лурье о Стравинском. Он прославляется, главным образом, за то, что уничтожил в музыке личное начало, принеся его в жертву «хоровым массам». «„Весна Священная“, – говорит Лурье, – вне личного начала». А «Свадебку», где это начало окончательно поглощено хором, он даже называет «религиозной мистерией». Не берусь судить, насколько верно понял Лурье Стравинского, но это и не важно: важна общая тенденция «Верст», их неодолимое влечение к безличному, к нечеловеческому. Вот почему всем существом Цветаева – против любви единственной, вечной верности, ибо ни в чем так не утверждается личность, как в этой любви.

Кстати, совсем не к месту над поэмой Цветаевой эпиграф из Гельдерлина: [419] этот немецкий поэт-романтик с Цветаевой ни в чем не сходится, и менее всего во взгляде на любовь. Он любил всю жизнь одну, воспевал одну и даже в безумии остался ей верен. Напрасно поэтому пытается Цветаева с ним «перекликаться». Лучше бы с Коллонтай. ...

Вс. Фохт
Рец.: «Воля России», № 8–9
Отрывки{118}

В последнем номере журнала «Воля России» один из его редакторов, Марк Слоним, выступает в статье «Литературные отклики» на защиту пражских молодых поэтов и журнала «Версты» против И. Бунина и Антона Крайнего. Критиковать критику – дело нудное, но мы все же хотим остановиться на некоторых замечаниях Слонима, затрагивающих общеинтересные вопросы.

Слоним возмущен: статьи И.Бунина «продиктованы политикой, а не художественными оценками», написаны в резких выражениях, а кроме того, И.Бунин и А.Крайний восстают против еще недавно «своих» – Ремизова и Цветаевой – за «обращение лица к советской России». ...

В том же номере «Воли России» помещены стихи Марины Цветаевой, о которой Слоним пишет в последней части своей статьи: «Ей дан необыкновенный пафос, в каждом слове – молниеносность, разительность. Смысл сгущен, сжат, в каждой фразе – переполненность, образ – и символ и формула». И далее: «Мне всегда странно, когда я слышу, что иные простодушные (вернее, простодумные) читатели не находят в произведениях Цветаевой ничего, кроме „набора слов“, и никак не могут докопаться до смысла ее стихов и поэм». – «Многие жалуются, что не могут понять ее стихов: на самом деле они не хотят сделать известного напряжения, чтобы проследить за бегом ее мыслей, за переполненностью ее души», и т. д.

Вот образец этой «насыщенности мыслью и эмоцией, содержанием».

Так светят седины,
Так древние главы семьи –
Последнего сына,
Последнейшего из семи –
В последние двери –
Простертым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур – последний из слуг!)
...Уже и не светом;
Каким-то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли – и обрывается связь. [420]

Читатель должен участвовать в творческом процессе поэта и «сделать известное напряжение», необходимое для полного претворения в себе Содержания – там, где это напряжение оправдано глубокой духовной сущностью творчества, а не вызвано синтаксическими затруднениями. «Высокое косноязычие» дано поэту именно для того,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru чтобы воздействовать на читателя, но поэт не имеет права ставить перед ним ребусы или крестословицы под предлогом «насыщенности». Чем одаренней художник, тем легче и строже подчиняется он законам речи. Связь, и логическая, и эмоциональная, все время обрывается в стихах Цветаевой (в последний период ее творчества) и естественно, что у читателя остается только тягостное ощущение не то мистификации, не то просто бессилия.

Слоним заключает свой панегирик Цветаевой утверждением, что она – «новое». – «Она переключается с теми, кто в России». «...ее взволнованные строки кажутся там подлинным выражением пафоса и бури наших дней». Быть может, это и кажется тем, кто «пафос и бурю» мыслят только в распушенности и в болезненной эротике, сочувствуя всякому насилию над языком и читателем. Однако, к несчастью для Слонима и Цветаевой, «там» ее только бранят, и Слоним вряд ли сумел бы указать хоть одну хвалебную статью о Цветаевой в советской литературе. Может быть, такие статьи готовятся? ...

Н. Рыбинский
Литературная хроника
Отрывки{119}

... «Обезьяньи палаты», [421] как мухи, засиживают прекрасную русскую литературу. В беллетристике – Ремизов, в поэзии – Цветаева. И то, и другое – плохо; писать и кривляться гораздо легче, чем следовать художественным образцам, – вызывает много подражаний. Бездарный писатель под Ремизова, поэт под Цветаеву, потому что для этого вовсе не нужно быть искусным в слове, вполне достаточно одного кривлянья.

С ремизовщиной и цветаевщиной бороться необходимо. Система унаваживания хороша только в сельском хозяйстве; подлинное же искусство не терпит дешевизны.

И потому на благодарном поле родной литературы, не раз дававшем такие всходы, что их хватало на целый мир, – особенно досадно видеть произрастающие плевелы, и нет сил, чтобы удержаться и не отделить их от золотистой и чистой пшеницы...

Не путем литературы идут и Ремизов, и Цветаева, и все иже с ними. Но дешевка и реклама делают свое дело, и потому задолго до всякого юбилея, такие писатели уже имеют известность, а иногда и славу. ...

Цветаева? Это та, которая такие стихи пишет! без глаголов... «Он ее»... И не догадаешься, в чем дело. Пишет, может быть, и плохо, но, знаете ли, – смело...

Так создается популярность. И потому там, где рядовой читатель только пожимает плечами и неуверенно говорит:

– Не понимаю, но раз все восторгаются, несомненно, что-то есть...

Слыша это, хочется сказать ему:

– Не бойся, друг, смей свое суждение иметь. [422] Прекрасная вещь всегда прекрасна, без всяких пояснений и догадок. А в писаниях этих писателей нет ничего, кроме убогой пустоты, прикрытой такой убогой формой.

Известность писателя далеко не всегда соответствует его ценности. И при нашем литературном богатстве, мы не только можем, но и должны от времени до времени делать уборку и сбрасывать то, что не литература.

М. Гофман
О «Верстах» и о прочем
Отрывки{120}

Вышел второй номер «Верст». О первом номере этого журнала так много говорили и писали, вокруг него создавалось столько легенд, слухов и сплетен, [423] что трудно вполне беспристрастно писать о «Верстах». Будем, однако, справедливы и признаем, что вторая книжка «Верст» составлена гораздо интереснее и содержательнее первой.

Интереснее, прежде всего, литературно-художественный отдел, заключающий в себе псевдогреческую трагедию Марины Цветаевой «Тезей» (первая книжка открывалась также М. Цветаевой – ее поэмой «Гора»), отрывки из романов А. Веселого «Восстание», Ю. Тынянова «Кюхля» («Конец») и Андрея Белого «Москва под ударом», и

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
документы – под громким именем «Россия», за подписью Алексея Ремизова.

В трагедии Марины Цветаевой много удачных и сильных мест (хороша сцена Тезея с Ариадной, прекрасна сцена Тезея с невидимым Вакхом), гораздо слабее хоровые партии; досадно очень частое и утомительное употребление одного и того же размера, для правильного чтения которого автор должен был сделать пояснение: с перерывом между первым и вторым слогом («т. е. (!), – говорит Марина Цветаева, – равная ударяемость первого и второго слога»); размер этот поэт употребляет очень искусственно, насильно разрывая один слог от другого, по типу:

Бой–цу–быкоборцу –
такое совпадение метрических ударений с логическими, как в стихе:

Роз, лавры вершин –
встречается очень редко, между тем как только такие стихи и законны для данного размера. ...

Я читал и перечитывал обе книжки «Верст» с целью найти какие-нибудь следы большевизма или сменовеховства, в которых так упрекали новый журнал, [424] и, несмотря на всю внимательность медленного чтения, ничего не мог найти. Журнал имеет очень определенную физиономию, но не сменовеховскую, а евразийскую, смешивать же евразийство со сменовеховством или наивно, или недобросовестно.

На походе, ожесточенном походе, открытом парижскими писателями и критиками (только парижскими) против «Верст», стоит несколько остановиться, ибо в этой литературной войне допускались такие нелитературные средства и приемы, которые не могут быть допущены в литературной критике: литературных противников и соперников побивали в глазах публики тем, что объявляли их большевиками и сменовеховцами. Поход был начат И. Бунинным, но на его критике не хочется останавливаться, ибо для него большевизм – всякая перепечатка советской литературы (чем занимаются, однако, все эмигрантские издания) и все, что напечатано по новой (или, по Бунину, заборной [425]) орфографии. Не так наивна Зинаида Гиппиус – Антон Крайний. Антону Крайнему показалось недостаточным прямое нападение на «Версты» выдерганными цитатами (после чего он говорит о том, что добросовестно привел все содержание «Верст»): в последней книжке «Голоса минувшего на чужой стороне» (вышедшей в октябре) Антон Крайний нападает на «Версты» через голову «Благонамеренного» (последняя книжка которого вышла в марте 1926 года).

«Благонамеренный» издавался очень молодым и талантливым поэтом князем Д. А. Шаховским, подававшим большие надежды (стихи его отличались исключительной для нашего времени прозрачностью, невесомостью стиха). Говорю подававшим, в прошедшем времени, потому что летом прошлого года князь Шаховской ушел в монастырь. Неискушенный в литературных дрязгах, идеалист и мечтатель, набожный и тихий Шаховской задумал основать исключительно литературный журнал (журнал «Литературной культуры»). Первая книжка его «Благонамеренного» вышла в январе прошлого года, оказалась очень хорошо составленной и встретила во всей русской эмигрантской критике единодушно-благожелательный прием. [426] Журнал имел совершенно определенный, никем не оспариваемый успех. Не то произошло со второй книжкой «Благонамеренного», вышедшей в марте. Прошлый сезон прошел под знаком Марины Цветаевой: об этом бесспорно талантливым поэте кричали во всех поэтических кабаре и превозносили ее выше всякой меры и не по заслугам. Во второй книжке своего журнала князь Шаховской отвел много места Марине Цветаевой – и похвалам ей, и ее собственным писаниям. В одной своей статье, очень остроумной и убедительной, Марина Цветаева, рядом цитат, обнаружила невежество присяжного литературного обозревателя «Звена» – Георгия Адамовича. Этого достаточно было, чтобы парижские критики обрушились на Шаховского [427] и Марину Цветаеву (а после доклада Святополк-Мирского, в котором он задел некоторых из сильных мира литературного, и на Святополк-Мирского [428]). Шаховской не выдержал этой травли и замолчал. Летом, повторяю, он ушел в монастырь и, таким образом, теперь находится не среди нас и не может отвечать, какие бы клеветы ни распространялись о нем.

И вот, в октябрьской книжке «Голоса минувшего», Антон Крайний вспомнил о благонамереннейшем «Благонамеренном» и посвятил ему статью под названием «Мертвый дух». Подлинно, мертвым духом веет от этой статьи. Критики, литературной критики, нет и в помине в ней, зато прием «чтения в сердцах» развит здесь до своего последнего, крайнего предела. И нужно сознаться, плохо, очень

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru плохо читает в сердцах Антон Крайний, если он мог увидеть в «Благонамеренном» отражение «эстетико-сменовеховского движения со всеми его характерными особенностями». Антон Крайний пишет о «Благонамеренном», только о «Благонамеренном», но прозревает в нем «Версты» («Версты» в его восприятии) и то «эстетико-сменовеховское движение», на которое не было и намека в «Благонамеренном». Антон Крайний пишет о «Благонамеренном», а имеет в виду «Версты» и кончает свою статью убийственным для «Верст» постскриптумом: «Эта статья была уже написана, когда, вместо (?) 3 номера „Благонамеренного“, вышел журнал „Версты“ – орган „эстетической“ группы, руководимой г. Святополком – под его же редакторством. Содержание нового журнала с такой определенностью, до мельчайших деталей, подтвердило все, мною об этой группе сказанное (курсив мой. – М.Г.), что ныне и сомневавшиеся уже не сомневаются: данная группа идет к соединению не с Россией и не с русской литературой, а с Советами: то есть идет против России и против свободного искусства». Каким изумительным пророчком оказался Антон Крайний и какой убедительной силой должно звучать каждое слово его пророчества! Сила убеждения была бы еще больше, если бы Антон Крайний вычеркнул в начале статьи следующие строки: «Но лубочен-то был „патриотизм“, а также „эстетизм“, под прикрытием которых г. Святополк проводил в эти журналы рецензии весьма определенного духа. Ныне его деятельность расширяется. У него уже свой орган (курсив мой. – М.Г.) и группа „помогающих“, „сочувственников“». Приобрести журнал маленького Шаховского ничего не стоило (курсив мой. – М.Г.)...»

Антон Крайний не остался в одиночестве (иначе можно было бы из уважения к его литературному имени забыть о таких литературных приемах), и у него нашлось много подражателей. Дальше всех пошел В.Злобин, поместивший в новом «Новом доме» критическую статью, [429] в которой находят такие выражения: «...Показались бы уместными... Ремизов с некрофильским влечением к Розанову, с которым он, воистину, как с мертвым телом, делает, что хочет. О Марине Цветаевой нечего говорить. Она-то, во всяком случае, на своем месте. (Выше „критик“ говорит о том, что над „Верстами“, в которых участвует Марина Цветаева, надо повесить красный фонарь. – М.Г.). И как ей, в ее положении (?), не вздыхать, что мы в этот мир являемся „небожителями“, а не „простолюдинами“ любями, т. е. больше идеалистами, чем практиками...» И в подтверждение своих слов «критик» приводит цитату из поэмы М.Цветаевой «Гора», делая такой пропуск, который совершенно искажает ее смысл... Удивительно ли, что, как утверждает парижская молва, защитники Марины Цветаевой побили кого-то из причастных к «Новому дому»?

Поведение князя Святополк-Мирского и других руководителей «Верст» (А.Ремизова, П.П.Сувчинского, Марины Цветаевой, Льва Шестова и С.Я.Эфрона) было очень благородно, и они никак не отозвались на такую «литературную» кампанию; благородны и достойны уважения и заключительные строки Р. С. к статье «Веяние смерти в предреволюционной литературе»: «В свои лучшие годы (двадцать и больше лет тому назад) Антон Крайний был как раз несравненно зорек на различие подлинного от производного и отменного от второсортного. Обличения нынешнего Антона Крайнего меня только вчуже огорчают, но если бы они исходили от прежнего Антона Крайнего, я бы мог на них ответить только: „Бей меня, но научи“». [430] – И это все, что сказал Святополк-Мирский о новых литературных приемах, проникающих в современную критику.

А. Амфитеатров
Записная книжка
Отрывки{121}
Два стиха Марины Цветаевой:

Так – государыням руку,
Мертвым – так, [431] –
увенчаны ныне едва ли не такую же знаменитостью, как некогда брюсовское:

– О, закрой свои бледные ноги!..
Дерзание Марины Цветаевой ярче брюсовского.

У Брюсова – что же? И сказуемое на месте, и подлежащее подразумевается. Предложение крепко, как самодержавие в XIX веке. Но Марина Цветаева творит советски смело и прекрасно. Октябрьская революция в синтаксисе. Подлежащее, как Романовых, – на убой, в Екатеринбург. Сказуемое, как буржуазную интеллигенцию, – за границу.

Великая Марина уже создала «школу». Подражателей – несть числа. [432] И пишу

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru они, пишут!

Белой горячки вздоры,
Мыслей и слов кавардак,
В надписях ярких заборы:
Так, распротак, так, так!!!

А несчастное на Руси это имя – Марина. Начиная с былинной Маринки-Еретницы, которую богатырь Добрыня Никитич так свирепо наказал за колдовские проделки и грязную связь со Змеем Горынычем, все исторические русские Марины были – либо превредные существа, либо им ужасно не везло в жизни. А некоторым выпали на долю оба эти жребия. Наиболее яркий пример: Марина Мнишек, неудачная русская царица, супруга злополучного Дмитрия Первого, а потом – черт его знает, кто он был, – самозванца, назначенного в Дмитрии из Польши Сапегою и Рожинским. ...

В литературе Марине классически не везет.

Написал Болеслав Маркевич[433] «Марину из Алого Рога». Повесть вышла плохая, а нашумела много, потому что ни критика, ни публика не могли разобраться определенно: что это – панегирик популярному человеку (поэту гр. А.К.Толстому) или памфлет на него? А в общем, пахло обсахаренным пасквилем.

Написал Лев Толстой добродетельную Марину во «Власти Тьмы». Вышла – самая бледная, скучная и наименее правдоподобная из всех фигур знаменитой драмы.

А теперь – Марина Цветаева стихи пишет. Ну, разве не рок?!

Н. Кульман
Рец.: «Версты», № 2
Отрывок{122}

... Книга составлена разнообразно и интересно. Трагедия «Тезей» М.Цветаевой полна звукового блеска, богата свежими, не затасканными образами. Но у М.Цветаевой есть злой гений – манерность, жеманничанье и даже грубоватое кривляние. Ей, напр., хочется придать оттенок античности речам своих героев и она сыплет церковно-славянскими формами и словами. Поэтому: «несть», «зане», «за ниспадша в хрипах Андрогее», «ад ли призраку повел», «дева низин и ниш в гроте и в чаще царствующа» и т. д. Но от этого веет вовсе не классической древностью, а высоким «штилем» русской литературы 18-го века, с той только разницей, что наши писатели 18-го в. никогда не сказали бы: «Брата узрею! Матерь узрею! Жатву узрею!» вместо «узрю». А когда наряду со славянизмами наталкиваешься на такие выражения, как «роскошь мышц», «с наглядностями рву» и т. п., то эта смесь производит впечатление нестерпимой безвкусицы.

Неприятное жеманство сказывается и в разделениях слов, напр.:

Ведь, вот она стоит,
Кра – са и укрепа
А – фин или вспять.
Это, видите ли, должно обозначать равную ударяемость первого и второго слога. – К тому же свойству М.Цветаевой относятся и такого рода примечания: «Слово рев (в другом месте тверже) прошу читать через простое „е“; слово версты прошу читать через „е две точки“». ...

Г. Адамович
Литературные беседы
Отрывок{123}

Имеет смысл только та литература, в которой нет или, вернее, не осталось «литературщины» и где за словом чувствуется человек.

Это – трюизм. Читатель улыбается – зачем ломиться в открытую дверь? Зачем повторять то, что давно известно? Но дело вот в чем: понимание необходимости для литературы быть лично-одухотворенной дается как намек, как проблеск человеку в начале его «пути», затем, при развитии в человеке ума и вкуса, исчезает и только много позже, к концу, к «закату» целиком и во всей полноте к нему возвращается. Настаиваю на естественности перехода от первого состояния ко второму, от обладания, хотя бы и призрачного, к потере. В юности – чувствительность, дилетантизм, невнимание к материалу, формальная беспомощность – в лучшем случае торпливость достигнуть последней цели, каких-то неясно-блаженных последних целей и полет к ним кое-как. Огромное большинство людей остается навсегда на

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru этой ступени: романсы, стихи, картинки «с настроением»... Некоторые развиваются: работа, учеба, «не что, а как», «святое ремесло», [434] исследования и цехи, чувство слова, чувство ритма, чувство краски. Но в конце концов неизбежно приходит сознание, что все суета сует, все напрасно, тщетно и просто-напросто глупо, если ко второму не прибавить чего-то из первого и не утвердить за этим первым вечного и неоспоримого главенства.

Описанию роста художественного сознания человека надо бы посвятить многие и многие страницы. Эта тема почти еще не разработана, едва ли даже мимоходом затронута (только у Вячеслава Иванова, насколько мне помнится [435]). Моя схема, конечно, груба и прямолинейна. Но я все-таки надеюсь, что люди, уже соскользнувшие с первой ступени, хотя бы только на волосок, поймут, о чем идет речь. Более общедоступным в нескольких строках можно было бы быть только ценой окончательного искажения сути дела.

Оставив в стороне соображения и возражения узко-литературные, признав «несущественным» все то, что хотелось бы заметить в этой плоскости, на одно махнув рукой и закрыв глаза, к другому привыкнув, – нельзя все-таки «без волнения внимать» голосу Марины Цветаевой: читать статью ее «Твоя смерть» (в последнем выпуске «Воли России»). [436] Цветаева обращается к Рильке и о его смерти говорит. Попутно она рассказывает еще о двух смертях – старой француженки-учительницы и больного двенадцатилетнего мальчика. Рассказ крайне прихотлив, неподражаемо – личен и очень увлекателен. Над обычной журнальной литературой он возвышается, как Монблан. В нем исключительно много содержания, хотя, собственно, нет идей и мыслей. Его устремление не логическое, а психологическое. Цветаева подмечает в одном, якобы простом, чувстве или душевном движении множество спорных подразделений. И чем дальше за ней идешь по этому пути, тем яснее видишь, что это путь бесконечный: внутренняя жизнь человека не упирается в нечто неразложимое, а разветвляется и утончается настолько, насколько зрение способно эти деления уловить.

Кроме «психологии», в цветаевском надгробном слове убедителен тон. Очень редко пафос писателя бывает до конца оправдан и совершенно не смешон. Очень редко за ним не ощущается пустоты и не хочется о нем сказать: «слова, слова, слова!». У Цветаевой лиризм по-настоящему лиричен.

Поэтому, как вывод: несмотря на несочувствие Цветаевой-литератору, несмотря на его полную, глубокую и бесповоротную для нас неприемлемость, порадуемся все-таки «встрече с человеком» – что в наши дни редкость. ...

М. Слоним

Десять лет русской литературы

Отрывок {124}

... Работа над словом, отказ от легкой музыкальности стиха, попытка возвращения к полновесности слова, к его первоначальной выразительности, любовь к игре словесной и образам, взамен игры звучаниями и туманными понятиями, – эти черты новой поэзии особенно выступают в творчестве наиболее ярких ее представителей – Пастернака, Цветаевой и Тихонова. Правда, о них труднее говорить, чем о совершенно законченном, занимающемся самоповторением Маяковском или умершем Есенине. Они живут и развиваются. Но они определенно тяготеют к «творческому ремеслу», к усиленной и изощренной работе над словом и стихом. Отсюда и новизна их приемов, словообразований и размеров.

Телеграфическая сжатость стиха достигла особенной силы у Пастернака и Цветаевой. Я больше всего ценю лирические произведения Пастернака. В них – своеобразное перемещение плоскостей, делающее их понимание столь трудным для поверхностного читателя. У Пастернака свое «ощущение мира», которое он передает, опуская всякие поэтические подстрочные примечания. Каждый вызываемый им образ принимает в его стихах совершенно реальную форму, а быстрота их чередования дает впечатление кинематографической одновременности: мы разом воспринимаем несколько сторон явления, несколько аспектов неустанного потока действительности.

Пастернак ощутил тяготение нашей эпохи к эпике, и пытался создать большие исторические поэмы: «1905 год» и «Лейтенант Шмидт». Они ему не удалось, и только в отдельных местах вновь с радостью находишь прекрасные образцы мастерской и глубокой пастернаковской лирики.

Цветаева, наоборот, выросла в поэта «большого стиля». Патетическому,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru приподнятому тону ее поэзии гораздо более пристала форма поэмы, чем лирического стихотворения. «Поэма Горы», «Поэма Конца», «Молодец», «Разлука» – лучшее, что она написала за последние годы. Эмоциональная окрашенность ее стиха, его романтический порыв и динамика составляют контраст к его словесной лаконичности и «ударности». Большое мастерство чисто формального рода, искусство поразительной словесной игры, которую так любит Цветаева, не отняли, однако, у ее поэзии ни ее идейной глубины, ни всего ее чисто идеалистического и мятежного характера.

Пафос и движение цветаевской поэзии чрезвычайно характерны для всего десятилетия. Та реакция против символизма, которая наметилась в нашей литературе еще до войны, [437] дала очень своеобразные результаты потому, что завершилась она в период революции. Поэтому уклон от символической туманности – к определенности, от многословия – к сжатости, от музыкальности – к выразительности, от расплывчатости – к полновесному построению, от риторики книжной – к почти разговорному языку – сопровождался еще и некоторыми иными чертами. Вместе с драматизацией стиха пришла и большая эмоциональная его напряженность; динамике языковой соответствует внутреннее движение, полнокровность и почти романтическая страстность поэзии. И в то же время, начиная от Блока, кончая Тихоновым с его великолепной балладой о Махно, [438] в литературу входит широкая национально-народная струя.

Все это и есть отличия той новой поэтической школы, которая народилась за последние годы. К ней примыкает почти все, что есть живого в русской поэзии. Она-то и представляет собою ныне русскую поэзию – при молчании старого поколения символистов (Вяч. Иванов, Сологуб, А.Белый) и при большем или меньшем приближении к ней отдельных талантливых поэтов, начиная от эпиграмматической Ахматовой и национально-романтического Волошина и кончая классически величавым Мандельштамом и умственно-изошренным, холодным Ходасевичем. ...

Д. Горбов

Десять лет русской литературы за рубежом

Отрывки{125}

В одном из библиографических указателей эмигрантской художественной литературы отмечается, что на 1924 г. число изданий художественных произведений за рубежом достигло внушительной цифры 1300. Из этого, правда, нужно вычесть 700 переизданий классиков и произведений, опубликованных в России до революции. Но и за этим солидным вычетом остается 600 книг, выражающих литературно-художественную продукцию эмигрантов за первые 6 лет, протекших с момента революции. Едва ли будет большой ошибкой считать, что к 10-летию Октября это число выросло приблизительно до 1000.

Но прежде всего: существует ли вообще эмигрантская литература как цельное и законченное культурное явление? Не является ли самое это понятие в значительной мере условным? Теперь, когда оно насчитывает уже 10-летнюю давность, не пора ли присмотреться к нему повнимательнее? О зарубежных художественных произведениях у нас уже немало писали (правда, больше от случая к случаю), кое-что из них издано и у нас (так, очень неплохо представлен И.Бунин. У нас издано почти все лучшее, созданное им в эмиграции, – «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», «Солнечный удар», «Мордовский сарафан» и другие). Наконец, многое из того, что было эмигрантским, перестало быть таковым: такие писатели, как Алексей Толстой, Гл. Алексеев, Соколов-Микитов, Дроздов [439] и другие давно вступили в ряды советских художников слова, активно участвуют в создании и развитии литературы пооктябрьской России. Все это как будто делает наш вопрос – о цельности, замкнутости понятия эмигрантской художественной литературы – вполне своевременным.

Всматриваясь в сравнительно многочисленную группу писателей-эмигрантов (здесь мы имеем в виду не всех авторов «тысячи» зарубежных беллетристических изданий, а лишь тех из них, которые являются – большими или малыми – но художниками), мы прежде всего видим, что группа эта очень неоднородна по своим классово-культурным признакам. На первом плане – и художественном и общественном – мы видим доминирующих здесь художников-символистов: Мережковского, Гиппиус, Бунина, Зайцева и примыкающих к символизму – Ходасевича, М.Цветаева, Ф.Степуна (как романиста) и других. Вне зависимости от наличия у каждого из этих художников индивидуальных и даже групповых особенностей, иногда очень значительных (так, Бунин и Зайцев, собственно, не символисты, а представители так называемого неореализма), они роднятся одной столь существенной чертой, что

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru общее решительно отодвигает различия на второй план. Эта существенная объединяющая всю группу черта с предельной четкостью и ясностью сформулирована в известном смысле наиболее последовательной представительницей группы З.Гиппиус в следующем стихотворении, которому ни в коем случае нельзя отказать в энергии и выразительности:

Мне –
о земле
– болтали сказки!
«Есть человек. Есть любовь».
А есть –
лишь злость.
Личины. Маски.
Ложь и грязь. Ложь и кровь.
Когда
предлагали
мне родиться –
Не говорили, что мир такой.
Как же
я мог
не согласиться?
Ну а теперь – домой, домой. [440]
Эти строки, сухие и краткие, – программа. ...

Перед тем как перейти к зарубежным писателям-реалистам, остановимся на представителях «возрождения» зарубежной литературы, восстания ее из символистского гроба. Эти писатели – А. Ремизов и Марина Цветаева. Во всем зарубежье они одни решились взять на себя разрешение этой тяжелой и неблагодарной задачи. А так как силы этих двух – хоть и очень талантливых – выходцев из символистского лагеря крайне недостаточны, редакция журнала «Версты» прибегла к приему, во всяком случае не лишенному остроумия: занялась перепечаткой советских писателей, выросших в революции и неразрывно спаянных с ней. Рядом с Ремизовым и Цветаевой в беллетристическом отделе возрожденческого эмигрантского журнала «Версты» мы видим Бабеля, Артема Веселого, Ю. Тынянова, Есенина, Пастернака и Сельвинского. При этом рецепт приблизительно такой: на 25 % Ремизова – 10 % Бабеля (процент сравнительно невысок, но надо иметь в виду сгущенность экстракта) и 65 % Артема Веселого; на те же 25 % М. Цветаевой – 25 % Есенина, 50 % Сельвинского с Пастернаком и т. д.

Как это все-таки несложно – возрождать и омолаживать! Какие огромные возможности для развития эмигрантской литературы таит в себе этот гениальный по своей простоте и изяществу метод. Достаточно объявить, что граница между эмигрантской и советской художественной литературой – вещь искусственная, выдуманная большевиками, что есть только одна – общенациональная литература, затем начать перепечатывать лучшие страницы советских авторов у себя, и вопрос о тупике, в который зашла литература эмигрантов, разрешается легко и безболезненно, сам собой!

Мы не знаем в точности, как именно называется подобный способ разрешения сложных исторических противоречий, – есть ли это двойная (не итальянская, а русско-эмигрантская, конечно) бухгалтерия или просто – приятная мина в плохой игре. Дело не в названиях и даже не в истинных намерениях тех, кто к такому способу прибегает. Допускаем, что намерения у изобретателей самые честные. Беда вся в том, что изобретение-то никуда не годится. Неужели не очевидно, что школьническими выходками историю не обойдешь! Классная дама эта очень строга и, когда дело дойдет до экзамена, – неопределенными фразами об общенациональной литературе, о героическом возрождении и возрождении героического от нее не отделаешься. Вопрос ее будет ясен и точен: в чем выразилось возрождение, какое было в нем идейное содержание, какими общественными явлениями питалось оно?

История не удовлетворится одними «устными ответами», зафиксированными в статейном материале «Верст» Сувчинским и Святополк-Мирским. Она начнет перелистывать «письменные работы»; она увидит, что большая часть их списана у тех, кто серьезно и честно работал над собой, кто не отгораживался от событий, составивших основное содержание общественной жизни страны в нашу эпоху. Какой вывод сможет она сделать на основании двух представленных вами тетрадей? Она отметит, что подлинное возрождение подлинной национальной литературы произошло внутри страны, а не за ее пределами, и произошло так, как вообще только и может

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru происходит возрождение национально-культурного явления: на почве главенствующего общенационального события эпохи – Октябрьской пролетарской революции, на которую вы клеветали и от которой вы бегали.

За десятками и сотнями страниц, отведенных в вашем журнале достижениям этой общенациональной советской литературы, чужой для вас, но которые вы пытаетесь идеологически присвоить, отказываясь в то же время от почвы, их воспитавшей, – почвы Октября, – дойдет, наконец, очередь и до ваших собственных успехов. Вы предъявите творчество Марины Цветаевой и Алексея Ремизова, которые представлены у вас первая – «Поэмой Горы» и трагедией «Тезей», второй – рядом опытов в области реконструкции литературных документов допетровской Руси, имеющих целью некое оживление национальных корней в сознании современного читателя. Ничего не выйдет, уважаемые граждане! И не потому не выйдет, что это плохие писатели. Отнюдь нет: и Марина Цветаева и Алексей Ремизов – крупные художники. Но именно поэтому-то они совершенно не пригодны для той шахматной партии, которую вы пытаетесь посредством их сыграть.

Каковы бы ни были мастерство художника и размеры его дарования, он не может ничего дать сверх отпущенного ему общественного (и классового в конечном счете) заряда. На примере Буниных и Зайцевых это положение выступает как нельзя более рельефно именно в силу специфичности, цельности их классового заряда. У М.Цветаевой и А.Ремизова, художников, стоящих на более сложной, менее отчетливой (но все же вполне определенной) классовой позиции, и классовая нагрузка сложнее (но также не менее определена). Именно она проводит непреодолимую для этих художников грань, которая, по существу, устраняет их от участия в возрождении национальной русской литературы.

М.Цветаева – поэт большого творческого темперамента. Отсюда громадное богатство ее ритмов, необычайная изобретательность строфики, выразительность образного жеста. Буйное богатство ее художественных средств достигает того уровня, на котором оно затрудняет поверхностное понимание, тем больше наслаждения доставляя взгляду пристальному и внимательному.

В «Поэме Горы» и «Крысолове» энергия ее стиха и собранность творческого внимания в обработке темы достигают редкой силы. Здесь от кустарной растрепанности и женской истерики более ранних стихов Цветаевой нет следа. Пределы специфически-женской лирики, в которых она целиком замкнута в своей стихотворной драме «Фортуна», здесь преодолены.

Но, развиваясь как поэт, М.Цветаева как человек не растет. И в последних, лучших своих вещах остается она художником малой мысли. Между тем, как отделить эти два понятия «человек» и «поэт», если только мы хотим говорить о поэте не только как о словесных дел мастере? Как человек малой мысли Цветаева прошла мимо большой темы и, в сущности, разменяла свое дарование на мелочи. Мы не говорим о ее «Фортуна»: пьеса эта – о герцоге Лозене, любимце аристократок, накануне Великой французской революции, воплотившем в себе все очарование сходящего со сцены века пудренных париков и гибнущем на гильотине – могла бы быть с успехом поставлена в каком-нибудь предреволюционном московском кабаре, вроде «Летучей мыши». В приготвлении этой эстетической конфеты М.Цветаева проявила больше специфически-дамского вкуса, чем строгой требовательности художника. Но и в лучших ее вещах – «Крысолове», «Поэме Горы» – контраст между богатством художественных средств, мобилизованных автором, и незначительностью темы разителен.

Под словом тема мы подразумеваем, конечно, не материал, взятый художником. Последний, по существу, безразличен; он не может характеризовать художника ни положительно, ни отрицательно. Нам совершенно нет дела до того, что М.Цветаева не желает изображать в своих поэмах борьбу на баррикадах, а предпочитает сюжеты любовные или, скажем, о власти музыки над человеком. Все это – лишь материал, который художник волен брать там, где ему вздумается. Не выбор материала показывает внутренний рост художника, а тот угол зрения, под которым этот материал нам подается. Материал, поданный художником под своим собственным, сугубо личным – и в то же время никогда не личным только, но общественно-классовым – углом зрения, и есть тема писателя.

Под каким же углом зрения подает нам свой материал М.Цветаева, – любовный сюжет в «Поэме Горы», сюжет о таинственных чарах искусства в «Крысолове»? Речь в обеих вещах идет, видите ли, о мещанстве, противостоящем каменной стеной вольной

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru страсти артиста и любовника. В этом вся специфическая окраска, привнесенная М.Цветаевой в свой материал, к этому сводится индивидуализация, на которую сочла возможным пойти поэтесса при обработке знакомых и перезнакомых сюжетов. Что же здесь индивидуального, способного вызвать в нас тот неповторимый «*frisson nouveau*» (новый трепет), без которого мы не можем испытать подлинного воздействия искусства?

Все это дано, притом в сугубо упрощенной, какой-то до аскетического схематизма доведенной форме: вот немецкие бургеры, вот крысолов, спасающий их амбары от крыс при помощи своей флейты; он обманут бургерами, не пожелавшими дать ему обещанной награды; он мстит при помощи той же флейты; как раньше она увела крыс в соседнее озеро, так делает она это и с детьми бургеров.

В «Поэме Горы» поэтесса с ужасом думает о том, что гора, на которой протекали ее счастливые дни с тем, кого она любит, будет застроена дачами, и храм свободного чувства превратится в город мужей и жен.

В наши дни тему о войне с мещанством, во имя творчества в любви и творчества в искусстве, мы не можем не воспринимать как шаблон. Его не оживить самыми прекрасными стихами, самыми острыми частными образами. Ибо дело тут не в частностях, а в основной идее. Именно в нее надо внести какое-то углубление, чтобы мы пережили эту тему по-новому. В наши дни всякий не вовсе пошлый человек знает, что мещанство отвратительно своей мертвенностью, а искусство и свободное чувство прекрасны. Это трафарет. Об этом нельзя сказать ничего значительного, какими прекрасными и оригинальными словами ни изъясняйся. Самое большее, чего достигнешь (и М.Цветаева именно этого и достигает), это того, что во время чтения оригинальность частностей заслонит от читателя бессодержательность целого. Но ведь это в самом процессе чтения! А когда книга закрыта?

Мы можем пренебречь политическими взглядами М.Цветаевой. Контрреволюционность их не слишком нас интересует. В чем бы ни выразалась она (в мемуарных ли сплетнях Цветаевой о большевиках, [441] или в наивной выходке в «Крысолове», где большевики отождествлены с теми самыми крысами, которые подобрались к мещанским амбарам, а затем были потоплены при помощи флейты), контрреволюционность эта, пользуясь не совсем почтительным, но зато довольно метким комсомольским выражением, – сплошная «буза». Это дамская, даже институтская контрреволюционность, обидчивая, путаная, нервная. Оспаривать ее затруднительно и тщетно. Здесь лучше всего следовать мудрому правилу салонного этикета, которое гласит, что «с дамами не спорят». Не видя другого выхода, решаемся в данном случае воспользоваться этим буржуазным наследием.

Но, проходя мимо политических взглядов М.Цветаевой, не вступая с ней по этому вопросу в бесполезный спор, мы решительно оспариваем ее право давать нам шаблоны, одетые в тонкие одежды оригинального образа. От всякого крупного поэта, а тем более от поэта, взявшего на себя задачу «возрождения героического», мы вправе требовать, чтобы он был тематически значителен, действительно-современен. Опять спешим оговориться: не о «революционном» материале идет речь. Можно без баррикад и кожаных курток. Заводы тоже отнюдь не обязательны. Не обязательны даже быт. Самый романтический, «вневременный» сюжет может волновать нас: и «крысоловам» открыто наше сердце. Пусть только действуют они хоть немного умней, пусть перестанут кичиться своей артистической автономией, пусть больше прислушиваются к тому, что делается у них в стране, и не заглушают живых голосов огромной жизни отвлеченными песенками «вечности».

Уточняем еще более: не нужно, чтобы флейта их пела революционные гимны. Революция не нуждается в хвалениях. Мы хотим только одного: чтобы песни крысолова вызвали в нас волю к творчеству, звали к общей жизни и борьбе, чтобы они не уводили нас в озера прошлого или в соседнее болото с ласковой целью утопить нас там. Их песня может быть печальна, не переставая быть нужной нам в нашей работе: есть вещи, которых не может не касаться художник и которые не вызывают веселых песен. Но и печаль печали рознь. Мы не против печали – она осмысляет человеческое счастье, – мы против себялюбивого любования печалью как таковой. И прежде всего против произведений, значительных по тону, но шаблонных по мысли. Мы видим в них – едва ли не справедливо – признак оторванности художника от своей страны и вытекающей отсюда неспособности его так заострить свою тему, чтобы она попадала в основной нерв того, чем все мы живем.

Конечно, стихи М.Цветаевой, и в особенности последние ее поэмы, «героичны»,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru приподняты. Но ведь не об этой же героине – вызывающей и бравирующей перед призраками – говорили редакторы «Верст». А другой, подлинной, органической героини, которая раскрывается в больших темах эпохи, мы у Цветаевой не видим, да и увидеть, по правде говоря, не надеемся: слишком она связана своими вкусами, предубеждениями и предрассудками со всяческими любвями и ненавистями своего узкого и душного – не то мансардного, не то келейного – мирка. Не такому человеку суждено сказать новое слово об эпохе, главное содержание которой в том, что река изменила русло. ...

Если Ремизов и Цветаева имеют отношение к возрождению русской литературы, то именно в смысле техническом: их работа над словом, конечно, не пройдет бесследно. В том буйном поступательном движении, которое наблюдается в нашей литературе, переживающей подлинное возрождение, конечно, будет использован и используется и их опыт. При всем том, основное русло русской литературы, воспитанной Октябрем, пойдет по руслу реализма. Обновительные опыты над словом найдут плодотворное применение лишь в том случае, если они будут рассматриваться как нечто подсобное к развитию последнего. ...

В. Сосинский

Рец.: Марина Цветаева

Ремесло: Книга стихов. М.–Берлин: Геликон, 1923{126}

Цветаева – один из крупнейших поэтов нашего времени. Ее стихи поражают необычайной силой и мужеством, которых еще ни одной женщине-поэту не удавалось достичь. Редкое богатство ритмов, их разнообразие и звучность стиха составляют одно из главных отличий ее творчества. «Ремесло» – первая большая абсолютно зрелая книга Цветаевой. Стихи этого сборника написаны еще в России (теперь Цветаева живет в Париже) с весны 1921 до весны 1922 года. Несмотря на даты, только в некоторых из них отражена русская революция. Она явлена нашествием татар («Ханский полон»), а добровольческое «белое» движение – борьбой Георгия Победоносца со змием («Георгий»). Среди нескольких стихотворений, в которых открыто говорится о революции, лучшее посвящено Москве, где автор пишет о своей любви-ненависти к революции, о страсти и восхищении ее «чужеземным бунтарским лавром!». [442]

Любовные стихи Цветаевой, ставшие знаменитыми, полны глубокой нежности с известной примесью суровости. Образ волевой, страстной, ревливой и гордой женщины дан на этих воистину лучших страницах современной русской лирики.

Но главнейшие темы ее стихов – это ненависть к тоске и тяжести реальной жизни и любовь к иному, прекрасному началу в мире. Может быть, поэтому многие из них очень абстрактны и иногда трудны для чтения из-за своей философичности.

Особое место в книге занимает поэма «Переулочки», о молодой колдунье, фантастической русской Цирцее.

В этой поэме, где наиболее выражены разнообразие и мелодичность ритмов Цветаевой, широко использован настоящий народный язык, мотивы хлыстовских «радений» [443] и славянские песни. Народные сказки Цветаевой всегда полны движения, и их несколько усеченные фразы далеки от традиционного русского языка, к которому мы привыкли, но ни один поэт, оставляя в стороне несравненные, совершенные в своем роде сказки Пушкина, не смог передать народные сказки с такой жизненностью, многоцветием и музыкальностью, как Марина Цветаева.

А. Чернова

Рец.: Марина Цветаева. Новогоднее{127}

В «Новогоднем», как и во многих последних вещах М.Цветаевой, обнаруживается тенденция к жесткости слов и рифм, к отрешению от образов во имя мысли, отсутствию длинот и поэтической воды, ведущая подчас к некоей сухости. Но если в некоторых ее вещах («Полотеры», «С Моря») перевес мысли над другими элементами стиха настолько чувствителен, что они перестают нас трогать, в «Новогоднем» гармония сохранена. Шероховатости слов всегда искупаются необычайной певучестью ритма и звуков, преобладающее значение мысли оправдано глубокой ее философичностью. Эта поэма не только новогодний привет Рильке, [444] любовь к умершему и восхищение им: это глубокая философия жизни и смерти, замена их чем-то третьим (их смыслом). Смерть для автора – это непосредственное обретение себя, не уход из жизни, но новое расширенное бытие в его первоначальном значении, ибо нет места, где не существовал бы умерший: «места несть, где нет тебя. Нет есть: могила». Это глубокое чувство автором бесконечности бытия и

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
бесконечности рая – (не один ведь рай, за ним другой, и так дальше – террасами)
– служит ответом на поэму, тема которой сводится к вопросу:

– Что мне делать в новогоднем шуме
С этой внутреннею рифмой: Райнер – умер.

В. Вейдле

Рец.: «Версты», № 3

Отрывок{128}

... Есть и еще одно основание не верить любви кн. Святополк-Мирского к Пастернаку – это известное пристрастие его к стихам Марины Цветаевой. Два стихотворения этой поэтессы (я намеренно не говорю поэта, потому что стихи эти – именно дамские стихи) помещены в «Верстах». Они крайне расплывчаты, многословны, написаны не только ни о чем, но и ни с чем. Род кликушества выдается в них за вдохновение и случайное привешивание слова к слову, за глубокое сталкивание и срастание слов. Конечно, в стихах Цветаевой раньше, как и теперь, заметно сильное влияние Пастернака, но именно потому, что влияние это воспринято так механически, так поверхностно, критику, любящему Пастернака, и не следовало бы любить Цветаеву. Дарованье Пастернака – одностороннее, чисто вещественное, словесное – все же подлинное, одному ему принадлежащее дарование. Его стихи – скорее материал поэзии, чем сама поэзия, но это совсем по-особенному сделанные стихи; слова в них взвешены; учтена, правда, лишь малая доля смысла и выразительности этих слов, но то, что учтено до конца и выбрано, вполне оригинально. Если это понять, нельзя уже не увидеть в стихах Цветаевой – где вообще никакого выбора, никакого распознавания слов нет, а есть лишь их непроверенное нагнетание – только бледный сколок с пастернаковского мастерства, особенно невыносимый тому, кто считает это мастерство неограниченным и безусловным. С точки зрения искусства, во всяком случае, культ Цветаевой с культом Пастернака совместить нельзя. ...

М. Слоним

Рец.: Марина Цветаева

После России: Стихи 1922–1925{129}

У Марины Цветаевой постоянная тяжба со средним читателем. Иван Иванович требует от поэзии легкой приятности. Он не намерен утруждать своих мозгов и впадать в чрезмерное волнение из-за каких-то рифмованных строчек. Больше всего он одобряет неприхотливое журчание рифм, пеструю игру образов или простые эмоции, больше в стиле цыганского романса. Но он возмущен, если вместо меланхолической музыки или общедоступных афоризмов, сказанных размеренной речью, ему преподносят стихи, в которых острой напряженности мысли и образа соответствует и особая молниеносная сосредоточенность слов.

Видимая трудность восприятия стихов Марины Цветаевой не имеет ничего общего с туманностью или с поэтическими ребусами символистов. Нет ничего неправильнее ходячего представления о Цветаевой, как о непонятном поэте. Наоборот, ее стихи до того определены, их выражения до того точны и сжаты, что порою они достигают почти математической четкости. Они требуют лишь одного – сосредоточенности внимания. Они рассчитаны на читателя, который способен на некоторое духовное усилие и в поэзии ищет некоего «полета души», некоей возвышенной серьезности эмоций и мыслей.

Трагическая муза Цветаевой всегда идет по линии наибольшего сопротивления. Есть в ней своеобразный максимализм, который иные назовут романтическим. Да, пожалуй, это романтизм, если этим именем называть стремление к пределу крайнему и ненависти к искусственным ограничениям – чувств, идей, страстей. Поэтому неистовыми оказались стихи Цветаевой одному критику.[445] Они и в самом деле полны такой подлинной страсти, в них такая почти жуткая насыщенность, что слабым они пугают, – им не хватает воздуха на тех высотах, на которые влечет их бег Цветаевой.

В своей прекрасной поэме «Застава»[446] Цветаева пишет:

А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.
А покамест еще в тенётах
Не увязла – людских кривизн,
Буду брать – труднейшую ноту,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Буду петь – последнюю жизнь!

Эта «последняя», настоящая жизнь для нее всегда вне этого мира. Ее творчество – не только постоянный «бег», как сама она его определила, но и порыв – от земного, и прорыв – в какую-то истинную реальность, где нету «веса, счета, времени, дроби». [447] Цветаева в ужасе спрашивает – «что мне делать с моими „наваждениями“, с „их невесомостью в царстве гирь“?»

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
В мире мер?! [448]

Удивительно, что этот романтизм Цветаевой, эта ее «безмерность» заключены в сжатые, прерывистые строки.

Цветаеву часто упрекают за якобы невнятную языковую игру. А между тем у нее совершенно нет «словесного расточительства». Наоборот, она всегда стремится к такой сжатости и скупости выражений, что порою доводит почти до схемы некоторые из своих стихотворений.

Цветаева всегда ищет в каждом слове его истинного, первоначального значения, и ее мнимая игра словами в конечном счете – игра понятиями. Слово для нее всегда связано с его смысловой природой и за сближениями речений и звуков чувствуется у нее всегда более трудное и сложное соединение понятий. Подчеркивание слова у Цветаевой доходит до того, что она выделяет порою слоги, очищает корень слова от его приставок или производных окончаний.

То, что у версификатора обратилось бы в шелканье клавиш поэтической машины, у Цветаевой одушевлено высоким строем ее лирического напряжения. Все вольности ее разорванного, ритмически-стремительного стиха оправданы ее собственной фразой:

Это сердце мое, искрою

Магнетической – рвет метр. [449]

Цветаева – своеобразный и большой поэт. Вместе с Пастернаком она, пожалуй, является наиболее яркой представительницей современной русской поэзии. И новая книга ее, где так полно даны все особенности ее творчества, не только значительное явление для нашей зарубежной поэзии, но и крупный и ценный вклад в русскую литературу вообще.

В. Ходасевич

Рец.: Марина Цветаева

После России: Стихи 1922–1925 {130}

Лет семнадцать прошло с тех пор, как Марина Цветаева напечатала первый сборник своих стихов. В течение семнадцати лет основные свойства ее поэзии сохранялись неизменными, но главным из них была, кажется, переменчивость. Из современных поэтов Марина Цветаева – самая «неуспокоенная», вечно меняющаяся, непрестанно ищущая новизны: черта прекрасная, свидетельствующая о неизменной живучести, о напряженности творчества.

Однако есть нечто смущающее в самих формах, которыми облечен этот постоянный процесс самообновления. Не то беда, что в своих исканиях Цветаева часто поддается влиянию других поэтов. Меня как-то не задевает то, что в разные времена в ее стихах можно с той или иной отчетливостью расслышать голоса Ахматовой, Мандельштама, Блока, Белого, Пастернака и еще других: подо всеми этими влияниями на известной глубине всегда слышался собственный голос Цветаевой, и я не согласен с Брюсовым, который однажды назвал ее вечной подражательницей. [450] Чужих воздействий не избежал никто, все у кого-нибудь учились. Словом, не наличие влияний сама по себе смущает в Цветаевой, но то, что, переходя от манеры к манере, от одного комплекса приемов к другому, – Цветаева каждый раз словно принуждена всю свою поэзию начинать сызнова, для своего настоящего она почти не извлекает и не хочет извлекать опыта из своего прошлого; в ее поэзии мы наблюдаем не органическое развитие форм, но скорее их механическую смену; одно стремится вытеснить другое без остатка, и, пожалуй, поэзия, если бы ее не объединяли некоторые черты, проистекающие скорее из единства человеческой, женской, нежели художнической личности автора.

Опять же – об этой личности. Художник тем отличается от философа, что его дело – проникновенное видение и переживание мира, но не прямое суждение о нем. То, что поэт увидел и как увидел, может быть предметом критического и философского

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru осмысления. «Философия» поэта не излагается в его творчестве, но оттуда извлекается. (Поэтому для философа есть смысл искать у поэтов «свидетельств» и наблюдений, поэт же, перелагающий стихами философа, поэтически безнадежен: он насилует природу поэзии.) Полагаю, что кое-что любопытное можно извлечь из поэзии Цветаевой, потому что она – созерцатель жадный, часто зоркий и всегда страстный. Она сама меньше всего философствует, больше всего записывает. Ее поэзия насквозь эмоциональна, глубоко лирична даже в ее эпических опытах. (Мне уже доводилось указывать, например, что ее сказка «Молодец» есть ряд песен, лирических моментов, последовательностью которых определяется ход событий.[451]) Эмоциональный напор у Цветаевой так силен и обилен, что автор словно едва поспевает за течением этого лирического потока. Цветаева словно так дорожит каждым впечатлением, каждым душевным движением, что главной ее заботой становится – закрепить наибольшее число их в наиболее строгой последовательности, не расценивая, не отделяя важного от второстепенного, ища не художественной, но скорее психологической достоверности. Ее поэзия стремится стать дневником, как психологически родственная ей поэзия Ростопчиной.[452] В своей последней книге «После России», содержащей стихи 1922–1925 гг., она это делает с особой, кажется, тщательностью, стремясь закрепить не только тематическую, но и хронологическую последовательность пьес.

Поэтика прошлого века не допускала одержимости словом; напротив, требовала власти над ним. Поэтика современная, доходящая порой до признания крайнего словесного автономизма и во всяком случае значительно ослабившая узлы, сдерживавшие «словесную стихию», дает Цветаевой возможности, не существовавшие для Ростопчиной. Причитания, бормотание, лепетание, полузаумная, полубредовая запись лирического мгновения, закрепленная на бумаге, приобретает сомнительные, но явочным порядком осуществимые права. Принимая их из рук Пастернака (получившего их от футуристов), Цветаева в нынешней стадии своего творчества ими пользуется – и делает это целесообразнее своего учителя, потому что применяет именно для дневника, для закрепления самых текучих душевных движений. И не только целесообразней, умней, но главное – талантливей, потому что запас словесного материала у нее количественно и качественно богаче. Она гораздо одареннее Пастернака, непринужденней его – вдохновенней. Наконец, и по смыслу – ее бормотания глубже, значительней. Читая Цветаеву, слишком часто досадуешь: зачем это сказано так темно, зачем то – не развито, другое – не оформлено до конца. Читая Пастернака, за него по человечеству радуешься: слава богу, что все это так темно: если словесный туман Пастернака развеять – станет видно, что за туманом ничего или никого нет. За темнотою Цветаевой – есть. Есть богатство эмоциональное и словесное, расточаемое, быть может, беспутно, но несомненное. И вот, говоря ее же словами, – «Присягаю: люблю богатых!». [453] Сквозь все несогласия с ее поэтикой и сквозь все досады – люблю Цветаеву.

И мне даже нравится смотреть, как Цветаева расточает свое богатство. Но все-таки, как художник, она не права, когда не успевает углубить мысль, когда сочетает образы, плохо сочетаемые, когда воображения и чувства не поверяет рассудком, когда слишком любит бросать материал не обработанным до конца. Еще более она не права, слишком часто заставляя читателей расшифровывать смысл, вылищивать его из скорлупы невнятиц, происходящих не от сложности мысли, но от обилия слов, набросанных спешно, бурно, без выбора; и когда, не храня богатств фонетических, она непременно перегружает стих, так что нелегко уже выделить прекрасное из просто оглушающего.. Есть нечто трагическое, когда Цветаева спрашивает:

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

Всякое искусство все-таки именно мир мер, соотношений, равновесий.

Спору нет, стихи надо уметь читать, и чтение – труд, отчасти похожий на труд художника. Но Цветаева возлагает на читателя не непосильный, а принципиально невозлагаемый труд – расшифровывать словесную темноту, фильтровать звук, восстанавливать и угадывать ненайденную автором гармонию между замыслом и осуществлением. Нельзя сказать, чтобы читатель Цветаевой не бывал вознагражден за свой труд. Напротив: хорошо поработав, почти всегда откроешь в стихах Цветаевой прекрасное, но все же требования Цветаевой художественно неправомерны. Сам Рафаэль был бы не прав, если бы писал по принципу «загадочных картинок»:

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru дан, например, пейзаж – требуется найти спрятанный в нем портрет. Пусть даже этот портрет окажется отличным – все же художество должно оставаться художеством, а ребус – ребусом. Художник не презирает «мир мер», но именно в нем живет.

В этой книге лучше всего то, что Цветаева в ней еще не вполне порывает с мерой. Часто находит она еще в себе мастера, который, как бы отрываясь от дневника (всего лишь человеческого документа), находит в себе силу и волю создавать вещи законченные и цельные, подчиненные замыслу художника. И тогда мы имеем такие стихотворения, как «Сивилла – младенцу», «Педадь», «Попытка ревности», «Так вслушиваются», «Ночь», «Занавес», «Наклон», «Расстояние»:

Рас – стояние: версты, мили...
Нас рас – ставили, рас – садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.
Рас – стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассурили – рассоръли,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас, как орлов –
Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По тущобам земных широт
Рассовали нас, как сирот.
Который уж, ну который – март?!
Разбили нас, как колоду карт!
Г. Адамович
После России
(Новые стихи Марины Цветаевой){131}

Один из моих знакомых, поклонник Пушкина, классицизма и ясности «во что бы то ни стало», спросил меня на днях с едва заметной улыбкой:

– Ну, как вам нравится новая книга Цветаевой?[454]

Мне было трудно ответить на вопрос. Я чувствовал в нем по отношению к Цветаевским стихам неприязнь, иронию. Мне не хотелось эти чувства поощрять, и в то же время в глубине души я их скорее разделял. Но у меня они исходили никак уже не из желания охранять «наши славные заветы» – хотя бы в ущерб жизни, как это часто бывает. Не отвечая, я перелистал протянутую мне книгу и наудачу прочел вслух одно стихотворение. Рассказывают, что Лист, когда при нем бранили Вагнера, садился к роялю и молча принимался наигрывать «Тристана».

Я это вспомнил.

Мне повезло. Стихотворение оказалось «Попыткой ревности» – прелестной, своеобразной вещью.

Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк...
И вот, прочтя эти стихи, я без колебания, без всякого сомнения, ответил:

– Нравится... да, нравится.

Постараюсь объяснить, почему я так ответил, почему стихи Марины Цветаевой мне все-таки нравятся и почему, наконец, «плюсы» их в моем представлении перевешивают «минусы». Дело в том, что один из этих плюсов исключительно велик и значителен, и его ничто перевесить не может: стихи Цветаевой эротичны в высшем смысле этого слова, они излучают любовь и любовью пронизаны, они рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия. Это – их главная прелесть. Стихи эти писаны от душевной щедрости, от сердечной расточительности – не знаю, как сказать яснее. Можно действительно представить себе, что от стихов Цветаевой

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru человек станет лучше, добрее, самоотверженнее, благороднее. Признаюсь, я не нахожу в себе ни сил, ни желания довести эстетизм до такого предела, чтобы, создавая это, стихи Цветаевой отвергнуть. Поэтому я их «принимаю». И все оговорки мои не колеблют этого основного признания. Но, правда, оговорок столько, что не знаешь, с чего и начать.

Прежде всего, отбросим распространнейшую иллюзию, будто это «поэзия будущего». Нет никакого основания так думать. Вероятнее, это архи-вчерашняя поэзия. Эти истерически-экстатические вскрики, эта судорожная речь, напоминающая отчетливой всего предрассветные, слегка хмельные, городские, богемно-литературные разговоры и признания, эта прихотливейшая постановка тем, эти вечные «наперекор» и «наоборот», весь этот бред, очень женский и очень декадентский – почему это будущее? Когда говорят то же самое о Пастернаке – можно согласиться. Пастернак действительно делает трудное и неблагодарное черное дело – во всем его внутреннем облике есть что-то от ломовой лошади. Пастернак вспахивает оскудевшую почву поэзии, и никакой утонченности, истонченности в нем не заметно. Цветаева же слабее и порывистее, ей собственно до «слова, как такового» никакого дела нет, она вся в своем идеализме и взлетах. Обманчиво-тяжелую словесность ее дальше одухотворять невозможно – все уже достигнуто. Поэтому сейчас, непосредственно вот в данную минуту, Цветаева кажется «поэтичнее» Пастернака. Но, конечно, ее поэзия – цветок быстровянувший, по сравнению не только с Пастернаком, но и со стихами умной и ясновидящей Ахматовой.

Затем покончим со второй иллюзией: будто бы «трудность» цветаевского искусства является доказательством его значительности и глубины. По замечанию одного из критиков, у Цветаевой постоянная тяжеба со средним читателем, с Иваном Ивановичем, с обывателем, – и вина за это падает будто бы всецело на обывателя. [455] Не спорю, часто бывают Иваны Ивановичи грешны перед искусством, в особенности самонадеянные и ограниченные Иваны Ивановичи. «Не понимаю – значит никуда не годится», решают они и не догадываются, что не все им дано сразу понять. Но неужели всегда правы поэты и всегда виноваты обыватели? Сомневаюсь. Цветаева не так глубока и сложна, чтобы за ней трудно было следовать, – если бы только она своим пифийством не кокетничала. Не могу обойтись без этого насмешливого слова – оно здесь самое верное. Цветаева обрывает мысль или стих там, где он начинает проясняться, как бы боясь этого прояснения. Она вскрикивает там, где крик внутренне ничем не оправдан. Общая ее загадочность питается тем, что правильнее всего было бы назвать – без всякого желания обидеть – творческой недобросовестностью, а может быть, и творческим безволием. В связи с этим находится ее никогда не слабеющий, никогда не изменяющийся пафос: порой от него веет таким холодом, будто от унылого упражнения, – а слова все необыкновенные, а степени только превосходные, а знаки все только восклицательные! И вот думаешь: не надрывает ли себя эта душа, которой по-человечески хотелось бы и задуматься, и погрустить, и усомниться, и устать, и поскучать, – не надрывает ли она себя этой монотонной, беспричинной восхищенностью и не губит ли своей поэзии? Это все относится к внутренней «трудности» Цветаевой. А внешне? Цветаевой, по-видимому, претят певучесть и гладкость, ей опостытели сладковатые италянизмы русской стихотворной речи, она заставляет свой стих спотыкаться на каждом шагу, ей хочется грубой, дикой выразительности... Беда в том, что эти желания ее упали на слишком благодарную почву. Оказалось, что Цветаева «преодолела» музыку слишком легко, и даже никакой борьбы с музыкой у нее не вышло, а та просто исчезла из ее поэзии, бесследно и окончательно, по первому требованию. Ухо начинает все чаще изменять нашему поэту. Я не о таких мелочах говорю, как невозможные для произношения сочетания согласных (вроде, например, такого стиха: «лампа ниществ, студенчеств...» [456] – шесть согласных подряд), а о потере чувства ритма, иногда очевидной.

Еще и еще мог бы я продолжить эти «оговорки». Но не хочу, начав во здравие, кончить за упокой. И кончу во здравие.

Нельзя все-таки сомневаться, что Марина Цветаева – истинный и даже редкий поэт. Помимо той «эротичности», о которой я только что говорил, у нее есть и другое свойство, не менее сильно покоряющее: есть в каждом ее стихотворении единое цельное ощущение мира, т. е. врожденное сознание, что все в мире – политика, любовь, религия, поэзия, история, решительно все – составляет один клубок, на отдельные ниточки не разложимый. Касаясь одной какой-либо темы, Цветаева всегда касается всей жизни. На условном, квази-научном языке можно было бы сказать, что ее поэзия на редкость «органична». Но как будто нарочно все силы свои Цветаева прилагает к тому, чтобы это скрыть.

П. Пильский

Рец.: Д. Горбов

«У нас и за рубежом: Литературные очерки»

М.: Артель писателей «Круг», 1928

Отрывки{132}

О зарубежных писателях советская критика в лучшем случае молчит. В худшем отзывается со злобой, оценивает огулом. Исключения редки. Вот почему можно, пожалуй, оказать некоторое внимание главам книги критика Д. Горбова, посвященным зарубежной литературе. Почти 80 страниц он отводит оценке Бунина, Зайцева, Куприна, Алданова, Ремизова, Мережковского, Шмелева, Гиппиус, Цветаевой.

Впрочем, есть и другая причина, позволяющая привести мнение этого критика: насколько позволяет его марксистская идеология, он тщится быть беспристрастным.

...

Вообще, при всем желании быть или казаться беспристрастным, Горбов не выдерживает тона, часто впадает в резкую грубость, Марину Цветаеву называет «первоклассной сплетницей» и даже грозит ей тем, что «коммунисты перестали быть такими добродушными», как прежде, «какими их изображает Цветаева», и «научились гнать прочь тех, кто застрахован от понимания новой России собственной глупостью и злобой». ...

П. Пильский

Рец.: Марина Цветаева

После России: Стихи 1922–1925{133}

Начинаешь читать, следишь строфу за строфой, вслушиваешься: да, что-то неясное, что-то темное, и туманны отдельные дергающиеся строчки – в общем? – В общем не то, чтоб все просветлено, но какой-то шепчущий, какой-то торопливый смысл живет и даже отчетливо чувствуется.

Непонятица становится понятной. Строки заперты, каждая забита гвоздями, как гроб, с трудом проникаешь в смысл, слышны только удары молотка, – но целое убеждает, целое передает, даже захватывает. Быстро прочтенная книга кажется бредом, ночью, туманом, безумным хождением по краю крыши, путешествием взбудораженного лунатика. Вся она – какой-то бег, ветровой лет, необычайный спех.

Похоже, будто все сорвалось со своих мест и несется, не зная куда, неизвестно зачем, чем-то подгоняемое, кем-то напуганное, может быть, ожесточенное, во всяком случае, потерявшее голову и счет минутам, потому что здесь все минутное, секундное, миговое, тяжело дышащее, безостановочное. Так бывает, когда смотришь на карьер коня, на мчащийся экспресс: ни одного движения, ни одного поворота колес не уловить, не определить, не сфотографировать, – может быть, они стоят на месте, – но поезд несется, поезд летит.

И у Марины Цветаевой все песни тоже мчащиеся, несущиеся, захлебывающиеся в своем беге, в своей страсти, в этой быстроты, спешащей судорожности, в горячей скороговорке, рвущиеся и рвущие мозг, сердце, слух, трепещущие и бьющиеся, как пойманная птица в кулаке охотника.

Минутами становится утомительно, минутами страшно, испытываешь нетерпение, ощущаешь сердцебиение, хочется самому сорваться и тоже лететь и тоже не зная куда, – может быть, в ночную даль, во тьму, в мрак, а может быть, с пятого этажа вниз, головой на мостовую, чтобы разбиться вдребезги, но летишь, лишь бы лететь, непременно лететь!

Чуется бессознательность, наваждение, подверженность, лунатизм. «Луна – лунатику», – вот название одного из этих стихотворений, вот признание Марины Цветаевой, ее тайное определение.

Оплетавшие – останутся.

Дальше – высь.

В час последнего беспамятства

Нй очнись.

У Марины Цветаевой искание... дня, – выходов из ночи, желание обрести свет, вероятно, строй души, тишину.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кончу, трезвость избрав,
День – в тишайшем из братств.[457]
Но это – мечта, будущее – сбудется ли? Сейчас – обступивший трепет, бредовое
бормотание, разъяренные порывы и тайна, тайна самоистязания, мука предчувствий,
беспокойство, непоседство.

Есть час Души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы –
Час...

Это ж есть настоящее именно – «сейчас». Из всех строк, из всех строф слышится
воплъ, напряженный крик, смятенность: дыбится рвущаяся сила, будто кем-то
удерживаемая, стремящаяся выпростаться; встает видение человека в цепях,
высвобождающегося и бессильного их сбросить; слышится зубовный скрежет.

И повсюду: страсть, вызов, настойчивость, упрямство, торопливый ночной шепот.
Бьется нетерпеливая, шатающаяся душа.

Эта книга – горячая, бунтующая, нервная, конечно, талантливая, отданная не
пониманию, а прочувствованию, не логике, а чутью. Это – откровение в темпе,
раскрытие души в ритме. Ее смысл и ценность в непрестанных колебаниях,
внутренней дрожи, безмерном страстном порывании вперед. Сторонники «прозрачной
ясности» могут эту книгу отвергнуть, но она останется, она будет жить, хотя бы
для немногих, где-нибудь, в кельях, взаперти, созвучная только родным душам,
тоже нетерпеливым, тоже рвущимся, от чего-то убегающим.

И сама Марина Цветаева бежит от каких-то призраков, от своего «вечера», от
своего «вчера», от предчувствий пред своим «завтра». Что-то ее преследует
свирепо и настойчиво. «Мира душе ее я не желаю».[458]

Е. Зноско-Боровский

Рец.: Марина Цветаева

После России: Стихи 1922–1925. Париж, 1928{134}

Несчастье Марины Цветаевой, что она творит в век, когда уже известно (и как
давно!) книгопечатание. Живи она во время «оральной» традиции, ее бесподобный
песенный дар нашел бы большее признание: только лучшие вещи сохранились бы, а
худших никто не стал бы и запоминать. А так как последних у нее подавляющее
количество, ибо на грех Марина Цветаева лишена критического отношения к себе и
притом необычайно плодовита, то каково читателю отыскивать в гряде ее
стихпродукции те немногие отличные вещи (как, напр., изумительный цикл
«Сивилла»), которые дают цену всему сборнику? Поиски тем более затруднительны,
что в своих исканиях поэт ставит себе задачи трудности едва ли преодолимой. Они
заставляют его говорить неправильно («душу, к корням пригубившую»), архаизмы
(«свергши, с оного сошед»), какофонию («разминовываемся»).[459] Кто не отступит
перед перлами, вроде «вчувствовывается в кровь» или «впадывается в
пропасть»?![460]

От самоограничения автора выиграли бы не только современники, но и будущие
читатели, т. к. на примере всех поэтов, до крупнейших включительно, мы знаем,
как отмирают постепенно, и чем дальше, тем скорее, вещи не вовсе совершенные, и
маленькая брошюра безукоризненных стихов имеет больше шансов жить в потомстве,
нежели толстые томы вдохновений не отшлифованных.

М. Шапиро

Рец.: «Современные записки», книга 36

Отрывок{135}

Перейдем к поэтическим произведениям, напечатанным в «Современных записках».
Марина Цветаева печатает первую часть своей трилогии «Тезей». Когда приступаешь
к чтению какого-нибудь нового произведения этой поэтессы, то невольно досадуешь
на ту изломанность стиля, на ту порою непонятность и странность оборотов,
которые встречаются во всех ее произведениях. Вот примеры из Тезея:

...Хвала Артемиде за мех, за...

Мух

Звон. Дух вон.

Или:

Легче скока никто не имывал

Ипполита необгонимого.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Или еще:

Время, сдайся, и цена, кань.
Не догонит колена – ткань.
Посрамленное, сядь на пень.

Эти примеры, наугад взятые, еще не самые характерные. Невольно возникает вопрос: что это, собственно, все означает? Мы все-таки, несмотря на все поэтические течения последних десятилетий, считаем, что и в поэзии, как и во всяком другом произведении, прежде всего должен быть ясный смысл. Не говоря уже о классиках, но и у таких современных поэтов, как Николай Гумилев, все ясно. У Николая Гумилева, которому преждевременная и насильственная смерть [461] помешала сделаться величайшим современным поэтом.

На всяческих изломах современного поэтического языка и здравого смысла в поэзии не стоило бы здесь и останавливаться, если бы не то обстоятельство, что у Марины Цветаевой все же есть поэтический талант – и крупный.

Но хочется искренно и грубо сказать, не считаясь с ее довольно большим литературным именем: зачем это ломанье? ...

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 36

Отрывки{136}

Пишущие в «Современных записках» обыкновенно начинают свои статьи и заметки об очередной книжке журнала похвалами по адресу редакции за содержательность, разнообразие или полноту номера. Это стало у нас чуть ли не традицией, – и недавно вышедшая тридцать шестая книжка журнала не дает никаких оснований ее нарушать. Как всегда – интересно, как всегда – содержательно. Но один упрек все-таки следует сделать.

Нельзя в журнале, выходящем с такими промежутками, [462] давать почти исключительно вещи незаконченные, где на последней странице стоит пометка «продолжение следует» – пометка, хоть порою и неизбежная, но для читателя всегда досадная. Конечно, «Современные записки» должны печатать крупные по размерам произведения, и никому не придет в голову упрекать их за то, что они печатают романы Бунина или Алданова. [463] Но помимо искусства выбора материалов для журнала, есть еще искусство составления. В этом последнем смысле новая книжка «Современных записок» неудачна. В ней даны – начало повести Б.Зайцева, продолжение романа М.Алданова и первая часть трагедии М.Цветаевой, [464] – и человеку, которому не удалось достать предыдущую книгу, или который не уверен, что увидит следующую (а сколько таких?), в ней по части беллетристики нечего читать, кроме путевых заметок Толстого и рассказа Щербакова. [465] ...

Что сказать о «Федре» Марины Цветаевой? Поклонников поэтессы эта вещь не разочарует, остальных читателей не переубедит. Полная неразбериха стиля, крайний лаконизм и восклицательность речи, скудость гармонии, но неистовый, увлекательный ритм. Цветаева, в сущности, не написала «Федру», она ее проголосила, провыла. Здесь не место заниматься специальным вопросом о стихотворных переносах, так назыв. «enjambements», но стоило бы показать, каких волшебств достигает Цветаева этим излюбленным своим ритмическим ходом. Как трагедия цветаевская «Федра», на мой взгляд, не существует – насколько можно судить по первой части. Ничем не обогатила Цветаева эту прекрасную и ужасную тему. Неудивительно, что она ею соблазнулась – кто из поэтов не мечтал написать «своего» Гамлета, «свою» Орестейю или «своего» Орфея? Неудивительно, что тема ускользнула от нее. Но если Цветаева помнит выход Федры у Расина и первые ее тяжелые царственно-печальные стихи, как она могла вместо них написать такие строки:

Всех служанок порастерявши,
О возвратном пути пекусь.
Укажите мне путь и спуск –
Вспять. Из сей вероломной гущи
Где дорога, в Трезен ведуща?
Лучшее в трагедии – сон Ипполита. ...

В. Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 36

Отрывки{137}

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Обстоятельства (внешние, вполне случайные) до сих пор так складывались, что мне ни разу не доводилось писать о «Современных записках». А вот теперь, когда возможность и случай представились, – мне как критику скорее не посчастливилось. В каждом журнале бывают книги лучшие и худшие. Недавно вышедшая 36-ая книга «Современных записок» как раз одна из менее удачных. Говорю это наперед, потому что помню о несомненных заслугах журнала в целом, и перехожу к самой книге.

Вовсе нет того, чтобы данная книга производила дурное впечатление. Но в сравнении со многими другими выпусками того же журнала она серовата и бледновата. Опять же: причина сырости не в самом материале, но преимущественно в его подборе: как-то так вышло, что слишком о многих произведениях, вошедших в отчетную книгу, либо мало что можно сказать, либо и вообще говорить преждевременно. ...

Поэзия представлена стихами четырех молодых авторов. Стихотворение Г.Кузнецовой нам кажется наиболее удачным. [466] К поэзии надо бы отнести и стихотворную трагедию М.Цветаевой «Федра» (вторая часть трилогии «Тезей»). О целом судить преждевременно, но некоторые прискорбные частности «Федры» приходится отметить уже сейчас. Таково прежде всего ничем не оправданное и безвкусное смешение стилей. «Античные» персонажи трагедии изъясняются на неслыханном, отчасти архаизированном, отчасти модернизированном русском языке. Людям, не искусственным по части стиля, это может показаться своеобразным и поэтическим. В действительности это смешно и наивно. Если принять во внимание неудержимое многословие действующих лиц при отсутствии действия, то, кажется, трагедию Цветаевой придется, в память Козьмы Пруткова, назвать «неестественно-разговорным представлением», [467] в котором нарочитость языка сочетается с небогатством содержания. Должно, впрочем, отметить, что как всегда у Цветаевой очень хорош ритм стиха, взятый вполне самостоятельно, в полном отвлечении от смыслового содержания. Если бы можно было в «Федре» заменить слова какими-нибудь ритмическими знаками – мы имели бы очаровательную ритмическую схему для ненаписанной трагедии. ...

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 37

Отрывок{138}

«Федра» Марины Цветаевой... К тому, что я писал о ней в прошлый раз, [468] мне нечего прибавить: в окончании трагедии те же достоинства и те же недостатки, что были в первой ее части и что находятяся во всех произведениях Цветаевой. В «Федре» встречаются то тут, то там очень хорошие строки – но целое больше удивляет, чем радует, больше смущает, чем волнует. Прелестно место, где Федра предлагает Ипполиту умереть, заснуть сном непробудным, «не ночным, а вечным, нескончаемым...» – совсем как Тристан предлагает это Изольде у Вагнера. Цветаева очень удачно модернизирует здесь старинное сказание. [469] Прелестны некоторые стихи и четверостишия последних страниц. Если же все-таки так мало есть утешительного в этой длинной трагедии, то объяснение этому, думается, следующее: пьеса Цветаевой написана не для чтения про себя – как пишется огромное большинство современных стихотворных произведений, – а для чтения вслух. Мысли свои и чувства, по существу сложные и богатые, Цветаева искажает невероятно – скудным и однообразным стилем. Все сливается. Но общий поток слов, если слушать не разбирая, как музыку, а не как речь, убедителен, и, вероятно, на сцене, при умелом произношении, трагедия может произвести впечатление. Слушатель не поймет, конечно, и не уловит мелочей смысла, не поймет в подробностях обращения Федры к Ипполиту, но основное, т. е. то, что Федра ему признается в любви, – поймет и, подчиняясь только ритму Цветаевой, пожалуй, большее от нее получит, нежели читатель. ...

Д. Горбов

Зарубежная русская литература

Отрывки{139}

... Перейдем к другому направлению в эмигрантской литературе, к направлению, ответвившемуся от символизма в силу того, что символизм является чрезвычайно замкнутым литературным течением, из которого выхода в жизнь, выхода в общественность никакого нет. Не все писатели эмиграции, даже исходящие в своем мастерстве от символизма, оказались в состоянии взойти на те надмирные высоты, куда зовет символизм. В самое последнее время обнаружилось течение, которое заняло несколько своеобразную позицию. Его-то мы и имели в виду, когда говорили о направлении «национального возрождения». Это направление есть не что иное, как вылазка части символистов в сторону общественности, вылазка, совершающаяся в

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru чрезвычайно оригинальных условиях.

В 1926 году возник в эмиграции журнал «Версты». Редакция в своем предисловии и в литературно-критических статьях выставила тезисы. Смысл этих тезисов сводится к следующему. В сущности говоря, для русской литературы безразлично, какая в России власть, существенно для нее другое. При большевиках создан рубез в политической области: все, не приемлющие Октябрьскую революцию элементы, должны были отойти. Но в литературе, по мнению «Верст», эти политические разногласия, в сущности, большой роли не играют. И после Октября русская литература остается единой национальной литературой, которая осуществляется одновременно и лучшей частью эмигрантских писателей, и лучшей частью писателей советских.

Существует некая группа литераторов, безотносительно к их политической принадлежности, безотносительно к тому, находятся ли они на стороне советской власти или идут против нее. Эта группа объединена тем, что в нее входят только подлинные художники-новаторы. Они-то и создают национальное возрождение, возрождение национального духа в художественном слове. В чем заключаются принципы этого национального возрождения? Они заключаются в том, что индивидуалистическая, декадентская, как они пишут в кавычках, подчеркнута оторванная от общественной, от современности, сугубо-городская поэзия, замкнутая в эстетические формы, идет на смычку с основами народного творчества. Индивидуальную поэзию наиболее крупных поэтов-новаторов современности нужно сомкнуть с истоками народных песен, с частушками, чтобы творчество этих художников корнями своими ушло в глубь народного творчества и чтобы был некий единый фронт между столь разнозначными с нашей точки зрения литературными фактами, как «Слово о полку Игореве» и поэзия Пастернака. Дело в том, что между этими двумя историческими пунктами тянется непрерывная линия развития русского художественного слова, большая дорога развития национальной культуры.

Кто же осуществляет, с точки зрения редакции «Верст», эту национальную культуру, эту смычку с народным началом сейчас? Если мы возьмем этот журнал и перелистаем весь беллетристический отдел, то увидим, что там имеются поэмы Марины Цветаевой, туда же входят новеллы Бабеля, «Страна родная» Артема Веселого, стихотворения Пастернака, даже Маяковского и т. д. Это, конечно, не значит, что наши советские писатели там сотрудничают. Дело просто в том, что редакция «Верст», взяв на себя монополию возрождения национальной литературы, преспокойно берет свое добро там, где его находит, независимо от того, кому оно принадлежит. Она попросту перепечатывает наших писателей, тех, которые ей нравятся, – а у нас есть писатели, которые могут понравиться, – и перепечатывает их рядом с произведениями своих собственных сотрудников. И это должно знаменовать единый фронт писателей возрождающейся национальной русской литературы, безотносительно к политическим группам.

Не будем распространяться о том приеме, к которому прибегает редакция «Верст» для того, чтобы зачислить советских писателей в свой стан. Его недобросовестность очевидна.

Гораздо интереснее остановиться на том, насколько состоятельна сама идея смести политическое разграничение и объявить некоторый единый фронт работников литературы, перекинуть мост чисто литературного характера из-за рубежа в Советскую Россию.

Легко видеть, что это можно сделать только одним путем: если подойти к художественной литературе исключительно с точки зрения словесного мастерства. Слово, понимаемое отвлеченно, оторвано от той общественной обстановки, в которой оно произносится и которой оно порождено, – вот тот кирпич, из которого «Версты» хотят выстроить свое шаткое здание. Но слишком ясно, что литература состоит не только из одних слов, что за этими словами имеется какое-то содержание. И потому не только словесное мастерство объединяет художников: их объединяет еще тема, которую они в это мастерство вкладывают. И далеко не безразлично, какую тему избирает писатель.

Предположим, что у Марины Цветаевой и у Пастернака с точки зрения мастерства, с точки зрения использования слова, с точки зрения подхода к слову, иначе говоря, с точки зрения чисто эстетической, есть очень много общего. О чем это может говорить? Это говорит о том, что они имеют одну и ту же литературную традицию, что они оба подчиняются некоторым общим законам литературного развития. Но ведь черты, которые отличают Марину Цветаеву от Пастернака, бросаются в глаза при

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru первом ознакомлении с их творчеством. Пастернак сейчас – и это далеко не случайно, это вытекает из всего его литературного развития – создает поэму о 1905 годе и поэму о лейтенанте Шмидте. А Марина Цветаева занята совсем другими темами. Тематика разделяет этих поэтов. Но тематика их определяется их общественной принадлежностью. Даже оставляя в стороне план общественный, в чисто художественном, в чисто литературном плане далеко не безразлично, что советский поэт Борис Пастернак пишет стихи о 1905 годе и лейтенанте Шмидте, а Марина Цветаева ограничена богемскими темами.

У Марины Цветаевой есть поэма «Крысолов». Действие происходит в немецком бюргерском мещанском городе. Там описывается мещанский быт, мещанская обстановка, и Марина Цветаева протестует против этого мещанства. Потоки крыс наводняют амбары, которые набили мещане всякой снедью. Крысы не дают мещанам покоя, уничтожая их запасы. Но тут является Крысолов. Он берется уничтожить крыс, если только в награду за него отдадут дочь бургомистра. Мещане принимают это условие, и Крысолов игрой на флейте гипнотизирует крыс и уводит их в соседнее озеро. Таким образом город от крыс избавлен. Но бургомистр слова своего не сдерживает и дочь замуж за Крысолова не отдает. И вот, в отместку за такое недобросовестное, мещански-скарредное отношение к договору, Крысолов повторяет свой опыт, с флейтой, но уже над детьми бюргеров. Он уводит их в озеро. Такова месть артиста, свободного художника, мещанству, которое хотело его обмануть, но которое он чарами своего искусства сумел победить.

Легко видеть, что тема эта ничего оригинального не представляет. Если ее расшифровать, как бы ни была замысловата канва, на которой она разворачивается, она окажется довольно банальной. К чему она, в конце концов, сводится? Она сводится к очень распространенному в богемской литературе мотиву – к протесту против мещанства со стороны артиста, представителя свободного творчества. Это настолько шаблонный в поэзии мотив, что он сам по себе лишает Марину Цветаеву возможности стать в ряд с советскими художниками слова, равными ей по мастерству, но далеко превосходящими ее в отношении жизненного, общественного углубления их творчества.

Марина Цветаева прошла довольно сложный путь поэтического развития. Характер этого пути в свою очередь говорит о том, что в лице М.Цветаевой перед нами художник, малопригодный для разрешения той ответственной задачи, которую решила возложить на него редакция «Верст»: задачи возрождения национальной литературы. Капризный, кокетничающий эстетизм переживания сопутствовал развитию М.Цветаевой на всех его этапах. М.Цветаева была сначала символисткой – комнатной, салонной символисткой. [470] Об этом говорит такой продукт дамского творчества, как ее ранняя книга стихов «Волшебный фонарь». Еще в таких стихах, как «Царь-Девушка» она занимается перепевами символистов. Потом Марина Цветаева дала образцы чистого эстетизма. Ее поэма «Фортуна» из эпохи кануна Великой французской революции, где описывается процветавшая в тогдашних аристократических кругах изящная страсть, это произведение совершенно лишено общественного значения. Наконец, Марина Цветаева пришла к чистому словотворчеству. И мы видели на примере «Крысолова», какого тематического углубления она здесь достигает.

Я позволю себе привести два-три отрывка из поэм М.Цветаевой, для того чтобы можно было судить о ее мастерстве и поставить ее творчество на соответствующее место в развитии эмигрантской литературы и русской литературы вообще.

Отрывки подобраны таким образом, что все они идут в порядке углубления темы. Первый отрывок построен на теме чрезвычайно распространенной среди лириков – на теме о любви, причем очень любопытно, как Марина Цветаева словесно ее развивает. Затем следует отрывок о природе – тоже чрезвычайно оригинальная вещь. И, наконец, – чисто социальная тема.

Вот отрывок из «Поэмы Горы»:

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук), –
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.
Гора горевала о нашей дружбе.
Губ непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется по слезам его.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Еще горевала гора, что табор –
Жизнь, что весь век по сердцам базарь.

Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком отпустил Агарь!
Еще говорила, что это демон
Крутит, что замысла нет в игре.

Гора говорила. Мы были немые,
Предоставляли судить горе.
Гора горевала, что только грустью
Станет, что ныне и кровь и зной.

Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой.
Гора горевала, что только дымом
Станет, что ныне: и мир, и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим).

Гора горевала о нашем горе.
Завтра. Не сразу. Когда над лбом
Уж не мemento, а просто море.
Завтра, когда пойдем.
Звук, но как будто бы кто-то просто.
Ну... плачет вблизи.

Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи.
В жизнь, про которую знаем все мы –
Сброд – рынок – барак.

Гора говорила, что все поэмы
Гор – пишутся так.

Следующий отрывок – из поэмы «Деревья», [471] причем отметим, что цитаты идут не только в порядке углубления темы, но и в порядке развивающегося мастерства, так как мы начали с наиболее раннего отрывка и кончим наиболее поздним:

Когда обидой опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами, –
Не с теми, ливнями огней
В бездну захлестнутыми, –
С земными низостями дней,
С людскими косностями, –
Деревья! К вам иду. Спаситесь
От рёва рыночного.

Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано.
Дух богоборческий. В бои
Всем корнем шествующий.
Ивы – провидицы мои.
Березы – девственницы,
Вяз – яростный Авессалом.
На пытке вздыбленная
Сосна – ты, уст моих псалом,
Горечь рябиновая...

К вам. В живоплещущую ртуть
Листвы – пусть душащейся.
Впервые руки распахнуть,
Забросить рукописи.
Зеленых отсветов рои,
Как руки – плещущие,
Простоволосые мои.
Мои трепещущие.

Это тема о природе. Наконец, последний самый реалистический отрывок, который показывает предел социального углубления поэтессы. Это отрывок из поэмы «Лестница».

Вещи бедных. Разве рогожа –
Вещь? И вещь – эта доска?
Вещи бедных – кости да кожа,
Вовсе мяса, только тоска.

Где их брали? Вид – издалёка,
Изглубука. Глаз не труди.
Вещи бедных – точно из бока,
Взял, да вырезал из груди.
Полка? случай. Вешалка? случай.
Случай тоже – этот фантом.
Кресла. Вещи? шипья да сучья, –
Весь октябрьский лес целиком.
Нищеты робкая мебель
Вся – чего четверть и треть?
Вещь давно явно на небе.
На тебя больно глядеть.
От тебя грешного зренья
Как от язв трудно отвлечь
Венский стул – там, где о Вене –
Кто? когда? – страшная вещь.
Лучшей всех – здесь обещен
Был бы дом? Мало – чердак
Ваш. Лишь здесь ставшая вещью.
Вещь. Вам – бровь, вставшая в знак
– (?) – сей. На рвань нудную, вдовью.
Чту? – бровь вверх (Чем не лорнет –
Бровь). Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть – предмет.
Тбк подчас пуст он и сух он,
Женский глаз, дивный, большой,
Что – сравнить – кажется духом –
Таз, лохань с синькой – душой.
Наравне с тазом и с ситом
– Да царю! Да – на суде!
Каждый, здесь званный пиитом,
Этот глаз знал на себе!
Нищеты робкая утварь,
Каждый нож лично знаком,
Ты, как тварь, ждущая утра,
Чем-то здесь, всем – за окном.
Тем, пустым, тем – на предместье
Те – читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: не примут в багаж.
Оттого, что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого, что на ста возах
Не свести...
В слезах –
Оттого, что: не стол, а муж,
Сын. Не шкаф, а наш
Шкаф.

Оттого, что сердце и душ
Не сдают в багаж.
Вещи бедных – плоше и суше,
Плоше лыка – суше коряг.
Вещи бедных – попросту души,
Оттого так чисто горят.

Вот образцы творчества М.Цветаевой. Если подойти с точки зрения чисто формальной, то мы здесь действительно найдем очень много общего с Пастернаком. Те же форсированные сдвиги, паузы, неожиданное вдвигание в строфу какого-нибудь реалистического предмета, вроде лохани, которая по контрасту должна подчеркивать глубину эмоций. Затем синтаксис, до предела сжатый, усеченный, телеграфизм языка, который призван здесь играть роль художественно-выразительного приема, подчеркивающего эмоцию. Все эти черты говорят о том, что Марина Цветаева находится в своих формальных поисках на какой-то общей линии с Пастернаком и Тихоновым. Но если мы посмотрим на тематику, то даже в последнем отрывке, наиболее социально-заостренном, мы увидим лишь то, что можно было бы назвать внутренней жестикующей представителем богемы, который не имеет общественных перспектив, а потому не может охватить тех общественных тем, за которые он берется, и подходит к вопросу о бедности и богатстве, как люмпенпролетарски мыслящий человек.

У Пастернака мы этого не найдем. У Пастернака мы найдем установку гораздо более реалистическую, гораздо более устойчивую. Здесь мы можем только затронуть параллель между двумя этими поэтами. Совершенно несомненно, что, доведенная до конца, она была бы чрезвычайно содержательной, однако не в том смысле, как это было бы желательно для «Верст». Ясно одно. Для того чтобы сыграть роль в национальном движении, Марине Цветаевой нужно было бы сделать гигантский шаг вперед, не менее сложный и трудный, чем тот, который она делает в области техники, – и несомненно даже еще труднее. Именно шаг вперед в области отыскания новых общественных позиций. Для этого ей нужно отрешиться от своего келейно-богемского мирка, который толкает ее на бешенно-озлобленные фельетоны против Советской России. [472] Для этого ей нужно победить в себе эстетическую мансардность, которая мешает ей видеть реальные процессы, совершающиеся в ее стране, и застилает ей глаза призраками. ...

В. Вейдле

Рец.: «Современные записки», книга 37

Отрывок {140}

... «Тезей» Марины Цветаевой в этом номере закончен, или закончена по крайней мере вторая часть трилогии. Какое удивительное соединение таланта с дамским рукоделием, чувства языка, как целого, его движения, его потока, с полным отсутствием чувства слова, как ответственного и осмысленного логоса! Федра является к Ипполиту «без прически» и «без привычки». Тезей высказывает пожелание, чтобы хоть в могильном холме обвила «Ипполитову кость – кость Федрина», и стих этот является заключительным стихом чего-то, что по самой теме своей должно претендовать на звание трагедии. Именно, если с точки зрения трагедии оценивать «Тезея», он окажется окончательно смешон. Античная трагедия зиждется на религиозной основе, трагедия Расина [473] на основе этической; в «Тезее» нет ни религии, ни эроса, ни даже любви, есть только неудавшееся сводничество кормилицы, находящей (как и сама Федра), что молодой женщине пристало спать с молодым любовником, а не со старым мужем. На такой истине трагедию построить довольно трудно.

Можно возразить, что сущность «Тезея» в том, что это трагедия лирическая, что весь ее замысел в стремительном движении, в объединяющем ее с начала до конца порыве страсти... Но если Марина Цветаева думает так, пусть она перечтет «Пентезилею» Клейста [474] и постарается понять различие между потоком хотя бы и находчивых стихов и бьющим изнутри трагически-неудержимым ритмом. ...

Д. Святополк-Мирский

Рец.: Марина Цветаева

После России: Стихи 1922–1925. Париж, 1928 {141}

Самым значительным событием литературной жизни года стал сборник «После России» Марины Цветаевой, в который вошла вся ее лирика 1922–1925 годов. К сожалению, вершины творчества поэта этого периода, «Поэма Горы» и «Поэма Конца», по формальным признакам не могли быть включены в сборник. Однако и представленные стихотворения убедительно свидетельствуют о том, что Цветаева – крупнейший, после Пастернака, поэт своего времени, а годы 1922–1925 являются покамест лучшими в ее творчестве. Для сборника характерными являются две темы: эротическая и социальная. (Лишь малая часть стихотворений в книге не подпадает под эти темы. Но их необычность, их динамика делает их чрезвычайно интересными. Например, цикл «Деревья», «Облака», «Окно» – с их своеобразной героико-фонетической мифологизацией видимого мира – иного вообще не существует для Цветаевой. Здесь же примечательно стихотворение «Плач цыганки по графу Зубову».) В группе эротических стихотворений особенно остры непривычные для Цветаевой человеколюбие и чувство сострадания, пронизывающие стихотворения «Расщелина», «Ахилл на валу», «Ночные места» и др. Заслуживает быть отмеченным стихотворение «Клинок», которое по своему героическому тону напоминает Корнеля. [475] К так называемому «социальному» циклу относятся стихотворения «Поэма заставы», «Заводские», «Хвала богатым» и особенно великолепная «Полотерская». Последняя по владению народным словарным запасом может быть поставлена в ряд с пушкинской «Сказкой о царе Салтане» и некрасовскими «Коробейниками».

Динамика словообразований вырождается здесь в некое «вышивание словами», которое ослабляет тему, вызывает навязчивые и мучительные фонетические ассоциации. Но это ни в коей мере не обвинение поэта в ремесленничестве. Видимо, это непрерывное «вышивание» является необходимым компонентом диалектического процесса роста

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru поэта, ведущим к следующей ступени его зрелости. И это уже просматривается в следующей монументальной вещи «Федре» («Современные записки», № 36–37). Хотя и в ней недостает внутренней гармонии, а остается довлеющим непревзойденная автономия слова. Более сильным и живым здесь представляется нам последнее стихотворение «Крым»[476] – первое короткое произведение Цветаевой за последние годы.

Д. Святополк-Мирский

Заметки об эмигрантской литературе

Отрывок{142}

Окончательная оценка литературной продукции русской эмиграции дело будущего. Что она менее значительна, чем одновременная продукция советских писателей – очевидный факт, который не оспаривается никем (кроме разве великих писателей самой эмиграции). Столь же очевидно, однако, что эмигрантами написано немало произведений высокой литературной ценности, которые «останутся». Вопрос только в том, можно ли эти произведения объединять в одно понятие эмигрантской литературы. Скорее это осколки, разбросанные в разные стороны и объединенные одним отрицательным признаком: они вне когда-то объединявшего их круга.

Это особенно относится к старшим писателям, сложившимся еще в России, за 1920–22 гг. Как бы высоко ни оценивать написанное ими за рубежом, их место в русской литературе определяется их прежним творчеством. Митину Любовь нельзя серьезно равнять с Суходолом. Шмелев ничего не написал лучше, чем это было. Ремизов только подводит итоги созданному еще в России. Даже Ходасевич ничего не прибавил, по существу, к стихам 1918–21 гг. Единственное действительно исключение – Марина Цветаева, которая именно в эмиграции дала всю меру своей гениальной силы (Поэма конца, Поэма Горы, После России), – но она особенно мало типична для эмигрантской литературы, и какие у нее есть точки соприкосновения с другими поэтами современности – все в Москве (Пастернак, Маяковский). Эмигрантская литература почти не считает ее за свою. ...

В. Познер

Панорама современной русской литературы

Отрывок{143}

Марина Цветаева, вступившая на творческий путь с книгой стихов очень женственных и приятно стилизованных, но не особенно значительных, дала полную меру своего таланта только после Революции, сначала в Москве, затем в эмиграции. Цветаева близка к Пастернаку, которому она некоторое время назад посвятила восхищенную статью. Однако она теснее связана с русской народной поэзией, в которой она часто черпает свою лексику и свои темы.

Ритмический аспект ее стихов – главная забота поэта. Цветаева смело идет по пути, открытому Хлебниковым, Маяковским, Пастернаком. В отличие от такого поэта, как, например, Есенин, она основывает свой стих на ударных слогах, стараясь их сблизить одни с другими и множить, в ущерб безударным. Русская поэзия всегда стремилась к чередованию сильных и слабых слогов с тем, чтобы слабых было больше, чем сильных. Цветаева хочет добиться обратного эффекта с помощью синкопических стихов, где слова друг о друга ударяются. Ее ритмы напоминают некоторые места Свадебки Стравинского.[477]

Односложные слова образуют около половины всей лексики Цветаевой; она пользуется всем существующим набором односложных слов русского языка; но она еще и создает новые, переделывая окончания существительных. Так как по-русски многосложные слова встречаются очень часто и невозможно без них обойтись, поэт иногда их делит на два или три отрезка, расставляя между ними тире; вдобавок она указывает на отдельное ударение каждого отрезка. В других случаях Цветаева, которая очень любит анжамбманы, кончает один стих началом слова, конец которого она переносит в следующий стих. В целом, она предпочитает мужские рифмы всем другим, приравнивая к ним те, в которых ударение стоит на предпоследнем слоге: чтобы этого добиться, она отделяет последний слог от предыдущих.

Разные грамматические окончания, окончания склонения существительных и прилагательных или времена глаголов образуют в русском языке большую часть безударных слогов. Цветаева борется с этой особенностью, употребляя глаголы в неопределенном наклонении или в повелительном, а существительные в именительном падеже. Кроме того, она выделяет предлоги и любит пользоваться междометиями и краткими частицами. Это заставляет ее выражаться отрывочными фразами, в которых пунктуация заменяет синтаксические или грамматические связи. Стиль ее особенно

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
эллиптический; двоеточие, тире, восклицательные и вопросительные знаки
встречаются очень часто.

Ненависть, ниц:
Сын – раз в крови!.. [478]
Или

Здравствуй! Не стрела, не камень:
я! – Живейшая из жен:
Жизнь...
Стихотворения Цветаевой состоят из фрагментов фраз, в которых часто только одно
слово:

Копыта! Крылья! Сплелись! Свились!
О высь! Выхь! Выхь! [479]
Во многих случаях Цветаева просто обходится без глаголов:

Бессонные мальчишки – так –
в больницах: Мама!.. [480]
Такой рвущийся ритм еще усилен аллитерациями согласных, количество которых у
Цветаевой превышают гласные. В развитии темы поэта ведут слова со звуковыми
аналогиями. Эта особенность техники художника связана с основным приемом ее
творчества: с параллелизмами. То она сопоставляет два образа, то она их
противопоставляет, в иных случаях она строит два или несколько стихов по
одинаковой синтаксической модели:

Зрит – невидимейшую
– неслыханнейшую молвь. [481]
Бывает, что все слова обеих фраз абсолютно одинаковы, кроме одного, и между ними
часто существует только этимологическое сходство. Прием этот усложняется, когда
один стих повторяется несколько раз, с очень малыми изменениями:

Объявляю: люблю богатых!..

.....
Подтверждаю: люблю богатых!..

.....
Присягаю: люблю богатых! [482]
Лейтмотивы эти придают еще большую убедительность страстному голосу поэта. С
помощью таких восклицаний и повторов Цветаева все чувства, о которых она
говорит, доводит до пароксизма. Ее творчество лирически напряжено в высшей
степени. Художник начинает писать, только когда он уже занял в отношении своей
темы позицию за или против. В ненависти, как и в восхищении, она не знает
пределов. Пафос иногда доводит ее до истерии. Она предпочитает самых трагических
героев: Тезея, Федру, Офелию, Эвридику. Она страстна, даже когда она не говорит
о любви. Непримиримая и высокомерная Цветаева презирает всякие увиливания, она
ненавидит преходящее. Ее поэзия – заговор против века, против веса, счета,
времени, дробей. У нее душа «не знающая меры» ибо «путь комет – поэтов путь»,
так как поэт тот, «кто смешивает карты, обманывает вес и счет». [483] Цветаева
стремится миновать время и победить притяжение; конечно, она – аристократка
духа, презирающая человеческую пошлость. Никаких описаний и обсуждений, ни
единого момента покоя. Ненавидеть, обожать, презирать, благословлять.
Темперамент поэта не принимает более будничных чувств; так же как Пастернак,
Цветаева обладает талантом заражать читателя: с ее творчеством знакомишься, как
с электрической батареей. Приятно видеть столь целомудренную гордость,
соединенной с таким высокомерным бесстыдством; лирическая поэзия сводится к
одному крику обнаженной страсти, ибо, говорит поэт, «что ничего кроме этих ахов,
// Охов, у Музы нет...», [484] тех междометий, у которых еще одно преимущество, что
они все односложны. – Цветаева ведь восхитительный техник.

В. Набоков
Рец.: «Воля России», книга 2
Отрывок {144}

В начале – чрезвычайно претенциозные «рассказы о несуществующем» Б.Сосинского. В
них есть всякие типографские ухищренья в стиле Ремизова и такие образы, как
«...счастливый, как глаза Линдберга, увидевшего европейский берег». Эстетам эти
рассказы понравятся.

В «Итальянских сонетах» К.Ирманцевой [485] есть отдельные хорошие строки, но нет
Страница 152

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
стройности, простоты и естественности, требуемых слухом от сонета. Чувствуется искусственность рифм, неправилен слог, некоторые ударенья не на месте (напр.: «цветов миндаля кожа розовой»). И все так «изысканно и изломанно»...

Далее – статья «Несколько писем Райнер Мария Рильке» Марины Цветаевой и ее же переводы из этих писем. Статьи я не понял, да и, кажется, понимать ее не нужно: М.Цветаева пишет для себя, а не для читателя, и не нам разбираться в ее темной нелепой прозе. В переводах, к сожалению, тоже чувствуется ее слог. Есть и такие забавные предложенья: «вот строфы, сложенные для вас в субботу, гуляя по восхитительной аллее Холлингского замка». Совершенно не понятно, почему, кроме отрывков из писем Рильке, приведено еще некое письмо, о котором так говорит французский писатель Е.Жалу (автор книжки о Рильке): [486] «Несколько дней спустя после смерти Райнер-Мария я получил следующее письмо, подписанное просто „Неизвестная“. Даю его, не изменив ни слова. Это такое человеческое, такое голое свидетельство...» и т. д. Увы! не «голое свидетельство», а махровая пошлость. В нем «незнакомка» очень пространно и слащаво повествует, как, при ней, Рильке дал парижской нищей красную розу вместо денег и как эта нищая схватила его руку и поцеловала ее и «в тот день уже больше не просила». Письмо настолько безвкусно, случай, в нем изложенный, настолько в стиле тех напыщенных писателей, к типу которых принадлежит сам Жалу, что хочется, из уваженья к Рильке, сомневаться в истинности всего происшествия...

Г. Адамович

Вечер Марины Цветаевой{145}

Литературный вечер Марины Цветаевой собрал много слушателей. У Цветаевой есть поклонники даже среди людей, не понимающих ее стихов. Покоряет «голос», оживляющий всякую ее строчку, даже неудачную. Пленяет свободное, смелое и легкое дыхание этих строк. Одним словом, несомненная «Божья милость» цветаевского таланта привлекает к ней людей. Не все друзья поэзии долго остаются Цветаевой верными, но каждый из них испытал когда-нибудь хотя бы мимолетное ее очарование. Цветаева читает стихи старые и первую часть новой своей поэмы «Перекоп». В старых стихах очень хороши «Стихи о Москве». Если мне не изменяет окончательно память, они появились в «Северных записках» весной

17-го года. Я помню впечатление, которое они произвели – особенно в Петербурге. Может быть, в этом сыграло роль уже начавшееся тогда соперничество двух городов, – кому быть, кому не быть столицей. В Петербурге очень болезненно все ощутили тогда «конец стоит императорского периода» – независимо от политических симпатий и чувств, конечно, – и с ревнивой опаской поглядывали на Москву. Над цветаевским циклом петербургские поэты «ахнули» – над прелестью, над неожиданностью ее Москвы.

Был последний вернисаж последней выставки «Мира Искусства», на Марсовом Поле, у Добычиной. [487] Книжка журнала, только что появившаяся, ходила по рукам, и я до сих пор вижу Анну Ахматову, с несколько удивленным одобрением читающую вполголоса:

Мне же вольный сон,
Колокольный звон,
Зори ранние,
На Ваганькове...

О поэме «Перекоп» я сказать что-либо затрудняюсь. Подождем, когда она будет окончена. Подождем, когда ее можно будет прочесть, а не прослушать.

М. Слоним

Марина Цветаева{146}

Можно сказать, что нет русского поэта, вокруг которого велось бы больше споров, чем вокруг имени Цветаевой. Одни считают, что она крупнейший лирик пореволюционной поры; другие возмущаются, утверждая, что ее стихи и поэмы – бессмысленное нагромождение слов, в котором не может разобраться простой смертный. [488] После опубликования каждой ее поэмы появляются едкие нападки, страстные заступничества, горячие споры. «Старики» ее не понимают и не признают, молодежь, наоборот, готова считать ее своим учителем. Критики, независимо от своих симпатий или антипатий к поэтессе, с каждым днем все решительнее признают силу и глубину ее таланта.

Цветаева – трудный поэт, потому что ее произведения необычно новы и сжаты. Она заставляет читателя, пусть с большим трудом, вникнуть в смысл ее стихов, и

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru неудивительно, что многие, так и не постигнув его, заявляют, будто вообще никакого смысла и нет и что все в поэзии Цветаевой сводится только к литературным экспериментам, к чисто языковым тонкостям. Но это абсолютно неверно, и почти всегда в непонимании Цветаевой виноват сам читатель, инертность его ума, привычка и любовь к определенному поэтическому шаблону.

Новые поэтические формы не воспринимаются с той же легкостью, что привычные размеры и мелодии, и нет ничего странного в том, что ларец, в котором скрыты поэтические сокровища Цветаевой, многим напоминает сундук с потайным замком. Но какие поразительные картины возникают перед теми, кто, благодаря интуиции, знанию или внимательному изучению, проникнет в тайну ларца и откроет эту дивную ризницу.

Цветаева начала печатать свои стихи за два года до войны. Она была тогда совсем молодой беззаботной девушкой с золотыми волосами, страстной жадой жизни и грустью, что все проходит слишком быстро и миг упоения слишком краток. В московских салонах и на литературных вечерах часто можно было встретить ее статную фигуру и услышать сильный и звонкий голос. Она писала стихи о молодости, о легкости творчества, о том, что ее стихи слетают с уст так же естественно, как «брызги из фонтана, как искры из ракет». [489] В первые дни войны она была уже известна. По всей России декламировали ее стихотворение-эпитафию на вымышленной могиле:

Прохожий, остановись!
Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет –
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет. [490]

Уже в этих стихах чувствуется какая-то необычность, дерзкость. Она сама признавала, что «...любила / Смеяться, когда нельзя!» Она вообще любила все делать наперекор, не ведая никаких запретов, и, может быть, поэтому в период русского Парнаса – период господства холодной эстетической школы во главе с Брюсовым – неожиданно трансформировала лирические народные мотивы и полный слез «жестокий романс» в буйный, остро эмоциональный стих. Его называли «цыганским» за этот сильный и страстный тон. И так же наперекор, когда началась революция, Цветаева воспела XVIII век, короны и престолы, великосветских герцогинь, международных авантюристов.

Лирика Цветаевой в основном любовная. Но какое различие между ней и преуспевшей Ахматовой! Молодая Цветаева пишет распахнуто и светло, ее любовь мятежна, пламенна, почти всегда выплеснута наружу – и в радости, и в грусти. Но грусти меньше, чем страстной жадой жизни. И только в 1918–20 годах в душе поэта происходит перемена. Новый сборник стихов, волнующий мрачной серьезностью, романтическим трагизмом, называется «Разлука». Это разлука с прошлым, с тем, что раньше манило и влекло. И даже если ненадолго вернется любовь – мы не уверены, что злая судьба не убьет радость.

Смуглой оливой
Скрой изголовье.
Боги ревнивы
К смертной любви.
А дивное стихотворение:

Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки! –
уже означает окончательный поворот в творчестве Цветаевой. Ей открылась, как сказал Оскар Уайльд, другая сторона сада.

Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная,
Прелестная чаша –
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Повисшие в зорях.

Цветаева пришла к мысли, что больше незачем стремиться к земной славе, что внешний успех не всегда равнозначен победе внутренней, духовной, что пути тела и духа различны и противоположны, что во имя познания мира и совершенства нужно бежать суровой и мерзкой действительности. Так возникает пропасть между тем, что есть жизнь и что выше жизни, к чему стремится поэт. Подобно Дон Кихоту, Цветаева уходит в мечты, вымыслы, чистую духовность, подальше от половинчатости, компромиссов, глупости тупой и пошлой толпы.

Конь – хром,
Меч – ржав.
Плащ – стар.
Стан – прям.

Она преодолевает любую косность – умственную, физическую, литературную. Единственная ее цель – дойти до главного, до сути в идеях, людях и природе. Мир, в котором она живет, свободен от всего случайного, поверхностного: это строгий и чистый мир абсолютных крылатых взоров, превосмогающих земное тяготение.

Цветаева более других презирает ограниченность, пошлость, главенство тела, которое сковывает душу. С иронией, почти с гневом, превращающим стих в острую сатиру, разоблачает она в поэме «Крысолов» вымышленный немецкий город Гаммельн, где живут сытые провинциалы и правит «Мера! Священный клич!», где главное – умеренность, узаконенность и вечная шаблонность:

Даже сходи с ума
В меру. Щелчок на фунт!
Ирония перерастает в гнев, когда Цветаева говорит о «людской косности» под спудом лжи, лицемерия и грубости, обо всех мерзостях нашей жизни. Она постоянно подчеркивает, что за пределами этого мира несовершенств существует царство духа, где все мы цари.

..... .Есть
Здесь, над сбродом кривизн –
Совершенная жизнь:
Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...[491]
Она знает, что

Не задушена вашими тушами
Ду – ша! [492]
И всегда стремится в глубины и выси той своей истинной Родины, где «все бесконечно, как мысль». Цветаева некогда писала, что ей опротивели все преграды и что больше всего она любит «четвертое измерение... пятую стихию... шестое чувство». [493] «Вы делаете миллиметры там, где я – мили», [494] – отвечала она одному негативному критику.

Эта безмерность, углубленность, стремление во всем дойти до сути, снять покрывало спасительных иллюзий сочетаются в Цветаевой с исключительным напряжением духовной жизни, с тем подъемом, который делает ее наипрактичнее современным русским поэтом.

О чем бы ни писала Цветаева – о любви, о разлуке, о музыке или о фабричных заставах, о революции или о Белой гвардии, – она всегда поглощена одной идеей, одной страстью. Она абсолютно не понимает и не признает равнодушия. Она может восхищаться или презирать. Она всегда защищает или атакует. Она следует совету Ибсена: будь чем хочешь, но будь весь, никогда не наполовину, никогда не раздвоен. Это и придает особую силу и выразительность всей поэзии Цветаевой, перенасыщенной эмоциями наряду с серьезными, подчас философскими темами.

Патетика Цветаевой сказывается, кроме прочего, и в том, что она во всем ищет крайностей – острейших и сильнейших образов, самых глубинных источников творчества, наиболее выразительных художественных средств. Ее последние трагедии в стихах называются «Тезей», «Федра», а в некоторых стихах последнего сборника встречаются имена Ахилла и Эвридики, Гомера и Гете, Вагнера и Шекспира. Имена трагических героев и писателей-романтиков произносятся не случайно: Цветаева в

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
русской литературе – тоже яркий пример поэта-романтика, поэта-трагика. В жизни, как и в творчестве, почти всегда сталкиваются два начала: идиллическое и трагическое. Идиллия – созерцание природы и жизни. Она в непосредственной радости, ощущении единства с миром, упоении морем и июльским небом, и сладостью любви. Идиллия – пауза, полдень, когда не ощущается ничего, кроме тишины, солнечного тепла и бесконечности мига.

Но есть и другая напряженность души и тела, движение и борьба страсти и воли – трагедия. Это – не принятие мира в заданных и неоспоримых границах, а стремление их уничтожить, через них переступить. Идиллия мерит мир человеческой мерой, трагедия – божественной или, скажем, сверхчеловеческой. В идиллии человек един с природой и свой едва слышный голос присоединяет к великой гармонии гимна жизни. Он не сам по себе, не пытается свернуть с пути, предначертанного Всевышним. В трагедии человек выделяется из хора, он бранится, бунтует, срывает знамя и ранит ноги, продираясь к вершинам, где обитают боги.

Романтизм, порывая с действительностью, тяготея к движению и протесту, руша преграды и уничтожая границы, – всегда трагичен. Трагично и творчество Цветаевой, которая владела тяжестью знания и переживала муки отречения от жизни и ухода в разреженные пространства душевного одиночества.

Все чаще в творчестве Цветаевой сгущается нота тоски и подавленности: нелегко жить и творить, как она, сопротивляясь мелочам жизни, предъявляя к людям, жизни и себе непомерные требования. «Одни любят свой желудок, другие – свою душу, последнее не прощается», – писала она некогда и добавляла: «Что я делаю в мире? – Слушаю свою душу. Это также не прощается».

Чтобы определить своеобразие творчества Цветаевой, следует помнить, что наряду с чувственным в ее поэзии много чисто интеллектуального. Некоторым даже кажется, что переход от идиллического к трагическому взгляду на мир связан в поэзии Цветаевой с перевесом мысли над чувством. Пламенность ума – ее характерная черта. Ее может необыкновенно взволновать и увлечь какое-либо проявление чистого интеллекта, и иногда это волнение сильнее, чем то, которое вызывает в ней природа или человеческое чувство. Интеллектуальность ощущается в самой конструкции ее стихов и особенно в прозе, всегда полной огромного поэтического вдохновения.

Стихи Цветаевой очень точны по мысли и отделке. Она необыкновенный мастер слова, использующий целиком его выразительные возможности. Она стремится придать своему стиху сжатость афоризма. Мысль и безмерность она облекает в предельно отшлифованную и сжатую форму. Она говорит почти формулами, острыми фразами, и то, что называют у Цветаевой «темными местами», есть на самом деле сосредоточенность слов, молниеносность мысли, иногда для понимания требующая от читателя духовного усилия. Каждое ее слово весомо, несет в себе образ или мысль, поэтому нелегко читать даже лучшие вещи Цветаевой – «Поэму Горы» и «Поэму Конца», нужно с полным вниманием следить за каждым словом, поспевать за стремительным бегом ее Пегаса, и не каждому по силам эта бешеная скачка по неровному полю романтической поэзии. Образы у Цветаевой – символы, она их не детализирует, так что и здесь читатель натывается на заостренную точность, подобную удару ножа. Прерывистый, нервный стих Цветаевой – это стих в движении, в полете. Отсюда и его динамика, патетика, спрессованность. Как и у Ахматовой, в этих стихах образность, поэтический синтаксис главенствует над мелодичностью. Но в то время как Ахматова тяготеет к просторечию, так называемой «вульгаризации поэтического словаря», у Цветаевой слова звучны, полны игры, и в ее стихах чувствуется огромное литературное богатство, вся полнота блестящего стиля народного языка, с неожиданными находками обыденной речи.

Как в жизни Цветаева пытается дойти до сути, так и в поэзии она с наибольшей силой стремится освободить слово от наслоений, от тех непосредственных значений, с которыми оно связывается. В переводе почти невозможно проиллюстрировать эту удивительную особенность ее лирики. Она всегда играет словами, потому что убеждена, что «в начале было Слово, и Слово было от Бога, и Слово было Бог». [495] Она считает, что в звуковом сходстве слов есть нечто большее, чем простая гармония: близость звучаний означает и связь понятий. Поэтому эффект ее стихов бывает почти неожиданный: она открывает не только слова, но и первичные понятия, которые ими обозначены. Когда Цветаева пишет:

Горе началось с горы.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Та гора на мне – надгробием...[496] – связь между словами «горе», «гора» и «надгробие» становятся глубже простого звукового сходства, и обнажается их образное единство: горе похоже на гору, которая давит на человека, как надгробная плита.

Цветаева внесла в новую русскую поэзию невиданную пластичность и ясность слова. Поэтические размеры ее стихов далеки от классических, ассонансы в них, часто меняют рифмы, метафоры неожиданны, слова нарочито неблагозвучны. Но есть какая-то сила в этой поэтической полифонии, в этом лирическом вопле. Есть пламенная страсть в этом полете, тревога и мятеж в этой чисто русской душе, сгорающей в огне негодования и восторга. Потому что Марина Цветаева – подлинно русская поэтесса, и мало есть современных писателей, в которых пламень русского духа нашел бы столь блестящее воплощение. И хотя поэтесса жалуется на одиночество, «в мире... где насморком / Назван плач», «Где вдохновенье хранят, как в термосе!», хотя она спрашивает: «Что же мне делать... / С этой безмерностью / В мире мер?!»[497] – тем не менее ее стихи гораздо более созвучны эпохе, переживаемой Россией, чем произведения тех, кто пишет о коммунизме или о революции. Ритм нашего времени, пафос и страсть, доблесть и непрерывное движение нашли в Цветаевой своего поэта, и потому в России с огромным вниманием следят за ее творчеством и даже перепечатывают ее стихи, несмотря на то, что несколько лет назад Цветаева воспевала вооруженную борьбу против большевиков. Конечно, она вне политики, потому что – над ней. Она – из «великих посвященных», как сказал бы французский мистик Ширэ. Для нее поэзия – не молитва и не опьянение звуками. Она относится к своему ремеслу и творчеству, как строгий жрец, и каждое ее слово выверено и точно, как удар кресала о камень. О застывший камень наших душ ударяет кресало Слова, – а разве есть у поэзии другое предназначение, кроме как высечь эту божественную искру, чтобы воспламенить в нас дерзкое Прометеево и Дионисово начало.

Не жалостлива и светла улыбкой муза Цветаевой, и в русскую поэзию она войдет не румяной душенькой, а Психеей с глубокими провидящими глазами на бледном лице: высоко держа светильник, с трудом взбирается она на страшные скалы, где живут сивиллы и пророки: тревожно мечется пламень ее дивного факела.

В. Маяковский

О некоторых вопросах поэзии

Выступление на Пленуме правления РАПП в сентябре 1929 г

Отрывок{147}

... Вот говорят относительно поэтессы Цветаевой: у нее хорошие стихи, но идут «мимо». Отсюда вывод: надо дать Цветаевой зарядку, чтобы не шли «мимо». Это полонщина, [498] которая шла «сама по себе», которая агитировала за переиздание стихов Гумилева, которые «сами по себе хороши». А я считаю, что вещь, направленная против Советского Союза, направленная против нас, не имеет права на существование, и наша задача сделать ее максимально дрянной и на ней не учить. ...

А. Несмелов

Марина Цветаева о Маяковском{148}

Последняя полученная в Харбине (XI–XII) книга «Воли России» вышла как бы посвященная памяти В.Маяковского. Она открывается драмой покойного поэта «Баня», последним крупным его произведением, являющимся жестокой сатирой на советские административные верхи. У «Бани» Маяковского много общего для сатирических стрел с «Пушторгом» Сельвинского, [499] только Буфф Семенович Кроль последнего – вычерчен Маяковским уже до карикатурного образа товарища Победоносикова, которого изобретенная рабочим Чудаковым машина времени, отбывающая в эпоху социализма, выбрасывает из своей кабины.

Буффонадные срывы не затеяют общего – трагического для коммунизма – плана вещи: лишь нечто чудесное, то есть мало вероятное, может избавить страну от людей, возвращающих ее в русло буржуазного течения жизни. Эта тема, как мы видим, настойчиво повторяется в произведениях самых одаренных советских поэтов, что уже само по себе знаменательно.

Видимо, сложившийся за десятилетие советский быт обнаруживает тенденцию к сползанию в определенном направлении. Советское коммунистическое искусство сигнализирует опасность.

В книге несколько рисунков М.Ларионова и Н.Гончаровой [500] к произведениям Маяковского. Манера этих художников – на любителей или на знатоков. Рассматривая

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
эти рисунки, вспомнил Омск, выставку картин Бурлюка.[501] Синеглазая гимназистка, краснея от застенчивости, спрашивает художника:

– Почему, скажите пожалуйста, у этой лошади так много ног?

И Бурлюк ей:

– Так я решаю проблему передачи живописью движения. Ведь когда вы смотрите на движущееся колесо, вы видите не шесть и не восемь его спиц, – а сто, двести. Понимаете?

Гимназисточка поняла, но я не понимаю. Все-таки видим мы не сотни спиц, а движение тех же шести или восьми. Движение, а не размноженные спицы.

Рисунки Ларионова и Гончаровой ничего не поясняют в Маяковском. Некоторая необязательная ни для кого условность. Ничего категорического в восприятии.

Особенно ясно ощущается это рядом с изумительными стихами Марины Цветаевой, посвященными Маяковскому же. Семь стихотворений – семь взрывов вдохновения, и мы уже не можем видеть Маяковского иначе, чем этого хочет поэт.

Здесь категорическое воздействие – закон.

Вот строки, адресованные, верите, им, эмигрантскому Западу. У нас почти никто не шипел над гробом поэта:

...Спит передовой
Боец. Каких, столица,
Еще тебе вестей, какой
Еще – передовицы?
Ведь это, милые, у нас,
Черновец – милюковцу:
«Владимир Маяковский? Да-с.
Бас, говорят, и в кофте
Ходил».[502]

Маяковский в гробу. «В сапогах, подкованных железом, в сапогах, в которых горы брал, – никаким обходом ни объездом не доставшийся бы перевал».

Так вот в этих – про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих –
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах – свидетельствующих.
Самому Маяковскому:

В лодке, да еще любовной
Запрокинулся – скандал!
Разин – чем тебе не ровня? –
Лучше с бытом совладал.
И вывод:

Советско – российский Вертер,
Дворяно – российский жест.[503]
Всю жизнь палил в правую сторону, лишь раз выстрелил в левую и погиб.

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут – слевил.
Кабы в правую – свёрк бы
Ланцетик – здрав ваш шеф.
Выстрел в левую створку:
Ну в самый-те Центропев.
И самое страшное место. Встреча Маяковского с Есениным. Встреча там.

Советским вельможей
При полном Синоде.
– Здорово, Сережа!
– Здорово, Володя!

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Умаялся? – Малость.

– По общим? – По личным.

– Стрелялось? – Привычно.

– Горелось? – Отлично.

– А помнишь, как матом

Во весь свой эстрадный

Басище – меня-то

Обкладывал? – Ладно

Уж...

И последние строки – гробовая крышка над мертвым лицом поэта. Гул пустоты и вечности:

Много храмов разрушил,

А этот – ценней всего,

Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего.

Я вырвал отдельные куски стихов из живой ткани поэмы, да простится мне это! Но, не имея возможности целиком перепечатать вещь, я думал, что дальневосточные почитатели Марины Цветаевой будут рады услышать речь ее и в этих отрывках. [504]

Что сказать о самих стихах? Если сравнивать творчество Марины Цветаевой с чем-нибудь – с кем его сравнить нельзя: не с кем, то лишь с алмазом: оно не только сверкает, но и режет. Каждое ее слово проводит по стеклу души неизгладимую черту.

В книге интересна заметка Мих. Адрианова о Николае Асееве. [505]

Едва ли, однако, можно согласиться с «ясностью следов влияния Марины Цветаевой» на творчество этого поэта.

В творчестве Асеева больше, в ритмах от Хлебникова, в конструкции же образа – от Пастернака, чем от Цветаевой.

Стихотворение Асеева «Синие гусары» не оставляет сильного впечатления: оно слишком явно «сделанное».

Ювелирная кропотливость работы.

XI–XII книга «Воли России» получена книготорговлей «Экспресс».

Вас. Логинов

Все то же {149}

Только что прошел вечер поэтов и литераторов в Комсобе, [506] вечер, наполовину посвященный Маяковскому, – железобетонному сердцу, по выражению кого-то, барабанщику революции, барабанщику искусства, русскому Маринетти, урбанисту по преимуществу, поэту народных толп, обладавшему огромным четырехугольным ртом, из которого, как из бездны, извергались оглушительные слова: «левой, левой, левой...»

Поэт самолично свел расчеты с жизнью, совершенно так же, как его нежнейший антипод Есенин, ибо оба встали в непримиримое противоречие с бытом.

В последнем номере «Воли России», вышедшем в Праге в текущем году, помещено последнее произведение Маяковского – «Баня», – драма в шести действиях «с цирком и фейерверком», являющаяся злой сатирой на коммунистические верхи, где читатели узнают главных героев пьесы Луначарского и Горького.

Нельзя назвать это произведение блестящим, в особенности по сравнению с ранними произведениями Маяковского, но в нем есть некий «Марш Времени», – обычное стихотворение стиля Маяковского, написанное короткими рваными строчками, и в нем звучит непередаваемая предсмертная грусть, которая сквозит среди дифирамбов пятилетке и коммуне, через квази-ударный тон коммунистического агит-поэта:

Впе –

ред,

Вре –

мя.

Вре–

мя, вперед.

Вперед страна, скорей моя.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пускай
старье
сотрет.

Вперед, время.

Время, вперед.

Пусть вымрет быт-урод.

Быт-урод не только не умер, – он сам убил Маяковского, и этот монотонный припев: «время вперед, время вперед», звучит и грустью и отчаяньем, и полной безнадежностью, несмотря на казенную браваду.

В том же номере «Воли России» – большая поэма Марины Цветаевой, которая называется «Маяковскому», [507] где эта идея поглощения Маяковского бытом выражена так резко и ясно, что дальше идти некуда. Старое некрасовское выражение: братья писатели, в нашей судьбе что-то лежит роковое, [508] – еще лишний раз подтверждается этой замечательно сильно написанной поэмой.

Тирада о братьях писателях усиливается еще новой идеей: все то же... Все то же, что было и сто лет тому назад, и теперь происходит и будет происходить в будущем. И не только здесь, на земле, но и на небесах, не только в теперешней России, но и в некрасовской России, – это перманентное, тягучее, убивающее человека, его личность, его творчество, – «все то же».

Родители рудят,
Вредители – точут,
Издатели – водят,
Писатели – строчут.

Это мрачное, дико-пессимистическое мироощущение, пожалуй, несколько не менее значительно и трагично, чем ставшее трафаретным некрасовское выражение о «братьях писателях» и их роковой судьбе, ибо и здесь их роковая судьба продолжается. Вот Маяковский на небе встречается с Сергеем Есениным и между ними происходит такой диалог:

Советским вельможей,
При полном Синоде...
– Здорово, Сережа...
– Здорово, Володя...
Умаялся? Малость.
По общим? По личным.
Стрелялось? Привычно.
Горелось? Отлично.
Так стало быть пожил?

Пасс в нек'тором роде.

– Негоже, Сережа.

– Негоже, Володя.

Ведь так и полагается быть поэту, хотя это и стыдно и совестно, – вопрос только, кому – самому ли горевшему, или стрелявшемуся поэту, или кому-либо другому. А по существу, конечно, это не хорошо, ибо что хорошего, когда человек стреляется или сгорает от водки.

Негоже, Сережа.

Негоже, Володя.

Прахом пошла русская поэзия и русские поэты и именно всегда шли и будут идти прахом – такова их участь, а почему – неизвестно, и кто от этого страдает – тоже неизвестно: сама ли по себе русская поэзия и русские поэты, Россия ли, общечеловеческая культура, искусство вообще, или вообще человеческая жизнь, независимо от нации и политики.

Тут же, на небесах, и Маяковский, и Есенин продолжают свой разговор, указывая на тени тех, кто отошел приблизительно таким же неестественным путем в царство небесное:

– Вон – ангелом! – Федор Кузьмич...
(Сологуб),

По красные щеки пошел
(за своей женой Анастасией Чеботаревской, бросившейся в Неву).

– Гумилев Николай.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

На Востоке
В кровавой рогоже
На полной подводе.

– Все то же, Сережа.

Все то же, Володя.

Кровавая рогожа на полной подводе – вот характерный символ русской пишущей братии, которая, как оказывается, видит повторение своей судьбы и на том свете, ибо мертвые Есенин и Маяковский и на том свете решили по этому случаю быть бунтарями.

Сережа, мил-брат мой,

Под царство и это

Подложим гранату.

Все то же, все то же, – и там, и здесь, и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, и нет выхода из всего этого.

И мертвый Есенин так заканчивает свой ужасающе-пессимистический диалог с мертвым Маяковским.

А коли все то же,
Володя, мил-друг мой –
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук – и –
Нет.

И на растревоженном

Нами Восходе –

Заложим, Сережа!

– Заложим, Володя! [509]

Вот последний призыв поэтических мертвецов, собственной жизнью и собственной смертью познавших эту ужасную истину, что «в мире – все то же».

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 46

Отрывок {150}

... Стихи Марины Цветаевой – как говорится – «поклонников не разочаруют, противников не переубедят».

Глыбами лбу

Лавры похвал.

Петь не могу!

– Будешь! – Пропал.

(На толокно

Переводи!)

Как молоко,

Звук – из груди.

Пусто, сухб:

В полную веснь –

Чувство сука.

– Старая песнь.

Это начало стихотворения «Школа стиха». [510] Многие утверждают, что такие стихи – полная бессмыслица. Согласиться с этим я никак не могу: прочтите внимательно – все понять можно (кроме «толокна», пожалуй). Но не в этом дело, не в этом беда – в другом. Невольно спрашиваешь себя, читая «Школу стиха» или второе стихотворение «Плач матери по новобранцу», что побудило Марину Цветаеву променять живую, неисчерпаемую в богатстве и гибкости человеческую речь на однообразные выкрикивания и восклицания, длящиеся уже много лет и, при всей своей очевидной скудости, поэту еще не наскучившие. Вопрос остается без ответа, конечно. Но уверенности в исключительной даровитости Цветаевой даже и эта долголетняя «безответность» поколебать не может.

Г. Адамович

Вечер Марины Цветаевой {151}

Марина Цветаева каждой весной устраивает свой вечер. [511]

В этом году в программе его, кроме стихов, были «Воспоминания о Мандельштаме».

Убежден, что далеко не всем, кто будет эти строки читать, имя Мандельштама

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru известно. Странная судьба у этого поэта. В кругах литературных его стихи ценятся необычайно высоко, «на вес золота», можно было бы сказать. Анна Ахматова назвала его первым русским поэтом, [512] – и это было при жизни Блока. Но в «широкую публику» он не проник. Есть на это причины, конечно, – их долго бы излагать.

Итак, Марина Цветаева рассказывала о Мандельштаме. Не могу сказать, чтобы рассказ был достоин внимания. Скорее, наоборот. Было в нем много мелочей, много пустяков, еще больше полемического задору, – и хоть в полемике Цветаева была права, слушать ее было досадно и тягостно. [513] Раз в год выступает она – умный, талантливый человек – и не находит ничего поинтереснее, о чем бы поделиться со слушателями. О том же Мандельштаме рассказать можно было совсем иначе, совсем другое. [514]

Во втором отделении Цветаева читала стихи. Если бы оценивать стихи отметками, то за некоторые надо было бы поставить Цветаевой ноль, за другие двенадцать с плюсом.

А. Унтервальд

Вечер Марины Цветаевой {152}

Можно как угодно относиться к творчеству Марины Цветаевой, можно «любить», «не любить» ее стихи, но пройти мимо равнодушно для каждого, для кого поэзия не пустой звук, не представляется возможным.

Марина Цветаева – великий поэт и поэт самый «поэтический» из всех современных русских поэтов. В ее стихах все стихия и мощный вихрь, объясняющие ее провалы, ее небрежность, иногда очень досадную, но которая неизмеримо выше приглаженности и модной «сухости», отличающих почти все современные стихи.

Марина Цветаева не боится никаких тем, не подчиняется никаким правилам, не соблюдает никаких приличий. Она слишком большой и живой человек, чтобы оглядываться на строгие литературные лорнетки. Она ни по кому не равняется. Тем хуже для тех, кто не находит в себе сил, чтобы принять ее такую, какая она есть, кто недостаточно прост, чтобы понять ее высокую простоту.

За это Марину Цветаеву не любят.

Эту «нелюбовь» особенно подчеркнул ее последний литературный вечер, в известной степени позорный для парижской литературной эмиграции. Великого русского поэта пришло послушать не больше двадцати человек, по большей части родственников или близких знакомых. Зато вместо «литературного вечера» получился просто вечер, вечер, который благодаря своей интимности и простоте останется навсегда в памяти тех, кому посчастливилось на нем присутствовать.

Марина Цветаева читала свои стихи и прозу. Из прозы – свой, может быть, лучший, самый горестный и самый человеческий рассказ «Три смерти», [515] о смерти Райнера Мария Рильке, старой французской учительницы и слабоумного эмигрантского русского мальчика. Может быть, такие рассказы не надо читать – может быть, лучше не облекать словами то, о чем мы даже думать боимся, – после таких рассказов очень тяжело становится жить, – но мне представляется что об «этом» говорить и писать нужно.

Я думаю, что Райнер Мария Рильке благодарен Марине Цветаевой за рассказ о его смерти.

Во втором отделении Марина Цветаева читала отрывки из своей поэмы о Царской Семье и целый ряд лирических стихотворений, периода 1918–1931 гг. Между политическими стихами и «правыми», патриотическими, где Царь неизбежно рифмуется с встарь, – и стихами революционными, обыкновено не бывает особой разницы. Слишком болезненна еще «тема» царской семьи, не совсем относится она еще к истории. Марина Цветаева и здесь нашла нужные простые слова, и поэма о Царской Семье у нее не вышла своеобразным «социальным заказом». От прикосновения к большой и непоправимой национальной и человеческой трагедии, ее стихи стали только еще более значительными, трагическими и национальными. В последнем слове не надо усматривать снижения – всякий большой поэт – национален, потому что всякая большая душа не может жить в искусственной клетке, отгородившись от жизни и страданий своего ближнего. Хотим мы этого или нет – Марина Цветаева является нашей большой национальной гордостью. Она великий – и русский поэт.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 50

Отрывки{153}

Юбилей «Современных записок» – большое событие в нашей здешней жизни. Не обычное, рядовое «редакционное торжество» отмечаем мы в эти дни, а общий наш и редкий культурный праздник. Нечего, конечно, радоваться тому, что мы за границей так засиделись и что выпуск пятидесяти книжек журнала оказался возможным, – но надо радоваться, что хватило на такое дело у эмиграции духовной энергии и жизненной силы. ...

Поэтический отдел богат, как давно не был. Это, вероятно, тоже результат юбилейных настроений: обыкновенно в «Современных записках» поэзию не очень жалуют. На этот раз редакции пришлось даже отказаться от обычного местничества и расположить стихотворцев не по старшинству, а по алфавиту. Мне очень понравились стихи Ощупа – в особенности, третье стихотворение, [516] простое, сдержанное и на редкость чистое. Стихи Ходасевича, как всегда, изощренно-искусны и ироничны. Не думаю, однако, чтобы «Я» принадлежал к лучшим его созданиям. Не лучшие свои стихи дал и Георгий Иванов (у него очень хороша только «метафизическая грязь» в последнем стихотворении; зато первое [517] – довольно вяло). Ладинский [518] красноречив и патетичен. Поплавский [519] певуч и задумчив. Есть настоящее чувство у Раевского, – в стихотворении, отдаленно напоминающем тютчевское «Пошли, Господи, свою отраду». [520] Декоративен Голенищев-Кутузов. [521] Наконец, Марина Цветаева, как водится, уверяет, что она «одна за всех – из всех – и противу всех», [522] но что когда-нибудь это досадное положение изменится. Стихотворение, впрочем, отличное и, наверно, многим понравится: даровитая поэтесса несколько преувеличивает свое одиночество.

Цветаевой же принадлежит статья на тему об «Искусстве при свете совести». Тема острая и глубокая. О таком авторе, как Цветаева, нельзя сказать, что она с задачей справилась или удачно тему «разработала». Держится она в своих высказываниях так надменно-капризно и пишет с такой прихотливой артистичностью, что, применив к ней обыкновенное слово, сразу чувствуешь себя каким-то несчастным канцелярским чиновником. Цитирует она то Тютчева, то Верлена (с ошибкой, конечно, в обоих случаях), [523] «отвечает» за Гете, устанавливает прямую связь между собой и Пушкиным, говорит только с теми, «для кого Бог-грех-святость – есть»... Все это у нее, однако, выходит интересно и оригинально, потому что Цветаева умный и талантливый человек, с подлинным «полетом» в мыслях. Она не ломается, она всегда говорит искренне, в ее словах есть огонь. Но женщина и декадентка в ней не преодолены. ...

В. Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 50

Отрывки{154}

Недавно вышедшая книжка «Современных записок» – по счету пятидесятая. Таким образом, мы присутствуем при литературном событии, которое следовало бы отметить. В эмигрантской словесности «Современные записки» были и до сих пор остаются одним из виднейших, центральных явлений. Если не весь ход нашей литературной жизни в них отразился, если многое совершалось и совершается за их пределами и даже вне их поля зрения, то все же нельзя отрицать и того, что история зарубежной литературы с ними связана непрерывно и что она даже испытала на себе сильнейшее их воздействие. Поэтому было бы бесполезно очертить общий характер журнала и путь, им уже пройденный, а к стати наметить и те задачи, которые, на наш взгляд, открываются перед ним для будущего. Однако сейчас, в связи с данной книжкой, касаться всех этих предметов было бы и технически затруднительно, и в литературном отношении непоследовательно: как-никак перед нами всего лишь очередной выпуск журнала, не нарушающий, разумеется, общего стиля «Современных записок», но все-таки более или менее случайный по своему составу. Это всего лишь одно из пятидесяти звеньев цепи, о которой, повторяю, можно и должно поговорить вообще.

Должен, однако, заявить сразу, что к рецензированию этой книги я приступаю с немалым смущением: как раз в наиболее существенной своей части она состоит из отрывков. Осуждать редакцию не решаюсь: на нее, вероятно, давит, с одной стороны, обилие материала (не следует забывать, что «Современные записки» – почти единственный у нас толстый журнал), с другой – желание предоставить читателю наиболее обширный и разнообразный выбор чтения. По правде сказать, я совсем не уверен, что читатель в конечном счете выиграет от этой пестроты. Журнал выходит всего лишь четыре раза в год, от книжки до книжки читательское

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru впечатление слишком успеваешь выветриться даже в тех случаях, когда, скажем, роман печатается почти полностью, но сравнительно небольшими кусками; в еще большей степени то же происходит с произведениями, которые вообще даются всего лишь в отрывках. Мне думается, что выходя только раз в три, порою даже в четыре месяца, «Современным запискам» следовало бы по характеру издания приблизиться к альманахам, т. е. в каждом издании давать не так много вещей, но зато каждую вещь представлять более полно. Вероятно, от того выиграла бы и публика, а уж авторы выиграли бы несомненно. Впрочем, на этом пункте я особенно не смею настаивать: возможно, что против моего предложения не мало есть возражений, если не с принципиальной, то с технической точки зрения. Как бы то ни было, задача рецензента разорванностью материала в «Современных записках» затрудняется в высшей степени. Как, в самом деле, могу я помочь читателю разобраться в ряде произведений, которых не знаю полностью, которых цель, смысл («установка», сказали бы в советской России) – для меня самого неясны? Никакое «критическое чутье», никакой литературный опыт не в силах предугадать то, что автор порою намеренно скрывает от читателя до поры до времени и что как раз наиболее необходимо для понимания и оценки всего произведения. Критику остается лишь угадывать – с чрезвычайным риском попасть впросак, либо ограничиваться «описанием» вещи, ее сюжета и стиля, – что тоже рискованно: ведь и то, и другое может быть по-настоящему понято и оценено только в связи с общим замыслом. Соответствие авторскому замыслу – необходимейший критерий при оценке всех частных. Ведь даже в тех случаях, когда этот замысел представляется неудачным, приходится иногда признать, что поскольку исполнение ему соответствует, вещь «сделана» хорошо. Бывает обратное: превосходный замысел оказывается скомпрометирован слабым его осуществлением. Когда же этот замысел нам неизвестен вовсе или только угадывается более или менее смутно, – суждение критика превращается в измерение без мерил. ...

Покончив с беллетристикой, перехожу к отделу поэзии. На этот раз он обилен и разнообразен по составу авторов, но, при общем довольно высоком уровне, особенно отметить в нем хотелось бы только стихи В. Смоленского, [524] с неторопливой уверенностью развивающего свое дарование, и стихотворение Марины Цветаевой «Роландов рог». Впрочем, по отношению к «Роландову рогу» никакие слова об общем уровне уже не применимы: эта пьеса, воистину замечательная напряженностью чувства, мучительного и страшного, резкостью мысли и силою языка, несомненно принадлежит не только к числу лучших стихов Цветаевой, но и вообще к числу лучших стихов, написанных кем бы то ни было за последние годы.

К этому стихотворению тематически, кажется, примыкает статья того же автора – «Искусство при свете совести». К сожалению, она представляет собою лишь выдержки из целой книги, написанной, видимо, в очень отрывочной и порывистой форме. [525] В ней много глубоких и острых мыслей, но столь же много неясностей, недосказанностей и, кажется, срывов. Не могу взять на себя смелости высказаться об этой работе, не прочтя ее целиком. ...

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 51

Отрывок{155}

... Отдел стихов разнообразен. Отмечу, прежде всего, два стихотворения Бальмонта. [526] Они могут нравиться или не нравиться – дело вкуса. Но лишней раз они подтверждают то, что легенда об упадке сил поэта не имеет оснований. Эти строки могли бы без всякого диссонанса быть включены в самые прославленные сборники Бальмонта – в «Будем, как солнце» или «Только любовь», например. Никто не заметил бы «упадка». Не Бальмонт изменился, нет, изменились мы, читатели: если бы теперь появилось «Будем, как солнце», книга эта прежних восторгов уже не вызвала бы.

О стихах трудно высказываться иначе, как узко-лично: иначе пришлось бы употреблять язык технический, уместный лишь в исследованиях каких-нибудь формалистов... Поэтому скажу, что мне лично показались прелестными стихи Ладинского, взволнованные и легкие, проверенные безошибочным внутренним слухом. Какой это одаренный стихотворец! В его строках, в его строфах дана как бы гарантия от срыва: они летят, как птица, – и, как птица, не могут упасть.

Смоленский пьет, как говорится, из очень «маленького стакана». Но стакан у него свой. Только со всей своей поэтической бутафорией – с ангелами, звездами, розами, ночью, смертью и лирами – он так неразлучен, что, читая новые его стихи, не совсем твердо знаешь: те ли это или не те, которые читал вчера или третьего

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
дня. Кстати, что было бы с эмигрантской поэзией – с доброй половиной ее, по крайней мере, – если бы из нашего языка исчезли звезды и ангелы – или издан был бы декрет, запрещающий употреблять эти слова? Признаюсь, я такой декрет склонен был бы приветствовать.

Берберова в патетическом отрывке из книги «Наше сердце» очень красноречива. Ее вольные, широкие строки похожи на попытку создать какой-то неоклассицизм. Опасная попытка: лубок от нее в двух шагах. Не напрасно Верлен советовал «сломять шею» красноречию. Если оно после этой операции и остается в живых, то живет уже по-новому, по-иному, не соблазняясь больше внешней красотой фразы. Берберовское звонкое красноречие, к сожалению, красоты еще не избегает.

В еще большей мере это относится к наивным стихам В.Пиотровского. [527] Дух Пушкина, к которому они в своей стройности и гладкости явно апеллируют, от них беспредельно далек.

Особняком, как всегда, – Марина Цветаева. Кто ее стихи любит, тому придется по сердцу и «Дом».

Почти то же самое мне хотелось бы сказать и о цветаевской статье, в этом номере журнала законченной, – «Искусство при свете совести»: – кто Цветаеву любит, тот с увлечением прочтет и эти ее размышления. Ни об искусстве, ни о совести, ни об искусстве при свете совести он решительно ничего не узнает. Но кое-какие сведения о самой Цветаевой, кое-какие данные для постижения ее щедрой и капризной натуры получит. Цветаева принадлежит к тем авторам, которые только о себе и могут писать. Пишет она, во всяком случае, интересно. Спасибо и на этом.

...

В. Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 51

Отрывки{156}

... В конце концов из всего художественного отдела на пожизну остается одна поэзия. Зато могу сказать, что она довольно утешительна. В ней ощущаются движение и жизнь, которые ощутились бы явственней, если бы поэтический цикл этой книги не открывался стихотворением К.Д.Бальмонта. Тут принужден я начать «за упокой!», чтобы кончить «о здравии». В стихах К.Д.Бальмонта – ни движения, ни жизни. Блаженной памяти модернизм здесь продолжает не лучшие из своих традиций. Крупицы мысли и чувства растворены здесь в потоке случайных, приблизительных слов, булькающих по правилам пренаивной, весьма поверхностной эвфонии. За сорок пять (приблизительно) лет поэтической деятельности К.Д.Бальмонт «ничего не забыл и ничему не научился». Его стихи обнаруживают не мастерство, всегда деятельное, ищущее и строгое к себе, а лишь известную профессиональную опытность, почти механический навык, с которым он может до бесконечности повторять и перепевать самого себя, впрочем, далеко уже не достигая даже и тех высот, которых ему порой удавалось достигнуть в далеком прошлом. Мы навсегда благодарны Бальмонту за многие его бывшие слова – они были истинным серебром. Его молчание стало бы нынче золотом. Читая нынешние стихи его, невольно думаешь, что последняя глава каждого сочинения, посвященного поэтике, должна бы называться «Умение замолчать вовремя».

Глубокая противоположность К.Д.Бальмонту – М.Цветаева. Автор не столь маститый, она все же на целое поэтическое поколение старше других стихотворцев, представленных в отчетной книжке «Современных записок». Ее стихотворение «Дом», здесь помещенное, далеко не столь замечательно, как «Роландов рог», напечатанный в предыдущей книжке. Рискованное по приемам, оно очень неровно, наряду с удачами явны в нем отдельные неудачи, но в самой этой рискованности, в неровности – сколько еще искания новизны, то есть именно движения и жизни. Творчество Цветаевой вообще в высшей степени неравноценно по достигаемым результатам. Свой замечательный дар нередко тратит она «без внимания», но ее неустанное внутреннее горение прекрасно и драгоценно.

Художественный темперамент В.Смоленского ничего не имеет общего с темпераментом М.Цветаевой. Всякого риска он, видимо, избегает, подвигаясь вперед очень робко. В новых своих стихотворениях он, видимо, ищет освободиться от некоторых влияний, которыми отмечено большинство его прежних пьес, но делает это с большой осторожностью, на каждом шагу как бы щупая под ногою почву, не смея себе самому довериться. От этого его новые стихи несколько теряют в законченности и точности. В этом смысле они, пожалуй, не принадлежат к числу его лучших вещей.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Тем не менее они все-таки хороши сами по себе и утешительны тем, что в них сказались воля к дальнейшему развитию. ...

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 52

Отрывок{157}

... Марина Цветаева напечатала небольшое стихотворение, написанное пятнадцать лет назад. За ее же подписью помещены мемуары о Максимилиане Волошине под названием «Живое о живом». Мне никогда не приходилось Волошина встречать. Насколько можно судить о нем по его стихам и статьям, он истинным поэтом не был, – и значение, которое Цветаева ему, очевидно, приписывает, сильно преувеличено. (Нельзя забыть поздних, грубо-трескучих фальшиво-декламационных волошинских стихов о России: это не случайный срыв, это – важнейший для характеристики Волошина документ.) Но, вероятно, как личность он был интересен: интересная, умная статья Цветаевой в этом убеждает. ...

Н. Резникова

Рец.: «Современные записки», книги 52, 53

Отрывки{158}

Хотя в наше время и очень принято говорить о всевозможных кризисах и, в особенности, о кризисе в литературе, – но, перечитывая «Современные записки», видишь, что не так уж у нас неблагополучно в области творчества. ...

Марина Цветаева в своих воспоминаниях о Максимилиане Волошине – «Живое о живом» – поднимается на высшие ступени художественной прозы. Только поэт может писать такой чудесной прозой. Кажется, Марина Цветаева переборала все женские слабости и оставила только самое прекрасное, что таится в женщине, – нежность, чуткость, верность прошлому и благородство. ...

Начатые в № 52 «Современных записок» воспоминания Марины Цветаевой о Максимилиане Волошине «Живое о живом» в отчетном номере кончаются. Трудно сказать, преобразен ли М.Волошин творческой фантазией поэтессы или действительно в личности его было столько мощи, красоты и сказочности, что нельзя было не плениться его магической чудодейственной силой. Марина Цветаева заставляет верить, что такие люди бывают, заставляет трепетать перед образцом этого титана, которого она, силой своего таланта, конечно, обессмертила. Написаны эти воспоминания поразительно; только жаль, что минутами автор начинает – совершенно непонятно зачем – как-то странно кривляться, появляются ненужные скобки и еще более ненужная вычурность, которой затемняется глубокий смысл некоторых страниц. Простота – вот чего не хватает этому прекрасному произведению. ...

В. Булич

О новых поэтах{159}

II

Современная эмигрантская поэзия разбилась на два русла. Одно берет свое начало от классических образцов, сохраняя заветы простоты и ясности, продолжая и углубляя старый путь. Другое в поисках новых возможностей обновления поэзии отказывается от старых заветов и идет по новым путям.

К первому направлению относятся Вл. Ходасевич, изощренный мастер стиха, укладывающий его в строгие классические рамки, утонченно-простой Георгий Иванов, несколько рассудочный, но искренний Н.Оцуп – один из старших поэтов; из молодых же – Ладинский, Смоленский, Кнут, о которых я говорила в первой статье, [528] и ряд других, стихи которых можно встретить на страницах зарубежных журналов. Наиболее яркой и даровитой представительницей второго направления является Марина Цветаева, творчество которой стоит особняком в современной поэзии. К этому же направлению можно причислить и молодого поэта Б.Поплавского, начавшего печататься в эмиграции.

В основе творчества всегда лежит бессознательная, некая данная величина, которая не может быть вызвана к жизни, но возникает сама собою, не повинуется носителю ее, но управляет им. Невозможно вызвать вдохновение, нужно терпеливо ждать его и повиноваться ему. Но от художника зависит провести нахлынувшие стихийно образы через сознание, спаять их чувством, мыслью, настроением или же, отдавшись всецело во власть бессознательного, бездумно и слепо следовать за своим вдохновением, запечатлевая образы, создавая, но не разгадывая некий узор.

М.Цветаева и Поплавский творят именно так, стихийно. В поисках новых путей в поэзии, острой новизны – они отдаются во власть потока ассоциаций, у Поплавского

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
зрительных – образных, у М.Цветаевой слуховых – словесных. Они не судят, не выбирают сознательно из этого материала того, что им нужно, а делают это по слуху, наугад, вслепую. Для Поплавского образ, для Цветаевой слово – не средство, а самоцель. От этого неясность их поэзии.

Остановлюсь сначала на Поплавском. Очень удачно назван им его первый сборник стихов «флаги» (Париж, 1931). Пестрые, яркие, цветистые обрезки тканей, трепещущие от ветра, – именно таковы его стихи, поток отрывочных, часто не связанных между собою красочных образов. Прежде всего они дают острое зрительное впечатление – часто повторяющиеся обозначения цветов: розовый, синий, лиловый, желтый, красный и наряду с этим конкретное представление: башня, корабль, аэроплан, мост и т. д. Нагромождение образов, мозаическая композиция, обилие синкретизмов, т. е. несливаемых по смыслу слов (напр. розовый голос, соловьиная улыбка, неслышимый свет[529]) характерны для Поплавского. Стихи его редко дают цельный образ, чаще ряд сосуществующих различных картин. Поплавский ощущает и рисует мир в его целом, вне времени и пространства, соединяя в одно – близкое и далекое, прошлое и будущее, реальное и фантастическое. Тогда как стихи М.Цветаевой вызывают желание сопоставить их с новой музыкой, с ее шумами, – стихи Поплавского напрашиваются на сравнение с новой живописью, в частности Шагала, одна из картин которого «Деревня» составлена из треугольников и четырехугольников, заключающих в себе отдельные рисунки.

Поплавский романтик, его стихи фантастичны, многие из них носят знаменательные заглавия: Ангелы ада, Сентиментальная демонология, Весна в аду, Diabolique и т. д. Особенно полюбился Поплавскому образ ангела, встречающийся чуть ли не во всех его стихах. Наряду с этим – отражение современности: граммофон, радио, аэроплан и дирижабли, причем иногда Поплавский соединяет в одной плоскости образы различных планов.

– Из дирижабля ангелы на лед

Сойдя молчат с улыбкой благосклонной. [530]

В творчестве Поплавского чувствуется наслоение различных влияний. Сильнее всего влияние Блока, сказывающееся и в некоторых образах, и в музыке стиха (прекрасное стихотворение «В Духов день»), есть кое-что от Северянина, есть совершенно имажинистические образы, напр., «стук шагов барахтался на вилке лунной» или «слезы сияли, как птицы в лесах», [531] есть образы в духе Пастернака, его раннего периода. Не все влияния еще преодолены, не достигнута полная гармония, но все же стиль уже выработался, и в лице Поплавского мы видим поэта с несомненным ярким талантом, с необычайно богатым воображением и с большой музыкальной чуткостью. В его стихах, мозаичных, хаотических, напоминающих порой бредовые видения, есть трепет и жизнь. Это не сделанные, не отточенные стихи, а вылившиеся стихийно с подъемами и срывами, вылившиеся как бы без участия и без ведома автора. Плод наваждения. В его стихах два плана. На первом, как на экране, проплывают то связанные между собою, то разрозненные, порой пленительные, порой поражающие своей острой новизной образы. Но не только они составляют сущность поэзии Поплавского. На втором плане, за этой пестрой вереницей, слышится настойчивая, ведущая музыкальная мелодия, иногда живущая отдельной жизнью, иногда тесно сплетенная с образами, дающая им новую жизнь. Эта музыка стиха, томным, не всегда внятным языком говорящая сердцу – и есть подлинная поэзия Поплавского. В этом ее сила и очарование. Когда мелодия прерывается, образы тускнеют и рассыпаются, вызывая недоумение. Не всегда понятно, что хочет сказать Поплавский. Бывают у него срывы, бывают странные, неприятно поражающие образы, но за всей этой образной пестротой, за своим вымыслом, сплетенным с чужим, за картиною мира в целом, как если бы Поплавский обзрел его с некой неизмеримой высоты, слышится острая тревожная нота. Нота предчувствия. Поплавский смотрит в будущее.

И грядущие годы к порогу зари подходили,

И во сне улыбались грядущие зори земли.

Что же видит он в будущем?

И сквозь жар ночной, священный, адный,

Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,

Запорхает белый беспощадный

Снег, идущий миллионы лет. [532]

Предчувствие гибели, и личной – смерти, и общей – европейской культуры, звучит в его стихах. В одном стихотворении ему представляется Европа кораблем, утопающим в океане, в другом он сравнивает мир с театром, отошедшим в вечность, над

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru которым «сад раскрылся розовой стеною в небесах пустых и безупречных». [533] В стихотворении «Богиня жизни» этой богиней оказывается смерть «курчавый Гераклит». В прекрасном стихотворении «Стоицизм», где он описывает Рим, замечательный конец – неслышные крадущиеся шаги надвигающихся событий: опять та же тревожная нота. Это настроение роднит Поплавского с Ладинским, Смоленским и Кнутом, хотя его творчество и идет по иным путям. Слишком много в его стихах красочности, чтобы в них можно было почувствовать уныние, его фантастические картины, дающие сумму мира или изображающие некое светопреставление, пленяют двойным очарованием образа и музыки.

Марину Цветаеву современная критика называет «самым большим поэтом эмиграции», восхваляют ее стиль и расточают по ее адресу много лестных слов. Между тем читающая публика в большинстве случаев не любит и не понимает стихов М.Цветаевой. Между поэтом и читателем как бы двойная стена, со стороны читателя непонимания и недоумения, со стороны поэта невнимания к читателю, нежелания облегчить ему доступ к своему творчеству. Поэт, да еще такой свободолюбивый и самообытный, как Цветаева, вправе идти «дорогою свободной, куда влечет его свободный ум». [534] Это дело читателя – проявить больше чуткости и постараться понять поэта, поискать ключ к его творчеству.

«Здесь на земле искусств словесницей слышу», [535] говорит Марина Цветаева о самой себе. Знаменательные слова. Именно словесница, сплетающая слова в затейливые узоры, как кружевница, плетущая кружево. Для Цветаевой слово – самоценно, не в смысле представления, вызываемого им, а в смысле его звучания, его фонетического строения. Ритм и слово как таковое – основа ее творчества. М.Цветаева одержима звукотворчеством, она творит не от образа, вызываемого теми или иными чувствами и настроениями, а от слова, заключающего в себе те или иные звуки, вызывающего звуковые же ассоциации и созвучия, которые с ее точки зрения оправдывают смысл. Интересно проследить ее стихи в хронологическом порядке (сборник стихов «После России», Берлин, 1928). Тогда особенно выпукло выступает характерная особенность ее творчества, импульсом и стержнем которого является самоценное слово. Часто одно стихотворение выливается на другое, и их внутренняя связь обуславливается каким-нибудь одним словом. Напр., в одно стихотворение проскользнуло слово «ладонь» [536] – оно вдохновляет ее и дает заглавие и тему следующему стихотворению. Слово «жимолость», особенно полюбившееся Цветаевой, встречается во многих ее стихах без какой-либо смысловой или образной оправданности.

Напр.

– ...Жимолость нежнее тел.
– ...Бог с замыслами, Бог с вымыслами.
Вот: жаворонком, вот: жимолостью.
Вот: пригоршнями: вся выплеснута.

– ...Несется, как челн,
В ручьёвую жимолость

Окунутый холм. [537]

«Мир построен на созвучьях», говорит Марина Цветаева в своем стихотворении «Двое» («После России»). Это положение дает ключ ко всему ее творчеству. Созвучность для нее – база, закон, истина. Из созвучных слов строит она свой мир «мнимостей», который для нее вернее и значительнее мира реального. («Недр достовернейшую гущу я мнимостями пересилю». [538]) Из соединения слов, иногда далеких друг от друга по смыслу, но созвучных, рождается мысль. Этот путь свободной звуковой ассоциации открывает богатые возможности и дает совершенно другой угол зрения, обновляя старый мир вещей и понятий и придавая им новое углубленное значение, но в то же время он дает простор и совершенно произвольным и бесплодным сочетаниям. Любопытно проследить это на примере:

В мире, где всё плесень и плющ. [539]

Плесень и плющ – слова, дающие вполне конкретные представления, соединенные аллитерацией (пле-плю). Слово «плющ» взято здесь именно в силу своей созвучности со словом «плесень». Но созвучность дает толчок мысли, и слова плесень и плющ приобретают символическое значение тленности и слабости. Но вот другой пример, описание рая:

Рай – с драками?

Без – раковин

От устриц?

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Без люстры?[540]

Как представить себе такой рай? Отрицательные признаки не характеризуют, но они вызваны здесь механически, звучными и редкими рифмами.

Стиль Марины Цветаевой, единогласно восхваляемый критикой, действительно в высшей степени своеобразен. Цветаеву узнаешь по первой строфе и ни с кем не спутаешь. В ее стихах наряду с архаизмами, как напр.: сей, доколь, вотще, дабы, оный, можно встретить и новые цветаевские словообразования (рифмы к слову жизнь: тишизн, глушизн, первоголубизн). Тон стихов – приподнятый, тон вещающей Сивиллы, с которой себя сравнивает Цветаева. Короткие, обрубленные фразы, брошенные, недоговоренные, лишь намеченные мысли, отсутствие глаголов подчас, перенос из строки в строку (enjambement), ломающийся, отрывистый ритм, порой подчеркнутый особыми знаками тире, требующими отрывания слогов – все это характерно для Цветаевой. Она не преследует музыкальности стиха в его прежнем значении – плавности размера, большого количества гласных. В ее стихах запретные столкновения согласных, делающие стихи труднопроизносимыми; но у них своя музыка, музыка новая, с четким острым ритмом, иною инструментовкой, созвучными шумами. Обилие внутренних рифм дает им необыкновенную звуковую красочность и композиционную стройность. Часто слова идут в них параллельными рядами, соединяемые то по звуковой сложности, то по грамматическому родству.

Напр.:

– ...Изгородью окружусь,
Жимолостью опояшусь,
Изморозью опушусь.
– ...Сухостями теку.
Тусклостями: ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.
– ...Все ты один! во всех местах,
Во всех мастях, на всех мостах.
Моими вздохами снастят.
Моими клятвами мостят.
– ...Здесь, меж вами: домами, деньгами,
Дымами, дамами, думами[541]
и т. п.

Из этих слов, связанных звуковой ассоциацией, но в сущности взятых подчас совершенно случайно и произвольно, и строит Марина Цветаева свои поэтические здания. И в этом отношении она действительно одарена чрезвычайно; ни у кого нет такой неистощимой находчивости, такого блистательного богатства слухового воображения, такого виртуозного мастерства. Лучшая ее вещь сказка «Мóлодец» (Прага, 1924), где созвучные слова в соединении с острым синкопическим размером дают замечательный эффект нарастания темпа и пафоса.

Но увлекаясь звуковыми ассоциациями, М.Цветаева в своих стихах часто занимается лишь словесной игрой. Напр., ее обращение к любимому:

Льни! – сегодня день на шхуне, –
Льни! – на лыжах! – Льни – льняной![542]
Замечательно музыкальное соединение мягких Л и Н, но суть здесь не в образах, а лишь в словосочетаниях. И если попробовать перевести стихи Цветаевой на другой язык, когда спадут с них тщательно ею подобранные яркие блестящие слова, останется ли что-нибудь за ними, останется ли то таинственное ядро, которое и составляет сущность поэзии? И не становится ли порой механической привычкой, вроде вышивания бисером, это нанизывание цепляющихся одно за другое слов? Марина Цветаева дебютировала еще в 1910 г. прекрасной книжкой стихов, отмеченных хвалебной рецензией Гумилева в его книге «Письма о русской поэзии». Ее ранние стихи творились от образа, чувства и настроения. Маяковский и Пастернак оказали на творчество Цветаевой значительное влияние. Уже здесь, в эмиграции, Марина Цветаева вступила на свой новый путь, увлекшись словом, как самоценной величиной. Теперь Цветаева ближе всего к школе конструктивистов, представителем которой является Илья Сельвинский в Советской России. Конструктивисты строят свои поэтические произведения, поставив себе определенное задание. Они считают необходимым разрабатывать и звук, и ритм, и заумь, и всякий новый возможный прием, но все это должно быть подчинено основному заданию. Все-таки главное

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru внимание они обращают на звуковую и ритмическую сторону стиха, подчас пренебрегая смыслом. В сборнике Цветаевой «После России» есть стихотворения, вполне отвечающие требованиям конструктивистов – «Полотерская», «Плач цыганки по графу Зубову» и др.

В произведениях Цветаевой подчас чувствуется больше искусственности, чем искренности; потоку случайных ассоциаций она верит больше, чем голосу непосредственного чувства, творческой интуиции, проверенной зорким взглядом художника; но в лучших из ее произведений много пафоса, силы, остроты и новизны. Стихи ее трудны для чтения, далеко не всегда понятны; их нужно читать и перечитывать, вникая в смысл и досказывая недосказанное. Вероятно необходимостью такой работы над ними и объясняется недостаточная любовь читателя к великой словеснице Марине Цветаевой. А между тем, несмотря на оспоримость некоторых ее приемов, у нее есть чему поучиться молодым поэтам. В ней чувствуется сильная, резко очерченная индивидуальность, ломающая шаблонные рамки, свободно идущая по своим собственным путям и мечтающая перестроить мир по своим законам. И хотя не всем современникам ее стихи созвучны и близки, но в них есть та сила, новизна и смелость, которая сохраняет имя Марины Цветаевой для будущего.

А. Бем

Письма о литературе
Правда прошлого{160}

Обычно я не читаю нашей газетной беллетристики. Как-то уже с юношеских лет так повелось. Мне всегда казалось, что хорошему рассказу место не в газете, а в книге. И поэтому так называемые «праздничные» – рождественские и пасхальные – номера наших больших газет, обычно заполненные рассказами и притом лучших писателей, мне казались пустыми – в них нечего было читать. И до сих пор мне как-то неловко среди газетной шелухи, которую перебираешь каждый день по обязанности культурного человека, встречать подпись любимого писателя под неизвестно почему в газету затесавшимся рассказом. И тогда я беру ножницы и вырезаю рассказ, привлекий мое внимание, не читая его, и откладываю в сторону. А читаю его уже позже, отдельно от газеты; читаю не так, как читают газетный материал.

Так с большим опозданием прочитал я и два рассказа, напечатанных в «Последних Новостях» от 16 июля. Они у меня пролежали среди вырезок, и только на днях я вспомнил о них. Это «Башня в плюще» Марины Цветаевой и «Наперекор» Алексея Ремизова. И должен сказать, что, прочитав их вне газеты, я почувствовал своеобразную обиду, что они появились в печати в «газетном порядке». Хотя бы уже потому, что о газетной беллетристике не принято писать, а оба эти рассказа, на мой взгляд, очень и очень заслуживают того, чтобы их отметить.

А так как я, как уже говорил, читал их не «в газетном порядке», то имею право – в нарушение традиции – поговорить о них в печати.

Мне вообще кажется, что Ремизов и Цветаева находятся незаслуженно в загоне. Оба эти писателя, с одной стороны, как будто бы писатели «для немногих», для избранных, а с другой – как никто они-то и нуждаются в «атмосфере», в читательском внимании и сопереживании.

А так как этих условий за рубежом нет, то они «задыхаются». Не хочу сейчас объяснять, почему и как это случилось, но «одиночество» Ремизова и Цветаевой мне кажется несомненным. Отсюда и некоторое искажение их писательского лица, если хотите – некоторая доля «юрродства», как результата отсутствия корректива сочувствующей среды. Но несмотря на это, Ремизов и Цветаева едва ли не самые крупные явления нашей эмигрантской литературы; да по совести к ним и не применима этикетка «эмигрантская» литература. Они явления литературы русской во всем ее непреходящем значении. И это прежде всего потому, что оба они связаны с русской литературной традицией.

Для Ремизова это очевидно. Он корнями своими в Гоголе и Достоевском, хотя формально связан с символистической прозой начала нашего века.

Теперь часто приходится слышать: после Пруста нельзя писать так, как писали до него... Но на Ремизове особенно ясно видно, что почитатели Пруста очень переоценивают его влияние на современную литературу. Ведь Ремизов, окруженный прустовской атмосферой, остался совершенно вне его воздействия. Да иначе и не могло быть: он слишком уже сложившийся и на иной традиции выросший писатель. На

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru первый взгляд может показаться, что для Ремизова форма стоит на первом месте, что он в погоне за красным словом готов пожертвовать всем. Но это только так кажется. Не знаю сейчас ни одного писателя, который так упорно и постоянно в своем творчестве говорит о самом важном, о человеке, его боли и его тоске по правде. Щемящая боль за человека проходит красной нитью через творчество Ремизова. И сейчас, когда мысль человечества сосредоточена на мировых катаклизмах, он видит прежде всего человека, в живой душе которого разыгрывается в конечном счете эта мировая трагедия. Как жаль, что Ремизов вынужден кусочками печатать свою потрясающую трагедию русской эмиграции! Кто из нас, эмигрантов, следит внимательно за историей Корнетова? а я склонен думать, что когда-нибудь Корнетов станет именем нарицательным. Я не найду для прозы Ремизова настоящего определения, ибо все старые названия не передают ее сущности. Так, для себя, только для себя, потому что понимаю все несовершенство этого обозначения, я ее называю «медитативная проза», т. е. проза раздумья. Хотя Ремизов традиционно связан и с Гоголем и с Достоевским, но ни гоголевский «натурализм» (сам по себе не очень удачный термин), ни «философский реализм» Достоевского, ни, наконец, «мистический реализм» не подходят для обозначения существа его творчества. Гоголевские «лирические места», субъективно окрашенные прорывы в речах и высказываниях героев Достоевского, имеют свое соответствие у Ремизова. Всюду там, где речь идет о «единственно важном» – о человеке и постижении им мира, – у Ремизова появляется то, что я условно называю «раздумьем». Эти отступления концентрируют в себе ту боль, которая разлита по всем произведениям Ремизова, собирают ее в одну точку и оставляют то щемящее чувство, которое у меня нераздельно с творчеством Ремизова связано. Но я слишком много говорю о Ремизове вообще, вместо того чтобы сказать несколько слов о его рассказе «Наперекор».

Это тоже только отрывок из целого цикла. Но он сам по себе представляет законченное целое, не только формально, но и внутренним единством связанное.

История дружбы двух девочек, Оли и Зины, выросших вместе в одном пансионе, а затем подхваченных русским предреволюционным потоком жизни.

Такая обычная и в своей обычности загадочная общность судьбы молодого поколения. Совсем разные, – и Ремизов с большой тонкостью подмечает – разные в реакции на то, что определяет характер, а часто и жизнь, разные по реакции на пол: одна «по существу была мать» и тянулась всем существом к материнству, хотя первого ребенка родила «с изумлением». Это «с изумлением» удивительное свидетельство внутренней чистоты, целомудрия. Другая, Оля, во всем, что связано с полом, видела, нет, вернее, ощущала что-то чуждое, что-то «уходящее корнями к Адаму и Еве, в мрак животных зачатий». И вот эти столь несходные между собою девушки, обе сошлись в одном. Их судьбу связало революцией. Одна, Зина, следует за мужем-студентом в ссылку, другая – сама в ссылке очутилась. И писатель в раздумье над общностью судьбы по внутреннему своему строю столь разных людей дает нам понять истину, которую так бы хотелось довести до сознания современной молодежи. Соединяло нас всех, влекло друг к другу и предопределяло общность – в той или иной степени – нашей судьбы, то «наперекор», то искание своего пути, которое в конечном счете связывало нас с «революцией». И те, кто вырос в иных условиях, кто склонен сейчас после всего пережитого за годы не мечтательной, а подлинной революции бросить камнем осуждения в старшее поколение, просто не понимают, не чувствуют истоков того, что к революции влекло. И Ремизов совершенно прав, когда, тоже «наперекор», именно сейчас говорит: «надо всеми словами сказать, что то чувство, которое побуждало „заниматься революцией“, исходило из самого высшего „источника духа“ и что „занимавшиеся революцией“ и были те „ищущие правды“, и горе тем, кто с юности со старым, но не мудрым сердцем смирившийся, не знал этого пламенного чувства».

Хорошо, что Ремизов это не только «всеми словами» сказал, как вывод из своего рассказа, но и художественно это показал. Когда я прочитал этот рассказ громко, то одна из слушавших, девушка лет шестнадцати-семнадцати, задумавшись сказала: какие вы были совсем другие. И мне послышалось в этих словах не осуждение, а раздумье и желание понять эту несхожесть двух поколений. А это уже первый шаг к взаимному пониманию и, может быть, уважению.

«Башня в плюще» Марины Цветаевой тоже о детях. Проза Марины Цветаевой как будто вне русской традиции, как будто под сильным влиянием прозы Р.М.Рильке сформировался ее своеобразный прозаический стиль. Но я думаю, не берусь это утверждать, в Рильке и Цветаевой сошлись встречные течения. На русской почве в годы предреволюционные создавались условия для возникновения именно того стиля,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru который характеризует прозу Бор. Пастернака и Мар. Цветаевой. Особенно ярко это видно на прозе Бор. Пастернака, который тоже близок к Рильке. Но эта близость только показывает, что здесь имеется какая-то общность путей в литературе, так как своеобразие и самостоятельность Бор. Пастернака вряд ли подлежат сомнению.

Начинает Цветаева рассказ со ссылки на Рильке, как бы этим подчеркивая свою духовную общность с ним. Эта общность и в теме и в подходе к ней. Тема – воспоминания эпизода из детской жизни, пустякового и незначущего, но освещенного той предельной наблюдательностью, которая делает каждый пустяк значащим и значительным. Цветаева только рассказывает, она не впадает ни в отступления, ни в нравоучения. Но ее рассказ все время толкает вас на собственные припоминания, вызывает острые вспышки памяти о своем давнем прошлом. Конечно, так дети не могут рассказать своего детства. Надо прожить долгую жизнь, чтобы так вспомнить – и жизнь в однообразном пансионе, и неожиданную радость при представившейся возможности нарушить ее однообразие поездкой «К Ангелу», к хозяевам деревенской гостиницы, с детьми которых вместе прошло веселое солнечное лето, и остроту разочарования от неисполненной мечты, а затем – встречу с необычной, «непохожей ни на одну», владелицей романтического замка «Турн унд Таксис», с певучим «коричневым» голосом, обладавшей к тому же таким чудным псом, «Тирсом» – «шоколадным», гладким, которого и гладить и целовать хочется, но – старшие мешают. И на этом фоне так ярко ощущаемую ложь этих старших, обеих фрейлен, в таком резком контрасте находящихся с «коричневой» княгиней и «шоколадным» Тирсом. Там – правда, здесь – ложь. Да, так не могут рассказать своего детства дети. Но ведь и сон свой можно рассказать только бодрствуя, тогда, когда он уже далекое ушедшее прошлое. Редко кому удается рассказать свой сон так, чтобы в нем сохранилось все его очарование. Также редко кому дан талант рассказать свое детство. М.Цветаевой этот дар передачи своего прошлого присущ в высшей мере. Не потому ли, что Цветаева в высшей мере, по существу «романтик», влюбленный в прошлое. «Как хорошо сидеть спиной к лошадям, когда прощаешься! Вместо лошадей, которые непоправимо везут и неизбежно доставят нас туда, куда не хочется, в глазах то, откуда не хочется, те, от кого...» (закончим за писателя)...уезжать не хочется. Сама Цветаева мне представляется такой – всегда «сидящей спиной к лошадям», смотрящей в прошлое, им очарованной и в него влюбленной.

И именно потому, что она в нашей литературе «поздний романтик», она так не ко двору пришлась нашей неромантической современности.

С. Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 52

Отрывки{161}

Вот наш патент на благородство.

Тютчев[543]

Если считать, что главной задачей русской эмиграции является сохранение преемственности русской культурной традиции, то надо признать, что журнал «Современные записки», сумевший исключительно в трудных условиях зарубежного существования издать пятьдесят две книжки, блистательно до сих пор с этой задачей справлялся.

Каждая новая книжка этого журнала была настоящим праздником для всех любителей русской литературы. Но и в политическом отделе, как бы ни относиться к статьям отдельных авторов, журнал дал чрезвычайно много ценного и интересного, предоставляя свои страницы писателям и публицистам различных направлений. ...

Воспоминания Марины Цветаевой о Максимилиане Волошине («Живое о живом») являются лишним доказательством какой-то особенной, жизненной одаренности этой оригинальности писательницы, поэтическое творчество которой за последние годы так часто приводит в недоумение всех, знающих, что она могла бы еще дать русской поэзии, если бы не соблазняли ее странные эксперименты над русским языком и русским стихом.

Необычайная живость в воскрешении собственного прошлого, соединенная с какой-то капризной прихотливостью, невольно вызывает в памяти любопытнейшие отрывки из воспоминаний Андрея Белого, в свое время появившиеся в «Современных записках», [544] хотя Марина Цветаева в этой статье совершенно свободна от синтаксических причуд Андрея Белого.

С яркостью встает перед нами, наряду с образом гимназистки в очках и чепчике,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru страстной поклонницы Наполеона и Орленка, юной поэтессы Марины Цветаевой, – образ Максимилиана Волошина, этого интереснейшего поэта и оригинальнейшего человека, к творчеству которого мы надеемся еще вернуться на страницах нашего журнала.

Цветаева вспоминает мистификацию со «стихами Черубины де Габриак, редакцию Аполлона», поголовно влюбленную в эту таинственную незнакомку, и многое еще из «малой истории литературы». ...

В. Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 53

Отрывок{162}

... Чтобы закончить эту статью, скажу несколько слов о воспоминаниях Марины Цветаевой, посвященных недавно умершему Максимилиану Волошину. Воспоминания эти написаны с большим блеском и сильным чувством. Их вторая половина, напечатанная в отчетной книжке, особенно хороша. Не могу, однако, не отметить то обстоятельство, что образ Волошина и едва ли не все с ним связанные явления, на мой взгляд, даны в очень схожем, но чрезмерно преувеличенном виде. И сам Волошин, и его прелестный коктебель, и его стихи мне хорошо ведомы. Волошину и его матери (которая удалась Цветаевой даже больше, чем сам Волошин, ибо вышла не столь преувеличена) обязан я очень хорошими днями своей жизни. И все же должен сказать, что только при крайней стилизации можно изображать Волошина таким титаном и мудрецом, каков он у Цветаевой. Это был очень милый, очень образованный, очень одаренный, но и очень легкомысленный, даже порой легковесный человек, писавший довольно поверхностные стихи, из которых самые неудачные своей оперной красотой имели наибольший успех у некомпетентных ценителей. Воспоминания Цветаевой о Волошине неизмеримо значительней самого Волошина: в этом их замечательное литературное достоинство и несомненный мемуарный недостаток. ...

В. Шнеерова

Русские писательницы за рубежом

Отрывок{163}

День за днем уходят годы нашей жизни за границей, годы скитания после войны и революции, годы тревог и труда. В этих рамках место русской женщины изменилось. Расширился опыт, в борьбе за право жить наравне с мужчиной она была вынуждена с ломкой внешней перенести и внутреннюю ломку.

Былые мотивы женского творчества: любовь, материнство, брак и соответствующий им лирический тон перестали быть всепоглощающими: явились новые темы и новые формы.

Война, революция, прошлая Россия, свое и чужое место в ней, – новая страна, новые люди, среди которых русская женщина нашла свой дом, – перемены в ее миропонимании – вот далеко не исчерпанные мною новые темы.

Имен много: в беглом очерке придется коснуться лишь тех, которые затронули ответные струны у нас, через Атлантический Океан, через весь Северо-Американский континент докатились сюда, к берегам Великого Океана.

Марина Цветаева, поэтесса, имя которой было знакомо нам до революции, в России, ищет все время новых путей и в смысле формы, и в смысле многообразия сюжета. Наряду с поэзией у нее ряд драматических произведений, критическая проза, автобиографические и биографические очерки, рассказы. Форма очень своеобразная. «Крысолов» (1925) – лирическая сатира на мелкий немецкий мещанский мирок, – яркий пример ее стиха. «Твоя смерть» (1927) – очерк, посвященный Райнер Марии Рильке, – образец ее прозы. Извечная, необъятная тема: жизнь – смерть – бессмертие духа. Тесно связаны три смерти: француженки – учительницы музыки, русского мальчика, недоразвитого Вани и смерть Рильке. Мистическая связь между этими смертями. «Не тебе говорю, – всем – призрак», то есть величайшее снисхождение души к глазам...

«Мы хотели тебя видеть – и видели. Мы хотели твоих книг – ты писал.

Волей нашей, то есть всем трагическим недостатком ее, всем безволием, всей мольбой о всей твоей, заклинали мы тебя на землю».

Очерк «Наталья Гончарова» (1929) единая в своем роде художественная критика. Ярко выявлен образ человека и живописца. Гончарова, по словам Цветаевой, – растение, «живой глагол».

«...Сама растение, она не любит их (куст, ветвь, стебель, побег, лист) отдельно, любит в них себя, нет лучше чем себя, свое».

Эти слова подходят к самой Цветаевой, которая в слове ищет дух, связь с собой и людьми, в звуках – созвучия. ...

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 54

Отрывок{164}

... Чрезвычайно интересен «Дом у Старого Пимена» Марины Цветаевой. Вот человек, которому всегда есть «что сказать», человек, которому богатство природы дает возможность касаться любых пустяков и даже в них обнаруживать смысл... Многие, отвергая ее стихи, – действительно трудные, многословные и по творческому методу крайне спорные – считают ее заблудшим талантом, писательницей, одаренной, но сбившейся с пути. Проза М.И.Цветаевой должна бы у всех рассеять сомнения, ибо проза, по сравнению с поэзией, – это, так сказать, «за ушко да на солнышко». За рифмами в ней не спрячешься, метафорами не отделаешься... На «солнышке» Цветаева расцветает. Вспоминает она свое далекое детство, рассказывает о старике Иловайском и о каких-то давно умерших юношах и девушках, – что нам они, казалось бы? Но в каждом замечании – ум, в каждой черте – меткость. Нельзя от чтения оторваться, ибо это не мемуары, а жизнь, подлинная, трепещущая, бьющая через край. Чуть-чуть отдает, правда, Марией Башкирцевой вместе с доморощенным, сыроватым, московским «нищешанством», но это уже относится к характеру рассказчицы, а не к ее дару. ...

Ю. Иваск

Цветаева[545] {165}

Сердце – бросив...

– ликуй в утрах,

Вечной мужественности взмах! [546]

1

У Цветаевой есть свой читатель, но, по-видимому, для литературных кругов эмиграции ее творчество – нечто чуждое и даже враждебное. Цветаеву – ценят, печатают, но, за малыми исключениями (Слоним, Святополк-Мирский), о ней не говорят – замалчивают, и это, думается, вполне естественно. – У Цветаевой – «наступательная тактика»; Цветаева требует и завоевывает – это-то именно и чуждо всей вообще зарубежной литературе, которая не наступает, а обороняется, защищается и – укоряет, взывает (– «глас вопиющего в пустыне» [547]). Цветаева слишком сильна для литературных сфер эмиграции – это не обвинение, лишь констатирование факта.

Цветаева в одиночестве. Но в этом своем одиночестве Цветаева разрабатывает, в сущности, очень современные темы. Цветаевское творчество чуждо злободневностям современности, но в нем действуют силы крайних (не в зависимости от их окраски) течений нашего века. Цветаева – очень «эпохальна», но мудрее самой эпохи – захватывает глубже и видит дальше.

Однако сперва о чисто поэтической задаче Цветаевой.

2

Поэзия Цветаевой – отталкивается от XVIII в. В ее поэзии живут традиции, назовем условно, державинско-шишковской школы декламативной поэзии архаистов. Вот формула одной из главных задач этой школы:

1) «Уметь высокий Славянский слог с просторечивым Российским так искусно смешивать, чтоб высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого».

2) «Уметь в высоком слоге помещать низкие слова и мысли... не унижая ими слога и сохраняя всю важность онога» («Рассуждения о Старом и Новом Слоге», 1803, адмирал Шишков). [548]

«Эти строки», пишет Цветаева, «я ощущаю эпиграфом к своему творчеству» (из письма). [549]

Державинско-шишковская языковая традиция идет через Тютчева, мимоходом задевает, напр., Кузмина, Манделштама и, наконец, продолжается Цветаевой (NB. – Вяч. Иванов – представитель старой архаической школы, ломоносовской, херасковской, в его поэзии – гегемония «высокого штиля»). Возможно ли дальнейшее развитие этой традиции? Не завершительница ли Цветаева? – Может быть; но высокие интонации декламативной мелодики (выражение Б.Эйхенбаума) в поэзии архаистов, слышимые также у Некрасова и Маяковского, еще далеко не использованы. Когда говорят о кризисе современной поэзии, как-то не учитывают эту поэтическую традицию, а некоторые, может быть, даже считают ее антипоэтической.

Тема цветаевской декламативной поэзии – «стихийное» (т. е. некоторая могущественная воля, осуществляющаяся, не задумываясь о целях), которое, однако, выявляется и действует по строго определенной системе.

«Стихийное» в цветаевской поэзии – «подлый язык», разговорный язык, и напряженные восклицательные речения (эмфазы, требующие музыкально-выдыхательных ударений); и «стихийны» – излюбленные Цветаевой отрывистые, последовательно «стяженные» трехсложники (логаэды). Эти размеры встречаются очень редко. Обычно паузы в трехсложниках «гуляют» по стиху (и в гекзаметрах и в паузниках). У Цветаевой же тенденция именно к строгой последовательности в распределении пауз (в сб. «После России» около 40 % всех стихотворений написаны «правильными» паузниками, логаядами).

В поэзии Гумилева и Маяковского – «возмужали» женственные паузники Жуковского, Фета, символистов.

Цветаевские трехсложники – мужественны и тяготеют к математической точности (т. е. – прием «стяжений», разрывающий стих, – у Цветаевой – разрывает его на определенном участке).

Здесь мы наблюдаем – второе – «логическое» начало цветаевской поэзии.

«Логическое» – «высокий штиль», холодные, великолепные и, как нечто отвлеченное, воспринимаемые нами архаизмы, и – четкость, точность речений-формул –

Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.
(«Жизни»).

Романтическое в классическом, «стихийное» в «логическом», Дионис в Аполлоне, эрос в логосе, стихия в системе – вот главная (и я ограничиваюсь ею) поэтическая задача Цветаевой, и вместе с тем – не есть ли это – тема нашей эпохи (ее крайних, наступательных движений).

З

«Стихийны» современные молодые люди из спортивных и боевых дружин, они сильны и веселы, большие оптимисты – но куда же они идут? – Сами не ведают. Об этом должен знать. – Проблема авторитарного мышления, авторитарной демократии.

Стихийная сила молодежи прекрасно организована, ее иррациональный числитель подведен под некоторый рациональный знаменатель. Юное воинство вполне во власти вождя.

Молодежь не знает – куда; вождь должен знать (все вообще!), но знает ли?

И еще – стихия рационализирована, упорядочена, но надолго ли? Где исход этим, человека растворяющим, человеческим (все же!) стихиям. Может быть, впереди – катастрофа, перед которой померкнут все бедствия, когда-либо постигшие человечество. – Возможно, но этот вопрос меня мало интересует. Чтобы проникнуть в сущность какого-либо явления – это опыт – необходимо проникнуться им. Посему – значительна и серьезна проблема – что будет с «новыми спартакцами», с их энтузиазмом и пафосом – в случае удачи? Чего они захотят тогда? Где последний и окончательный исход нашей мужественной, героической и безумной эпохи?

В зарубежной русской литературе ответ на этот вопрос имеет смысл искать только у Цветаевой.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Зем – ля утолима в нас,
Бес – смертное – нет.
Те – ла насыщаемы,
Бес – смертна алчба.
(трагедия «Тезей»)

4

Стихии современности еще пребывают в младенческом состоянии. В поэзии Цветаевой они уже достигли зрелости.

Стихия – стихия-страсть, мятущаяся в вещах и в человеке – главный герой цветаевской поэзии.

Античная концепция (Эврипид) – человек страдает от страстей, которые – нечто внешнее, рок, судьба. Романтическая концепция (Шекспир) – человек страдает от страстей, которые его alter ego. У Цветаевой страсть сама страдает.

По отношению к человеку эта страсть-стихия – нечто безличное, потому что человек для нее – только средство. Но сама по себе эта стихия – личность, она живет, ищет, борется и – мучается (в противоположность мертвой, ко всему равнодушной динамике бергсоновско-прустовского потока безличной жизни).

Темы страсти обнаруживаются в темах служения – ученичества (Ученик...), одиночества мудрости (Бессонница...) и одиночества девства (Георгий, Ипполит, Царь-Девица...) и особенно в теме любви-вражды (Зигфрид – Брунгильда, Тезей – Амазонка...)

Страсть сталкивает и отталкивает – мятется, но не тратит сил впустую – ею руководит холодная и острая мысль –

Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожделенное ярмо. [550]

Мятущаяся страсть-стихия – заключена в законе, в логосе, который дает направление и направляет ее к последним и окончательным исходам –

От высокаторжественных немот
До полного попраiania души:

Всю лестницу божественную – от:
Дыхание мое – до: не дыши! [551]

У Цветаевой даны три образа исхода – разрешения, вольной смерти (т. е. конца, окончательности, которая уже не жизнь). – Могущественно стремление к этому разрешению.

Взрыв – выдышаться в смерть!
Или:

И не опомнившись – мертвым пасть:
О страсть! – Страсть! – Страсть! [552]

5

В тот град осиянный,
Куда – взять

Не смеет дитя
Мать. [553]

Вот эти три образа исхода стихии-страсти.

1. Вакхический рай, увековеченная, обессмерченная земная страсть в ее напряженнейшем моменте. В этот рай – Вакх-Дионис уносит Ариадну, покинутую Тезеем на Наксосе. Это рай вечной юности – бессмертия и красоты (трагедия «Тезей»).

2. Спартанское небо (см., напр., берлинский цикл стихов в сб. «После России»). – Вечность бесстрастия, «царство теней», в которую страсть перелилась, изошла – в корне изменив свою сущность.

Здравствуй, бесстрастье душ!

В небе тарпейских круч,
В небе – спартанских дружб!

Здесь страстное утверждение бесстрастия. Отблеск, отсвет небесного бесстрастия –

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru в земных дружбах – братьев, брата и сестры, отроков, Иисуса и Иоанна. Но в земном плане – опасность: в бесстрастии каждой из этих земных дружб – тлеет уголек страсти.

3. Бог, который дан Цветаевой в образе разрастающегося баобаба (письмо к Рильке)[554] – некто, совмещающий страсть и бесстрастие: бог-рост, бог-движение через жизнь и смерть. Тема лишь отчасти намеченная. –

Ибо бег он – и движется.
Ибо звездная книжица
Вся: от Аз и до Ижицы –
След плаща его лишь.
(«Бог», «После России»)

В свое время, на анкету «Чисел», [555] Цветаева ответила:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Наступит свой черед.
Не наступил ли уже!

Может быть, сама Цветаева и не ощущает своей связи с нашей эпохой – наша эпоха метафизически с ней связана.

В. Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 55

Отрывок{166}

... Уже в рецензиях на предыдущие книжки я с особенным удовольствием говорил о воспоминаниях Марины Цветаевой, посвященных Максимилиану Волошину и историку Иловайскому. Теперь смерть Андрея Белого дала ей печальный повод продолжить прекрасный цикл. Для тех, кто не знает лично Андрея Белого, записи Марины Цветаевой послужат не только художественно блистательным чтением, но и в высшей степени любопытным источником осведомления. Те, кто знал Белого лично, должны будут признать, что в изображении немногих сравнительно своих встреч с ним Цветаева сумела нарисовать портрет исключительной силы и схожести. Цветаева дает отнюдь не фотографию, но живописный портрет, в котором сказалась отчетливо личность самого живописца. И со всем тем (вероятно, даже именно благодаря тому) цветаевский Белый смотрит с этого полотна, как живой, во всем своем фантастическом обаянии, как и в своей очаровательной невыносимости (ибо человек этот был чем очаровательнее, тем невыносимее). Если в портрете Волошина Цветаева, на мой взгляд, несколько нарушила пропорции, превратив своего героя в почти легендарного великана, то на сей раз она вполне избежала этого недостатка, чему и надо, конечно, радоваться. Будущий историк символизма в цветаевском очерке найдет не только замечательный портрет Белого, но и ряд весьма ценных биографических о нем сведений, от чего мемуарная, чисто документальная ценность «Пленного духа», разумеется, только возрастет. [556] Укажу, между прочим, на одну частности. Цветаева приводит письмо, которое Белый написал ей, прочтя ее книгу стихов «Разлука». Тут же она рассказывает, что эта книга послужила Белому толчком, после которого он и сам написал свой стихотворный берлинский цикл. Эти сообщения проливают любопытный свет на беловские стихи берлинского периода. Оказывается, во-первых, что их заглавие «После разлуки» имеет два смысла: общепонятный, биографический, поскольку их темой послужила некая разлука, пережитая в те дни автором, и тайный литературный, поскольку сборник «После разлуки» написан – после «Разлуки» Цветаевой и под влиянием этой «Разлуки». Во-вторых, обнаруживается кое-что в ритмической структуре беловской книги: ее спондеические и молосские приемы при сличении оказываются восходящими к таким же приемам в книге Цветаевой. Понятно теперь и то, почему последнее стихотворение в книге Белого посвящено Цветаевой и почему оно говорит именно о ее «непобедимых ритмах»: посвящено было знаком внутренней признательности за воспринятые ритмы. Оно могло бы быть выражено словами: «твоя от твоих».

Воспоминания Цветаевой напечатаны с посвящением мне. Мне же уделено в них несколько лестных слов. Тут-то и начинается второе мое «по поводу». Не сомневаюсь, что литературная обывательщина услышит в наших взаимных похвалах голоса кукушки и петуха. Однако мы с Цветаевой можем хвалить или порицать друг друга, ничем не смущаясь. Литературно мы оба принадлежим к тому поколению, а главное – к тому кругу, в котором друг друга одобряли не ради взаимной услуги и осуждали не по причине зависти или ссоры. Эти навыки мы сохранили, меж тем, как несколько парвеню занесли в эмигрантскую словесность дух фамусовых и Молчалиных.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Уже читатель не без основания перестает уважать критику и доверять ей, ибо она отчасти отравлена новым духом. Что делать! Мы можем огорчаться его появлению, но не снизойдем, разумеется, до того, чтобы с ним считаться. ...

П. Пильский

Рец.: «Встречи», № 6

Отрывок{167}

На окраине городка, при самом входе в Тарусу, расположилось хлыстовское гнездо. Это не дом – он сам невидим за густыми зарослями, – это именно «гнездо», а в нем живут «Кирилловны»: так все звали хлыстовок. О них рассказывает Марина Цветаева, как всегда, – очень своеобразно.

Эта талантливая писательница умеет и любит показывать мир так, как он мелькает и зыбится в полусонной душе: запечатленные призраки, ослепляющие частности, краски, лица, голоса. Обычных описаний нет, и тем не менее все рассказывается в своей легко уловимой и ясной картинности.

Цветаева – одно из самых интересных явлений нашей литературы. Все у нее своеобразно и не похоже на других: пятна, а не рисунок, сотрясаемость, а не плавность, капризы сложного словопроизводства – сложного и в то же время не вычурного, пусть редкие и непривычные, все же четкие эпитеты и определения. Хлыстовки «долуокие», глаза у них «водопьяные» и т. д.

В этом номере «Встреч» М.Цветаева дала новый отрывок своих воспоминаний – они рассказывают о детстве, отрочестве, – юности, и эти семейные портреты, обстановки, люди ужинают по-особенному, окруженные и освещенные не только воспоминаниями, но также чуть искусственным, сочиненным беллетристическим светом.

Спору нет: Марина Цветаева бывает увлекательна, другой вопрос – до многих ли дойдет ее речь, чуждающаяся шаблона и литературной обыденности. Зарубежных читателей можно подбрасывать в горсти, пересчитывать по пальцам и взвешивать на золотники – не то очень утомленный, не то совершенно беззаботный люд. Иногда кажется, что за русской гранью сошлись три отпетых: нищий, дурак и еще свистун, – не очень почтенная аудитория перед колченогой, подкошенной кафедрой! ...

С. Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 55

Отрывок{168}

... Воспоминания Марины Цветаевой о встречах с Андреем Белым написаны с той же яркостью, как и воспоминания о М.Волошине, историке Иловайском и его семье и др. В воспоминаниях своих Цветаева придает некий фантастический колорит всему, о чем она пишет, преображая действительность магической силой поэзии. Но именно потому образ Белого, данный Цветаевой, едва ли может дать полное представление об этом замечательном человеке. Здесь слишком подчеркнуты его мании, странности, которых было у него немало. Но сами по себе эти страницы полны величайшего интереса и сослужат, как материал, службу будущему беспристрастному биографу Белого. Хочется особо отметить обличительную речь, сказанную Андреем Белым «ничевокам» (было и такое литературное течение[557]). Суть сводится к тому, что русская литература – дом, из которого уехали хозяева и в котором завелась нечисть. Но передана эта речь, по-видимому, почти дословно: в каждом слове узнаешь неповторимую манеру Белого. ...

Н. Резникова

Рец.: «Современные записки», книга 55

Отрывки{169}

... Именно в последнее время, когда так тоскуешь по хорошей, умной книге, – «Современные записки» ждешь особенно нетерпеливо и относишься к ним с особенно ревнивой тревогой: «только бы „Записки“ остались на должной высоте, только бы дали ту пищу уму и сердцу, о которой так тоскуешь!..»

К счастью, и 55-я книжка «Современных записок» не разочаровывает. ...

М.Цветаева снова подарила читателям одно из своих воспоминаний, как-то по-особенному ценных талантом не только ума, но и сердца, – «Пленный дух» (о встрече с Андреем Белым).

Об этой статье М.Цветаевой можно говорить или очень много, или почти ничего. Хвалить ее нет слов. Слишком в ней много поднято вопросов, слишком живым

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru представляется Андрей Белый, слишком мучительной, какой-то нечеловечески мучительной видится его судьба, его одиночество, с изумительной чуткостью понятое умным женским сердцем. ...

А. Бем

Письма о литературе
Соблазн простоты{170}

В многочисленных статьях о кризисе поэзии меня задевает не столько само существо вопроса, сколько некоторые попутные высказывания. Задевают, потому что, на мой взгляд, ведут к смешению понятий и сбивают с правильного пути тех, кто склонен еще к критике прислушиваться. Главным образом я имею в виду призыв к простоте в поэзии.

Из чего этот призыв вытекает? Поэзия, по мнению наших пессимистов, формально исчерпала себя. В области формы все испробовано; на этом пути нельзя ждать новых успехов. Остается другой путь – выявление в поэзии ее содержания. «Чтобы выявить содержание, внимание художника должно быть направлено прежде всего на само содержание. форма явится как следствие. Один из лучших способов усовершенствовать форму – забыть о ней», говорит, напр., К.Гершельман в симптоматичной статье в № 6 сборника «Новь». [558]

Не имеет здесь смысла сейчас вскрывать всю зыбкость советов автора. Говорить о соотношении формы и содержания, вопросе очень специальном и запутанном, попутно невозможно. неизбежно получится «любительство». Положение о слитности формы и содержания сейчас настолько прочно вошло в эстетику, что спорить об этом излишне. Да и сам К.Гершельман теоретически это признает, хотя практически советует обратное. Никак нельзя «забыть о форме», как нельзя «помнить о содержании», если, конечно, имеешь дело с художественным произведением. Совет этот впустую. А по существу в нем скрыто очень опасное место. Под другим соусом нас вновь толкают в сторону утилитарной поэзии, в сторону «служения» поэзии каким-то вне ее стоящим целям. А так как эти цели к тому же «с куриное яйцо», весьма скромные и «интимные», то поэзия рискует действительно зайти в тупик. «Эмиграция – должна сказать свое слово», это звучит сильно. Но когда это требование сводится к тому, что новое слово есть «интимность», т. е. «интимные переживания», пусть даже и таких проблем, как смерть и т. п., то «свое слово» становится уж не столь заманчивым. Поэзию призывают к повороту «от экспериментализма к интимности», от нее требуют, чтобы она выработала «новую форму, обеспечивающую ей максимальную насыщенность содержания при максимальном лаконизме формы». «Лаконизм формы», который почему-то должен обеспечить «максимальное содержание», понимается обычно как «простота», отказ от поэтической усложненности. Как пример такого поворота К.Гершельман приводит поэзию участников «Чисел». С еще большим правом я мог бы указать на подбор стихов в последней книжке «Современных записок». С легкой руки Г.Иванова такой поворот в эмигрантской поэзии, особенно у парижских поэтов, в последнее время действительно заметен. Но «простота» ли это?

У Георг. Иванова, во всяком случае, не простота. О стихах Георг. Иванова в его «Розах» можно с таким же правом сказать, что они до конца сделаны, как и стихи, хотя бы Мар. Цветаевой, которую склонны в этой «деланности» упрекать. В них имеется именно то, что покойный Андр. Белый в своей книге о Гоголе назвал «формосодержанием». [559] Простота здесь предопределена не «интимностью» содержания, а она сама до известной меры эту интимность предопределяет. Или вернее – простота здесь не дана, а задана.

Так и надо. Голову на грудь
Под блаженный шорох моря или сада.
Так и надо – навсегда уснуть,
Больше ничего не надо. [560]

Ничего простого в этих строках нет. Простота обманна, она так же «формальна», как и сложность Цветаевой.

Наблюдательный критик Глеб Струве в свое время (см. «Россия и славянство», 17 окт. 1931 г.) эту «нарочитость» поэзии Г.Иванова правильно отметил. Среди особенностей цикла «Роз» он выделил: «нарочито скупой, однообразный словарь, монотонную повторяющуюся строфику, эллиптическую недоговоренность синтаксиса... вполне сознательную, а отнюдь не свидетельствующую о какой-либо небрежности».

Мы забываем, что по своему словарю, по подбору словесного материала Мар.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Цветаева, в сущности, тоже очень проста. Что может быть проще!

Как бедный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве...[561]

Сложен ход ее поэтической мысли. Но сложность его в том, что он именно прост, не усложнен мостиками логической последовательности, которая задерживает поэтический ход восприятия. Поэзия Цветаевой – «вздох и выдох», поэтическое дыхание, заразительное, как зевота. Начинаешь дышать ее воздухом, от прерывистости ее дыхания по-иному воспринимаешь мир. Через форму или вместе с формой начинаешь не только учащенное дышать, но и волноваться ее волнением, мыслить ее логическими ходами. Сложность – здесь тоже обман – он вызван тем, что не успеваешь, не поспеваешь за поэтической напряженностью ее стиха.

И наконец, в чем сложность Бор. Пастернака? Нельзя понять поэта, нельзя судить о нем, пока не попадешь в его колею. Сложен Бор. Пастернак «ненаезженностью» колеи своей. Попасть в нее спервоначалу очень трудно. Даже больше – есть что-то в нас, что заставляет этой колеи сторониться, сворачивать на проезжую дорогу поэтического большака. Но тому, кто преодолет эту своеобразную поэтическую лень, кто не побоятся тряски по кочкам и провалам, тому откроется внезапно еще невиданный мир поэзии. Если у Цветаевой – ритм формообразующий, то у Бор. Пастернака – не могу найти другого слова – это «сквозняк», насквозь пронизывающий его стихи. С места сорваны в порядке сложенные листы бумаги на письменном столе, перепутались страницы – так смешались слова в необычном членении его синтаксиса. Сдвинуты вещи и вместо привычной логики создана своя – по-новому убедительная логика его образов. И опять – ничего сложного в словаре, никаких особых мудрствований.

Простота, на мой взгляд, только там, где нет «формосодержания», а есть – или форма, или содержание. Очень «прост» в своей поэзии А.Штейгер.[562] Но прост не «простотой», а тем, что за этой простотой ничего нет. Это голая форма простоты и пустоты. Подкупающе «просто» звучат стихи Л.Червинской,[563] но в них больше человеческого, чем поэтического. Но так же «прост» и Юрий Иваск в своем «Понте» («Новь», № 6), усвоивший «сложности» Мар. Цветаевой. И здесь – одна оболочка поэзии. Живого ее дыхания – нет.

И все же мне хочется отметить одну черту, пожалуй, объединяющую, назовем условно, поэтов «Чисел». Это отнюдь не простота, а нечто совершенно иное. Так сразу этого и не объяснишь. Объединяет их, пожалуй, что они хотят своей поэзией больше «сказаться», чем «сказать». Поэзия для них не активный процесс преобразования мира через собственное его постижение, а только «отдушина» для личных переживаний. Поэтому в круг поэтического переживания втянут очень ограниченный мирок самого автора. В этом смысле, если хотите, их поэзия «интимна». Но за этой интимностью нет «трагичности», или, вернее, трагедийности, даже когда в ней идет речь о смерти и судьбе. Она размягчает, но не поднимает, в ней больше тоски, чем скорби, больше жалости к себе, чем к другому. Огромный жизненный опыт, редко выпадающий на долю человека, прошел по человеку, а не через него; раздавил, а не преобразил его. Здесь кризис не поэзии, а кризис – поэта. Там, где нечего сказать, а хочется только «сказаться», там высыхает подлинное творчество.

Отсюда и другая особенность: выпадение мира вещей из поэзии. Поэзия преобразует мир. Она взрывает его своим лиризмом. Но, взорванный, он в ней наличествует. Через преобразованный мир вещей познается мир души поэта. Прямой путь к нему не кратчайший путь. Не прямо к душе, а через преобразованное материальное окружение. Надо, чтобы сила поэтического напряжения сдвинула мир с привычного места, подчинила его себе. Когда поэт остается с глазу на глаз со своим внутренним миром, он редко достигает поэтической силы. Здесь успех дается только исключительно избранным. И успех этот обусловлен тем, что этот «внутренний мир» также взорван и смещен лирическим напряжением, т. е. сделан «вещью».

И тут-то кроется тот соблазн простоты, о котором и ради которого я пишу эти строки. То, что подлинному поэту дается в конце его литературного пути, с того призывают начинать только вступивших на этот путь. Мне кажется, для поэта почти неизбежен путь от «сложности» к «простоте», от преобразования мира вещей к преобразованию «мира души». Эта последняя простота итог величайшей сложности, формальной совершенности которой дается и большим поэтическим опытом и огромной духовной напряженностью. Простота, в этом смысле, приходит к поэту, но научиться ей невозможно. Вместо простоты тогда оказывается – пустота. На этот ли путь

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
призывать молодую поэзию?

М. Бенедиктов

Вечер Марины Цветаевой{171}

М.Цветаева прочла на своем вечере, состоявшемся в зале Географического общества, два новых рассказа, точнее – два новых отрывка из вечной повести о самой себе. Как обычно, у этой замечательной, но парадоксальной писательницы, прочитанные отрывки представляют смесь подлинной лирики и тончайших психологических штрихов с расхолаживающими рассуждениями. Тема обоих отрывков – мать. В первом, более пространном, озаглавленном «Мать и музыка», особенно много рассудочных отклонений, чаще всего обусловленных фонетическими ассоциациями. Мать уверовала в музыкальный гений своей дочери с самого момента ее рождения.

С 4-летнего возраста девочка часами играет на рояле. Инструмент вызывает у нее одновременно чувства благоговения и отвращения. С глубоким проникновением в детскую душу Цветаева рисует переживания истязуемой музыкой девочки, в воображении которой и клавиши, и винтовой табурет, и метроном, и педаль становятся живыми существами, добрыми и злыми духами. Но когда писательница говорит о педали, она вдруг вспоминает другие фонетически сходные слова и, отклоняясь от своей темы, начинает рассказывать о неделе, о падали... Поскольку прочитанный рассказ имеет автобиографический характер, он дает, пожалуй, ключ к творческим особенностям Цветаевой. Ущербленная с детства музыкой, она пытается применять в литературе законы музыкальной гармонии. В творчестве Цветаевой сочетаются столь не сочетаемые: розановское и бальмонтское, начала. С одной стороны, попытка обнажить душу до последнего предела, поиски самых подлинных слов. А с другой, увлечение чисто звуковыми ассоциациями, музыкой слов.

Почти совсем свободен от резонерских отклонений и от фонетических узоров второй прочитанный писательницей, отрывок: «Сказка матери». Эта очаровательная «Сказка» принадлежит к числу самых ярких произведений Цветаевой.

Марина Цветаева – превосходная чтица. Ее чтение имело большой успех у наполнившей зал публики.

Н. Резникова

Русские писательницы творят и на чужбине!

(Беглый обзор женских литературных сил в Европе)

Отрывок{172}

Из всех видов искусства женщинам ближе всего всегда была литература. И если мы не знаем ни одной великой художницы, кроме Марии Башкирцевой, – мы знаем много прекрасных поэтесс. Вспомним хотя бы Сафо в древности и Анну Ахматову в совсем недавние дни.

Кто не обвинял женщину в склонности ко лжи, к бессмысленному и, казалось бы, унижающему вранью?.. Но не вытекает ли это пристрастие из органического стремления к сочинительству?

Многим женщинам свойственно смутное поэтическое чувство. Воображение их часто стремится воплотиться в какие-то формы, чтобы запечатлелись навсегда преходящие чувства, уничтожающие вещи.

И вот – женское литературное творчество.

В эмиграции русская женщина, вообще, окрепла и осмелела. Это распространяется и на литературу. Теперь уже далеко не всегда проза, написанная женщиной, принадлежит к тому низкому сорту литературы, который, по справедливости, называется «дамской литературой».

Из русских эмигрантских писательниц выделяется Марина Цветаева. Ее имя знакомо еще дореволюционной России.

В поэзии Марина Цветаева совершенно самостоятельна. В ее стихах звучит чисто мужская сила. Марина Цветаева как поэтесса – вся в поисках новых путей. И, иногда, в этих своих исканиях и стилизации, становится манерной.

М.Цветаева дает образцы единственной в своем роде художественной критики; ее биографические очерки и автобиографические статьи поражают тончайшим анализом и умной женской чуткостью. ...

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 57

Отрывок{173}

... Стихотворение Марины Цветаевой очарует ее поклонников. Рябина – в самом конце его, – действительно, эффект острый и сильный, вроде знаменитой блоковской «шубки меховой». [564] За рябиной – встает вся Россия. По существу же, стихотворение очень похоже на помещенный рядом отрывок из воспоминаний того же автора: блеск, нервы, заносчивость, самовлюбленность, обида, замкнутость, полумудрость, полуслепота. ... [565]

С. Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 57

Отрывок{174}

... Воспоминания М.Цветаевой «Мать и музыка» полны какого-то магического блеска, какого-то колдовского очарования, как почти все, выходящее из-под пера М.Цветаевой, кроме, пожалуй, некоторых циклов стихов, в которых чисто «филологическая» стихия вытесняет и поэзию, и жизнь и которые представляются нам какими-то словесными опытами, лабораторной работой, по странному капризу выносимой на суд публики. К счастью, совсем не к этой категории принадлежит прекрасное стихотворение М.Цветаевой, помещенное в 57-ой кн. «Современных записок», безусловно самое значительное во всем стихотворном отделе, на этот раз вообще очень удачном. В этом стихотворении речь идет о бесконечном одиночестве поэта, непонятности его современниками, в нем почти отречение и от родины, где все равно поэт не уживается, как не ужился на чужбине, и даже от родного языка.

Мне безразлично на каком непонимаемой быть встречным.

Но в самом конце, отвергая все стихотворение в одном образе, почти в одном слове дано почувствовать такую глубину любви к родине, такую муку тоски по ней...

Вот подлинная магия слова, и как жалки все усилия передать в прозе то непередаваемое единство формы и содержания, слова и чувства, которые достижимы лишь в подлинной поэзии. ...

С. Туров

По поводу 57-ой книги «Современных записок»

Отрывки{175}

Со скрипом и со скрежетом, при помощи жалобных взываний через газеты к щедрости эмигрантских богатеев, путем устройства блинов с икрой и с дивертисментом из лучших русских артистических сил – 57-ая книга «Современных записок» увидела свет.

В чем же дело? Почему читатель-эмигрант проявляет такое равнодушие к своему последнему журналу, журналу, долженствующему доказать, что творческая мощь «зарубежной России» не иссякла и что «здесь», а не «там» охраняется и продолжается «генеральная линия» русской культуры?

Нам кажется – ответить на этот вопрос не трудно. Рядовой читатель «Современных записок» перерос свой журнал. Жизнь треплет читателя, она обогащает его горьким и тяжким опытом, редакторам «Современных записок» недоступным. Мало-помалу он начинает видеть по-новому и по-новому оценивать происходящее и «здесь», и «там». Его личный, кровный и тяжкий опыт черпается из повседневной реальной жизни. И эта реальная жизнь открывает глаза читателю «Современных записок» на то, что его журнал, его «Современные записки» из современности выпали и что если они и откликаются на современность, то делают это наподобие стариков-богоделов, из жизни выброшенных и ненавидящих все, пришедшее им на смену.

Читатель эмигрант воспринимает жизнь, его окружающую, страдательно, на собственной шкуре ежедневно и ежечасно ощущая, что и горе, и нужда, и труд его бесцельны, что он жертва великой социальной несправедливости и неустройства, что жить ему нечем и не для чего, а отсюда он начинает искать выхода и требует от своего журнала в первую очередь того же. «Современные записки» воспринимают жизнь тоже страдательно, но эта страдательность совершенно иного порядка. Причина «страдательности» «Современных записок» – это крах всех дореволюционных мировоззрительных построений и упорное нежелание в этом крахе признаться.

Поэтому-то пути читателей и редакторов «Современных записок» все более и более

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru расходятся. В то время как первые стремятся осознать свой горький и богатый повседневный опыт и идеологически его оформить, вторые – либо старательно перекрашивают в своем журнале окружающую их историческую действительность соответственно своим дореволюционным (или контрреволюционным, что то же) установкам, либо просто отдаются стариковским воспоминаниям. ...

Но кое-что в последнем номере «Современных записок» идет вразрез с общей эмигрантски-благонамеренной линией журнала.

Недавно мы отметили в «Нашем союзе»[566] «вопл» писателя Алексея Ремизова о своей эмигрантской судьбе, об эмигрантской среде, затянувшей мертвую петлю на его шее (рассказ Ремизова в «Последних новостях»[567]). На этот раз в «Современных записках» раздался голос другого эмигрантского отщепенца – поэта Марины Цветаевой. То, что высказывает в своих стихах Цветаева, еще страшнее ремизовского вопля. Тема стихов Цветаевой, – уход из жизни, трагическое «равнодушие» ко всему окружающему миру, то герметическое самозамыкание, которое смертоносно для всякого живого существа и в первую очередь для творческого.

Родина?

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока.
Мне совершенно все равно –
Где – совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь, или казарма...
Человеческая среда?

...Мне все равно, каких среди
Лиц ошетиливаться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненным, непременно...
Русский язык?

...Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично на каком
Непонимаемой быть встречным!..
О себе:

...Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне всё – равны, мне всё – равно...
И далее:

...Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло!

.....
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё – равно, и всё – едино...

Почему же случилось так, что там, в советской России, находясь в тягчайших условиях голодного и холодного 1921 года, Цветаева была полна жизненных и творческих сил, а здесь, в эмиграции, – «всяк дом ей чужд, всяк храм ей пуст»? Нужно ли отвечать на этот вопрос? Не ясно ли, что цветаевское отвращение к миру результат ее десятилетнего эмигрантского «бытия» и что единственное спасение для нее – из эмигрантского суррогата жизни вырваться.

Во всяком случае, стихи Цветаевой жесточайшее обличение духовной и душевной опустошенности эмиграции и то, что стихи эти появились в «Современных записках», следует объяснить тем же, что и напечатание в свое время в «Последних новостях» «вопля» Ремизова – недомыслием редакции.

В. Ходасевич
Рец.: «Современные записки», книга 57
Отрывки{176}

... В сущности, к беллетристике надо отнести также и отрывок Марины Цветаевой –

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «Мать и музыка». По теме это – кусок автобиографии, но по выполнению и по заданиям, которые «несомненно» ставил себе автор, – это отнюдь не произведение мемуарной литературы. В тех статьях мемуарного характера, которые Марина Цветаева напечатала в последних книжках «Современных записок», чисто формальная сторона была уже очень сильна и явно подчеркнута. Тем не менее центральный интерес еще сосредоточивался на событиях, о которых шла речь и в особенности – на изображаемых лицах: поэте Максимилиане Волошине, Андрее Белом, историке Иловайском. На этот раз, как ни силен в нас интерес к личности самой Марины Цветаевой, – в отрывке из ее детских воспоминаний на первый план выступает тот психологический узор, который любопытен сам по себе, безотносительно к историко-литературной личности мемуаристки. Уже в силу одного этого, на сей раз автобиография Цветаевой перестает быть всего только автобиографией и самое название мемуаристки в данном случае перестает к ней подходить. Более обширная автобиография, написанная в тех приемах, как «Мать и музыка», стала бы не автобиографией, а повестью или романом, как «Детство» Толстого или «Котик Летаев» Андрея Белого. Соответственно этому Цветаевой задумана и разработана и словесная ткань отрывка – совершенно в беллетристическом, а не в мемуарном роде. Пожалуй, именно стилистические задания и увлекли Цветаеву с мемуарного на беллетристический путь. Нам об этом жалеть не приходится – в отрывке Цветаевой столько словесного блеска и мастерства, что приходится теперь в ее лице приветствовать не только поэта, но и беллетриста. К особенностям ее беллетристического творчества, тесно связанным с ее творчеством стихотворным, когда-нибудь мы еще вернемся. В них весьма стоит разобраться более пристально.

Стихотворный отдел отчетной книжки довольно велик, но менее утешителен, чем беллетристический. ...

Заканчивается отдел стихотворением Цветаевой, исключительно тягостным по мысли и настроению, но и столь же сильным по выполнению. Это – одно из самых замечательных ее стихотворений за последние годы. ...

С. Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 58

Отрывок{177}

... Из всех поэтов, живущих за рубежом, М.Цветаевой в наибольшей, пожалуй, степени присущи элементы гениальности, но зато в наименьшей, вероятно, степени ей присуща способность критически отнестись к собственным стихам, посмотреть на них как бы со стороны. Только этим и можно объяснить ее странные филологические увлечения, приводящие поэта к таким курьезам, как

Совсем ушел. Со всем ушел. [568]

В стихах «Памяти Н.П.Гронского» попадают очень яркие места, и стихи эти лишней раз свидетельствуют о духовном и стилистическом родстве М.Цветаевой с Державиным, уже, кажется, отмеченном критикой. [569]

Как в творчестве М.Цветаевой, так и в творчестве З.Шаховской [570] за последнее время преобладающее значение приобретает проза (если только можно говорить о прозе у М.Цветаевой). Стихи З.Шаховской, помещенные в 58-ой книге «Современных записок», при всем их хрупком изяществе, кажутся бледными и безличными, когда вспоминаешь ее прозу, полную такой остроты и подлинной оригинальности. ...

С. Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 59

Отрывки{178}

... В отделе стихов отметим прежде всего стихотворение М.Цветаевой «Сыну». Многих читателей, даже сдержанно относящихся к поэзии М.Цветаевой, очарует это стихотворение, такое яркое и по мысли и по форме. К сожалению, и в этом стихотворении поэт увлекается своей излюбленной словесной игрой («Не быть тебе... спортсмедным лбом»). Едва ли каламбур, как бы ни был он эффектен, совместим с поэзией. Зато есть в этом стихотворении строфа, стоящая целой поэмы. Поэт говорит, что сыну не быть

Одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым – только смех
Остался, только свист
Достался от отцов! ...

Отрывок из воспоминаний М. Цветаевой, под названием «Черт», со свойственной

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru автору совершенно исключительной жизненностью выявляет детскую психологию. Только те, кто еще не совсем забыл переживания раннего детства, смогут оценить всю непосредственность и правдивость этих поэтических строк. ...

Н. Резникова

Рец.: «Современные записки», книга 59

Отрывки{179}

Полученная с большим опозданием очередная книга «Современных записок» производит – увы – тяжелое впечатление: от всего материала веет безнадежной тоской – полная безысходность, чуть ли не упадочничество. ...

Стихи Райсы Блох, [571] Ант. Ладинского, Н.Оцупа, Софии Прегель, [572] Марины Цветаевой не производят впечатления... Впрочем, стихи Марины Цветаевой местами способны ошеломить:

Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным.
Ни медным королем,
Ни попросту –
с п о р т с м е д н ы м...
Комментарии, как будто, излишни...

Зато «Черт» той же Марины Цветаевой восхищает. Воспоминания детства обычно трафаретны, но ведь тут – детство поэтессы исключительной и передано в только ей свойственной, восхитительной манере индивидуалистки и большой художницы. Этот рассказ, пожалуй, самое яркое, живое и бодрящее во всем сборнике. ...

Ю. Мандельштам

Гамбургский счет

(По поводу «Антологии зарубежной поэзии»)

Отрывки{180}

... Старшее поколение раздваивается. Один слой – признанные корифеи: Бальмонт, Бунин, Вячеслав Иванов, Гиппиус, Мережковский; другой – начавшие в России, но окончательно себя обретшие уже здесь – Цветаева, Ходасевич, Георгий Иванов и др. Говорить о них надо отдельно. ...

Возьмем, например, Цветаеву. Вот уж поэт Божьей милостью. Талант, полет, острота. Даже в антологии есть цветаевские стихи попросту замечательные:

Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Но рядом – другие стихи: «Пытка! – Терпи. – Скошенный луг. Глотка – хрипы: тоже ведь звук». [573] Действительно, не звук, а хрип, вернее истерические вскрики. И общее впечатление – истерика, истерика без конца. Не пророчество, а кликушество. Иногда пронзительно, но большая поэзия истерик не признает. ...

Ю. Иваск

Попытка наметить тему

(I. «Новые спартанцы»){181}

1

Наша эпоха заражена воинственностью, в этом не приходится сомневаться, хотя пацифизм до сих пор является чем-то вроде официального хорошего тона, который, однако, все менее и менее соблюдается. Но допустим, хороший тон восторжествует и мир будет прочен. – Куда же в таком случае направить воинственный пыл «новых спартанцев» – миллионов юных энтузиастов, полуспортсменов, полувоенных? Какая плотина сдержит этот нетерпеливый поток? Плотины эти строятся, но какова их прочность?

«Первый роман» и «начало карьеры» – вот что занимает, увлекает и волнует рядового молодого человека. Но в юности каждого обычно есть еще что-то, – неукладывающееся в эти традиционные формы, – некоторые «романтические» туманные чаяния. В XIX в. этот вот смутный туман, пар юных душ, клубился вокруг жутко-преlestного слова – революция; а теперь? – не слово ли война притягивает к себе чистые, но неясные стремления юности? Допустим, что все войны и революции (или, по крайней мере, большинство их) не что иное, как преступление или обман, а главные виновники этих «грандиозных событий» – мошенники очень большого

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru калибра. Эта мысль была навязчивой идеей Раскольников и Подростка.

А может быть, «вершители истории» только марионетки судьбы, так ведь думал Толстой. Так – пусть бессмысленны все великие и кровавые исторические драмы, но разве бессмысленны и преступны, с этим как-то не мирисься – высокие чувства, проявленные вовлеченными в эти игры истории юношами, их мужество, их товарищество, чистота их чувств и намерений? Ведут «бесы», но за плечами их обманутое ими, соблазненное ими «ангельское воинство», юношество, для которых «низкие слова» – война, революция – явились тем высоким «нечто», в котором со всем пылом молодости и горячностью они стремились растратить все свои силы, всего себя. А теперь ведь эпоха молодежи. Никогда еще так не считались с молодежью, как теперь, и в этом смысле наше время отличается от всех прочих периодов истории. Взывали – к сословиям, чинам, гражданам, классам; вводят и теперь, но вот в наше время – всегда и прежде всего имеют в виду молодежь, «рабочую» или «национально-настроенную», но непременно молодежь, которая является какой-то привилегированной частью современного общества. Молодежь взбудоражили, вызвали на арену истории дух юности, и вот проблема, задача – куда направить этот беспокойный дух? Где крылатые вожди, достойные своего крылатого воинства – этих сильных, здоровых, трезвых, но легко воспламеняющихся, стремительных масс молодежи, энтузиастов по возрасту, и вдобавок еще – всячески укрепляемых в чувстве воодушевления. Добродетельнейший лорд Баден Поуэль, отец скаутизма, организовавший в международном масштабе, первое в наше время, движение молодежи, дал, быть может, толчок к чему-то такому, что вовсе не входило в его планы. И вот молодежь, приученная к организованности, хочет сказать свое слово; она слишком много о себе возомнила – да, конечно, но и велики те жертвы, которые она собирается принести на сомнительный алтарь своей правды, и вот задача – как достойным образом употребить в дело – эту самоуверенность и эту готовность к жертвам, это стремление, как можно лучше растратить себя в борьбе.

Конечно, не следует ждать чуда, и молодежь должна сама ответить на все эти вопросы, а если не ответит – горе ей. И если поклонится она лукавым и пустым идолам – горе ей самой.

2

Думается, что и в зарубежной русской литературе, казалось бы обретающейся в какой-то стратосфере, почти без воздуха, все эти вопросы современности иногда поднимаются с земли и, если внимательно присмотреться, задевают некоторые островки ее. Я имею в виду Цветаеву и ту линию эмигрантской литературы, которая намечена Цветаевой. Первое впечатление – Цветаева удалена от всякой злободневной, да и не только злободневной современности. Цветаеву нельзя себе представить в роли красного или белого Маяковского, поэта-трибуна, но некоторая связь между эпохой и Цветаевой есть, еле зримая, но в своем роде убедительная. Связь с эпохой в пафосе ее напряженной конструктивно-точной поэзии. Из элементов народного творчества, былин, солдатских песен, частушек (Царь-Девича, Переулочки, Полотерская и пр.) и из элементов «обрусевшего» церковно-славянского языка (ангельского языка русской поэзии!) Цветаева строит большой корабль своей декламативной героической поэзии. – Создает некоторую динамическую систему, и в ней все живые и мертвые, земные и небесные слова, которыми она пользуется, подчинены в своем движении единому логическому началу (в этом смысле Цветаева антипод Пастернаку, эмоциональному конструктивисту, – очень живому, всегда переполненному чувствами, но с места не двигающемуся).

У Цветаевой – «пространства простираются» и самый Бог – есть бег. [574]

Вот знаменательные цветаевские строчки, утверждающие ее конструктивизм, –

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чудо на число.
Я знаю, что Венера – дело рук,
Ремесленник – я знаю ремесло.
(После России)

Если у советского конструктивиста Ильи Сельвинского (или, напр., у Николая Тихонова и многих других пастернаковских учеников, оскопивших себя и лишенных живой интимной эмоции их учителя) одни «холодные числа», голая конструкция, то у Цветаевой – «жар холодных чисел», в ее поэзии –

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

...Вздых и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул.
(Отрок, Ремесло)

Есть еще конструктивизм другого порядка. Не математический, а музыкальный. Это конструктивизм эфирного беспочвенного гения А.Белого – растворявшего живое слово в музыкальной стихии. Цветаевой неведом грех против живого слова, живой жизни. Цветаевский конструктивизм не отделен от жизни – непрерывно питается ее соками.

Логос Цветаевой не убивает живую стихию, которой питается; и эта стихия, преобразившись, – живет в ее умозрительной поэзии. У Цветаевой своего рода испанский сухо-страстный логизм – при наличии чисто русского чутья живой жизни, сочувствия ко всякой твари.

Цветаева строит, конструирует не безотносительно к предмету изображения, материалу.

Народные, архаические и современные будничные слова и речения, становясь каждое на свое определенное им место в цветаевской конструкции, звучат по-новому, но не теряют своей живой интонации, не обращаются в самодовлеющие отвлеченные вещи-фетиши или вещи-механизмы. Цветаевский конструктивизм не убивает живую природу отвлеченным анализом и синтезом; она не производит вивисекцию и не гальванизирует умерщвленные тела вещей, nature morte'ы.

Цветаева «поверяет алгеброй гармонию», [575] но алгебра, число, в конечном счете, для нее не самоцель, а средство.

Я ж на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа.
(Хвала Афродите, Ремесло)

У большинства современных конструктивистов (в поэзии и даже в живописи) велика сила аналитического и синтетического мышления, но нет стихии в их инквизиторских замыслах и фантазиях; они импотентны. В поэзии Цветаевой единый логический замысел и единый размах жизни.

Конструктивизм – дитя нашего быстрого электрического века, но в нем еще не слышны юношеские голоса, уже лет десять тому назад начавшие заглушать скрежет зубовный машин. Но эти голоса уже слышны в трезвых, конструктивных, но и живых в их стремительности, стихах Цветаевой, в которых мысль не убивает жизни, а горячит ее в студеной сфере чистого умозрения. В этом цветаевский пафос –

Кровь, что вечность бы не иссякла
Слава будущего Геракла!
Гекатомбы, каких не зрел
Мир – еще! Мириады дел...
(Из монолога Тезея, трагедия того же названия). Восторг – и какая вместе с тем точность, трезвость в этих восклицательных выражениях и восклицательных знаках.
–

В поэзии Цветаевой намечены черты нового стиля нашей эпохи, а Цветаева – трезва, точна и вместе с тем расточительна, ибо –

...восторг жаждет трат.
(Ода пешему ходу)

Самое лучшее, самое чистое, самое веское, что есть в душах миллионов новых спартанцев, – звучит в поэзии ее неведомого, неисторического вождя – Цветаевой:

В небе мужских божеств,
В небе мужских торжеств!
· · · · ·
В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб! [576]
(После России)

Но – где последняя растрата и в чем она, зачем она? Ответа нет, есть – требование этой окончательной растраты – неосознанное, подспудное у «новой

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
спарты» и творческое, просветленное в цветаевской поэзии.

Нашей эпохе неведома последняя точка опоры, но велико желание обрести ее, и еще сильнее желание приложить к ней все свои силы.

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 61

Отрывки{182}

«Современные записки» не нуждаются больше в похвалах. Достоинства журнала давно всем известны. Отмечу лишь то, что в последнее время он стал составляться разнообразнее и шире, чем прежде: в новой, шестьдесят первой книге «Записок» столько имен, столько материала и вообще столько чтения, что каждый найдет в ней что-либо для себя близкое и интересное. Такой редакционный эклектизм был бы спорен в нормальных условиях. В наших – он необходим, и очевидную готовность руководителей журнала поступить своим личным вкусом ради беспристрастного гостеприимства нельзя не приветствовать. Имею в виду, главным образом, литературу. «Современные записки» при своей теперешней «единственности» легко могли бы соблазниться диктаторством над ней, прикрывшись привязанностью к какому-нибудь одному творческому течению. Они предпочли литературе служить, не прикрываясь ничем. ...

Стихов много: внимание к ним есть тоже одно из сравнительно недавних «достижений» журнала. Среди поэтов выделяется Марина Цветаева – острым стилистическим своеобразием, щедростью ритмического дара и, добавлю, некоторой «социальной тревогой», постоянно сопутствующей ее вдохновению. Другие замкнуты в себе, – порой возводя одиночество в мучительный культ, как Червинская, о которой совсем недавно довелось мне говорить, [577] или ища ему продолжение, как Терапиано. [578] Каждый из представленных в журнале авторов заслуживал бы отдельной характеристики – и Алла Головина, [579] со своим детски-грустным, хрупким голосом, и Злобин, и Кельберин, [580] и Ставров, [581] и Присманова [582] и остальные. Но отложим эту обстоятельную «прогулку по садам российской поэзии» до другого раза. Надо в оправдание свое добавить, что далеко не все наши поэты дали в «Современные записки» лучшее, что способны дать.

Марине Цветаевой, кроме стихов, принадлежит и рассказ о встрече с покойным Кузминым – в Петербурге, во время войны. Другой писатель рассказал бы, может быть, о том же эпизоде полнее, точнее. Никто не рассказал бы так, как Цветаева, – сплетая обольщения и зоркость, ум и предвзятую наивность, прямо к взгляда и женственную (архиженственную!) капризность. Ее «Нездешний вечер», несмотря на все оговорки, трудно все-таки читать без волнения, как истинно-поэтическое произведение, – в особенности тем, кто этот «вечер» помнит, кто был близок к людям, о которых вспоминает Цветаева, кто знал описанный ею широко-гостеприимный дом, знакомый всему литературному и артистическому Петербургу, дом, казалось бы, столь счастливый и так трагически опустошенный революцией. ...

П. Пильский

Борис Зайцев и Марина Цветаева о себе и о других

Отрывки{183}

... Вспоминаем, вспоминаем!.. Когда нет настоящего, уносишься в прошлое, – Марина Цветаева рассказывает о Мих. Кузмине, Есенине, о самой себе.

Петербург. Вьюга. Залитый огнями зал. Пред ней стоял Кузмин. Поражали его глаза. Казалось, кроме них ничего не было. Когда-то 15-летнюю Марину Цветаеву очаровала строчка кузминских стихов: «Зарыта шпагой – не лопатой – Манон Леско!» [583] Стих так заворожил юную поэтессу, что она даже отказала своему жениху: у него была борода лопатой, а воображение и сердце требовали шпаги. [584] О Кузмине говорили двумя словами: «жеманный» и еще «мазанный». [585] Но жеманности не было – было природное изящество: аристократическая традиция, пережиток далеких времен, – «сэврская чашка», француз с Мартиники XVIII века.

Внешность Кузмина была, действительно, не совсем обычной, и, кроме глаз, обращали на себя внимание «два кольца». Это очень хорошо и верно: «именно два кольца». Не думайте, что это – перстни: с гладкой небольшой головы, от уха к виску, пролегали два волосяных начеса.

М. Цветаеву спросили: «Как вам нравится Кузмин?» – «Лучше нельзя: проще нельзя». – «Ну, это для Кузмина – редкий комплимент».

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мелькая, проходит в этих воспоминаниях и Сергей Есенин – кудрявый, с
васильковыми глазами, в голубой рубашке, его молодые частушки под гармонику:

Играй, играй, гармонь моя!

Сегодня тихая заря,

Сегодня тихая заря,

Услышит милая моя. ...

С. Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 61

Отрывок{184}

... Самым значительным в отделе стихов является все же и по замыслу, и по исполнению стихотворение Марины Цветаевой «Дом». Однако при всей убедительности данного символического образа (Дом – Родина), при всей рельефности его, и в этом стихотворении, как и в большинстве стихотворений М.Цветаевой последних лет, есть какая-то тяжесть и схематичность. Иногда хочется сказать, что последние стихотворения М.Цветаевой – чеканная проза, а проза ее чистейшая поэзия. Так чистейшей поэзией является ее «Нездешний вечер», рассказ о встречах с Кузминым, Есениным, Каннегисером, [586] и о некоторых других встречах с поэтами и людьми, близкими к поэзии, в Петербурге последних лет войны.

Кто, кроме Цветаевой, мог бы с такой остротой передать и внутреннюю простоту за внешним, кажущимся жеманством Кузмина – одного из самых непосредственных лириков, – и восторг, который вызывала Ахматова, и всю насыщенность поэзией, которая так характерна для того времени. «Пир во время чумы? Да. Но те пировали – вином и розами, мы же – бесплотно, чудесно, как чистые духи, – уже призраки Аида – словами». ...

А. Даманская

«Сын памятника Пушкина»

На вечере Марины Цветаевой о великом поэте{185}

Марина Цветаева, ежегодно устраивающая свой вечер стихов и прозы, выступила в одном из самых поместительных публичных залов Парижа – в зале Социального Музея.

В своих чтениях об Андрее Белом, Есенине, Кузмине, Блоке – отличная чтица, М.И.Цветаева, обладающая к тому же чрезвычайно приятно звучащим голосом, – показала себя мастером литературного портрета, вернее литературной скульптуры. Русские поэты, о которых она читала, вставали перед слушателями в таких рельефах, такими видными, почти осязаемыми со всех сторон, – какими не может изобразить человеческий облик самая искусная кисть.

Вчера Марина Цветаева читала перед густо наполненным залом о Пушкине. Казалось бы, что еще можно нового добавить о Пушкине после всего, что сказано о нем? И удастся ли, думалось друзьям талантливой поэтессы, захватить внимание слушателей в эти дни, когда только что отшумел длинный ряд Пушкинских празднеств. Но за какую бы тему ни бралась Марина Цветаева, о чем, о ком бы она ни рассказывала – человек, вещь, пейзаж, книга, в ее творческой лаборатории получают новое, как будто неожиданное освещение, и воспринимающееся, как самое верное и незаменимое уже никаким иным.

Памятник Пушкина в Москве – одно из первых и самых сильных впечатлений маленькой девочки, игравшей около памятника Пушкина, гулявшей с няней к памятнику Пушкина, и мерилom – расстояний, высоты, мощи, недоступности, несокрушимости – взявшей памятник Пушкина.

Когда к отцу ее, директору Исторического музея, пришел важный седой господин, почетный опекун музея и мать наказала ей сидеть тихо в зале и внимательно смотреть, запомнить лицо господина, который будет выходить из отцовского кабинета, потому что это сын Пушкина, – то в детском уме тотчас встал черный бронзовый памятник – другого Пушкина она еще не знала, и няне было тотчас сообщено, что «приходил к папе сын памятника Пушкина». [587]

На детском утреннике в Большом Московском Театре, где показаны сцены из «Руслана и Людмилы», «Мазепы», «Евгения Онегина» – девочка отбирает для себя ту часть спектакля, которая дала ей первую сладкую и томительную догадку о любовной печали, о любовном страдании, позднее – вливаются в детскую душу горячие струи горячей жизни из «Цыган», в забавных и наивных восприятиях одной, другой строки Пушкина – ребенок настойчиво и страстно ищет путей к познанию поэта... И уже это не «памятник Пушкина» на Тверском бульваре, а Пушкин хрестоматий, потом Пушкин

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru благоговейно хранимых под подушкой книг, и, наконец, – но через какой долгий срок, и длинный путь приобщения «свой» Пушкин – «мой Пушкин», – перед которым, преклоняясь, едва ли не талантливейший из современных русских поэтов слагает великолепный, нетленный венок: переведенные Мариной Цветаевой на французский язык стихи, переведенные бесподобно и с такой торжественностью подлиннику, с такой чуткой передачей ритма, дыхания, аромата пушкинского стиха, что каждое стихотворение покрывалось восторженным и благодарным шепотом, и словами благодарности...

Та часть чтения, в которой Цветаева рассказывала, как замороженная впервые прочитанной поэмой «Цыганы» – она спешит в людскую приобщить своей радости няньку, ее гостя, горничную, и как о детский восторг разбивается скепсис ее слушателей – особо пленила слушателей свежестью и нежной теплотой юмора.

«Мой Пушкин» М.Цветаевой появится скоро в печати, но чтобы оценить всю значительность, всю прелесть этого произведения, – надо слышать его в чтении автора, и тогда лишь вполне уясняется и само название, тогда лишь вполне оправдана законность этого присвоения поэта поэтом: «Мой Пушкин»...

С. Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 62

Отрывок{186}

... С огорчением прочли мы стихи Марины Цветаевой. Больно, когда такой большой поэт в погоне за какими-то странными словесными эффектами нарушает и гармонию стиха, и естественный строй человеческой речи, доходя до такой какафонии, как:

Сей мощи, и плечи, и гуще –
Что нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей?
Или:

В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?
Едва ли такая словесность может быть кем-либо воспринята как поэзия, как бы прекрасны и значительны ни были выражаемые поэтом чувства и идеи. ...

А. Гефтер

Пушкинский вечер Марины Цветаевой{187}

Вечер 2-го марта, устроенный поэтессой Мариной Цветаевой, доставил посетившей его публике редкое удовольствие. «Мой Пушкин» начался с ряда детских воспоминаний. Сначала «мой Пушкин», как «моя мама», «моя няня», четырехлетней девочки, полюбившей памятник поэта, потому что он (памятник) был черный и большой-большой, больше всех.

Потом, первоначальное знакомство со стихами Пушкина, уже любимого «через его памятник», составлявший границу прогулок и игр ребенка на Тверском бульваре... Она не все понимает в его стихах, они принимаются ею, как принимаются ребенком слова молитв, без критики и глубоко. Если происхождение любви к Пушкину имело своим отправным пунктом «Памятникпушкина» (одним словом), то дальнейшее развитие чувства обязано собственной ответной музыкальности и врожденной поэтичности богато одаренного ребенка. Сначала увлеченная поразившим ее памятником, а потом, постарше, – во власти поразительной музыки и замысла поэта, она избирает его своим вождем на всю жизнь, постепенно все глубже проникая в его колдовство.

Не каждому дано быть поэтом, конечно, но случайная встреча четырехлетней девочки с «черным памятником», мне кажется, имела свое значение. Не много детей знало лично Пушкина, а маленькая Муся Цветаева была уверена, что знала. «Памятникпушкина» был для нее живым. Над этим стоит подумать. Это интересно и прекрасно.

Да, Марина Цветаева имеет право сказать: «Мой Пушкин». Не только ее озаренное Пушкиным детство, по воспоминаниям о котором мы можем судить, какую роль сыграл он в ее жизни, но и ее стихи, не только посвященные ему, вернее, созданные им в ее душе его талантливого медиума, дают ей право на это восклицание: «Мой Пушкин!».

К концу вечера она прочла несколько своих переводов пушкинских стихов на французский язык, блестящих по точности передачи текста и по чудесной

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
музыкальности, до сих пор никому из переводчиков не бывшей доступной.[588]
Поразителен перевод «Бесов».

Единственное, о чем пришлось пожалеть, это о том, что поэтессе не поднесли цветов, которые она так заслужила.

С. Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 63

Отрывок{188}

... В отделе стихов представлены Г.Кузнецова, Ю.Мандельштам, Вяч. Иванов, В.Смоленский, Марина Цветаева.

Новые стихи Вяч. Иванова проще и как-то прозрачнее его прежних стихов. На них как бы отсвет гетевской лирики. Вяч. Иванов приблизился к Гете, но от поэзии наших дней, эмигрантской поэзии в частности, он так же далек в новых, как и в прежних своих стихах. Но эта «неактуальность», на наш взгляд, только увеличивает их своеобразную прелесть.

Так же особняком среди современных поэтов стоит Мар. Цветаева. Помещенные в 63-ей книге «Современных записок» стихотворения ее посвящены Пушкину. В первом (Стихи к Пушкину) поэт резко полемизирует с почитателями, заменившими живого, настоящего Пушкина – кумиром, имеющим мало с ним общего. Богатые и неожиданные рифмы оттеняют смелые и парадоксальные образы, в которых выражена мысль автора, сама по себе несколько не парадоксальная. В общем, «Стихи к Пушкину» только смелый фельетон в стихах в духе некоторых вещей Маяковского. Зато во втором стихотворении (Петр и Пушкин) так много пафоса, столько жизни в образах, местами столько мощи, что, несмотря на рассудочность замысла, фельетон здесь претворен в поэзию. ...

Н. Резникова

Рец.: «Современные записки», книга 64

Отрывок{189}

Недавно полученная очередная книга «Современных записок» читается с обычным интересом. Несомненно, «Современные записки» были и остаются лучшим общественно-политическим и литературным русским журналом за рубежом, и эмиграция может им по праву гордиться.

Весь помещенный в отчетной книге материал совершенно безукоризнен. Но говорить хочется больше всего о замечательной статье поэтессы Марины Цветаевой. Ее проза поразительна по своей оригинальности, своеобразию и внутренней правдивости. В прозе М.Цветаева высказывает себя и неожиданно заставляет читающего найти в ее крайне индивидуальных мыслях и настроениях общее со своими мыслями и настроениями, что и говорит об огромном таланте поэтессы. Ее «Мой Пушкин» – шедевр! Его хочется перечитывать бесчисленное количество раз... Поистине, это – подарок, бесценный и радующий, подарок, какой могут сделать только избранные и который, несомненно, оправдывает все горечи и трудности, что приходится переживать каждому писателю и поэту. ...

Г. Адамович

Рец.: «Современные записки», книги 63, 64

Отрывки{190}

Марина Цветаева – всегда и везде особняком. В ее стихах «К Пушкину» много верного по дословному содержанию. Настолько верного и бесспорного, что в сущности – Цветаева при всем своем боевом задоре ломится тут в открытую дверь. Гораздо глубже, гораздо оригинальнее – стихотворение о Петре и Пушкине. Оно вдохновенно не только внешностью своей, но и всем своим смыслом. ...

Марина Цветаева, кроме стихов о Пушкине, поместила и прозу «Мой Пушкин». Ничего нового я никому не открою, если скажу, что, разумеется, о самой Цветаевой в очерке этом говорится много более, нежели о Пушкине. Но некоторые замечания, некоторые определения – блестящие и вознаграждают того, кто в этом потоке слов сумеет и захочет их выловить. ...

В. Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книги 63, 64

Отрывки{191}

I (Книга 63)

... В отделе стихов – превосходный цикл В.Смоленского, которому в особенности

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru удалось второе стихотворение – «пронзительно унылое». [589] Из двух стихотворений Марины Цветаевой о Пушкине в первом, быть может, слишком много полемики с почтителями Пушкина и слишком мало сказано о самом Пушкине, хотя самый «сказ» – превосходен. Второе стихотворение, «Петр и Пушкин», прекрасно по замыслу и восхитительно по форме. Тем не менее, принимая общую мысль пьесы, приходится на сей раз немного поспорить с самой Цветаевой о некоторых подробностях, не вполне соответствующих исторической действительности. Ганнибалу жилось при Петре вовсе не так легко и привольно, как кажется Цветаевой. Отправленный за границу для учения, Ибрагим буквально голодал и чуть ли не нищенствовал; тем не менее он мечтал пробыть во Франции еще один год, чтобы закончить образование, – но царь вытребовал его обратно в Россию, несмотря на все его просьбы. С другой стороны, неверно и то, будто Николай I «заморил» Пушкина архивами. Дозволение «рыться в архивах» было дано Пушкину по его собственному, вполне искреннему и горячему желанию. [590] И Пушкин в архивах вовсе не «закисал», потому что эта работа вполне соответствовала историографическим интересам и склонностям, которые всегда были ему свойственны, а в последние годы жизни в особенности усилились. Повторяю, однако, что в целом стихотворение прекрасно, и в особенности прекрасны его заключительные слова о Пушкине:

Последний – посмертный – бессмертный
Подарок России – Петра ...
II (книга 64)

... Чтобы оценить «Моего Пушкина» Марины Цветаевой, надо себе уяснить, к какому роду словесности он принадлежит. Мысли о Пушкине лежат в нем двумя пластами: пласт современных, взрослых соображений о Пушкине – и под ним пласт воспоминаний о первоначальных, детских восприятиях Пушкина, о событиях, связанных с именем Пушкина. Первый пласт сравнительно со вторым тонок, малосодержателен и играет подсобную роль. Следственно, «Мой Пушкин» – не критическое произведение, и соответственных требований к нему предъявлять не следует: он их не выдержит. Неправильно было бы причислить его к мемуарной литературе: не такова его, как выражаются в советской России, «установка». Всего правильнее назвать его этюдом по детской психологии, основанным на личных воспоминаниях автора. То обстоятельство, что собранные здесь воспоминания связаны именно с Пушкиным, имеет значение второстепенное. Этюд любопытен и содержателен не критическим, а психологическим своим материалом. Для интересующегося детской психологией это настоящий клад. Нет надобности прибавлять, что этюд написан очаровательно. Все знают, что на такие вещи Марина Цветаева – великая мастерица. ...

В. Ходасевич
Рец.: «Русские записки», книга 2
Отрывки {192}

По сравнению с первой книжкой «Русских записок», вышедшей прошлым летом, нынешняя вторая книжка – большая удача. На этот раз редакция повезло: ей посчастливилось получить несколько вещей, имеющих несомненную художественную ценность. Не могу, однако же, притвориться слепым и сделать вид, будто на сей раз мне все кажется благополучным. Есть и теперь в «Русских записках» кое-что вовсе плохое и кое-что сомнительное.

С этого плохого и сомнительного я и начну, потому что мне хочется, начав «за упокой», кончить «о здравии», а не наоборот. ...

Наконец, сомнительной кажется мне статья Марины Цветаевой «Пушкин и Пугачев». В ней есть несомненные достоинства. Анализ отношений между Пугачевым и Петрушей Гриневым, героем «Капитанской дочки», во многом сделан превосходно. В том, что Цветаева говорит о глубоком различии образов Пугачева, данных в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачевского бунта», нет ничего или почти ничего нового, есть некоторые спорные частности, но в основном она и здесь права. Ее неудача начинается с того момента, как она решается делать выводы. В основе этой неудачи лежит простая библиографическая ошибка. Цветаева уверена, будто «История Пугачевского бунта» написана в 1834 г., а «Капитанская дочка» – в 1836, т. е. после «Истории...» В действительности это не так. «Капитанская дочка» была только напечатана в 1836 г., написана же она вчерне была уже осенью 1833 г., когда Пушкин еще только заканчивал собиранье материалов для «Истории...» Таким образом, оказывается неверен исходный пункт цветаевских рассуждений: давая идеализированный, очищенный образ Пугачева в «Капитанской дочке», Пушкин вовсе не занимался сознательным поэтическим преодолением «низких истин» [591] о Пугачеве, изложенных в «Истории Пугачевского бунта». Вообразив, что «Капитанская дочка» писана после «Истории», Цветаева напрасно вообразила, будто чем больше

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пушкин Пугачева знал извергом и дикарем, тем больше понимал его внутреннюю правду и красоту. Уж если на то пошло, факты как будто бы говорят как раз обратное: вообразив (в «Капитанской дочке») Пугачева добродетельным разбойником, Пушкин впоследствии его узнал таким, каким представил в «Истории». Мне кажется, однако, что и такое рассуждение было бы неверно. Истина лежит в другой плоскости, в обстоятельствах, о которых Цветаева мимоходом упоминает, но которых по-настоящему недооценивает. В эпоху писания «Капитанской дочки» Пушкин уже достаточно знал о Пугачеве, чтобы показать его таким, каким потом показал в «Истории». Расхождение же между этими двумя образами следует объяснить не сложным и демоническим процессом преодоления правды поэзией, как хочет думать Цветаева, и не давлением правительства, как полагает она же (ибо это давление одинаково тяготело над автором романа, как и над автором исторического труда), – а иными, более литературными, если угодно – более поверхностными причинами. Пушкин-прозаик в своем развитии отстал от Пушкина-поэта. Образ Пугачева в «Капитанской дочке» не вполне оригинален и условен, ибо создан под жанровым давлением романтической повести – отсюда его идеализация, идущая вразрез с историческими познаниями Пушкина. В эпоху «Капитанской дочки» Пушкин еще не умел сделать в прозе то, что давно сумел сделать в «Борисе Годунове»: взглянуть на историю поэтически, но трезвым и сложным «взглядом Шекспира» – взглядом художника-реалиста. «Капитанская дочка» в пушкинской прозе занимает еще примерно то место, которое в поэзии занимают «Цыганы», «Пиковая дама» – уже значительный шаг вперед, потому что прозаическое развитие, в силу пройденного опыта, шло быстрее стихотворного. Однако до прозаического эквивалента «Маленьких трагедий» или «Медного всадника» Пушкин не дожил. Объявлять «Капитанскую дочку» чуть ли не вершиной пушкинского творчества, как это делает Цветаева, значит говорить не серьезно и не исторично. Мне, впрочем, кажется, что тут на нее сильно повлияла советская юбилейная литература, изображающая Пушкина таким бунтопоклонником, каким он не был, несмотря на то что и в Пугачеве, и в Разине видел, конечно, не только варваров и преступников. Иначе, конечно, он «Капитанскую дочку» после «Истории Пугачевского бунта» не стал бы печатать. Но тут – особая тема, выходящая далеко за пределы этой статьи.

Переходя к положительной части книги, начну с той же Марины Цветаевой. В тесной связи с ее статьей о Пушкине и Пугачеве – цикл ее стихов о Стеньке Разине. Но в поэзии Цветаева не в пример более дома, нежели в истории литературы. Впрочем, история Стеньки взята ею не в бунтарском, а в любовном разрезе. Перед нами – новый поэтический вариант истории с персидской княжней – прелестно сделанный прелестными, очень «цветаевскими» стихами. ...

П. Пильский

Шанхай, вымыслы и песнь любви

Отрывок{193}

Как жили русские в Шанхае? Как Пушкин создал двух непохожих Пугачевых. Тут же, в этом критическом отделе, должна быть отмечена небезынересная статья Марины Цветаевой о Пушкине и Пугачеве. Всю жизнь ее прельщало и околдовывало таинственное и манящее слово: «Вожатый». Таким Вожатым ей представлялся Пугачев. Она считает, что и Пушкин им зачарован. В «Капитанской дочке» Пугачев совсем не похож на своего однофамильца, а на двойника в пушкинской «Истории Пугачевского бунта». Писала их одна и та же рука, но Пугачева «Капитанской дочки» создал поэт, Пугачева «Истории Пугачевского бунта» – прозаик. От Пугачева первого нельзя не придти в тайное восхищение, Пугачев второй внушает только отвращение.

Меж тем «Капитанская дочка» написана в 1836 г., а «История» в 1834 г. Значит, поэт создавал своего Пугачева после того, как историк и прозаик с этим лицом были хорошо ознакомлены. Поэт дал нам своего Пугачева, народного Пугачева, и его мы не можем не любить. Правда, в «Капитанской дочке» Пушкин-историограф побит поэтом, и все-таки, последнее слово о Пугачеве останется у нас навсегда за поэтом. Ни одной своей статьей Марина Цветаева не может вызвать согласия. Всё и все под ее пером переворачиваются, становятся к нам какой-то одной, совершенно неожиданной, стороной. Но никогда с Мариной Цветаевой не хочется спорить. Это и не нужно. Она не выдает себя ни за ученого, ни за критика, ни за исследователя – она пишет о том, что ей воображается, что снится, и ей все равно – было ли это или не было, так это или не так. Но и мы читаем ее, не ища полной правды, подтвержденной источниками, документами или жизнью. Откровения Цветаевой мы принимаем как вымыслы поэта. Доказательства? Но и они у нее играют чисто формальную роль. Это – даже не доказательства, а поэтические мотивировки, объяснения, почему ей вдруг так привиделось, приснилось и почудилось. ...

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
К. Вильчковский
Рец.: «Русские записки», книга 2
Отрывки{194}
Три автора выделяются во 2-ом номере «Русских записок»: Сирин, Цветаева и Штейгер. ...

Цветаевская душевность после Сирина кажется нескромной, но в цветаевском воздухе можно дышать. «Пушкин и Пугачев» прекрасная, почти спокойная проза. Остается еще излишняя словоохотливость, еще хотелось бы немного подсократить, отцедить немного лирики. Но анализ меток и тонок, ирония – неподчеркнутая – беспощадна. И поправка Ходасевича (способная уничтожить заурядного литератора) не разрушает (пусть ошибочно биобиблиографически) цветаевской статьи. Холодная струя, которой обдаёт Ходасевич, отрезвляет не до конца, и если его магистерская правота и несомненна, остается все же сомнение в его внутренней правоте.

Слава богу, к «Стеньке Разину» Цветаевой такого рода критика не применима – слава богу, потому что вещь очаровательна. Оперная тема (какой соблазн!) очищена от всякой оперности. Срывов вкуса нет; нет излишней эффектности; стихи, певучие и хрупкие, достигают иногда прекрасной простоты. Упреки в псевдорусском стиле едва ли уместны (причем тут филология и археология?).

В Русской стихии Цветаева – дома, и цветаевские волжане нам милее цветаевских эллинов. ...

В. Ходасевич

Рец.: «Русские записки», книга 3
Отрывки{195}

Поистине, «есть от чего в отчаянье прийти». [592] В статье о последней книжке «Современных записок» я с огорчением указывал на постоянную в этом журнале чересполосицу, на то, что читателю все время приходится иметь дело с отрывками, началами, продолжениями, окончаниями. Помнится, я даже намеревался в пример «Современным запискам» поставить «Русские», в которых безногих или безголовых торсов было как будто меньше, но почему-то не написал этого, и вижу теперь, что хорошо сделал...

Впрочем, «Повести о Сонечке» Марины Цветаевой я решюсь посвятить несколько строк, хотя из нее напечатана только первая половина. Общий характер этой вещи, мне кажется, можно считать уже вполне определившимся. Это – один из тех литературных портретов, в которых Марина Цветаева за последние годы обрела себя как прозаика и обнаружилась настоящим мастером. Тема, по существу, мемуарная, в них разработана при помощи очень сложной и изящной системы приемов – мемуарных и чисто беллетристических. Таким образом, оставаясь в пределах действительности, Цветаева придает своим рассказам о людях, с которыми ей приходилось встречаться, силу и выпуклость художественного произведения. Из таких портретов (они почти все были помещены в «Современных записках») наиболее удались посвященные историку Д.И.Иловайскому, поэту Максимилиану Волошину и в особенности – Андрею Белому. Сонечка Голлидэй, о которой речь идет на сей раз, не принадлежала к числу людей с большой известностью. Это была молоденькая актриса так называемой «Вахтанговской» студии Художественного Театра, той самой, которая главным образом прославилась постановкой «Принцессы Турандот». «Коронная» роль Сонечки была в инсценировке «Белых ночей» Достоевского. Кажется, кроме этой роли она ничем особенным себя на театре не выказала. Цветаева, однако, и не пишет о ней именно как об актрисе. Она дает общий, «человеческий», то есть театрально-житейский образ, преимущественно даже именно житейский. Этому образу она придает черты до крайности индивидуальные, что составляет естественное следствие изощренной наблюдательности, в свою очередь есть некая дань любовного, почти влюбленного восхищения и удивления Сонечкой. Таким образом, из-под пера Цветаевой ее героиня выходит сама вполне по себе, сохраняет всю свою личную, человеческую неповторимость. И в то же время (мне кажется, это случилось не только помимо воли, но даже и без ведома самой Цветаевой) очерк приобретает значение несколько более расширенное. В лице Сонечки Голлидэй начинаешь распознавать черты, очень знакомые даже тем, кому, как мне, например, сама Сонечка вовсе не была знакома. Девушек этого стиля, этого внешнего и душевного склада было немало в предвоенной Москве – именно в Москве, потому что в Петербурге, не говоря о провинции, были похожие на них, но совсем таких не было. Я говорю – девушек, потому что хоть они имели по многу любовных историй и даже выходили замуж (всегда, впрочем, ненадолго) – все оставалось в них что-то девическое, почти даже детское. Сама Сонечка появляется в поле нашего зрения уже

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru в большевистские годы, но это лишь частный случай, отчасти даже ее выводющий из общего ряда. Расцвет же и как бы нашествие этих девушек относится именно к предвоенной поре. Все они имели отношение к театру: состояли ученицами либо драматических, либо танцевальных студий. ... До настоящей сценической деятельности, кажется, ни одна из них не дошла, так что Сонечка и тут – в роли исключения, хотя и ее театральная жизнь оказалась недолгой, почти минутной. С театральной точки зрения, их жизнь проходила в надеждах, мечтаниях и исканиях, – а потом как-то сразу вдруг обрывалась. Настоящих артисток из них не выработывалось и не могло выработаться, не потому, что они все были бездарны (совсем нет, были очень одаренные, как та же, например, Сонечка), а потому, что театральное искусство, как всякое другое, требует желаний и умения трудиться, обязывает к очень строгой внутренней дисциплине. Меж тем трудиться они не столько не хотели, сколько не умели, о дисциплине же решительно не догадывались, а если бы кто-нибудь с ними заговорил об этом, они бы обиделись, а человека такого сочли бы сухарем и педантом. Именно отсутствие всякой дисциплины составляло в них самую суть. Им порой удавалось сказать что-нибудь тонкое, меткое, острое, но мыслить последовательно они считали ниже своего достоинства, перескакивали с предмета на предмет и любили строить свои силлогизмы на случайных, не редко – звуковых ассоциациях – по созвучию слов. Они были детски избалованы. С возрастом избалованность превращалась в неврастению, в зачатки истерии. Они умели веселиться до слез и начинали вдруг улыбаться, позабыв, о чем плачут. Они были слезливы и смешливы. Они любили чужих детей и не способны иметь собственных. Все были хорошенькие, но ни одна не была красива вполне. Они были влюбчивы, но несчастны в любви, потому что в них тоже влюблялись за их хрупкую прелесть, но влюблялись несерьезно и вскоре от них убегали, либо легко меняли их одну на другую, потому что при всем стремлении к оригинальности, при настоящем даже своеобразии каждой, – в конечном счете все они были совершенно одинаковы. Именно такова, по рассказу Цветаевой, и Сонечка Голлидэй, ее героиня. Даже – вплоть до мелких и как будто случайных подробностей: все, как одна, любили яблоки (в особенности, крепкие и кислые), а в особенности – орехи. Все были бедны и добры, готовы отдать последнее. Любили – и не умели наряжаться (да и не на что было). Все изящным своим убожеством напоминали Миньон и Золушек, все сами были – точно выхвачены из сказки: маленькие эфемериды. Ну, все были немножко еще притворщицы: сплетение правды и притворства составляет суть сцены или по крайней мере сценического быта, который они очень скоро и легко воспринимали, хотя настоящими актрисами так и не делались никогда. Посмеявшись, поплакав, вдоволь нацеловавшись, проблистав крылышками, они куда-то одна за другой исчезали, сходили с жизненной сцены, как с театральной. Черта очень грустная, за сердце хватающая: они часто были физически недолговечны. Внезапно и быстро умирали, некоторые кончали с собой. Судя по некоторым намекам, такова же была и судьба цветаяевской героини, – но о ней мы узнаем из второй половины этого прелестного очерка.

Той же Сонечке Голлидэй, ряду маленьких эпизодов, с ней связанных, посвящены стихи Цветаевой – лучшие, разумеется, стихи в этой книжке «Русских записок». Они написаны еще в 1919 году, и Цветаева хорошо делала, что их не печатала до сих пор: при всех своих достоинствах они имеют существенный недостаток: они не понятны без того обширного комментария, которым к ним служит «Повесть о Сонечке». В сущности, без комментария они даже и лишаются этих достоинств – остаются от них только смутная магия слов, звуков. Таких стихов, написанных «на случай» и «для себя», вызванных к жизни обстоятельствами, известными только самому поэту, очень много было у Блока. Но он их печатал без пояснений, тоже «для себя», – а это уже хуже, ибо можно для себя писать, но нельзя для себя печатать. Эти стихи, при всех частных достоинствах, составляют огромный балласт в собрании его сочинений. Однажды он признался мне, что многих из них уже сам не понимает, потому что из памяти улетучились поводы их возникновения и улетучилось специфическое значение многих образов и даже отдельных слов, которые в них встречаются.

Как всякий художник, изображая своих героев, Цветаева вольно или невольно в то же время изображает себя. Она это делает даже именно «вольно», потому что себе самой отводит очень много места в своих воспоминаниях. Таким образом, из многих портретов, ею нарисованных, складывается еще и портрет ее самой. К нему мы надеемся вернуться – может быть, по поводу обещанного окончания «Повести о Сонечке».

П. Пильский
Новая книга «Русских записок» (книга 3)

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отрывок{196}

Сергей Есенин придумал – точнее, нашел для себя – забавную, но и поучительную игру. На кусках картона он писал разные слова и бросал их в корзину. Потом вынимал, раскладывал их на столе, получались разные комбинации. Это была хорошая мысль, полезная игра, приятная литературная забава. В процессе писательской работы многие слова у нас временно пропадают, засыпают – прячутся. Их надо разбудить, призвать к сознательной, бодрой жизни, – как было бы важно для писателя начинать свой день с перелистывания словаря – хотя бы даля!

Словами любит играть и Марина Цветаева. Она их раздевает, выворачивает их смысл, преобразуя, перекрашивая звуковую сторону, их внешний наряд, изобретает, сочиняет новые, и они мелькают здесь, в этой последней книге «Русских записок», где начата ее «Повесть о Сонечке».

Это – экзальтированная девушка, у нее розовое лицо и темные глаза, она маленького роста, у нее тонкие руки. Сонечка – порывиста, мечется по жизни, но не шумит: она – тихоня, хотя и экспансивная. В театральной студии Вахтангова она – чуть ли не лучшая, – одаренная и очень восторженная душа. Сонечка любит восклицательный знак, восхищенное патетическое «о», и без него не обходится почти ни один разговор: «О, Марина!.. О, Марина!» Кроме «о!» у нее часто междометие «ах!»: «Ах, Марина!» Эта восторженность Сонечки так заразительна, что и сама Марина Цветаева схватывает эти восклицания, покоряется этому наваждению, отвечает Сонечке тоже этими «о» и «ах»: «О, какая это была живая Сонечка!» «Ах, Соня!»

Сколько Сонечек видели мы когда-то, сколько загубленных Сонечек было в те годы, когда русские девушки бредили театром, студиями, писали более или менее плохие стихи и даже учились в петербургской Академии стиха, где лекторами были Валерий Брюсов, Гумилев, Макс Волошин. Там эти доверчивые головы и сердца, окончательно замороженные, кружились мотыльковым кружением, около них поднимались бури (не всегда в стакане воды), происходили ссоры и споры, рождались соперничества, бывали и дуэли – можно вспомнить один из таких полукомических поединков. К барьеру вышли Макс Волошин и Гумилев, рыцари дрались из-за хроменькой девушки, тоже слушательницы этой Академии стиха. В журнале «Аполлон» она поместила несколько стихотворений – довольно талантливых, и выбрала себе очаровательный и загадочный испано-французский псевдоним: «Черубина де Габриак». Звали ее Елизавета Ивановна. Настоящая фамилия была проще, чем псевдоним, – Григорьева, [593] и – слава Богу! – после дуэли она вышла замуж за скромного ташкентского инженера, тоже с самой простой фамилией: Васильев.

И Сонечка – одна из пасомых этого многоголового стада, попрыгивающая на скользком канате – миг и полетит вниз: закон земного притяжения существует и для Сонечек. Конечно, у нее было несколько романов, очевидно, не особенно удачных, но у нее «страсть к несчастной любви». От этого ее растерянность, чувство беспомощности, должна была родиться потребность в не рискованной, спокойной привязанности, женской сердечной дружбе. Сонечка решительна, и как-то, с колотящимся сердцем, она подошла к шарманщику и перед всем народом поцеловала его в губы. Сделала она это потому, что он немолодой, зеленый, с красным носом человек пережил романтическую историю: влюбился в громадную бабу, отбил ее у чревоушателя, его прогнали с должности и теперь он вертит ручку шарманки целых 10 лет – уже не замечает, что его героиня разжирела, потеряла последние остатки красоты и молодости.

Не знаю, чем кончится «Повесть о Сонечке», [594] но это не так важно: Марина Цветаева не дорожит фабулой, не считается с читателем, рассказывает о себе охотнее, чем о других, в литературе любит своеволие, не страшится отступлений, предупреждает читателя, что своей излишней точностью вредит «художественности вещи», и, как ее юный герой Павлик, говорит «с одинаковым напором на каждом слове, с одинаковым переполнением его». Этот «напор» – ее сила и ее слабость, достоинство и западня.

Стремление сбросить с себя оковы привычных словесных форм – законно и прекрасно. Но не легко понять фразу Сонечки: «Я тогда думала – из-за него, что ему – его – себя, себя к нему – читаю – перед всеми – в первый раз». Неожиданно сравнение грозди лесных орехов: «они, как звезды, Марина, шелуха – как лучи». В своей сомнамбулической ослепленности и оглушенности Андрей Белый любит разбивать слово, доискиваться в нем какого-то нового, запятого смысла: «Человек» у него «человека». Такие опыты производит и Марина Цветаева, и у нее поэт Батюшков

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«с ума сшедший», а не просто «сумасшедший»: почему-то так ей нравится больше, – она думает, что этот разбив проясняет смысл, вскрывает некую запечатанную тайну.

Марина Цветаева склонна производить и новые слова, в особенности женского рода с окончанием «сть». В ее повести я встретил «маленькость», «двудевять», «девчаческая», «сюрпризность», «посмертие», «едающий взгляд», «до-утром», «позабавлено» и даже «любящсть». Что ж – формально на это ничего нельзя возразить, каждый писатель имеет право рожать новое слово, а женское окончание «сть» прельщало многих: у Пушкина есть «красивость», у Ломоносова «желтость», у Лермонтова «упрямость», а Державин писал «лишность» и «людскость». Да, право на обновление остается за каждым из пишущих, но кто сейчас готов сказать «лишность»? Родить слово не значит дать ему жизнь, бывают слова-однодневки, мертворожденные младенцы и, уверен, «любящсть», как родилось в колыбели Марины Цветаевой, так там и умрет без последнего целованья. ...

Г. Адамович

Рец.: «Русские записки», книга 3

Отрывок{197}

Последняя (третья) книжка «Русских записок» под старой редакцией. Некоторое безразличье к судьбе журнала, перешедшего в иные руки, сказалось, может быть, на его составлении. В книжке есть интересные и ценные вещи, но они сплошь отрывочны и соединены, как будто, случайно. Кое-где помечено «окончание следует». Редакция по привычке поставила после этих слов точку. Читатель мысленно ставит вопросительный знак.

Больше всего места отведено в номере Марине Цветаевой, давшей несколько стихотворений и прозаическую «Повесть о Сонечке». Начнем с цитаты:

«– О, Марина! Я тогда так испугалась! Так потом плакала!.. Когда я Вас увидела, услышала, так сразу, так безумно полюбила, я поняла, что Вас нельзя не полюбить безумно, – я сама Вас так полюбила сразу..»

– А он не полюбил.

– Да, и теперь кончено. Я его больше не люблю. Я Вас люблю. А его я презираю – за то, что не любит Вас – на коленях.

– Сонечка! А вы заметили, как у меня тогда лицо пылало?

– Пылало? Нет. Я еще подумала: какой нежный румянец..»

– Значит, внутри пылало, а я боялась – всю сцену – весь театр – всю Москву сожгу. Я тогда думала – из-за него, что ему – его – себя, себя к нему – читаю – перед всеми – в первый раз. Теперь я поняла: оно навстречу Вам пылало, Сонечка.. Ни меня, ни Вас. А любовь все-таки вышла. Наша.

Это был мой последний румянец в декабре 1918 года. Вся Сонечка – мой последний румянец. С тех, приблизительно, пор у меня начался тот цвет – нецвет – лица, с которым мало вероятия, что уже когда-нибудь расстанусь – до последнего нецвета.

Пылание ли ей навстречу? Ответ ли ее короткого бессменного пожара?

..Я счастлива, что мой последний румянец пришелся на Сонечку».

Повесть не выдуманная, повесть автобиографическая, и «я» в данном случае относится к личности Марины Цветаевой. Это ей Сонечка говорила, что «Вас нельзя не полюбить безумно», и это она о своем «румянце» так обстоятельно и поэтически рассказала.

Литература вовсе не обязана быть проникнута скромностью. Над вольным талантом, как «над вольной мыслью», Богу не угодны «насилие и гнет» заранее установленных принципов. Нельзя приписывать правил поведения творческому сознанию. Если бы мы требовали от литературы той сдержанности в выражении чувств, которая иногда переходит в прямую застенчивость, пришлось бы вычеркнуть из нее целый ряд блестящих имен: правда, мы сохранили бы Пушкина, но, пожалуй, лишились бы Лермонтова с такими его заявлениями, как:

Нет, я не Байрон, я другой,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Еще неведомый избранник...
и уж конечно, лишились бы самого Байрона.

Где же мерило? Что же его нет совсем, – и, значит, «все позволено»? Если статья на чисто формальную, законническую точку зрения – да, все позволено, потому нет ничего в творчестве, что можно было бы с абсолютной убедительностью отвергнуть или принять как ложь или истину. Мерило в каждом из нас, и каждый самостоятельно решает, имел ли внутреннее право писатель сказать то, что он сказал. От великого до смешного, как известно, один шаг, [595] но Байрон этого шага не делал. Еще меньше способен был бы сделать его Лермонтов, лишенный байроновского театрального инстинкта и его склонности к позе. Шаг был сделан позднейшими поэтами «эгоцентрического склада», вроде Д'Аннунцио [596] и некоторых его сверстников и современников. Чувство острой неловкости, возникающее при чтении их, вызвано, по-видимому, тем, что претензии не соответствуют данным, и автор со своим энтузиазмом, обращенным на самого себя, остается в одиночестве. Байрон увлекал за собой толпы и мог, в праве был, о себе этим толпам говорить. Иначе «великое» перевешивается «смешным», и вид поэта, притязавшего на титулы, которые он сам себе выдал, становится тягостным. Будем откровенны: читать Цветаеву всегда неловко и тягостно, несмотря на то что талант ее всегда и во всем очевиден. Отрывок из «Повести о Сонечке», который я только что привел, вовсе не исключителен для нее. В других формах и в других вариантах Цветаева пишет о себе неизменно в таком же тоне, и неизменно все ее воспоминания развертываются в атмосфере «обожания», которое то прямо, то косвенно затрагивает ее самое. Д'Аннунцио где-то утверждает, что «если и существуют люди, ходящие по песку, то мой путь природа усеяла розами»... Цветаева может рассказывать о том, что ей приходилось и голодать, и холодать, может касаться самой тусклой житейской обыденщины, но уверенность, что она ступает по розам и лишь для этого создана, в ней неискоренима, – а мы, роз не видя и не понимая, почему, собственно говоря, они непременно должны быть, в ответ только досадуем! Оставив всякую иронию, следует заметить, что в этом основной творческий порок Цветаевой: она не согласна признать, что поэзия может быть – и в глубочайшей своей сущности бывает – противопозитической, она не сопротивляется романтизму, она «взлетает» без повода и без внутренней проверки, не ощущая необходимости управлять полетом снизу из бедной повседневной реальности. Цветаева всегда «вдохновенна», с несколько демонстративным оттенком в этой вдохновенности она произносит слово «поэт» – и в качестве поэта держится – так, будто ей доверены какие-то высшие тайны, хранение которых и счастье, и подвиг, и ужас, она вскакивает на ходули, будто ей не пристало быть в один рост с другими людьми! Первое впечатление – естественная радость, вызванная появлением среди нас такого крылатого существа, быстро сменяется скептической горечью.. о, не от притворства, нет, им Цветаева не грешит, а от авторского самовлюбленного самообмана, от сознания, что, взлети мы вслед за ним, разбиться пришлось бы и нам! Все это может показаться слишком отвлеченным. Но именно это препятствует тому, чтобы можно было по-настоящему насладиться цветаевским дарованием, таким женственным, и порою, признаем это, очаровательным. Кстати, женственность – одна из самых характерных для Цветаевой черт: не только женственность, но еще и «женскость», то есть постоянное стремление к торжеству психологии над логикой и к подмене одного другим. Трудно представить себе рассказ более женский, по тысяче неуловимо-непредвиденных скачков от мысли к мысли, по обилию спорно-сбивчивых слов, чем эта «Повесть о Сонечке» – повесть о маленькой, молоденькой и едва ли умной московской актрисе, которая восторженным воображением Цветаевой возведена в перл создания, в неземное существо, в сказочную фею, перед которой обыкновенные смертные должны пасть ниц. Интересно ли читать эту вещь? Да, бесспорно, потому что писал ее очень даровитый человек, а по поводу Цветаевой и ее Сонечки можно было бы повторить пушкинские слова: «Чацкий совсем не умен, но Грибоедов очень умен». [597] Однако как бы отчетливее выразить то, что в повести смущает? Это вещь внутренне-пьяная, – а хотелось бы от поэзии, чтобы она была трезва.

«Стихи к Сонечке» того же автора относятся к 1919 году. Одно из этих стихотворений удивит тех, кто привык к теперешней, новейшей цветаевской манере. Оно непритязательно, как песня под шарманку, и в этой своей нарочитой, чуть-чуть стилизованной простоте не лишено прелести:

В мое окошко дождь стучится,
Скрипит рабочий над станком.
Была я уличной певицей,
А ты был княжеским сынком.
Я пела про судьбу-злодейку,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И с раззолоченных перил
Ты мне не рупь и не копейку,
Ты мне улыбку подарил.
Но старый князь узнал затею:
Сорвал он с сына ордена
И повелел слуге-лакею,
Прогнать девчонку со двора.
И напилась же я в ту ночку!
Зато в блаженном мире – том –
Была я – княжескою дочкой,
А ты – был уличным певцом. ...
К. Елита-Вильчковский
Рец.: «Русские записки», книга 3
Отрывок{198}

Если говорить о стихах – в третьем номере «Русских записок», как и в предыдущем, царят Цветаева и Штейгер. За исключением первого, венецианского стихотворения, явно неудачного и даже неблагоприятного по грамматике, стихи Штейгера, скажем прямо, превосходны. Новая манера, влияние Тютчева и Анненского, заметно вытесняющее прежнее влияние Георгия Иванова, приносят свои плоды. Все зрелее, точнее, проще. Старая тема отчаяния, более приглушенная, звучит сквозь тему примиренности с судьбой и от этой приглушенности, от этой более мужественной сдержанности, становится еще патетичнее, еще глубже, сильнее. Особенно хорош «Сентябрь» – вещь, едва ли не лучшая из всего написанного Штейгером, удивительная по стройности, по чистоте, стиха, по красоте звука.

Марина Цветаева живет в другом мире: мире изобилия, красочности, распахнутых душ и несколько поверхностной всечеловечности, где все противоположно строгому и грустному миру Штейгера. В «Стихах к Сонечке» все прелестно, все приблизительно, все избыточно: неугомонная, почвенная, добротная и неряшливая Москва, сквозящая сквозь петербургские картинки Лукомского или Бенуа. [598] Правда, стихи написаны в 1919 году. Можно ли было бы написать что-либо подобное теперь? Никто не мог бы, вероятно, но Цветаева могла бы. В этом убеждаешься, читая прозаическую повесть о Сонечке: та же родная смесь французского с нижегородским, та же (при западной образованности, при отменном знании французского языка, редком среди наших современников) стихийность, пробивающаяся сквозь мастерство, нарушающая всякий распорядок и всякую гармонию – удивительные провалы вкуса наряду с тончайшими находками – не проза, а какой-то водопад, «алмазная гора», сыплющаяся бог знает с каким треском и увлекающая в своем порыве бог знает что. Это было бы невыносимо, наивно, бесцеремонно, порой даже чуть неприлично, если бы не было так талантливо и – при всех преувеличениях и несуразностях – так живо, так метко, так выразительно. ...

Н. Резникова
Рец.: «Русские записки», книга 3
Отрывок{199}

... «Повесть о Сонечке» М.Цветаевой написана бесконечно талантливо. Сонечка, живая, плачущая, любящая, встает со страниц книги и запоминается, и просит, чтобы ее любили, потому что для нее любовь – главное в жизни, потому что она любит любовь, потому что ей надо «самой любить», и так понятно, что со своим даром «отдавать душу», своим даром забывать себя в любви она и «стену пролюбить может»...

В повести этой, кстати сказать, еще незаконченной, есть изумительные сравнения: «такие большие слезы – крупнее глаз».

Может быть, Сонечки, о которой пишет М.Цветаева, не было и вовсе; может быть, Сонечка – только мечта поэтессы, но тогда мечта реальнее действительности, правдивее правды.

Жаль, что многие из-за своеобразности стиля Марины Цветаевой, из-за того, что в манеру письма ее «надо войти», вникнуть, – не оценят чудесного произведения, непревзойденного по напряженности своей, по искренности и таланту. ...

К. Елита-Вильчковский
Рец.: «Современные записки», № 66
Отрывки{200}

Последний номер «Современных записок» (о котором мы пишем с некоторым опозданием, как говорится, по «техническим причинам») очень содержателен. ...

Остановимся на стихах. Опять стихи Цветаевой выделяются и останавливают на себе внимание. После тончайшего, узорного «Разина», после стилизованных «Стихов к Сонечке» «Стихи сироте» изумляют своей неожиданностью. Это уже совсем не манерность, не ювелирное искусство, а прежняя цветаевская «утробность» (эпохи, скажем, «Поэмы Горы»), сила стихийная, почвенная, несмотря на свое несколько пастернаковское «оформление». На то, что вообще пишется в эмиграции, на то, что вообще нравится эмиграции, на общий стиль эмигрантской поэзии (мы разумеем, конечно, поэзию подлинную, а не псевдо-поэтическую продукцию) это не похоже вовсе. Читаешь и спрашиваешь себя, надо ли искать истоков цветаевской поэзии вовсе не в нашем веке, а в начале прошлого? Нет ли в ее неистовости чего-то от старого романтизма?

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке
Сплетаются руки на вечные веки...[599]

Разве это не ближе к Шиллеру, не ближе к немецкой балладе, чем к нашим современникам, к привычным нам сегодня ритмам? Разве нет в этом совершенно очаровательного, убедительного, но совсем не современного отсутствия чувства меры? И можно спросить себя, не становится ли сироте страшновато от такой необузданности нежности. ...

К. Зелинский

Отзыв о сборнике стихов Марины Цветаевой{201}

Сила настоящей лирики заключается в том, что она не может лгать. Кажется, она говорит о личном. Но сквозь личное переживание поэта неизбежно открывается – иногда невольно для автора – мир его породивший, возникает центральный образ, лирический герой. Стихи соединяются в нечто цельное, в повесть о реально существующем.

Все это можно сказать о стихах Марины Цветаевой. Сборник, составленный ею, – по-своему цельная, искренняя и художественно последовательная книга. И, может быть, поэтому с такой отчетливостью видно, что это стихи «с того света», нечто диаметрально противоположное, даже враждебное представлениям о мире, в кругу которых живет советский человек. Книга Марины Цветаевой – душная, больная, печальная книга. Но это не та боль и печаль, которая подобно слезам или грозе, делает светлее и чище человека. Это какая-то узость, искривленность души, привитая ей действительностью, когда начинается «самоуничтожение паче гордости», когда начинается наслаждение нищетой, своей отъединенностью от людей, поэтизация таких утонченных настроений, какие превращаются в уникальность, в форму самоотчуждения. Когда-то М.Цветаева назвала себя «светской пустыннолицей стройного роста». [600] Но еще правильнее было бы назвать лирического героя ее поэзии «рифмующей улиткой». Да и вся книга – если позволено дальнейшее сравнение – есть лишь прихотливый узор улитки, пугливо съеживающейся и меняющей свой путь под влиянием исчезающе-малых причин и частных мотивов. Господствующее настроение книги это – желание спрятаться от жизни (см. стих «Жизни»), обойти ее как-нибудь, «выписаться из времени». Этому посвящен целый ряд стихов. Таково, напр., «Дабы ты меня не видел... в скрытничестве – укреплюсь... вымыслами опояшу, мнимостями опушу» и т. д. Стихотворение «Берегись...» [601] представляет собой нечто вроде вариации на пушкинскую тему – «ты царь – живи один»:

Ты и путь и цель

Ты и след и дом.

Никаких земель

Не открыть вдвоем.

Берегись жены, берегись слуги, берегись всего в жизни, говорит поэт, везде тебя подстерегает удар, обман и тому подобное. Отталкиваясь от реального мира, М.Цветаева то зовет к деревьям, в природу (руссоизм?), то самый мир хочет превратить в вымысел: «Чтобы вновь, как некогда, земля – казалась нам». И вообще:

...прочь от прочности!

И прочь от срочности!

В поток! – В пророчества

Речами косвенными. [602]

И Марина Цветаева действительно ведет читателя в своей книге в мир каких-то смутных пророчеств, косвенных речей. Лирический герой книги хотел бы

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«прокрасться» в жизни (так называется одно из стихотворений) невидимкой, оставшись незамеченным, никого не задев и «травы не помяв»:

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени...
Распасться, не оставив праха
На урну...
Может быть – обманом взять?
Выписаться из широт?
Так: временем, как океаном,
Прокрасться не встревожив вод...[603]

Такова основная тональность книги. Человек уходит из истории к границам самой природы. Отказываясь от исторического существования, он находит свое наслаждение, купаясь в «метерлинковских» туманах воображения, в стихиях переливающегося слова, в индивидуальном, частном, в баюкающем его забвении:

Леты слепотекущей всхлип.
Долг твой тебе отпущен: слит
С Летою, – еле-еле жив
В лепете сребротекущих ив.
Ивовый сребролетейский плеск
Плачущий... В слепотекущий склеп
Памятей – претомилась – спрячь
В ивовый сребролетейский плач...
и т. д.

Но и природа в этих улиточных узорах слов теряет свои краски, теряет свои реальные жизненные черты, превращаясь в словесное привидение «поэзии мнимостей». Вот, например, как описаны облака:

Перелетами – как хлестом
Хлестанные табуны.
Взблестывающей Луны
Вдовствующей – табуны! [604]

Наконец, М.Цветаева строит нечто вроде теоретического оправдания Своего подхода к миру (стих. «Поэт»). Поэт должен вести читателя «приметами», «окольных притч рытвинами...» между да и нет. Поэт тот, кто «смешивает карты, кто обманывает вес и счет». Поэтова «стезя гривастая, кривая, не предугадана календарем» и т. д. Все эти слова – нечто большее, нежели метафорическое иносказание, поэтическая мифология. Тут налицо действительно противопоставление художественного познания мира и пути поэта – познанию «обычному», пути историческому («календарному»). Тут налицо не столько метафорическое изображение природы поэтического творчества, сколько попытка «эмансипироваться» через поэзию от «нормальных» законов человеческой жизни, получить право идти «между да и нет».

Поэзия мнимостей (Цветаева пишет о себе: «недр достовернейшую гущу я мнимостями пересилю» стр. 88) и философия того, как «обманом взять» жизнь, обойти ее исторический ход, «выломиться из истории» (по выражению Горького)[605] – все это не ново в русской литературе, а, наоборот, «старинной пахнет» и довольно давней старинной. А именно поэзия Цветаевой представляет собой ответвление тех течений в литературе, которые возникли в годы реакции после первой революции 1905 года и явились непосредственным выражением отравляющего действия на интеллигенцию, на творческих людей – капитализма, буржуазной культуры. Клиническая картина искривления и разложения человеческой души продуктами капитализма в его последней особо гнилостной формации – все это также давным-давно описано и переописано в историко-литературных работах и в художественных произведениях, в частности и в гениальном романе Горького «Жизнь Клима Самгина» (между прочим, Горький говорит о Самгине, что он с детства научился «ставить свое мнение между да и нет»).

В этой темной, предреволюционной полосе русской жизни и берет свои истоки поэзия Цветаевой. Прошло

30 лет (и каких лет!), но как будто ничто для нее не изменилось. По духу (и во многом по поэтической культуре своей) творчество Цветаевой близко к Андрею Белому, отчасти Сологубу и даже Ремизову (в смысле своих

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (народнически-стилизаторских тенденций). Символистская поэтика и символистская тональность сочетается у Цветаевой со стилизованной оглядкой на XVIII век (Державин, Херасков и даже Тредьяковский). Отсюда идет прорицательская важность тона («Сибилла» [606]) и даже выпренность его (Цветаева говорит о себе: «вожделений моих выпренных крик – из чрева и на ветер» [607]). Целый ряд строф выглядит у Цветаевой как форменная пародия на стихи XVIII века. Напр.:

От высокаторжественных немот
До полного попрапия души, –
Всю лестницу божественную – от:
Дыхание мое! – до: не дыши! [608]

Поэзия Цветаевой глубоким образом насыщена не только идеями, настроениями, психологией прошлого, но и словарь ее, вся поэтика также насыщена элементами прошлого. Бог, Господь, ангел, Иордань, царь Давид, Благовещенье, Вифлеем, чернецы, святые таинства и прочий церковный реквизит в обилии рассыпан в стихах Цветаевой. Они полны также всевозможными славянизмами (град, се, вотще, грядет, девственница, братственный сонм и т. д.). Стих Цветаевой ритмически чрезвычайно тяжеловесен (вроде последних стихов Брюсова), он то и дело точно спотыкается на бесчисленных переносах (enjambement). Цветаева часто без нужды делит фразу барьером рифмы, но делит даже клаузулой слово на две части, разнося их по разным строкам, совсем в стиле Тредьяковского:

Жалко мне твоей упор –
ствующей ладони: в лоск
Волосы, – вот-вот уж через
Край глаза... Загнана внутрь
Мысль навязчивая: утр
Наваждение – под череп! [609]

Кстати сказать – какая «навязчивая мысль» загнана «под череп», тут разобраться тоже довольно трудно. Игра на пропуске ударений (особенно в двусложных стихах), постоянные пэаны – все это усиливает впечатление стилизованной старомодности стиха: «так, в трудной судорожности дней, забудешь дружественный хорей» [610] (у Ломоносова – «возлюбленная тишина» [611] и т. д.).

Основной прием в построении стиха – монофонизм. Слова подбираются друг к другу не столько для того, чтобы выразить поэтическую мысль, а по признаку сходного звучания. Одни стихи построены на повторении «л» и «п», другие «ж» и «ц», «в», «р» и т. д. Стихи превращаются для читателя в какое-то утомительное словесное вязанье, смысл которого очень часто просто нельзя понять. Что, например, это значит:

...сухостями теку.
Тусклостями; ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом. [612]
Или, из стихотворения «Земные приметы»:

Мой неженка! Сединой отцов:
– Сей беженки не бери под кров!
Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов! [613]

Почему «левогрудый ков» вызвал у поэта такое радостное предпочтение перед «правогрудым» и что вообще значит этот самый загадочный «левогрудый ков» – понять без специальных авторских инструкций для читателя очевидно невозможно. Да и стоит ли? Усилия, требующиеся от читателя, чтобы проникнуть в смысл по крайней мере трех четвертей произведений в книге, – вряд ли будут вознаграждены. Разобравшись наконец в словесных хитросплетениях «немудрствующих концов», читатель убедится, что за ними чаще всего стоят сушие пустыки, пустота мыслей и чувств (как в стихотворении «Наклон» и многих ему подобных):

Свистки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц) – и плети
Старческих, не знающих стыда... [614]
и т. д. в том же духе.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Погоня за подбором однозвучных слов нередко приводит к поразительной безвкусице, незамечаемой поэтом, напр.: «погребов... щebet», или: «застолбенел... ланцет». Невольно напрашивается вопрос: что если эти стихи перевести на другой язык, обнажив для этого их содержание, как это делает, напр., подстрочник, – что останется от них? Ничего, потому что они формалистичны в прямом смысле этого слова, то есть бессодержательны.

В редких случаях Марина Цветаева делает попытки высказывать кое-какие мысли и рисовать образы, имеющие отношение к реальной действительности, к реальной человеческой жизни. И всякий раз эти мысли и образы говорят о том, что поэт целиком находится во власти буржуазных предрассудков в своих воззрениях на действительность. Напр., в стихотворениях «Заводские» М.Цветаева делает попытку изобразить завод (дореволюционный или капиталистический), передать – так сказать – настроение рабочей жизни. Никаких эмоций, кроме сентиментальной умиленности перед зрелищем «убогоньких», это у нее не вызывает:

Труба! Труба! Лбов искаженных
Последнее: еще мы тут!
Какая нб смерть осужденность
В той жалобе последних труб!
Какая збживо зарытость
И выведенность на убой!
Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет – до
Скончания.

– Всем песням насыпь,
И всех отчаяний гнездо...

Вряд ли нужны комментарии к «тезису», что рабочие «выведены на убой» («и было так и будет до скончания») и что завод – «всех отчаяний гнездо». Помочь людям, в этом убеждении, скажем прямо – довольно трудно.

Читаешь стихи Марины Цветаевой и тебя невольно охватывает чувство подступающей к горлу духоты и безрадостности. И хочется куда-нибудь «вон на воздух широт образцовый», [615] выражаясь словами Пастернака. Истинная трагедия Марины Цветаевой заключается в том, что, обладая даром стихосложения, она в то же время не имеет что сказать людям. Поэзия Марины Цветаевой потому и негуманистична и лишена подлинно человеческого содержания. И потому ей приходится, утоляя видимо стихотворческую потребность, громоздить сложные, зашифрованные стихотворные конструкции, внутри которых – пустота, бессодержательность. Так жестоко мстит поэзия тем, кто пытается «выписаться из широт» реальной, исторической жизни. В заключение следует сказать о нескольких стихотворениях, которыми автор предварил свою книгу. Если в подавляющей своей части она бессодержательна и непонятна, то такие стихотворения, как «Писала я на аспидной доске», «Тебе – через сто лет», «Пригвождена» – и вполне понятны и полны ненаигранного чувства. Стихи эти к тому же носят характер своего рода политической декларации, призванной объяснить советскому читателю, под каким знаменем шел и идет автор. Увы, объяснение это вряд ли годится, чтобы переслать его по адресу. Ожидание такого объяснения от поэта – законно. Поэт предлагает книгу, в значительной своей части составленную из стихов, написанных в эмиграции и уже напечатанных в его сборнике «После России», вышедшем в эмигрантском издательстве. Широкий читатель всего этого, конечно, может и не знать, но поэт сам начинает с того, что прозрачными намеками заговаривает с ним об этом. О чем же говорит он? Прежде всего он говорит о своей политической нейтральности. Обращаясь к своему перу, поэт говорит:

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! Ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! внутри кольца...

Ты – уцелеешь на скрижалях.

Поэт говорит, что он никому не продал своего пера, что сегодня его, может быть, и не поймут, но в веках, в будущем его правда дойдет. Недаром он обращается к своему читателю «через сто лет». «Внутри кольца», то есть внутри своих мыслей и чувств, отправленных в кольцо стиха – поэт был правдив.

Разумеется, каждый поэт вправе устремляться мыслию к будущему читателю, назначая для встречи с ним «стендалевский» классический срок в сто лет [616] или сокращая его своим нетерпением и уверенностью («Нет, верю, не пройдет бесследно все, что так в жизни любил...», [617] – писал Блок). Но стоит ли отказываться от встречи, от горячего разговора и с современным читателем, со своими современниками? Разговор

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru через голову сегодняшнего читателя с неким будущим «через сто лет» вызывается еще и потому, что автор хочет как-нибудь обойти «окольным», «косвенным» путем «проклятый вопрос» – куда ты сегодня звал, с кем шел? Увы, тезис автора о политической нейтральности («непроданности») пера противоречит фактам. Не потому ли с большой страстью Марина Цветаева говорит о себе:

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что – невинна.
Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.
Субъективно, может быть, это и так, но тогда у читателя рождается законный вопрос: кто же виноват в том, что поэт с протянутой рукой стоит за счастьем, что он чувствует себя так, точно пригвожден к какому-то столбу? Кто виноват в этом? Еще меньше читатель, строитель социалистического общества, может взять эту вину на себя. Уж он, как говорится, «ни сном, ни духом» не повинен в судьбе поэта. И на жалобу поэта хочется ответить словами Лермонтова: «К чему мятежное роптанье, укор владеющей судьбе? Она была добра к тебе, ты создал сам свое страданье». [618] Как на свое оправданье поэт указывает не только на внутреннюю тишину, «покой причастницы перед причастьем», но и на свою бедность:

Пересмотрите всё мое добро,
Скажите – или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей ладони – горстка пепла!
И это все, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых. [619]

Когда Маяковский говорил о себе «мне и рубля не накопили строчки», [620] этим он защищался от враждебных обвинений в том, что его служение революции было корыстным, «продажным». От каких обвинений защищается М.Цветаева? Разве кто-то ее обвинял в корысти и тем более в политической продажности? То-то и печально, что политическое самоопределение поэта ассоциируется у Цветаевой с каким-то «осквернением» лиры, с потерей ею независимости. Так бывает, когда поэзия становится слугой кошелька, но никогда не бывает, если поэзия становится голосом революции, народа.

Советский читатель не будет поминать Цветаевой «старые грехи» и не будет требовать от поэта самооправданий за прошлое. Советский читатель будет ждать от поэта, когда он заговорит напрямик о том, к чему он пришел, а еще больше будет ждать того, чтобы талант поэта включился живым, родственным образом в дело, которое ныне творит его родина.

Из всего сказанного ясно, что в данном своем виде книга М.Цветаевой не может быть издана Гослитиздатом. Все в ней (тон, словарь, круг интересов) чуждо нам и идет вразрез направлению советской поэзии как поэзии социалистического реализма. Из всей книги едва ли можно отобрать 5–6 стихотворений, достойных быть демонстрированными нашему читателю. И если издавать Цветаеву, то отбор стихов из всего написанного ею, вероятно, не должен быть поручаем автору. Худшей услугой ему было бы издание именно этой книги.

Примечания

1

В начале XX века многие журналы публиковали статьи, посвященные современной французской поэзии, и рецензии на появлявшиеся сборники (см., в частности, ж. «Весы» (1909), «Аполлон» (1910)). Вероятно, Волошин имеет в виду поэтесс Франс Дарсе, Люси Деларю-Мардрюс, Валентину де Сен-Пуан, Сесиль Перен, Анну де Ноай.

2

Столица Любовь Никитична (1884–1934) – поэтесса; Герцык (Лубны-Герцык) Аделаида Казимировна (в замужестве Жуковская; 1874–1925) – поэтесса, переводчица; Сабашникова (в замужестве Волошина) Маргарита Васильевна (1882–1973) – поэтесса, художница.

В 1907 году, делая обзор современной русской поэзии в ж. «Золотое руно»,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бальмонт отметил: «Проскользнут два-три чарующие стиха Аделаиды Герцык, Любви Столицы, Маргариты Сабашниковой. И снова дверь, которая куда-то на миг приоткрылась, наглухо закрывается. И чувствуешь мутный осенний воздух» (Наше литературное сегодня: Заметка // Золотое руно. 1907. № 11/12. С. 60).

3

Литературная мистификация М.Волошина. Под именем Черубины де Габриак скрывалась молодая поэтесса Елизавета Ивановна Дмитриева (в замужестве Васильева; 1887–1928). В ж. «Аполлон»

(№ 10) были напечатаны два ее стихотворных цикла «Стихи» и «Двойник».

Историю волошинской мистификации Цветаева описала в очерке «Живое о живом».

4

В названии сборника – скрытое посвящение. Так был назван сестрами Цветаевыми темно-синий кожаный альбом, который они подарили своему другу, поэту и переводчику В.О.Нилендеру (1885–1965) на Новый 1910 год, куда записали беседы с ним. Несколько стихотворений сборника юная Цветаева посвятила ему, признаваясь впоследствии, что «Вечерний альбом» она издала «взамен письма к человеку, с которым была лишена возможности сноситься иначе».

5

Соловьева Поликсена Сергеевна (1867–1924) – поэтесса, прозаик, печатавшаяся под псевдонимом Allegro.

6

Из стихотворения «Наши царства».

7

Из стихотворения «Мирок».

8

Из стихотворения «Дортуар весной».

9

Из стихотворения «Памяти Нины Джаваха».

10

Из стихотворения «Жертвам школьных сумерок».

11

Из стихотворения «В сумерках».

12

Сборник «Вечерний альбом» составили три цикла: «Детство», «Любовь», «Только тени».

13

Из стихотворения «Новолунье».

14

Из стихотворения «В чужой лагерь».

15

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Из стихотворения «Бывшему Чародею».

16

Из стихотворения «Детская».

17

Из стихотворения «Привет из вагона».

18

Из стихотворения «Наша зала».

19

Из стихотворения «Правда».

20

Маргарите Готье посвящено стихотворение «Даме с камелиями», герцогу Рейхштадтскому – «В Париже», Анжелике и Камерате – одноименные стихотворения, Шенбрунну – «В Шенбрунне».

21

Из стихотворения «Еще молитва».

22

Из стихотворения «Молитва».

23

Из стихотворения «В Люксембургском саду».

24

В статье допущена опечатка: «древние заплачки», а не «заплатки». В очерке «Живое о живом» (1932), вспоминая эту рецензию, М.Цветаева напишет: «„Но, М.А., я не совсем понимаю, почему у этой поэтессы – заплатки? И почему еще и древние?“ Макс, сияя: „А это не заплатки, это заплачки, женские народные песни такие, от плача“. А потом А.Герцык мне, философски: „Милая, в опечатках иногда глубокая мудрость: каждые стихи в конце концов – заплата на прорехах жизни. Особенно – мои. Слава Богу еще, что древние! Ничего нет плачевнее – новых заплат!“» (СС. Т. 4. С. 180).

Речь идет о таких стихотворениях А.Герцык, как «Весна»,

«Я только сестра всему живому...», «По ветру» и др.

25

В России в начале XX века появляется много талантливых поэтесс: Анна Ахматова, Любовь Копылова, Аделаида Герцык, Мирра Лохвицкая, Любовь Столица, Надежда Павлович, Мария Моравская, Софья Парнок, Елена Гуро, Людмила Вилькина, Софья Дубнова, Маргарита Сабашникова, Наталья Крандиевская, Вера Инбер, Вера Рудич, Наталья Грушко, Елизавета Кузьмина-Караваева, Поликсена Соловьева и др.

26

В 1910 г. в Париже вышел первый сборник И.Эренбурга под названием «Стихи», одной из центральных тем которого стала тема средневекового рыцарства. См., например, стихотворения «В одежде гордого сеньора...», «Когда задумчивая Сена...», «Изабелла Оранская», «Вандея», «Баллада», «Висел старинный щит на мраморных колоннах...» и др.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

27

Из стихотворения «Молитва».

28

Из стихотворения «Наши царства».

29

Из стихотворения «Еще молитва».

30

Перифраз строки «Нет, ненавистна мне надменность фарисея» из стихотворения «Бывшему Чародею».

31

1 Башкирцева Мария Константиновна (1860–1884) – художница, писательница. Вела дневник, который был напечатан после ее смерти. Цветаева высоко ценила творчество Башкирцевой. Свой первый сборник «Вечерний альбом» она выпустила с посвящением ей.

32

Ростан Эдмон (1868–1918) – французский поэт и драматург.

33

В статье «Жизнь стиха» Н.Гумилев писал: «Что же надо, чтобы стихотворение жило... чтобы оно возбуждало любовь и ненависть, заставляло мир считаться с фактом своего существования? Каким требованиям должно оно удовлетворять?»

я ответил бы коротко: всем.

В самом деле, оно должно иметь: мысль и чувство – без первой самое лирическое стихотворение будет мертво, а без второго даже эпическая баллада покажется скучной выдумкой... мягкость очертаний юного тела, где ничто не выделяется, ничто не пропадает, и четкость статуи, освещенной солнцем; простоту – для нее одной открыто будущее, и – утонченность, как живое признание преемственности от всех радостей и печалей прошлых веков; и еще превыше этого – стиль и жест». (Гумилев Н. Золотое сердце России: Сочинения. Кишинев, 1990. С. 505.)

34

В сб. «Вечерний альбом» 111 стихотворений.

35

Ошибочно указан ж. «Весы», который существовал до 1909 г. Статья В.Брюсова «Новые сборники стихов» появилась в ж. «Русская мысль» № 2 за 1911 г. Отрывок из нее приведен в настоящем издании.

36

Цветаев Иван Владимирович (1847–1913). С 1889 г. возглавлял в Московском университете кафедру теории и истории искусств.

37

Из стихотворения «У кровати».

38

Неточная цитата из стихотворения «Мама за книгой». У М.Цветаевой «горькая проза».

- Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
- 39
Из стихотворения «Die stille Strasse».
- 40
Из стихотворения «В Люксембургском саду».
- 41
Отто Вейнинггер (1880–1903) – австрийский ученый, психолог. В своей книге «Пол и характер: Мужчина и женщина в мире страстей и эротики» (1903) он рассматривает женщину как существо низшее, подчеркивая превосходство мужчины.
- 42
Имеется в виду рассказ Ги де Мопассана «Лунный свет» (1882).
- 43
Из стихотворения «По тебе тоскует наша зала...»
- 44
Из стихотворения М. Волошина «Пройдемте по миру, как дети...»
- 45
Из стихотворения «В.Я.Брюсову». См. комментарий на С. 513.
- 46
Трехпрудный переулочек, д. 8.
- 47
По-видимому, имеются в виду сборники, вышедшие в 1912 г.: «Вечер» А.Ахматовой, «Лада: Песенник» Л.Столицы, «Стихи» Н.Грушко, «Скифские черепки» Е.Кузьминой-Караваевой.
- 48
Оленина д'Альгейм Мария Алексеевна (1869–1970) – русская камерная певица (меццо-сопрано). Была выдающейся исполнительницей и пропагандировала произведения композиторов «Новой русской школы», особенно М.П.Мусоргского.
- 49
Из стихотворения «Курлык». В последнем четверостишии автор пропускает строку.
- 50
Из стихотворения «В пятнадцать лет».
- 51
Из стихотворения «Гимназистка».
- 52
Из стихотворения «Из сказки – в сказку».6
- 53
Из стихотворения «В светлом платье, давно знакомом...»
- 54
Б.Ивинский ошибается: рецензии на первый сборник М.Цветаевой появились в 1910–11

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
гг. на страницах центральных журналов и газет (см. их в настоящем издании).

55

Из стихотворения В.Соловьева «Последняя встреча».

56

См. комментарий на с. 513.

57

Имеется в виду стихотворение «Das Ewig-weibliche. Слово увещательное к морским чертям», где есть такие строки:

Гордые черти, вы все же мужчины, –
С женщиной спорить не честь для мужчин.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей.

58

Речь идет о Анна Ахматова «Вечер» (СПб., 1912), Елизавета Кузьмина-Караваева «Скифские черепки» (СПб, 1912), Марина Цветаева «Волшебный фонарь» (М., 1912), Любовь Столица «Лада: Песенник» (М., 1912), Наталья Грушко «Стихи» (СПб., 1912).

59

Строка из стихотворения «Милый читатель...», открывающего сборник «Волшебный фонарь».

60

Имеются в виду стихотворения «В сквере» и «Конькобежцы».

61

Книгоиздательство «Оле-Лукойе» – это домашнее издательство М.Цветаевой и С.Эфрона, в шутку получившее название в честь героя сказки Г.Х.Андерсена.

62

Книги издательства анонсировались в третьем сборнике Цветаевой «Из двух книг» (М., 1913), где значились следующие: М.Цветаева «Мария Башкирцева: III кн. стихов» (не вышла), С.Эфрон «Детство», М.Волошин «О смысле категории, постигшей картину Репина». Вероятно, Гумилев узнал о них из рекламного листка, который мог быть вложен в «Волшебный фонарь».

63

... «Оценивая стихи, я предъявляю поэту требования высокие и считаю, что это – долг критика...» (Впервые напечатано: Литературное наследство: Валерий Брюсов. Т. 85. М., 1976. С. 205).

64

Из стихотворения «За книгами».

65

Из стихотворения «Так».

66

Из стихотворения «Неразлучной в дорогу».

67

Ср. с более поздним высказыванием Н. Кадмина (Абрамовича): «Марина Цветаева

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru очертила себе мирок детских впечатлений и основ; в этих пределах поэтесса свежа, наивна, искренна; ее шаги робкие, первые; будущее определит поэтическое проявление этого дарования поэтессы» (Поэтессы В.Рудич, М.Шагинян, А.Ахматова, Н.Крандиевская, М.Цветаева, Л.Столица // История русской поэзии от Пушкина до наших дней. Т. 2. М., 1915. С. 311).

68

Из стихотворения «Памяти Нины Джаваха».

69

Из стихотворения «Тверская».

70

Возможно, имеется в виду кабинет из широко известной в начале XX века и вызывавшей противоречивые мнения пьесы Л.Андреева «Анатэма».

Позднее, в 1922 году, вышел сборник статей-воспоминаний современников о Л.Андрееве, в которых особое место занимают описания его кабинета в московской и петербургской квартирах (Книга о Л.Андрееве. М.; Берлин; Пб.).

71

Скорее всего, З.Д.Бухарова-Казина хочет подчеркнуть скандальную репутацию А.Каменского (1876–1941), автора эротических рассказов, упоминая «брюки» (рейтузы) из нашумевшего произведения «Четыре».

72

В 1926 г. М.Цветаева в ответе на анкету, присланную ей Б.Пастернаком для предполагавшегося библиографического Словаря писателей XX века, отметила: «Ни к какому поэтическому и политическому направлению не принадлежала и не принадлежу» (Сс. Т. 4. С. 623).

73

Из стихотворения «Домики старой Москвы».

74

Павлова (урожд. Яниш) Каролина Карловна (1807–1893) – поэтесса, переводчица.

75

Ошибка автора. Имеется в виду Кульман Елизавета Борисовна (1808–1825) – поэтесса и переводчица, преждевременно умершая от чахотки.

76

Жадовская Юлия Валериановна (1824–1883) – поэтесса.

77

К 1913 г. М.Шагинян уже выпустила два стихотворных сборника – «Первые встречи» (1908) и «Orientalia» (1913).

78

Из предисловия сборника «Orientalia».

79

Из стихотворения «Мама на даче».

80

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Цитаты из стихотворений «На скалах», «И уж опять они в полустоме...»

81

Имеется в виду стихотворение «Неразлучной в дорогу».

82

Из стихотворения И. Бунина «Ветер в степи».

83

Из стихотворения «Ока».

84

Из стихотворения «„Прости“ волшебному дому».

85

Из стихотворения «Розовый домик».

86

Из стихотворения «Тверская».

87

Из стихотворения «Резеда и роза».

88

Из стихотворения «Молитва».

89

Из стихотворения «Неразлучной в дорогу».

90

Из стихотворения «Сестры».

91

Неточное цитирование стихотворения «Втроем».

92

См. комментарий к п.26 (Волошин).

93

Неточные цитаты из стихотворения «В чужой лагерь».

94

Из стихотворения «Только девочка».

95

Из стихотворения А. Ахматовой «Под навесом темной риги жарко...»

96

Из стихотворения А. Ахматовой «Музе».

97

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
См. отрывок из статьи В.Брюсова «Сегодняшний день русской поэзии», приведенный в настоящем издании.

98

Поэтесса Нелли – мистификация В.Я.Брюсова, который выпустил в 1913 г. книгу «Стихи Нелли. С посвящением Валерия Брюсова». Это был сборник стихов, написанных от лица женщины, вымышленной поэтессы. В его подтексте лежали роман Брюсова с Е.А.Сырейчиковой и взаимоотношения с Н.Г.Львовой, закончившиеся для нее трагически. В появлении этой книги можно усматривать также попытку Брюсова ввести еще одно новое женское имя в современный литературный процесс.

99

Крандиевская Наталья Васильевна (1888–1963). Ее сб. «Стихотворения» вышел в издательстве К.Ф.Некрасова (М., 1913).

Копылова Любовь Федоровна (1885–1936). Сб. «Стихи. Тетрадь вторая» вышел в издательстве В.Португалова (М., 1914).

100

Неточное цитирование стихотворения А. Ахматовой «Цветов и неживых вещей...»

101

Из стихотворения Л. Копыловой «Молюсь с надеждою лукавою...»

102

Статья является развернутым анонсом поэтического вечера, на котором предполагались выступления, помимо М.Цветаевой, поэтесс Любви Копыловой, Марии Моравской, Софьи Парнок, Натальи Крандиевской, Мирры Лохвицкой, Любви Столицы, Мариэтты Шагинян, Ады Чумаченко. Стихи Ахматовой должна была прочесть артистка В.Юренева. Однако Цветаева не приняла непосредственного участия в вечере. Ее стихи, а также стихи Н.Крандиевской и М.Лохвицкой прочла актриса Л.Эрарская (Русские ведомости. М., 1916. № 18. С. 4)

103

Имеется в виду сборник «Стихи: Тетрадь вторая» (М., 1914).

104

Сборник вышел в Петербурге в 1917 г. Он содержал в себе одно или несколько стихотворений следующих поэтов: Г.Адамовича, А.Ахматовой, Н.Гумилева, М.Зенкевича, Г.Иванова, Рюрика Ивнева, М.Кузмина, Вс. Курдюмова, М.Лозинского, О.Мандельштама, М.Цветаевой, Вл. Шилейко, М.Струве.

105

Из стихотворения «Над церкувкой – голубые облака...».

106

Из стихотворения «С большою нежностью – потому...». Оно было опубликовано в «Альманахе муз» (Пг., 1916).

107

Из стихотворения «Чуть светает...». Негативной репликой отозвался на него и Маяковский в неподписанной заметке «Братская могила» по поводу выхода сборника «Тринадцать поэтов»: «Среди других строк – Цветаевой: „За живот, за здоровье раба Божьего Николая...“ откликались бы, господа, на что-нибудь другое!» (Газета футуристов. М., 1918. 15 марта. С. 1).

108

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Имеются в виду популярные в Европе путеводители по разным странам, которые издавал немец Карл Бедекер (1801–1859).

109

См. стихотворения «Он приблизился, крылатый...», «Встреча» («Вечерний дым над городом возник...»), «Але».

110

См. цикл стихотворений «Стенька Разин».

111

Ноайль (Ноай) Анна Элизабет, графиня Матьё де (1876–1933) – французская писательница и поэтесса. Ее роман «Новое упование» в переводе Цветаевой был опубликован в конце 1916 г. в ж. «Северные записки» (№ 9–12).

112

К.Бальмонт проживал в Москве с 1917 по 1920 г., затем уехал в Берлин, а с 1921 г. как эмигрант поселился во Франции.

113

См. его очерк «Где мой дом?» (Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Рождение поэта. М.: Аграф., 2002. С. 116–123).

114

Из стихотворения «В черном небе слова начертаны...»

115

Из стихотворения «Я счастлива жить образцово и просто...»

116

Из стихотворения «Знаю, умру на заре! На которой из двух...»

117

Сама М.Цветаева позже отметит в очерке «Мать и музыка» (1934): «Мать залила нас музыкой. (Из этой Музыки, обернувшейся Лирикой, мы уже никогда не выплывали – на свет дня!)» (СС. Т. 5. С. 20).⁴

118

Из стихотворения «Настанет день – печальный, говорят!..» В своей заметке «Московские впечатления» Н.Павлович более конкретно отмечает роль Москвы в поэзии Цветаевой: «...Самые ритмы московских поэтов своей тревогой и насыщенностью говорят о том подземном, а может быть, воздушном течении, которое сильнее всех нэп'ов. Оттого могла она дать и прерывистый, шалый, степной ритм Марины Цветаевой. Ведь эти характерные спондеи, рифмы, звучащие выкриками, спали под прежней плавной поступью „московской боярыни Марины“, как спали все возможности революции в тихих переулках Арбата и Ордынки, в Кремлевских башнях, в сонно-зеленых бульварах» (Литературные записки. Пб., 1922. № 2. С.8). Ср. также с тем, что писал позднее Михаил Осоргин: «Если здесь (т. е. в эмиграции. – Сост.) как будто ярче расцвела муза Марины Цветаевой, то этим она обязана опять-таки Москве и пережитому в тяжкие годы; начатое там – здесь было лишь доработано и отшлифовано в сравнительном покое...» (Современные записки. 1924. № 22. С. 429).

119

Из стихотворения «Цыганская свадьба».

- Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
- 120
Из стихотворения «Милые спутники, делившие с нами ночлег!..»
- 121
Из стихотворения «Только закрою горячие веки...»
- 122
Из стихотворения «Развела тебе в стакане...»
- 123
Противоположное мнение высказал Н.Асеев в статье «Поэзия наших дней» (Авангард. 1922. № 1. С. 14): Марина Цветаева, давшая в сборнике «Версты» «несколько свежих и острых строк», отнесена им к числу «вторых призывников символической армии».
- 124
Первый свой сборник «Вечерний альбом» М.Цветаева издала в 1910 г.
- 125
Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дармолатова, 1891–1949) – поэтесса. 2
- 126
Из стихотворения «Але» («Когда-нибудь, прелестное созданье...»)
- 127
Из стихотворения «По холмам – круглым и смуглым...»
- 128
См. стихотворение «Над синевою подмосковных рощ...», стихотворный цикл «Стенька Разин».
- 129
Из стихотворения «У первой бабки – четыре сына...» Первая бабка (по отцовской линии) – Екатерина Васильевна Цветаева (ок. 1825–1858). Другая (по материнской линии) – Мария Лукинична Бернацкая, в замужестве Мейн (1841–1869).
- 130
Из стихотворения «Над церкувкой – голубые облака...»
- 131
Кобленц – город в Германии. Возможно, речь идет о кобленцкой феодально-монархической эмиграции, существовавшей в XVIII веке.
- 132
Из стихотворения «Идешь, на меня похожий...»
- 133
Общество свободной эстетики, или товарищество «Свободная эстетика», возникло в Москве в 1907 г. Его возглавил В.Брюсов. Основное ядро составляли поэты-символисты. Выступление М.Цветаевой в Обществе свободной эстетики состоялось 3 ноября 1911 г., куда она была приглашена В.Брюсовым. Об этом вечере см. ее очерк «Герой труда».
- 134
Рембо Жан Артур (1854–1891) – французский поэт-символист. Его стихотворение

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Венера Анадиомена» (1870) явилось злой пародией на излюбленный парижанами образ Венеры.

135

См. заключительные строки стихотворения М.Цветаевой

«– Москва! – Какой огромный...»: «И льется аллилуйя // На смуглые поля. // Я в грудь тебя целую, // Московская земля!»

136

И.Эренбург с мая 1921 г. находился в Париже, затем в Брюсселе, а осенью переехал в Берлин.

137

Яценко Александр Семенович (1877–1934) – специалист в области права, профессор Петербургского и Томского университетов. С 1918 г. жил в Берлине, где в 1921 г. основал ежемесячный критико-библиографический журнал «Русская книга» (в 1922–1923 гг. он стал выходить под названием «Новая русская книга»).

138

М. Цветаева выпустила в Москве «Вечерний альбом», а И.Эренбург в Париже «Стихи».

139

Отдельным сборником «Лебединый стан» был напечатан лишь в 1957 г. в Мюнхене.

140

Барбье д'Оревильи (1808–1889) – французский писатель, литературный критик.

141

Из стихотворения «Башенный бой...»

142

Из стихотворения «Домики старой Москвы».

143

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – поэт, писатель, философ, переводчик.

144

См., например, стихотворения «Из Польши своей спесивой...», «Безупречен и горд...», «Доброй ночи чужестранцу в новой келье!..» и др.

145

Из стихотворения «Я знаю, я знаю...»

146

М.Цветаева жила в Борисоглебском переулке, д. 6 с 1914 по 1922 г. Этому дому посвящено стихотворение «Чердачный дворец мой, дворцовый чердак...»

147

Из стихотворения «Ростком серебряным...»

148

Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891) – украинский и русский филолог–славист. Разрабатывал вопросы словесности (природа поэзии, поэтика жанра

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru и др.), фольклора, этнографии, общего языкознания.

149

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) – литературовед, доктор филологических наук. В ряде исследований занимался проблемами поэтики.

Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) – филолог. Широко известны его труды по теории литературы, поэтике, стиховедению, фольклору, истории русской и зарубежной литературы.

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) – русский писатель, литературовед, член ОПОЯза.

150

Адалис (настоящая фамилия Ефрон) Аделина Ефимовна (1900–1969) – поэтесса, переводчица.

151

Известен случай, когда в 1919 году М.Цветаева принесла свои стихи, собранные в два сборника «Юношеские стихи» и «Версты I», в Лито, которым заведовал Брюсов. Через год ей стихи вернули с нелестными о них отзывами Брюсова и его «поклонника, последователя и ревнителя» (слова М.Ц.) Боброва, о чем позднее М.Цветаева вспоминала в очерке «Герой труда». В частности, последний о «Верстах» заметил: «Стихи написаны тяжелым, неудобоваримым, „гносеологическим ямбом“». В 1922 году сборник вышел в Госиздате (СС. Т. 4. С. 31).

152

В начале XX в. очень популярна была так называемая бульварная пятикопеечная серия, которую составляли небольшие по объему повести авантюрного и приключенческого жанра.

153

Из стихотворения «Башенный бой...»

154

Ср., например, с его поэмой «Солнцев перстень».

155

Неточная цитата из стихотворения «Смуглой оливой...»

156

Из стихотворения «Не проломанное ребро...»

157

См.: И.Эренбург. «Марина Цветаева. Разлука. Стихи. М.–Берлин: Геликон, 1922; Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922» в настоящем издании.

158

Из стихотворения «Ты проходишь на Запад Солнца...»

159

Из стихотворения «Как слабый луч сквозь черный морок адов...»

160

Из стихотворений «Нежный призрак...» и «Думали – человек!»

161

Из стихотворения «Други его – не тревожьте его!..»

162

Из стихотворения «Спит, муки твоя – веселье...»

163

Из поэмы «На Красном Коне».

164

Из городского романа «Я милого узнаю по походке».

165

Из стихотворения «Ростком серебряным...»

166

Издательство «Геликон» было основано в 1918 г. в Москве А.Г.Вишняком и выпускало художественную литературу, книги по искусству. Его деятельность делится на два периода – московский и берлинский (1921–1923). В «Геликоне» издавались Брюсов, А.Толстой, Эренбург, Ремизов, Пастернак и др. Все книги отличались высоким уровнем художественно–графического оформления.

167

Неточное цитирование стихотворения «Последняя дружба...» из цикла «Подруга», обращенного к Н.А. Нолле–Коган (1888–1966), близкой знакомой А.Блока в последние годы его жизни.

168

Из стихотворения «Башенный бой...»

169

В 1922 г. вышла монография Б.Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха».

170

Ссылки на стр. 24 и 30 относятся к поэме «На Красном Коне».

171

Из стихотворения «Все круче, все круче...»

172

М.Цветаева приехала в Берлин 15 мая 1922 г. и поселилась в пансионе на Прагерплац.

173

Из стихотворения И. Эренбурга «Тяжелы несжатые поля...»

174

Из его стихотворения «Из земной утробы Этнвою печью...»

175

Из его стихотворения «Какой прибор растет в угрюмом сердце...»

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
176

Из его стихотворения «Любовь не в пурпуре побед...»

177

Из стихотворения «Ты проходишь на Запад Солнца...»

178

Из стихотворения «Облака – вокруг...»

179

Из стихотворения «У меня в Москве – купола горят...»

180

Муратов Павел Павлович (1881–1950) – эссеист, искусствовед, литературный и художественный критик, переводчик, публицист.

181

Из стихотворения «Цыганская свадьба».

182

Из поэмы А.С.Пушкина «Руслан и Людмила».

183

Из стихотворения «Проста моя осанка...»

184

Из стихотворения «Пожирающий огонь – мой конь!..»

185

Из стихотворения «Не самозванка – я пришла домой...»

186

Из стихотворения «Мой путь не лежит мимо дому – твоего...»

187

«Воспоминания о Блоке» были опубликованы в ж. «Эпопея» за 1922–23 гг. (№ 1–4).

188

По поводу данного очерка на страницах эмигрантской печати можно найти отдельные замечания. Так Лутохин П., отметил: «...Пастернак талантливый, но этого „кровного славословия“ не заслужил» (Рец. на: «Эпопея» № 3. Накануне. 1923. № 28, 13 марта. С. 5), Тансман А. написал, что это не критика, а «вакхический дифирамб» (Хроника литературы и искусства. «Эпопея» № 3. Звено. 1923. № 11, 16 апреля. С. 3); много позднее, уже в 1927 г., появится оценка и в советской прессе, где «Световой ливень» назовут «дифирамбом своей (Марины Цветаевой. – Сост.) критической прозорливости и поэту» (Красильников В. Борис Пастернак. Печать и революция. № 5. С. 79).

189

Имеется в виду стихотворение «Как разгораются – каким валежником!..»

190

Из стихотворения «В своих младенческих слезах...»

191

Из стихотворения «Други его, не тревожьте его...»

192

Из стихотворения «Думали – человек...»

193

Что подразумевается под «недвусмысленными „политическими“ стихами» Цветаевой в ее сборнике «Версты» (М.: Костры, 1921) неясно. Стихи этого сборника к разряду «политических» отнести вряд ли возможно. Скорее всего, речь идет об «известных Госиздату» эмигрантских изданиях, как, например, ж. «Современные записки» (1920. № 1), где было помещено стихотворение «Чердачный дворец мой, дворцовый чердак...», ж. «Русская мысль» (София. 1922, № 8–12), куда вошли цикл «Дон», «С Новым годом, Лебединый стан!..» и др.

194

Из стихотворения «Разлетелось в серебряные дребезги...»

195

Шенгели Георгий Аркадьевич (1894–1956) – поэт, переводчик. Речь идет о стихах из его сб. «Раковина» (М.–Птг.: ГИЗ, 1922) и стихах П.Соловьевой из сб. «Последние стихи» (М.: ГИЗ, 1923).

196

Из стихотворения «Собирая любимых в путь...»

197

Мещеряков Николай Леонидович (1865–1942) – советский литератор. С 1920 по 1924 гг. был главным редактором Госиздата.

Имеется в виду его статья «Волна мистики (Из настроений современной эмиграции)» (Печать и революция. 1922. № 2. С. 32–43.)

198

Волчанецкая (наст. фамилия – Ровинская) Екатерина Дмитриевна (1881–?) – поэтесса, детская писательница. Автор сборника «Серебряный лебедь» (М.–Птг.: ГИЗ, 1923).

199

Из стихотворения Е. Волчанецкой «Зима» («Есть радость тайная в сгорании...»)

200

Из стихотворения Е. Волчанецкой «Всходило солнце, полное любви...»

201

Из стихотворения Е. Волчанецкой «Скоро, когда со всеми...»

202

Неточное цитирование стихотворения А. Ахматовой «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»

203

Из стихотворения О. Мандельштама «Ахматова».

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
204
Заключительная строфа «Ночи третьей» поэмы-сказки «Царь-Девница».

205

Имеются в виду стихи А. Ахматовой «Все отнято: и сила, и любовь...», «Я так молилась „Утоли...“»

206

Из стихотворения «Пустоты отроческих глаз! Провалы...»

207

Строфа ранней редакции стихотворения «Идешь, на меня похожий...», в окончательный текст не вошедшая.

208

Из стихотворения А. Ахматовой «Памяти 19 июля 1914».

209

Из стихотворения А. Ахматовой «Молитва». 8

210

Из стихотворения А. Ахматовой «Утешение».

211

Из стихотворения «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!..» Ср. с впечатлениями от этого стихотворения известного политического деятеля, эсера В.М.Чернова: «...отдыхаешь на таких стихах, как „Царю на Пасху“, „Ох, грибок ты мой...“ Марины Цветаевой... проникнутых неподдельной ясностью и непосредственностью передаваемого настроения, в котором столько чистоты и высшей человечности. Эти вещи можно и хочется читать и перечитывать: они – точно свежая студеная родниковая вода после теплых и пряных питий смесей» (Чернов В. Эолова арфа революции. Голос России. 1922. 16 апр. С.7).

212

В брошюре 1925 г. «Государственное издательство РСФСР» говорится: «Одной из главных задач Госиздата, особенно в годы Гражданской войны, было издание такой литературы, которая выясняла бы широкий народный массовый смысл совершающихся событий. Госиздат должен был явиться орудием самых разнообразных книжных ценностей, охватывающих все многообразные человеческие знания и достижения».

213

См. стихотворения: «Никто ничего не отнял...», «Собирая любимых в путь...», «Разлетелось в серебряные дребезги...», «Еще и еще песни...», «В день Благовещенья...», «Канун Благовещенья...», «Димитрий! Марина! В мире...», «Облака – вокруг...», «Из рук моих – нерукотворный град...», «Над синевую подмосковных рощ...», «Да с этой львиною...», «Всюду бегут дороги...», «Коли милым назову – не соскучишься!..», «Продаю! Продаю! Продаю!..», «Думали – человек...», «Белое солнце и низкие, низкие тучи...», «Наездницы, развалины, псалмы...», «Бог согнулся от заботы...»

214

Из басни К. Прутковка «Разница вкусов»: «Тебе и горький хрен – малина, // А мне и бланманже – полынь!»

215

«Палингенезия» – название стихотворения Георгия Шенгели.

216

Из стихотворения «Все круче, все круче...»

217

Из стихотворения «Быть мальчиком твоим светлоголовым...»

218

Книга получила свое название от стихотворной строчки К.Павловой «Мое святое ремесло!» («Ты, уцелевший в сердце нищем...»)

219

Из стихотворения «Трем Самозванцам жена...»

220

Из стихотворения «Скоро уж из ласточек – в колдуньи!..»

221

Из стихотворения «Муза».

222

Из стихотворения «Быть мальчиком твоим светлоголовым...»

223

Из стихотворения «По нагориям...»

224

Из стихотворения «Посмертный марш».

225

Из стихотворения «На заре – наimedленной кровью...»

226

Из стихотворения «Цыганская свадьба».

227

Герои драмы Л.Н.Толстого «Живой труп».

228

«Очарованный странник» – повесть Н.С.Лескова.

229

Из стихотворения «Милые спутники, делившие с нами ночлег...» 4

230

Цитата не прямая, скорее всего, имеется в виду название стихотворения «Дикая воля».

231

Ср. со словами художницы Ю.Л.Оболенской (1889–1945) о «пламени» в стихах Цветаевой: «О Марининых „Верстах“ узнала к стыду своему из Вашего письма и тотчас приобрела. В стихах мне дороже всего внутреннее пламя, движущее их, за него прощаю все неудачи. В смысле этого пламени Марина стала совершенно

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru неподражаема, но не всегда подставляет ему вполне достойные образы...» (Из письма к М.Волошину от 5 июля 1922 г.; цитируется по: Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 714).

232

Из стихотворения «А во лбу моем – знай!..»

233

Из стихотворения «Доблесть и девственность! – Сей союз...»

234

Перифраз известного выражения А.С.Пушкина «поверить алгеброй гармонию» (из трагедии «Моцарт и Сальери»).

235

Парафраз со стихотворными строками из романа И.С.Тургенева «Дворянское гнездо», где Михалевич произносит: «И я сжег все, чему поклонялся. // Поклонился всему, что сжигал» (наблюдение О.Коростелева).

236

Стихотворный цикл «Вифлеем» открывается посвящением: «Сыну Блока, – Саше». М.Цветаева ошибочно считала сына Петра Семеновича Когана (литературовед, критик) и Надежды Александровны Нолле-Коган (переводчица), в доме которых останавливался А.Блок, приезжая в Москву в 1920–21 годы, сыном самого поэта (См. письма к Р.Гулю: СС. Т. 6. С. 532, 536).

237

Перифраз пушкинской строки «Прощай, свободная стихия...».

238

Книгу издали на бумаге верже в оформлении Д.Митрохина.

239

Из стихотворения «Еще один огромный взмах...»

240

Из стихотворения А.Блока «На поле Куликовом» (1).

241

Из стихотворения «Упадешь – перстом не двину...»

242

Из стихотворения «Дорожкой простонародною...»

243

Некий «налет эстетства» заметила М.Цветаева в этом отзыве Бахраха. Она писала ему: «Говоря о стихах „Бессонница“ и еще о каких-то, Вы высказываете предположение, что поэт здесь прельстился словом. Помню, что читая это, я усмехнулась» (от 25 июля 1923 г. – СС. Т.6. С. 573).

244

Речь идет о заключительном цикле сборника «Психея. Романтика», состоящем из 20 стихотворений, – «Психея: Стихи моей дочери».

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
245
Из стихотворения «Пустоты отроческих глаз...»

246

Отвечая в 1926 г. на анкету (см. коммент. на с. 521), М.Цветаева отметила: «Наилюбимейшие стихи в детстве – пушкинское „К морю“ и лермонтовское „Жаркий ключ“. Дважды – „Лесной царь“ и Ерлқцпг. Пушкинских „Цыган“ с 7 лет по нынешний день – до страсти. „Евгения Онегина“ не любила никогда».

247

В упомянутом письме к Струве от 30 июня 1923 г. М.Цветаева заметила: «Ах, у Вас во втором столбце (4-ая строчка до первой цитаты) гениальная опечатка: „в цветаевской ЛАГГЕРЕЕ“, – от лагерь, – чудесно!» Опечатка эта в публикуемом тексте исправлена.

248

Из стихотворения «Слезы – на лице моей облезлой!..» 4

249

Из стихотворения «Муза».

250

Из стихотворения «Есть некий час – как сброшенная клажа...»

251

Интерес к творчеству Генриха фон Клейста (1777–1811) Пастернак проявил еще в юношеские годы. Летом 1914 г. он перевел его комедию «Разбитый кувшин», а в 1918–1919 гг. – три драмы: «Принц Фридрих Гомбургский», «Семейство Шроффенштейн», «Робер Гискар».

252

Пастернак Б. Темы и вариации. Четвертая книга стихов. Берлин: Геликон, 1923.

253

В 1923 году у М.Цветаевой вышло два сборника «Психея: Романтика» (Берлин: Изд-во З.Гржебина) и «Ремесло» (М.–Берлин: Геликон).

254

Асеев Николай Николаевич (1889–1963) – поэт. Вместе с С. Третьяковым входил в литературную группировку «ЛЕФ».

255

Третьяков Сергей Михайлович (1892–1939) – писатель, поэт, драматург, переводчик, сценарист.

256

Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – поэт, прозаик, публицист, переводчик.

257

Точный год рождения Марселины Деборд-Вальмор 1756 г.

В юные годы М.Цветаева была увлечена ее поэзией, о чем свидетельствует стихотворение «В зеркале книги М.Д.–В.» (1910).

258

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Проклятые поэты» – сборник статей П.Верлена о шести французских поэтах, вышедший в 1884 г. «Проклятые» – М.Деборд-Вальмор, Т.Корбьер, А.Рембо, С.Малларме, Ф.О.М.Вилье де Лиль-Адан и сам Верлен. Многие его оценки носили довольно двусмысленный характер.

259

Вилье де Лиль-Адан (1838–1889) – французский писатель.

260

Цитата из романа «Портрет Дориана Грея». Существует несколько переводов этого произведения, выполненных в начале XX века. В пер. А.Минцловой (роман вышел в 1906 г. в изд-ве «Гриф») эта строка звучит так: «Быть естественным – это поза, и самая раздражающая поза, какую я только знаю».

261

Возможно, имеются в виду строения М.Ф.Казакова (1738–1812), русского архитектора, одного из основоположников классицизма

262

«Мир Искусства» – ежемесячный иллюстрированный литературно-художественный журнал (1899–1904), редактировавшийся С.П.Дягилевым и А.Н.Бенуа. Он был призван познакомить читателей с творчеством лучших российских и зарубежных художников, скульпторов, мастеров прикладного искусства. На его страницах затрагивались вопросы русской художественной промышленности, публиковались литературно-критические и искусствоведческие статьи.

263

Бартрам Николай Дмитриевич (1873–1931) – художник, знаток декоративного искусства и художественных промыслов, много сделал для возрождения народного прикладного искусства (в 1907 г. выступил организатором «Музея образцов» при Кустарном музее, в 1917 г. стал основателем Государственного музея игрушки, г. Загорск). На страницах ж. «Мир Искусства» своих работ не помещал. Их можно увидеть в «Художественном педагогическом журнале» (1910, № 21).

Художнице Елене Дмитриевне Поленовой (1850–1898) и ее живописи журнал действительно уделял много внимания на протяжении всех лет существования, а сдвоенный № 18–19 за 1899 г. был целиком посвящен творчеству художницы.

264

Рерих Николай Константинович (1874–1947) – живописец, театральный художник, археолог, писатель. Был членом журнала и проводимых объединением выставок.

265

С творчеством А.Ахматовой (1889–1966) М.Цветаева познакомилась в 1912 г., прочтя ее книгу «Вечер», и в последующие годы относилась к ней с большим пиететом (См. очерк «Нездешний вечер», заметки из записных книжек и тетрадей за 1917 г., письма, а также цикл стихов «Ахматовой» и отдельные стихотворения, посвященные поэту). Правда, позднее, в 1940 году, прочитав ее сборник «Из шести книг», недавно вышедший из печати, она вдруг отметила: «...старо, слабо. Часто... совсем слабые концы; сходящие (и сводящие) на нет... что она делала: с 1914 по 1940 г.?» По-видимому, Цветаева не была знакома с ахматовской лирикой после своего отъезда в эмиграцию.

266

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) – крупнейший русский издатель-просветитель. К лубочной работе он привлекал «все наличные силы страны», его лубки признавались образцовыми (см. в кн.: Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1960. С.43–44).

267

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) – поэт.

Клычков Сергей Антонович (1889–1937) – поэт, прозаик, переводчик.

268

В качестве примера см. части «Встреча третья и последняя» и «Ночь последняя».

269

Из стихотворения А.К. Толстого «Садко».

270

Эпиграф к стихотворению «Посмертный марш».

271

Из стихотворения «Переселенцами...»

272

Строки из поэмы «Переулочки». Е.Зноско-Боровский оригинальное написание передает неверно, должно быть: «А – и – рай! // А – и – вей! // О – би – рай! // Не – ро – бей! // Яблок – яхонт, // Яблок – золото. // Кто зачахнет – // Про то знато».

273

Из стихотворения «Посмертный марш».

274

См. стихотворение Н.Гумилева «Из логова змиева...»

275

Из стихотворения «Возвращение вождя».

276

Из стихотворения «Маяковскому».

277

Первый сборник вышел в мае 1924 г. Издание продолжено не было.

278

В письме к Р.Гулю от 29 июня 1924 года М.Цветаева отмечала:

«„Апология“ – полнотой звука – я восприняла, как: хвала. Оказывается (и Айхенвальд – внешне – прав) я написала не апологию (речь в защиту), а: панегирик!!!

Панегирик – дурацкое слово, вроде пономаря, или дробного церковного „динь-динь“, что-то жидкое, бессмысленное и веселенькое. По смыслу: восхваление.

Внешне – Айхенвальд прав, а чуть поглубже копнешь – права я. Речь в защиту уединенного. (Кедр, как символ уединения, редкостности, отдельности.) И я все-таки написала апологию!» (СС. Т.6. С. 538).

279

Имеются в виду стихи К.Бальмонта «Нежужжащие», «Почему?», «Лезвие», «От постели» и стихотворный цикл С.Маковского «Somnium Breve».

280

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Речь идет о стихотворении И. Одоевцевой «Встать в тишине. Открыть окно...»

281

Туринцев Александр Александрович (1896–1984) – поэт, критик, позднее протоиерей. Жил в Праге, в 1930-е гг. переехал в Париж. Речь идет о его стихах: «К колодцу – задыхаясь – пусть!..» и «С недавних пор мне чудится все чаще...».

282

В журнале были помещены следующие статьи: «О Блоке» и «Три актера (Морис Шевалье, Шарло, Макс Дэрли)» Е.Зноско-Боровского, «Этапы чешской поэзии XIX и XX вв.» Е.Недзельского, «Иосиф Манес» Н.Еленева, «И.А.Дмитриевский и основные течения в сценическом искусстве» А.Кизеветтера.

283

Литературная группа «ЛЕФ» (Левый фронт искусства) возникла в 1922 г. и просуществовала до 1929 г. Во главе ее стоял В.Маяковский, а среди ее членов были С.Третьяков, Н.Асеев, В.Каменский, Б.Пастернак (вышел из объединения в 1927 г.), А.Крученых, П.Незнамов, Н.Чужак, Б.Кушнер, О.Брик, В.Перцов и др. Участники выступали за создание действительного революционного искусства, критиковали пассивное «бытоотображение», психологизм. В ж. «Новый ЛЕФ» они выдвинули теорию «литературного факта», отрицали художественный вымысел. Их теории практически вели к ликвидации искусства как такового.

284

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – один из руководителей российской контрреволюции, адмирал (1917). В 1919 г. колчаковцы создали в Сибири и на Дальнем Востоке несколько белогвардейских издательств (в частности, и «осведомительных агентств»), которые выпускали исключительно черносотенную и антисоветскую литературу. По мере продвижения Красной Армии на восток с осени 1919 г. сфера деятельности этих издательств была сокращена.

285

Стихотворение С. Третьякова «Траурный марш».

286

Маслов Георгий Владимирович (1895–1920) – поэт.

287

Коллонтай (урожд. Домонтович) Александра Михайловна (1872–1952) – деятель российского и международного революционного движения, советский дипломат.

Осинский Н. (настоящие фамилия и имя: Оболенский Валериан Валерианович, 1887–1938) – советский, партийный и государственный деятель, экономист.

См.: Коллонтай А. Письма к трудящейся молодежи: Письмо 3-е: О «драконе» и «Белой птице» // Молодая гвардия. 1923. № 2. С.162–174; Осинский Н. Побег и травы // Правда. 1922. № 148.

288

Неясно, что имеется в виду. По-видимому, Светловым просто преувеличивается внимание советской критики к имени Цветаевой.

289

Из стихотворения «Во имя расправы...»

290

Точное название «Новогодняя».

291

Неточная цитата из стихотворения Маяковского «Приказ по армии искусств». Правильно: «Все совдепы не сдвинут армий, // Если марш не дадут музыканты.»

292

Из стихотворения «Первородство – на сиротство...»

293

Из стихотворения Н. Гумилева «Я и вы» (1917).

294

1 Б.Пастернаку и его только что вышедшему сборнику стихов «Сестра моя жизнь» посвящена статья «Световой ливень» (1922).

295

Из поэмы А.С.Пушкина «Цыганы». 2

296

Из Болдина в Петербург 30 октября 1833 г. А.С.Пушкин писал жене: «...Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое непустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не somme il faut, все, что vulgair... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя» (Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т.10. М.: Правда, 1981. С. 105)

297

Вербицкая (урожд. Зяблова) Анастасия Алексеевна (1861–1928) – прозаик, драматург, мемуаристка. Ее романы считались бульварными. См. упоминание о ней в статье А.Яблоновского «В халате», публикуемой в настоящем издании.

298

Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) – поэт, прозаик, критик, переводчик.

299

Бюргер Готфрид Август (1747–1794). Явился создателем жанра современной немецкой баллады. «Ленора» (1773) известна в русском переводе В.А.Жуковского. В 1923 г. в ж. «Беседа», ближайшим сотрудником которого был В.Ф.Ходасевич, эта поэма увидела свет в переводе Н.Берберовой (кн. 3).

300

Из рецензии «Стихотворения Александра Пушкина. Часть четвертая» (1843) // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 9 т. Т. 2. М., 1953. С. 82.

301

Киреевскому Петру Владимировичу (1808–1856) Пушкин передал тетрадь с записанными им народными песнями в конце 1833 г. Цитируемая Ходасевичем реплика Пушкина сохранилась благодаря «Моим воспоминаниям» Ф.И.Буслаева, опубликованным в «Вестнике Европы» (1891. X. С. 637). Также см. об этом: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.: Academia, 1935. С. 434.

302

См., например, статьи «Декларация слова как такового» и «Новые пути слова (язык будущего – смерть символизму)» А.Крученых, «Что есть слово (II-я декларация слова как такового)» Н.Кульбина, «Освобождение слова» Б.Лившица, «Поэтические начала» Н.Бурлюка, «Наша основа» В.Хлебникова и др. (В кн.: Русский футуризм. М.: Наследие, 1999).

303

Сборник вышел в 1908 г. и содержал тонкие пародии на стихи Блока, Бальмонта, Кузмина, Сологуба.

304

Приоритет советской литературы перед эмигрантской был характерен, например, для ж. «Воля России». Один из его редакторов, С.Постников писал: «...уже сама по себе нелепа мысль о какой-то самостоятельной культурной миссии, возложенной на эмиграцию, ибо эмиграция прежде всего явление нездоровое и, во всяком случае, скорее вымирающее, а не усиливающееся и наживающее здесь силу и мощь» (По поводу. 1925. № 1. С. 233). Во второй половине 20-х гг. этот взгляд разделяли также редактор литературного отдела «Воли России» М.Слоним и редактор ж. «Версты» Д.Святополк-Мирский.

305

Смирновский Петр Владимирович, автор «Учебника русской грамматики» в 2 частях (часть вторую составил «Синтаксис»).

306

«Петрушка» (1911) – балет И.Ф.Стравинского (1882–1971), принесший ему всемирную славу. С этого момента начался подъем в творчестве композитора.

307

Струве Александр Филиппович (1874–?) – автор стихотворных сборников, статей, брошюр. В 1913 г. выпустил сборник «Пластические этюды: Стихотворения для „Танцев под слово“» (М.: Б.В.Решке).

308

Имеется в виду сдвоенный номер (6–7) за 1925 г., в котором были помещены портреты Крыленко Н.В., Раковского Х.Г., Каменева Л.Б., Литвинова М.М., Дзержинского Ф.Э., Сталина И.В., Калинина М.И., Луначарского А.В.

309

Статья Цурикова так и называлась – «Эмигрантщина».

310

Этот номер журнала вышел под ред. А.А.Воеводина, А.К.Рудина, А.А.Антипова, С.Я.Эфрона. Речь идет о статье С.Я.Эфрона «О путях к России» (с. 32–33), где он писал: «Второй путь к России, хотя и более людный, труднее определим. На него вышли все те, кто во что бы то ни стало решил принять сегодняшнее лицо России... люди принимают новое лицо родины и ради этого лица отказываются от своего собственного».

311

Статья М.Цветаевой «Возрожденщина» была опубликована в берлинской газете «Дни» за 16 октября 1925 г.

312

Белогвардейские вожди – Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), Марков Сергей Леонидович (1878–1918), Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919).

313

См. стихотворение «Тем, в Галлиполи...»

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
314
Статья «О Германии» была опубликована в берлинской газете «Дни» за 13 декабря 1925 г.

315
Из стихотворения «Германии».

316
Из стихотворения Ф.Тютчева «Silentium».

317
См.: Воля России. 1924. № 14/15.

318
Слова из арии князя Игоря (опера А.П.Бородина «Князь Игорь»), которая начинается так: «Ни сна, ни отдыха измученной душе. Мне ночь не шлет отрады и забвенья...»

319
Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – прозаик, поэт, драматург, мемуарист. С этого номера началась публикация повести А.Ремизова «С огненной пастью».

320
Из «Поэмы заставы». Также в этом номере был опубликован цикл из двух стихотворений «Заводские».

321
Газеты «Возрождение», «Последние новости», «Дни» анонсировали проведение вечера заранее. Первоначально он намечался на 23 января, но позже его перенесли. Это был первый парижский вечер поэта, и он прошел с огромным успехом: М.Цветаева прочла около сорока стихотворений. Отзывы об этом вечере см. в статьях Резникова Д., Гофмана М. и Адамовича Г. с одинаковым названием «Вечер Марины Цветаевой», помещенных в настоящем издании, а также в мемуарах В.Сосинского «Она была ни на кого не похожа» (Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 187–188).

322
В «Воле России» были опубликованы «Крысолов» (№ 4–8, 12. 1925; № 1. 1926), «Поэма Лестницы» (№ 11. 1926), а также очерк «Герой труда» (1925. № 9–11); в «Последних новостях» – «Грабеж» (1925. 25 дек.), «Смерть Стаховича» (1926. 21 янв.), в «Днях» – «Чердачное» (1924. 25 дек.), «О Германии» (1925. 13 дек.), «О любви» (1925. 25 дек.), в ж. «Современные записки» увидели свет «Вольный проезд» (1924. № 21), «Мои службы» (1925. № 26), ж. «Русский современник» напечатал ее стихи «Занавес» и «Сахара» (1925. кн. 3).

323
Пьеса посвящена герцогу Арману-Луи Бирону-Гонто Лозену (1747–1793) – известному французскому политическому и военному деятелю.

324
Заполняя анкету для ж. «Своими путями» (опубликована в № 8/9 за 1925 г.) Цветаева призналась: «В России крупнейшим из поэтов и прозаиков (на последнем настаиваю) утверждаю Бориса Пастернака...»

325
Из пьесы «Фортуна», картина 2.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
326
Сборник «Волшебный фонарь». Рецензии на него см. в настоящем издании.

327

Ср. с поздней оценкой Г.Адамовича: «Думаю, что не может быть сомнений, что Ахматова – самое крупное женское имя в истории русской поэзии. Замечательно в ее творчестве, однако, то, что, оставшись женщиной, она оказалась способной стать прежде всего человеком, Человеком с прописной буквы, отчего в отношении к ней и неуместно слово „поэтесса“. Ахматова – не поэтесса, а поэт, всегда, во всем, о чем бы стихи ее ни говорили. В наше время она – поэт национальный, выразитель своей эпохи, каким был в начале столетия Ал. Блок» (Большой поэт и большой человек // Адамович Г. О книгах и авторах: Заметки из литературного дневника. Париж, 1967. С. 14).

328

Дневниковая и мемуарная проза была опубликована в ж. «Воля России» (1925), «Своими путями» (1925), «Современные записки» (1924, 1925), газ. «Дни» (1924, 1925), «Последние новости» (1925, 1926), афоризмы – в ж. «Благонамеренный» (1926. № 2). Подробнее см.: СС. Т. 4. С. 636–642, 664–672; Т. 5. С. 687.

329

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – прозаик, драматург, журналист, критик; возглавлял юмористические ж. «Сатирикон» и «Новый сатирикон».

Булгаков Валентин Федорович (1886–1966) – писатель, мемуарист, секретарь Л.Н.Толстого; один из членов редколлегии сб. «Ковчег».

Воеводин Александр Александрович (1889–1944?) – писатель, соредактор пражских ж. «Студенческие годы» и «Своими путями».

Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941) – прозаик, журналист, литературный критик, кинокритик; был соредактором ж. «Версты» (вместе с женой Мариной Цветаевой) и «Своими путями».

Крачковский Дмитрий Николаевич (1882–1947) – прозаик; был издателем и редактором литературно-художественного сб. «Записки наблюдателя».

Маковский Сергей Константинович (1877–1962) – поэт, литературный критик, издатель, искусствовед, мемуарист; на протяжении всей жизни много занимался редакционно-издательской деятельностью, в частности, был организатором и редактором петербургского ж. «Аполлон», в эмиграции возглавлял литературно-художественный отдел парижской газ. «Возрождение» (1926–32).

Савинов Сергей Яковлевич (1897–?) – поэт, переводчик.

Бржезина Оттокар (наст. имя Ебавый Вацлав; 1868–1929) – чешский поэт-символист.

Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) – прозаик, драматург, поэт, журналист, мемуарист.

330

См. статью В. Даватца «Тлетворный дух» (С. 231).

331

Поэма обращена к К.Б.Родзевичу (1895–1988), с которым М.Цветаева познакомилась в 1923 г. В ней получили отражение их личные взаимоотношения.

332

Грегер Вольфганг Э. – переводчик русской литературы. Издавал серию «Русская революция в зеркале литературы». Его перевод «Двенадцати» Блока вышел в 1921 г. в берлинском изд-ве «Neva».

333

Браунинг Роберт (1812–1889) – английский поэт. Автор «Детской сказки о Пестром Дудочнике из Гаммельна» (в пер. С.Маршака под названием «Флейтист из Гаммельна»).

334

Ситвелл (прав. Ситуэлл) Эдит (1887–1964) – английская поэтесса. Многие ее ранние стихи отличались вызывающим модернизмом и содержали сатиру на современное общество.

335

Ариэль – дух воздуха, персонаж «Бури» У.Шекспира.

336

По-видимому, имеется в виду сам Франсуа Рабле (1494–1553), который последние два года жизни был медонским священником в церкви Св. Мартина. Упоминание об этом см. в статье П.Антокольского «Книга Марины Цветаевой», отрывок из которой помещен во второй книге настоящего издания.

337

Рецензию В.Даватца на «Ковчег» в газ. «Новое время» обнаружить не удалось.

338

См. рец. А.Черновой. С. 223–230.

339

См. рец. Д.Шаховского. С. 230–231.

340

LoTo – псевдоним Леонида Григорьевича Мунштейна (1866/67–1947) – поэта-сатирика, журналиста, мемуариста. Этот фельетон под названием «Господам зоилам» появился в газете «Возрождение» (1926. № 244, 1 февр. С. 3).

341

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) – общественно-политический деятель, публицист. В 1920-е гг. критиковала планы новых военных выступлений против России, призывала «засыпать ров гражданской войны» и искать мирные пути возвращения на родину.

342

Белому движению М.Цветаева посвятила сборник из 60 стихотворений, получивший позднее название «Лебединый стан» (1917–1921).

343

Имеется в виду «Конец Казановы: Драматический этюд», выпущенный в 1922 г. отдельной книгой московским изд-вом «Созвездие» и представляющий собой третье действие пьесы «Феникс», полностью опубликованной в ж. «Воля России» в 1924 г. (№ 8–9).

344

Ника Кюнелли (Монастри-Кунелли) – знаменитая итальянская певица (сопрано).

Могилевский Александр Яковлевич (1885–1955) – выдающийся скрипач, педагог. В начале 20-х гг. преподавал в Русской консерватории в Париже.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
345
Имеется в виду певица Н.Кюнелли.

346
Сборник «Лебединый стан» был впервые напечатан в 1957 г. в Мюнхене.

347
Из стихотворения «Петру».

348
Соколов Григорий, однокурсник Д.Шаховского по Лувенскому университету, осуществлял частичное финансирование ж. «Благонамеренный» и занимался всей организацией работы журнала.

349
Из записей «О благодарности» (СС. Т. 4. С. 512).

350
Здесь были помещены стихи Георгия Адамовича, Георгия Иванова, Александра Гингера (1897–1965), Владимира Диксона (1900–1929), Галины Кузнецовой (1902–1976), Ирины Одоевцевой (1901–1990).

Причисляя Г.Адамовича и Г.Иванова к начинающим поэтам, Н.Рыбинский ошибается: до эмиграции первый выпустил два стихотворных сборника «Облака» (Пг., 1916) и «Чистилище» (Пг., 1922), а второй – шесть, переиздав три из них с несколько измененным составом в начале 20-х гг., уже будучи в эмиграции.

351
На страницах «Благонамеренного» было напечатано два его стихотворения с общим заголовком «Душа». Одно из них начиналось «Бывает так: не наоборот...», у автора же эта первая строка звучит «Бывает так: не наоборот...»

352
В 1922 г. вышло несколько стихотворных сборников: «Версты I» (М.: Госиздат), «Разлука» (М.–Берлин: Геликон), «Стихи к Блоку» (Берлин: Огоньки).

353
В № 7–8 «Современных записок» за 1921 г. было помещено 24 стихотворения, которые открывались небольшой вступительной статьей К.Бальмонта (см. С. 73–74).

354
Бергсон Анри (1859–1941) – французский философ-идеалист, представитель интуитивизма.

355
Вильсон Джон (1785–1854) – английский писатель, поэт, философ. Его стихи почти все внушены мыслью о смерти.

Платон (427 до н. э. – 347 до н. э.) – древнегреческий философ. Один из основных элементов его философии – противопоставление чувственного мира миру идей.

356
Ширинский-Шихматов Юрий Алексеевич (1890–1942) – правовед, публицист.

357
В письме к Б.Пастернаку от 10.03.1923 г. Цветаева отмечает, что писала поэму с

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ноября 1922-го до февраля 1923 г.

358

«Страды Богородицы».

359

Из рецензии на ж. «Воля России» (№ 3) за подписью «Д» (Д.Шаховской). С. 167.

360

Из его же рецензии на книгу Д.Святополк-Мирского «Современная русская литература», вышедшую на английском языке в нью-йоркском издательстве Альфреда Кнопфа в 1926 г.

361

См. предыдущий комментарий. Отзыв А.Ремизова касается книги «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное», вышедшей на английском языке (Лондон, 1924) с предисловием Д.Святополк-Мирского.

362

В статье «О консерватизме» Святополк-Мирский писал: «Не мы нужны поэтам, а они нам. Я допускаю, что многими Пастернак и Марина Цветаева не сразу воспринимаются, но ведь мне надо сделать усилие и для того, чтобы попасть из дома в Британский музей. Однако Музей мне нужен, а не я ему, и поэтому я иду в него, а не жду, пока он ко мне прикотится» (Благонамеренный. 1926. № 2. С. 92). В своей статье «Поэт о критике» Цветаева писала о Святополк-Мирском: «Резкое и радостное исключение – суждение о поэтах не по политическому признаку (отсюда – тьма!) – Кн. Д. Святополк-Мирский» (СС. Т. 5. С. 292).

363

Вечер редакции «Верст» состоялся 5 апреля 1926 г. в помещении Союза молодых поэтов и писателей. Святополк-Мирский прочел свой доклад «Культура смерти в русской предреволюционной литературе», который вызвал горячие споры.

364

Кнут Дувид (наст. имя – фиксман Давид Миронович; 1900–1955) – поэт, прозаик. Был близок к Ходасевичу и его литературному окружению.

365

Д.Шаховской. «Песни без слов» (Брюссель: Изд-во русских писателей в Бельгии, 1924). В своем обзоре русской поэзии за границей в 1924 году К.Мочульский отметил: «„Песни без слов“ – не романы, не Верлен, не „поэзия есть музыка“. В них – усилие рассказать, в них – радость, доверчивая и беспомощная. Каждое стихотворение – неудача неизбежная...» (Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1925. № 1. С. 66).

366

Первой волной считалось «сменовеховство», второй – «пешехоновщина». См. комментарий ниже.

367

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – статистик, публицист, политический деятель. В 1923 г. был выслан за границу, где вскоре стал инициатором идеи «возвращения». В 20-е гг. на страницах печатных органов он призывал эмигрантов вернуться на родину, в Россию (см., например, статью «Родина и эмиграция» // Воля России. 1925. № 7–11).

368

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Очевидно, речь идет еще об одном идейно-политическом и общественном движении – евразийстве (1920–30-е гг.). Инициаторы движения, П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, кн. Н.С.Трубецкой и Г.В.Флоровский, заявили о себе, выпустив сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921). Единомышленником движения являлся критик Д.П.Святополк-Мирский. Основное положение взглядов евразийцев состояло в следующем: Россия провозглашалась страной, органически соединившей в себе элементы восточной и западной культур, при этом русские люди «не суть не европейцы, не азиаты».

За годы своего существования евразийцами были выпущены сборники «На путях» (1922), «Евразийский временник» (1923, 1925, 1927), «Евразийский сборник» (1929), «Тридцатые годы» (1931). В середине 30-х гг. движение распалось.

369

Сменовеховство – движение, возникшее в начале 1920-х гг. в среде русской зарубежной либерально настроенной интеллигенции. Программным документом движения стал сборник «Смена вех» (Прага, 1921). Их идеи пропагандировались на страницах одноименного журнала (Прага, 1921–22) и газ. «Накануне» (Берлин, 1922–24). Свои задачи сменовеховцы видели в просвещении народных масс, в активном сотрудничестве с новой властью, в способности участвовать в экономическом восстановлении России. Они провозглашали мирный путь преобразований в России как могучего государства с нормальным течением экономического и духовного развития.

370

Из стихотворения Д.Шаховского «Сжигальщикам», где есть такие строки: «Вам не дано вкушать мое бессмертье, // Как и читать мои стихи».

371

По-видимому, имеются в виду рецензии Кнорринга Н. (Последние новости. 1926. № 1772. С. 3), Айхенвальда Ю. «Литературные заметки» (Руль. 1926. № 1580. С. 2–3) и Рыбинского Н. «Литературная хроника» (Новое время. Белград. 1926. 23 февр. С. 2). В первых двух отзывах отмечалась чрезмерная афористичность журнала, в третьем автор останавливал внимание на местах, особенно его «поразивших». Последняя рецензия помещена в настоящем издании.

372

См. статью М.Осоргина «Дядя и тетя», помещенную в настоящем издании.

373

По-видимому, З.Гиппиус имеет в виду ж. «Версты» (1926–28, № 1–3), учредителем которого был Д. Святополк-Мирский.

374

В «Верстах» (№ 1) Д.Резников называет Пастернака большим поэтом-лириком, работающим на большом материале (С. 230).

375

См. статью «Поэт о критике». СС. Т. 5. С. 292.

376

Речь идет об эссе «Цветник», помещенном в ж. «Благонамеренный» (№ 2).

377

Статья была опубликована в 1922 году в № 6 «Литературной газеты» (Казань).

378

Из стихотворения А. Пушкина «Поэту».

379

Поп Александр (1688–1744) – английский поэт–просветитель, один из основоположников поэтической сатиры XVIII в. По-видимому, цитата взята из его поэмы «Опыт о критике» (1711). В переводе кн. С.Шихматова (1806) читаем следующие строки: «Сколь редко истинный кипит в Пиите жар, // Толь редко верный вкус в ценителе есть дар. // Но как судитель книг, так и поклонник Феба // Должны, чтоб славным быть, взимать свой свет от неба, // Родится с тем один, чтоб пением пленять, // Другой, чтоб праведно судить и оцениать».

380

Из эссе Оскара Уайльда «Критик как художник».

381

Имеется в виду стихотворение «Старинное благоговение».

382

Слушать «музыку революции» призывал А.Блок в своей статье «Интеллигенция и революция» (1918). В «Благонамеренном», № 2, была опубликована статья Д. Святополк–Мирского «О консерватизме».

383

Давая отзыв на доклад Д.Святополк–Мирского «Культура смерти в русской литературе», прочитанный на вечере ж. «Версты», Г.Адамович писал: «Лекция была запальчива по тону, со множеством выпадов, резких и крикливых, но вместе с тем она была крайне бледна и скучна... Доказывалось в ней, что вся дореволюционная литература говорила о смерти, а новейшая, в лице Марины Цветаевой, Пастернака, Маяковского, призывает к жизни. Вывод: да здравствует Марина Цветаева и оба ее радостных соратника!» (Литературные беседы. Звено. 1926. № 169, 25 апр.).

384

В.Маяковский в этой статье не упоминается.

385

Статья нами не обнаружена.

386

Названием статьи послужило стихотворение Д.Шаховского «Сжигальщикам», опубликованное в № 2 ж. «Благонамеренный».

387

Предоставленный М.Гофманом журналу отрывок был в свое время исключен В.А.Жуковским из окончательной редакции поэмы.

388

Имеется в виду стихотворение В. Ходасевича «Соррентийские фотографии».

389

Вероятно, ошибка автора. Речь может идти об июльском номере «Красной нови», где была напечатана статья Д.Горбова «Мертвая красота и живучее безобразие» (см. в настоящем издании).

390

Шлегель Август Вильгельм (1767–1845) и Шлегель Фридрих (1772–1829) – немецкие литературные критики, писатели.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
391

17–20 апреля 1926 года Б.Пастернак писал М.Волошину: «...думаю, порадую Вас, если сообщу, что Марина Ивановна пишет замечательные вещи, из которых одна, попавшая мне случайно, в частично искаженном перепискою виде, „Поэма конца“, привела меня в крайнее волнение высотой и разрядом своих достоинств.

Эта вещь написана большим поэтом, написана не по-женски счастливо, с большим чувством и, что важнее, с большим знанием его природы. Но я бы никогда не решился подступить к кому бы то ни было с утверждениями, основанными на личном впечатлении, то есть убежденности не стал бы выдавать за истину, если бы меня в моем чувстве не поддерживали известия, идущие из-за границы.

Она пользуется там большим и возрастающим успехом, главным образом среди молодежи. Сколько могу судить по отрывочным сведениям, ее общая позиция очень независима и, кажется, не облегчена никаким подспорьем стадности, как это ни трудно в наши времена, когда одно уже местонахождение человека кажется что-то говорящим о нем. Разумеется, она в эмиграции, но от этого до того, что зовется „ориентацией“, очень далеко...» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 194–195).

О высокой оценке Б.Пастернака творчества М.Цветаевой и его восхищенном отношении к «Поэме Конца», М.Горький 19 октября 1927 года писал ему: «С вашей высокой оценкой дарования Марины Цветаевой мне трудно согласиться. Талант ее мне кажется крикливым, даже – истерическим, словом она владеет плохо, и ею, как А.Белым, владеет слово. Она слабо знает русский язык и обращается с ним бесчеловечно, всячески искажая его. Фонетика, это еще не музыка, а она думает: уже музыка» (Горький и советские писатели: Неизданная переписка. – М.: АН СССР, 1963. С. 301–302. Литературное наследство. Т. 70).

392

Сакулин Павел Никитич (1868–1930), Коган Петр Семенович (1872–1932) – русские советские литературоведы.

393

См., например, статью Боброва С. «Марина Цветаева. Царь-Девница: Поэма-сказка», в настоящем издании.

394

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – критик, философ. Критиковал искусство, которое может воздействовать на читателя лишь внешними эффектами и громкими фразами.

Кареев Николай Иванович (1850–1931) – русский историк, философ, педагог.

В своих работах «Письма к учащейся молодежи о самообразовании» (выдержала 7 изд., 1890–1895) и «Беседы о выработке миросозерцания» (является дополнением предыдущей книги; выдержала 5 изд., 1897–1904) Кареев писал о том, что «самообразования не может быть без миросозерцания». Т. е. человек должен все видеть, слышать, читать и все это осмыслять самостоятельно. Он должен сам выработать миросозерцание, а не пассивно принимать на веру все ему сказанное.

395

Шейлок – главное действующее лицо в драме Шекспира «Венецианский купец».

396

В журнал вошел отрывок из готовящейся к печати книги «Николай Чудотворец» (вышла в изд-ве «УМСА-Press») и статья «Воистину (памяти В.В.Розанова)».

397

В рецензиях на ж. «Новый мир» и «Звезда» Д.Святополк-Мирский действительно довольно пренебрежительно отозвался об авторах и их произведениях: «Мы же ничего не потеряем, если вообще отнесем всю прозу за обложку журнала». А также отметил:

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Все они авторы – вполне благонадежные коммунисты с „партбилетом в себе“, с одним и тем же запасом слов, чтоб далеко не ходить, взятых прямо из „Известий“ и „Правды“» и т. п.

398

Из стихотворения Б.Пастернака «Потемкин».

399

Из стихотворения И.Сельвинского «Казнь Стецюры».

400

Из «Поэмы Горы».

401

Из рецензии Д.Святополк-Мирского на «Современные записки» I–XXVI. Париж. 1920–1925 гг. «Воля России». 1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага – Версты, Париж. 1926, № 1. С. 210.

402

См. его статью «Разгадка благонамеренности». С. 273.

403

В своем «Опыте обзора» А.Туринцев дает краткие, в основном высокие, оценки писателям Советской России (Замятину, Леонову, Бабелю, Пастернаку и др.).

404

Из рецензии на: «„Новый мир“». Кн. 2. М., 1926», которая была опубликована за подписью «С», то есть третий «сотрудник» – все тот же Д.Святополк-Мирский.

405

В этой же рецензии было отмечено: «Некоторые страницы „Нового мира“ войдут в историю литературы – Борис Пастернак».

406

Из его статьи «Поэты и Россия».

407

Ольминский (псевд.; наст. фамилия – Александров) Михаил Степанович (1863–1933) – деятель революционного движения, публицист, критик и историк литературы, редактор.

408

Из поэмы «Крысолов». Глава 5.

409

Имеется в виду статья Н.Берберовой (опубликована под псевдонимом Ивелич) «„Они“ о нас» (ПН. 1926, № 2031, 14 окт.), являющаяся откликом на статью Горбова «Мертвая красота и живучее безобразие» (см. в настоящем издании).

410

См. его статью «Мертвая красота и живучее безобразие» в настоящем издании.

411

Чернов Виктор Михайлович (во втором браке – муж О.Е.Колбасиной-Черновой;

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (1873–1952) – общественно-политический деятель, публицист, социолог, мемуарист.

Лебедев Владимир Иванович (1883–1956) – общественно-политический деятель, публицист, журналист, литературный критик, прозаик. В 1920–32 являлся соредактором газ., затем ж. «Воля России».

412

М.Слоним «Литературные отклики». См. отрывки из этой статьи в настоящем издании, с. 303.

413

Имеется в виду кн.: Воспоминания Казановы / Пер. и вступ. статья М.Слонима. Берлин: Нева, 1923. (Вышли в одном томе.)

414

Статью Антона Крайнего «О „Верстах“ и о прочем» см. в настоящем издании. Статья Цетлина М. «Версты» [№ 1] была помещена в газ. «Дни» (1926. № 1087, 22 авг. С. 3).

415

О программе «Верст» см. в статье И.Бунина, помещенной в настоящем издании.

416

В № 1 «Верст» были помещены «Вольница» А.Веселого, статья «Воистину (Памяти В.В.Розанова)» А.Ремизова, «Поэма Горы» М.Цветаевой.

417

Первые строки стихотворения Г.Державина «Лебедь».

418

В статье «О „Верстах“ и о прочем» Гиппиус отмечала: «Существуют индивидуальности с некоторым органическим дефектом – в смысле отсутствия известного внутреннего критерия. Есть признаки, что Г-н Святополк принадлежит к их числу».

419

Эпиграфом к своей поэме М.Цветаева взяла слова из романа немецкого поэта-романтика Фридриха Гельдерлина (1770–1843) «Гиперион, или Отшельник в Греции».

420

Из стихотворения «Не краской, не кистью!..» (из цикла «Деревья», 6).

421

Имеется в виду выдуманное А.Ремизовым в 1908 году общество ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ (обезьянья-великая-и-вольная-палата) со своими Конституцией, Манифестом и различными «донесениями» (об этом см. в его книге: Взвихренная Русь. Париж, 1927. С. 272–277).

422

Перифраз реплики Молчалина из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» (действие 3, явление 3).

423

См. статьи И.Бунина «Версты» (№ 1), В.Злобина «Версты» (№ 1), З.Гиппиус «О „Верстах“ и о прочем», отрывки из которых помещены в настоящем издании.

424

См., например, статью З.Гиппиус «О „Верстах“ и о прочем», отрывки из которой помещены в настоящем издании.

425

В статье «Записная книжка» (Возрождение. 1926. № 513, 28 октября. С. 3–4) Бунин отметил: «Невежда и хам ни с того ни с сего объявил заборную орфографию: опять покоряйся, пиши по ней! Я отвечаю: не могу, не хочу – уже хотя бы потому, что по ней написано за эти десять лет все самое низкое, подлое, злое, лживое, что только есть на земле». Это высказывание Бунина задело М.Гофмана, который сразу же на страницах «Последних новостей» опубликовал открытое письмо писателю, вызванное обидой «за память людей, подобных Шахматову». Ответ Бунина не замедлил появиться. В письме в редакцию «Возрождения» («О новой орфографии». 1926. № 522, 6 ноября. С. 3) он конкретизирует свою точку зрения: «Он [Гофман] дивится, что я назвал орфографию, истинно „хамски“ навязанную России большевиками, заборной. Но как же она не заборная, когда именно забор и в точном и в переносном смысле этого слова так долго служил ей?» (Подробнее см. текст и комментарии к нему: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. Москва: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 228, 232, 559–563).

426

См. статью Н.Мельниковой-Папоушковой «О „Благонамеренном“», отрывки из которой помещены в настоящем издании.

427

В статье «Мертвый дух» Гиппиус писала о Шаховском: «Что – он? Даже не орудие – веревочка, которая в хозяйстве годится. Его прирожденно-старого всякий вяжет и ведет куда хочет».

428

5 апреля 1926 г. в помещении Союза молодых поэтов и писателей Д.Святополк-Мирский прочел лекцию «Культура смерти в русской литературе». На нее сразу же откликнулись Г.Адамович «Литературные беседы. Лекция кн. Святополк-Мирского» (Звено. 1926. № 169. С. 1–2), М.Цетлин «О литературном консерватизме и князе Д.Святополк-Мирском» (Последние новости. 1926. 8 июля) и др. В письме к Б.Пастернаку от 10 июля М.Цветаева сообщила: «Его сейчас пресса дружно дерет на части за тебя и меня» (СС. Т. 6. С. 265).

429

См. ее в настоящем издании.

430

Статья была опубликована в ж. «Версты». 1927. № 2. С. 247–254.

431

Из «Поэмы Конца».

432

Среди поэтов, «подражающих» Цветаевой или находящихся под ее влиянием, были А.Гингер (см.: Зноско-Боровский Е. «Парижские поэты». Воля России. 1926. № 1; Элита-Вильчковский К. «Заметки о книгах». Бодрость. 1939, 18 июня), Д.Резников (см.: Ходасевич В. «Заметки о стихах». Дни. 1926, 14 марта), В.Андреев (см.: Ходасевич В. «Молодые поэты». Возрождение. 1928, 28 июля; Слоним М. «Литературный дневник». Воля России. 1928. № 7.), В.Лебедев (см.: Струве Г. «Заметки о стихах». Россия и славянство. 1929, 24 авг.), Ю.Иваск (Бем А. «Письма о литературе». Меч. 1938, 12 июня), Несмелов А. (критик, скрывшийся за инициалами Н.З. Чураевка. 1934, октябрь), Н.Снесарева-Казакова (см.: Пильский П. «Книга». Сегодня. 1929, 28 сент.), М. Комиссарова (см.: Пильский П. «Ключки на ветру». Сегодня. 1927, 27 июля) и др.

433

Маркевич Болеслав Михайлович (1822–1884) – писатель, драматург, публицист.

434

Из стихотворения К.Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...»

435

См. статьи Вяч. Иванова «Копье Афины» (Весы. 1904. № 10) и «Манера, лицо и стиль» (Труды и дни. 1912. № 4–5).

436

Воля России. 1927. № 5/6. С. 3–27.

437

Символизм подвергся резкой критике за уход от всего земного. См. статьи О.Мандельштама «Утро акмеизма» (1919), Н.Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С.Городецкого «Некоторые течения в современной поэзии» (Аполлон. 1913. № 1).

438

Имеется в виду баллада Н.Тихонова «Махно» (1921).

439

Алексеев Глеб Васильевич (1892–1938) – прозаик.

Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892–1975) – писатель, мемуарист.

Дроздов Александр Михайлович (1895–1963) – прозаик.

440

Стихотворение З.Гиппиус «Домой».

441

Мемуарными сплетнями о большевиках Д.Горбов называет «Мои службы». См. его статью «Мертвая красота и живучее безобразие» в настоящем издании.

442

Из стихотворения «Пуще чем женщина...»

443

В детстве М.Цветаева проводила лето в окрестностях городка Тарусы, на даче Песочное, где ее родители арендовали небольшую усадьбу. Там она и познакомилась с Кирилловнами (хлыстовками), народная русская речь которых впоследствии нашла отражение в поэме «Переулочки». См. очерк «Хлыстовки».

444

Райнер Мария Рильке умер 29 декабря 1926 г. М.Цветаева с ним никогда не встречалась, а была знакома заочно (см. их письма в кн. «Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке». СПб., 1992). Познакомил их Борис Пастернак, и тогда же завязалась тройная переписка. Мечте когда-нибудь увидеть Рильке не суждено было сбыться: «Борис, мы никогда не поедим к Рильке. Того города – уже нет» (из письма от 1 января 1927 г. СС. Т. 6. С. 266). Смерть великого австрийского поэта М.Цветаева переживала очень глубоко. Памяти Рильке она посвятила поэму «Новогоднее», очерк «Твоя смерть».

445

Скорее всего имеется в виду рецензия Р.Гуля на ее сборник «Версты» (1922). См. ее в настоящем издании.

446

В стихотворении «Поэма Заставы».

447

Из стихотворения «Кто-то едет – к смертной победе».

448

Из стихотворения «Что же мне делать, слепцу и пасынку...»

449

Из стихотворения «Самовластная слобода!» (из цикла «Провода»).

450

Возможно, что это было сказано в разговоре с кем-нибудь, или же Ходасевич имеет в виду рецензию В.Брюсова на сборник М.Цветаевой «Версты: Стихи. М.: Костры, 1921», где тот обмолвился: «С тех пор многое из делаемого теперь М.Цветаевой уже сделано другими».

451

См. его рецензию «Марина Цветаева. Молодец» в настоящем издании.

452

Ростопчина (урожд. Сушкова) Евдокия Петровна (1811/12–1858) – поэтесса, прозаик.

453

Из стихотворения «Хвала богатым».

454

По-видимому, речь идет о Вл. Ходасевиче.

455

См. статью М.Слонима «Марина Цветаева. После России: Стихи 1922–1925».

456

Из стихотворения «Спаси, Господи, дым!..»

457

Из стихотворения «Други! Братственный сонм!..»

458

Перефразированная библейская строка «Не желай им мира и благополучия» (23:6 – Второзаконие, Пятая книга Моисея).

459

Примеры взяты из поэмы «Молодец».

460

Из стихотворения «Так вслушиваются (в исток)...»

461

Н.Гумилев был расстрелян 25 августа 1921 г. как участник контрреволюционного заговора.

462

Журнал «Современные записки» выходил по три-четыре книги в год.

463

Имеются в виду романы Бунина «Жизнь Арсеньева» и Алданова «Ключ». 2

464

В кн. 36 публиковались начало повести Б.Зайцева «Анна», продолжение романа М.Алданова «Ключ», первая часть трагедии М.Цветаевой «Тезей».

465

Щербаков Михаил Васильевич (ок. 1890–1956), поэт, прозаик. Речь идет о его рассказе «Закон тайги».

466

Кузнецова Галина Николаевна начала публиковать стихи и прозу в парижской эмигрантской периодике с 1922 г.

467

Род своего драматического произведения «Опрометчивый турка, или: Приятно ли быть внуком?» Козьма Прутков определил как «Естественно-разговорное представление». По замечанию Вл. Соловьева, оно явилось «образцом еще не существовавшего в то время рода драматических произведений» (Соловьев Вл. Прутков // Энциклопедический словарь Брокгауз – Ефрон. 1898. Т. 50. С. 633–634).

468

См. рецензию Г.Адамовича на кн. 36 «Современных записок».

469

Сюжет литературного памятника средневековья и нового времени «Тристан и Изольда» («Роман о Тристане и Изольде») был популярным сюжетом рыцарских романов. К этой легенде на протяжении многих столетий обращались разные авторы. В начале XX в. А.Блок сделал наброски драмы «Тристан», привлекала эта легенда и М.Цветаеву.

470

С символистами Цветаеву сближали В.Брюсов (см. статью «Среди стихов»), К.Зелинский (см. «Отзыв о сборнике стихов Марины Цветаевой»).

471

Имеется в виду стихотворный цикл «Деревья» (1–9). Неточно цитируется второе стихотворение.

472

По-видимому, так он расценивает дневниковую прозу «Мои службы». См. его статью «Мертвая красота и живучее безобразие».

473

Расин Жан (1639–1699) – французский драматург, представитель классицизма.

- Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
- 474
Клейст Генрих фон (1777–1811) – немецкий писатель. В трагедии «Пентезилея» автор изображает страсти, не контролируемые разумом.
- 475
Корнель Пьер (1606–1684) – французский драматург, представитель классицизма. Начинал как поэт.
- 476
Стихотворение «Крым» отсутствует в «После России». Было впервые напечатано в «Последних новостях» (1928, 8 ноября).
- 477
«Свадебка» – хореографические сцены с пением и музыкой.
- 478
Из стихотворения «Сомкнутым строем...»
- 479
Из стихотворения «С архангельской высоты седла...» (из цикла «Георгий»)
- 480
Из стихотворения «Два зарева! – нет, зеркала!..»
- 481
Из стихотворения «На заре – наимедленнейшая кровь...»
- 482
Из стихотворения «Хвала богатым».
- 483
Из стихотворения «Поэт – издалика заводит речь...» (из цикла «Поэты»).
- 484
Из стихотворения «Емче органа и звонче бубна...»
- 485
Ирманцева (наст. фамилия – Кроткова; в замужестве Франкфурт) Кристина (Христина) Павловна (1904–1965) – поэтесса, переводчица, критик.
- 486
Эдмон Жалу (1878–1949), французский писатель, критик. Имеется в виду издание: Jaloux E. Rainer Maria Rilke. – Paris: Imile–Paul, 1927.
- 487
Последняя предреволюционная выставка «Мира искусства» состоялась в Петрограде в феврале 1917 года (Марсово поле, д. 7, угол Мойки, 1, где и располагалось «Художественное бюро» Н.Е.Добychиной).
- 488
О «бессмысленности» стихов, «нагромождениях слов» у Цветаевой и т. д. писали Г.Иванов (см. с. 172), В.Ходасевич (с. 145), Н.Берберова (с. 118), Г.Адамович (с. 183) и др.

489

Из стихотворения «Моим стихам, написанным так рано...»

490

Из стихотворения «Идешь – на меня похожий...»

491

Из стихотворения «Други! Братственный сонм...»

492

Из стихотворения «Душа».

493

Из очерка «Герой труда» (Т. 4. С. 55).

494

По-видимому, речь идет о Г.Адамовиче.

495

Строкой «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» начинается Евангелие от Иоанна.

496

Из «Поэмы Горы».

497

Из стихотворения «Что же мне делать, слепцу и пасынку...»

498

Имеются в виду работы советского критика Полонского (Гусина) Вячеслава Павловича (1886–1932), проповедовавшего реализм, но реализм «романтический». Был резким оппонентом Маяковского.

499

Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968) – поэт, драматург, прозаик. Его роман «Пушторг», опубликованный в 1929 г., явился первым советским романом в стихах.

500

Ларионов Михаил Федорович (1881–1964) и Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) оформили не одну книжку футуристов. Представители русского авангарда.

501

Бурлюк Давид Давидович (1882–1967) – поэт, живописец, график, театральный художник, литературный и художественный критик, публицист, мемуарист. Отец русского футуризма. Подобные рисунки лошадей были помещены им в футуристическом сборнике «Садок судей II».

В 1918–1919 годах Бурлюк предпринял «сибирское турне» – он побывал в Кургане, Петропавловске и Омске. В последнем городе его пребывание было наиболее длительным. Читая лекции, проводя дискуссионные вечера о современном искусстве, часто устраивая выставки, он оказал большое влияние на омичей, а особенно на молодежь, которая начала интересоваться современными течениями в искусстве.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

502

Неточное цитирование стихотворения «Литературная – не в ней...» (цикл «Маяковскому»).

503

Неточное цитирование стихотворения «И полушки не поставишь...»

504

Полной противоположностью взглядам А.Несмелова и В.Логинова (см. его отзыв на с. 397) о стихах Цветаевой «Маяковскому» явился отклик харбинского критика О.Штерна. Описывая вечер литературного объединения «Молодая Чураевка», состоявшийся в апреле 1932 г. и посвященный второй годовщине гибели Маяковского, о тех же стихах Цветаевой он отметил: «Даже бесспорно умная и уже, конечно, талантливая М.Цветаева написала на смерть его прямо-таки изумительно бездарную поэму, внутреннего убожества и неискренности которой не может скрыть даже самая напряженная нарочитость этого произведения. Два отрывка из этой поэмы о сапогах Маяковского и о посмертной встрече его в раю с Есениным были прочитаны Н.Щеголевым (харбинский поэт. – Сост.) и оставили странное ощущение: недоумения, скуки и неловкости» (Рупор. Харбин, 1932. 24 апр.).

505

М.Адрианов «Стихи Н.Асеева» (Рец. на: Асеев Н. Избранные стихи. М.: Госиздат, 1930 // Воля России, 1930, XI–XII. С. 1054).

506

Вечер в Коммерческом собрании в Харбине, посвященный Маяковскому, прошел в марте 1931 г.

507

Имеется в виду цикл из 7 стихотворений «Маяковскому».

508

Из стихотворения Н.А. Некрасова «В больнице».

509

В статье цитируется стихотворение «Советским вельможей...»

510

Позднее стихотворение получило название «Разговор с Гением».

511

Вечер состоялся 30 мая в зале Эвритмии. Годом раньше вечер Цветаевой прошел в Объединении «Кочевье» 10 апреля 1930 г.

512

Г.Адамович вспоминает слова Ахматовой, сказанные ею после одного из собраний «Цеха поэтов» (Воздушные пути. Вып. 5. Нью-Йорк. 1967. С. 104).

513

Свой очерк о Манделъштаме «История одного посвящения» Цветаева написала в ответ на появившиеся мемуары Г.Иванова «Китайские тени» (Последние новости. 1930. 22 февраля), который включил в них вымышленные подробности из жизни Манделъштама в Коктебеле. При жизни Цветаевой ее воспоминания о поэте напечатаны не были. Они увидели свет лишь в 1964 г. в ж. «Oxford Slavonic Papers».

514

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Ср. с дневниковой записью, сделанной сразу после вечера Цветаевой, другого его очевидца, поэтессы и журналистки Христины Кротковой: «Только что с вечера Марины Цветаевой... С изрядным опозданием на деревянной сцене появляется она – в ярко-красном вечернем платье, декольте. Держит себя очень непосредственно, но почти не бестактно. Звонкий, не низкий голос, которым она прекрасно владеет. Вероятно, из нее вышла бы неплохая актриса. Она из тех женщин, что любят себя, умеют собой наслаждаться. Она никогда не скажет истины, потому что истина – общее место, одинаковое для всех. Но по-своему она всегда права, парадоксально права. Тем, что она сама себя так любит, она умело подчеркивает, что в ней и другим можно любить. О Мандельштаме было не очень много. Главное было доказать, что он ее любил. Очень остроумно, талант бьет ключом и не угасает...» (Минувшее: Исторический альманах. 21. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С.386).

515

Имеется в виду очерк «Твоя смерть».

516

Речь идет о стихотворении Н.Оцупа «Измученный, счастливый и худой...»

517

В журнале опубликованы два стихотворения «Я люблю эти снежные горы...» и «Обледенелые миры...»

518

Ладинский Антонин Петрович (1896–1961) – поэт, прозаик, журналист.

519

Поплавский Борис Юлианович (1903–1935) – поэт, прозаик.

520

Раевский (наст. фамилия – Оцуп) Георгий Авдеевич; 1897–1963) – поэт. Брат Н.Оцупа. Имеется в виду его стихотворение «Открылась дверь. Широкой полосой...»

521

Голенищев–Кутузов Илья Николаевич (1904–1969) – поэт, критик.

522

Из стихотворения «Роландов рог».

523

В этой статье Цветаева неточно приводит строки из стихотворений «Она сидела на полу...» Тютчева и «Искусство поэзии» Верлена.

524

Смоленский Владимир Алексеевич (1901–1961). В довоенные годы был близок к Ходасевичу.

525

Статья публиковалась в № 50–51 (1932, 1933).

526

Опубликованы стихотворения «Сквозная сеть» и «Я люблю тебя» К.Бальмонта, «Стихи о Европе» А.Ладинского, «Стихи о моем столе» В.Пиотровского, «Проклясть глухой и темный мир...» и «Моему отцу» В.Смоленского.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

527

Корвин-Пиотровский Владимир Львович (до 1945 года печатался под фамилией Пиотровский) (1891–1966) – поэт, драматург.

528

«Журнал содружества». 1933. № 5. С. 14–19.

529

Из стихотворений Б.Поплавского «В Духов день», «Дух музыки».

530

Из стихотворения «Звездный ад».

531

Из стихотворений «Сентиментальная демонология», «Серафита II».

532

Из стихотворений «Homage a Pablo Picasso», «Черная Мадонна».

533

Из стихотворения «Последний парад».

534

Из стихотворения Пушкина «Поэту».

535

Их стихотворения «Когда же, Господин...»

536

Из стихотворений «Ла – донь, ладонь...» и «Проводами продленная даль...»

537

Из стихотворений «Когда же, Господин...» (цитирование неточное), «Лютая юдоль...», «Монистом, расколотым...»

538

Из стихотворения «С другими – в розовые груди...»

539

Из стихотворения «В мире, где всяк» (цикл «Двое»).

540

Из стихотворения «Поэма заставы».

541

Из стихотворений «Дабы ты меня не видел...», «Леты слепотекущий всхлип...», «Брожу – не дом же плотничать...», «Эмигрант».

542

Из стихотворения «Здравствуй! Не стрела, не камень...»

543

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Из посвящения А.Фета «На книжке стихотворений Тютчева», написанному по случаю выхода сборника стихов Ф.Тютчева (1883).

544

См. «Отклики прежней Москвы» (Современные записки. 1933. № 16) и «Арбат» (Современные записки. 1923. № 17) А.Белого.

545

Замысел Ю.Иваска написать книгу не осуществился.

546

Из стихотворения «По загарам – топор и плуг...»

547

Цитата из Библии (Исайя, 40:3).

548

Шишков Александр Семенович (1754–1841) – писатель, адмирал. Возглавлял литературное общество «Беседа любителей русского слова», был поборником высокого гражданского стиля.

549

Имеется в виду письмо к Ю.Иваску от 4 апреля 1933 г. Цветаева писала: «Блистательное определение писательского слога (и словаря) Шишковым. Эти строки я ощущаю эпиграфом к своему языку».

550

Из стихотворения «Есть некий час – как сброшенная клажа...»

551

Из стихотворения «Ищи себе доверчивых подруг...»

552

Из стихотворений «Ах, с откровенного отвеса...», «С архангельской высоты седла...»

553

Из стихотворения «Седой – не увидишь...»

554

Имеется в виду поэма «Новогоднее», где есть такие строки: «Не ошиблась, Райнер, Бог – растущий // Баобаб? Не Золотой Людовик – // Не один ведь Бог? Над ним другой ведь // Бог?»

555

Ответ на вопрос «Что вы думаете о своем творчестве?» был опубликован в № 5 за 1931 г. Неточное цитирование стихотворения «Моим стихам, написанным так рано...»

556

Иного мнения придерживался Г.Адамович, поместивший в «Последних новостях» рецензию на 55 книгу «Современных записок» (1934. № 4809, 24 мая. С. 2), в которой отмечал: «Марина Цветаева, однако, ограничилась только впечатлениями от встреч с Белым, переплетенными с тем, что можно было бы назвать „впечатлениями от самой себя“, а от попытки понять его отказалась».

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
557

Ничевоки – литературная группа, возникшая в Москве в 1920 г. под руководством члена президиума Союза поэтов Рюрика Рока. Они исходили из теории и практики русского футуризма, подражая и полемизируя с его поэтикой и его эпатажем.

558

См.: Гершельман К. «О современной поэзии». Новь. Таллинн. 1934. № 6. С. 50–56.

559

В своей книге «Мастерство Гоголя: Исследования» (М.: Огиз Госиздат, 1934) Андрей Белый писал: «...у Гоголя „плюс“ достигается умножением того, что кажется минусом формы, на то, что кажется минусом содержания; и это потому, что форма и содержание даны у Гоголя в диалектике, меняющей плюсы на минусы...» (С. 6).

560

Из стихотворения Г. Иванова «Глядя на огонь или дремля...» Речь идет о книжке № 55 за 1934 год.

561

Неточное цитирование стихотворения «Роландов рог».

562

Штейгер Анатолий Сергеевич (1907–1944) – поэт, прозаик, публицист, мемуарист.

563

Червинская Лидия Давыдовна (1907–1988) – поэт, прозаик, литературный критик.

564

Из стихотворения Блока «Не спят, не помнят, не торгуют...»

565

Из очерка «Мать и музыка».

566

См. статью «SOS Ремизова» в № 62 ж. «Наш союз» за 1935 г.

567

Имеется в виду рассказ «На каторге» (Последние новости. 1935. № 5043. 13 янв.)

568

Из стихотворения «Напрасно глазом – как гвоздем...»

569

См., например, статью Д.Святополк-Мирского «Поэты и Россия» (Версты. 1926. № 1. С. 143–146), очерк Ю.Иваска «Цветаева», помещенный в настоящем издании.

570

Шаховская Зинаида Алексеевна (род. 1906) – поэт, прозаик, переводчица, журналист, мемуаристка, литературный критик. Адресат писем Цветаевой, автор воспоминаний о ней. Недолгое время находилась под влиянием ее поэзии: «В юности настолько я была взволнована, поражена стихами Цветаевой, что даже, в Брюсселе, пыталась писать под нее...» (Шаховская З. Отражения. Paris: YMCA-Press, 1975. С. 162).

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

571

Блох Раиса Ноевна (1899–1943?) – поэт, переводчица.

572

Прегель София Юльевна (1894–1972) – поэт, прозаик, переводчица, общественный деятель.

573

Из стихотворений «Попытка ревности» и «Разговор с Гением».

574

Из стихотворения «О, его не привяжете...» (из цикла «Бог»).

575

Из трагедии А.Пушкина «Моцарт и Сальери».

576

Из стихотворения «Помни закон...»

577

Имеется в виду рецензия Адамовича на ж. «Круг» (1936. № 1), в котором были опубликованы стихи Лидии Червинской (Последние новости. 1936. 9 июля. С. 3).

578

Терапиано Юрий Константинович (1892–1980) – поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуарист.

579

Головина Алла Сергеевна (1909–1987) – поэт, прозаик.

580

Кельберин Лазарь Израилевич (1907–1975) – поэт, литературный критик.

581

Ставров Перикл Ставрович (1895–1955) – поэт, прозаик, переводчик, мемуарист.

582

Присманова Анна Семеновна (1892–1960) – поэт, прозаик.

583

Из стихотворения М.Кузмина «Надпись на книге».

584

См. очерк «Жених». Речь идет об Анатолии Корнелиевиче Виноградове (1888–1946) – авторе художественных биографий.

585

В письме к Кузмину, написанному в тетрадь, М.Цветаева отмечала, что рассказывала о Кузмине всем, кто спрашивал: «А Вы знакомы с Кузминым?» И однажды состоялся такой диалог:

«–...рассказывать собственно нечего, мы с ним трех слов не сказали. Скорее как видение...»

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Он очень намазан?

На-мазан?

Ну, да: намазан: накрашен...

Да не-ет!

Уверяю Вас...

Не уверяйте, п.ч. это не он. Вам какого-нибудь другого показали.

Уверяю Вас, что я его видел в Москве, на –

в Москве? Так это он для Москвы, он думает, что в Москве так надо – в лад домам и куполам, а в Петербурге он совершенно природный: мулат или мавр» (см.: Цветаева М. Неизданное: Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997. С. 32–33).

586

В очерке «Нездешний вечер» речь идет о сыновьях инженера Иоакима Самуиловича Каннегисера (Канегиссера) (1860–1930) – Леониде и Сергее.

587

Старший сын Пушкина Александр (1833–1914).

588

Двумя неделями раньше, 18 февраля, Цветаева выступила со своими переводами Пушкина на вечере, организованном негритянским населением Парижа. Марк Слоним, присутствовавший на вечере, писал спустя три дня: «Последней выступала Марина Цветаева, прочитавшая „К няне“, „Для берегов отчизны дальней...“, „Пророк“, „Прощай, свободная стихия...“ в собственных французских переводах. Эти переводы, интересные опытом тонифицирования французского силлабического стиха и исключительно близкие к подлиннику, вызвали единодушные аплодисменты всего зала» (Последние новости. 1937. 21 февр. С. 4).

О французских переводах Цветаевой оставил интересное свидетельство Дмитрий Сеземан (р. 1922), живший в 1939 г. в одном доме с ее семьей в Болшево: «В то время Марина Ивановна много переводила, в особенности кавказских и других восточных поэтов. Работу эту она выполняла добросовестно и тщательно, но относилась к ней как к необходимости. Я не помню случая, чтобы она, в болшевские вечера, читала отрывки из этих переводов. Зато к своим переводам Пушкина на французский язык, сделанным еще в Париже, она возвращалась охотно и читала нам их с удовольствием.

Пушкин всегда был для Марины Ивановны духовной родиной, и теперь, вернувшись в Россию, где ждала ее гибель, она у него искала поддержки. Можно спорить об этих переводах, в которых, по моему скромному мнению, Марина Ивановна слишком настойчиво навязывала французскому стиху русскую тоническую метрику. Ясно, однако, что во французской пушкиниане переводы Цветаевой занимают первостепенное место» (Вестник русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва, 1979. № 128. С. 178–179).

589

Имеется в виду стихотворение В. Смоленского «Так в безрадостной страсти сгорает холодное сердце...»

590

В письме к П.В.Нащокину от 3 сентября 1831 года Пушкин отмечал: «...царь (между нами) взял меня в службу, то есть дал мне жалования, и позволил рыться в архивах для составления „Истории Петра I“. Дай Бог здоровья царю!» (Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Москва: Правда, 1981. С. 44).

591

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Из стихотворения А.С.Пушкина «Герой».

592

Реплика Чацкого из комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» (действие 4, явление 4).

593

Настоящая фамилия Елизаветы Ивановны – Дмитриева, в замужестве – Васильева.

594

В этом номере была опубликована только первая часть «Повести» – «Павлик и Юра». Вторая, «Володя», увидела свет впервые в издании: Цветаева М. Неизданное. Париж: УМСА-Press, 1976.

595

Слова Наполеона I.

596

Д'Аннунцио Габриэле (1863–1938) – итальянский писатель, политический деятель. 2

597

В письме П.А.Вяземскому от 28 января 1825 года Пушкин писал: «Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен» (Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Москва: Правда, 1981. С. 163).

598

Лукомский Георгий Крескентьевич (1870–1960?) – художник, историк искусства.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – русский художник, историк искусств, художественный критик.

599

Из стихотворения «Могла бы – взяла бы...»

600

Из стихотворения «Я счастлива жить образцово и просто...»

601

Имеется в виду стихотворение «Но тесна вдвоем...»

602

Из стихотворения «Каким наитием...»

603

Из стихотворения «Прокрасться».

604

Из стихотворения «Перерытые – как битвой...»

605

Из стихотворения «С другими – в розовые груди...» (стр. 88); по выражению Горького – ср. со строками Цветаевой «Выписаться из широт» (стихотворение «Прокрасться») и «Из истории не выскочишь» (статья «Поэт и время»).

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
606
Правильно – «Сивилла».

607
Из стихотворения «Самовластная слобода!..»

608
Из стихотворения «Ищи себе доверчивых подруг...»

609
Из стихотворения «Вкрадчивостию волос...»

610
Из стихотворения «Так, в скудном труженичестве дней...»

611
Из его стихотворения «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы».

612
Из стихотворения «Леты слепотекущий всхлип...»

613
Из стихотворения «Так, в скудном труженичестве дней...»

614
Из стихотворения «Та, что без видения спала...»

615
Из стихотворения Б.Пастернака «Не волнуйся, не плачь, не труди...»

616
По-видимому, имеется в виду тот факт, что статьи и корреспонденции, которые Стендаль писал для английской печати, были обнаружены ровно сто лет спустя.

617
Неточное цитирование стихотворения А.Блока «Все это было, было, было...»

618
Из стихотворения М.Лермонтова «Раскаянье».

619
Из стихотворения «Пригвождена к позорному столбу...»

620
Из поэмы В.Маяковского «Во весь голос».

Комментарии

1

М.Волошин

Женская поэзия

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Утро России (Москва). 1910. № 323, 11 декабря. С. 6.

Волошин (настоящая фамилия Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877–1932) – поэт, критик, переводчик, художник.

Литературную деятельность начал довольно рано: в 1897 г. печатает библиографические заметки в ж. «Русская мысль» (Москва), позже принимает участие в ж. «Весы», «Перевал» и «Золотое руно». С 1909 г. становится постоянным критиком ж. «Аполлон».

С М.И.Цветаевой Волошин познакомился на одном из символистских собраний, проводимых издательством «Мусагет», 1 декабря 1910 г. Тогда она подарила ему свой только что вышедший стихотворный сборник «Вечерний альбом». Через 10 дней в «Утре России» Волошин опубликовал на него рецензию, которая стала самым первым откликом, полученным начинающим поэтом. Вскоре в печати появилось еще несколько одобрительных отзывов; их дали Н.Гумилев и М.Шагинян, но никому не удалось почувствовать так, как М.Волошину, суть и вес этой первой книги и угадать в этой совсем еще девочке огромный талант.

Встречи двух поэтов продолжались до 1917 г. включительно, эпистолярное общение – до 1923 г.: см. письма Цветаевой к нему. – СС.

Т. 6. С. 39–80.

М.А.Волошину посвящен очерк М.Цветаевой «Живое о живом», стихи «Жар-птица», «Кошки», стихотворный цикл «Ісі – Haut».

В письме от 5 января 1911 года Л.А.Тамбурер, друг семьи И.В.Цветаева, писала М.А.Волошину по поводу этого отзыва: «В Вашей рецензии о книге Марины Цветаевой я нашла столько чуткого внимания, редкого у мужчин, что позволяю себе сказать Вам несколько слов. Вы написали то, что мог написать только человек, близко знающий и любящий автора. Примите мою сердечную (и удивленную!) признательность!» (Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. М.: Эллис Лак, 1999. С. 85).

2

В.Брюсов

Новые сборники стихов

Отрывок

Русская мысль (Москва). 1911. № 2. С. 227, 233; см. также в его кн.: Далекие и близкие. М.: Скорпион, 1912. С. 188, 192, 197, 198.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик. Принадлежал к символистам.

Брюсов написал множество статей, рецензий, корреспонденций и заметок разнообразного содержания. Их насчитывается более 600.

Первые критические статьи начал печатать в 1898 г. в ж. «Русский Архив». С 1904 по 1909 г. стоял во главе ж. «Весы», в котором выходили его критические и литературоведческие статьи, рецензии на сбор-

ники как русских, так и зарубежных писателей и поэтов.

В ж. «Русская мысль» он возглавлял литературный отдел. До революции в разные годы Брюсов плодотворно работал во многих периодических органах: в ж. «Аполлон», «Мир искусства», «Летопись», газ. «Русский вестник», «Утро России» и др. В 20-е гг. он принимал участие в ж. «Печать и революция» и альманахе «Художественное слово».

В.Я.Брюсову посвящен очерк М.Цветаевой «Герой труда» (1925).

На этот несколько поверхностный и пренебрежительный отзыв М.Цветаева откликнулась стихотворением «В.Я.Брюсову» («Улыбнись в мое „окно“...»), которое поместила в свой следующий сборник «Волшебный фонарь». В нем она обыграла

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru неприятно поразившую ее фразу: «Мы будем также ждать, что поэт найдет в своей душе чувства более острые... и мысли более нужные...»

3

Н.Гумилев

Письма о русской поэзии

Отрывки

Аполлон (Петербург). 1911. № 5. С. 78.

Гумилев Николай Степанович (1886–1921) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик.

В 1909–1917 гг. в ж. «Аполлон» он выступал рецензентом многих приходивших в редакцию сборников, параллельно вел постоянную рубрику «Письма о русской поэзии». Позже все эти заметки составили книгу с одноименным названием (Письма о русской поэзии. Пг.: Мысль, 1923).

4

М.Шагинян

Литературный дневник

М.Цветаева

Приазовский край (Ростов–на–Дону). 1911. № 259. 3 октября. С. 2.

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982) – русская советская писательница, поэтесса, литературовед, критик, переводчица.

В начале своей деятельности работала журналистом. Первые корреспонденции опубликовала в 1906 г. в московских ж. «Ремесленный голос» и газ. «Трудовая речь». После их закрытия перешла в газету «Приазовский край» (Ростов–на–Дону), в которой сотрудничала с 1906 по 1919 гг., печаталась в центральных и периферийных изданиях. В своих публикациях она поднимала вопросы литературной и театральной жизни, освещала философские, политические и социальные проблемы.

Знакомство с М.Цветаевой было кратковременным (конец 1939 – начало 1940 г., Голицыно).

Письма Цветаевой к Шагинян см.: СС. Т. 7. С. 679–681.

5

Б.Лавренев

Рец.: Марина Цветаева.

Волшебный фонарь: Вторая книга стихов. М., 1912

Жатва (Москва). 1912. № 5. С. 254–285.

Рецензия опубликована под псевдонимом Б.Сергеев

Лавренев Борис Андреевич (1891–1959) – русский советский писатель, драматург, публицист.

Первые рецензии опубликовал в херсонской газете «Родной край» (1911 г.) и московском альманахе «Жатва» (1912–1913 гг.). Затем в его публицистической деятельности наступает перерыв, и возобновляется она уже в начале 20-х гг. в ташкентских газетах и журналах.

6

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
М.Цетлин

Заметки любителя стихов. О самых молодых поэтах

Отрывок

Заветы (Петербург). 1912. № 1. С. 94, 96–97.

Цетлин Михаил Осипович (1882–1945) – писатель, поэт, критик.

Как литературный критик выступал в российской периодике – «Заветы», «Черниговский край», «Вольный Урал», а уехав за границу – в «Голосе России» и «Последних новостях». С 1920 г. по 1939 г. он стал постоянным рецензентом ж. «Современные записки» и заведовал отделом стихов. В 1923 г. предпринял издание ж. «Окно» (трехмесячник литературы), который вышел тремя выпусками и был закрыт, чтобы не создавать конкуренции «Современным запискам». В 1942 г. вместе с М.Алдановым он основал в Нью-Йорке литературно-художественный «Новый журнал», фактическим редактором которого являлся до 1945 г.

С М.О.Цетлиным и его женой Марией Самойловной Цветаева лично познакомилась в годы революции в Москве, когда бывала на устраиваемых ими литературных вечерах. В 1918 г. Цетлин включил пять ее стихотворений в альманах «Весенний салон поэтов», выпущенный его издательством «Зерна». Их дружба прервалась в конце 1925 г., когда Цетлины отказали Цветаевой в помещении для первого поэтического вечера в Париже.

7

Аноним

Бархатный томик

Московская газета. 1912. № 180. 19 марта. С. 4.

8

Б.Ивинский

Рец.: Марина Цветаева. Волшебный фонарь: Вторая книга стихов.

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1912

Раннее утро (Москва). 1912. № 70. 24 марта. С. 5.

Статья опубликована под псевдонимом Икар.

Ивинский Борис Иванович – был корреспондентом газет «Утро» и «Раннее утро».

9

П.Перцов

Рец.: Марина Цветаева.

Волшебный фонарь: Вторая книга стихов. М., 1912

Голос Москвы. 1912. № 70, 24 марта. С. 5; см. также: Бюллетени литературы и жизни. М., 1912. № 14–15. С.80.

Перцов Петр Петрович (1868–1947) – поэт, писатель, критик, публицист.

С первыми корреспонденциями выступил в 1890 г. в газетах «Новости» и «Неделя». В 1892–1893 гг. сотрудничал в ж. «Русское богатство», в 1895–1896 гг. – в рубрике «Книжки недели» газеты «Новое время», где помещал критические статьи и отзывы на книги. В 1910–е гг. печатался в газете «Голос Москвы».

На интимный женский характер стихов М.Цветаевой указывали разные критики в течение многих лет. Так, в 1912 г. об этом писал М.Кузмин в предисловии к книге

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ахматова А. «Вечер» (СПб., 1912.

С. 9–10), в 1913 г. И.Эренбург в «Заметках о русской поэзии» (Гелиос. Париж. 1913. № 1. С. 16), а в 1916 г. Л.Рындина в статье «Поэзия современности и женщина-поэтесса» (Женская жизнь. № 3. С. 17) отметила: «Только об интимном говорит лира Марины Цветаевой – ее душа всего больше живет у себя дома – среди родных на милом Арбате».

10

С.Городецкий

Женское рукоделие

Отрывки

Речь (Москва). 1912. № 117. 30 апреля (13 мая). С. 3.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) – поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик.

В 1900–х гг. его литературно-критические статьи и рецензии выходили в ж. «Золотое руно», «Аполлон», «Перевал». В 1912 и 1913 гг. вместе с Н.Гумилевым выпускал ежемесячник стихов и критики «Гиперборей», где помещал отзывы на поэтические сборники. В начале 20–х гг. возвратился в Москву, где работал в газете «Известия», редактировал ж. «Искусство трудящихся». Его рецензии появлялись в зарубежных газетах «Звено», «Дни», «Сегодня», «Последние новости».

11

Н. Гумилев

Письма о русской поэзии

Рец.: Марина Цветаева.

Волшебный фонарь: Вторая книга стихов.

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1912

Отрывок

Аполлон (Петербург). 1912. № 5. С. 50.

По поводу этого и предыдущего откликов М.Цветаева писала В.Я.Эфрон 11 июля 1912 года: «Прочла рецензию в Аполлоне о моем втором сборнике. Интересно, что меня ругали пока только Городецкий и Гумилев, оба участника какого-то цеха. Будь я в цехе, они бы не ругались, но в цехе я не буду» (Цветаева М. Неизданное. Семья: история в письмах. М.: Эллис Лак, 1999. С. 140).

12

В.Брюсов

Сегодняшний день русской поэзии

Отрывок

Русская мысль (Москва). 1912. № 7. С. 24–25.

На эту пренебрежительную рецензию В.Брюсова М.Цветаева вновь откликается стихотворением «В.Я.Брюсову» («Я забыла, что сердце в вас – только ночник...»), которое помещает в свой следующий сборник «Из двух книг» (1913), где упрекает критика в зависти. Вероятно, именно этот упрек привел В.Брюсова к мысли незамедлительно ответить на подобные обвинения (а они появлялись в печати довольно часто) и объяснить свое значение открывателя и руководителя молодых талантов. Его ответ имел форму краткой заметки и предназначался для неосуществившегося сборника «Miscellanea». В начале заметки поэт цитировал

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru задевшие его стихотворные строчки М.Цветаевой: «Жестоко упрекали меня как критика, находя, что я слишком беспощадно отношусь к стихам молодых поэтов; видели в этом даже зависть. Одна поэтесса так и написала, что вся моя поэзия создана из книг да из зависти критика...»

13

С.Логунов

Обзор книг и журналов

Отрывок

Светлый луч (С.-Петербург). 1913. № 3. С. 5, 7.

Логунов Самсон Рувимович – сотрудник петербургского ж. «Заветы».

14

И.Ларский

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг.

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1913

Московские вести. 1913. № 86. 13 апреля. С. 3.

Рецензия опубликована за инициалами И.Л.

Ларский И. – критик, публицист.

В петербургском ж. «Мир Божий» писал корреспонденции для рубрики «По России» (1906). С конца 900-х до начала 1920-х гг. сотрудничал в отделе «Вопросы текущей жизни» в ж. «Современный мир».

15

П.Перцов

Интимная поэзия

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг.

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1913

Новое время (С.-Петербург). 1913. № 13327. 20 апреля (3 мая).

С. 9–10.

16

З.Бухарова-Казина

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг.

М.: Книгоиздательство «Оле-Лукойе», 1913

Россия (Москва). 1913. № 2279. 20 апреля (3 мая). С. 4.

Бухарова (в замужестве – Казина) Зоя Дмитриевна (1876–1923) – поэтесса, театральный критик.

С 1903 г. постоянно печаталась в журнале «Театр и искусство», сотрудничала в «Записках Передвижного театра». Позже работала в библиографическом отделе газ. «Россия».

17

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Н.Ашукин

Современные женщины-поэты (А.Ахматова, М.Цветаева,
Е.Кузьмина-Караваева, Л.Столица, М.Шагинян)

Отрывок

Мир женщины (Москва). 1913. № 19. С. 6.

Статья опубликована под псевдонимом Новинский Н.

Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972) – поэт, критик, историк литературы.

В 900-х гг. выступал с небольшими рецензиями в ж. «Путь», «Русская мысль», «Новый журнал для всех» и др. После 1917 г. занимался главным образом историей русской литературы.

Появление женской поэзии, ее благотворное влияние на литературу в целом отмечали многие. О том, что «темы, являвшиеся до сих пор почти недоступными», удалось раскрыть именно женщинам, «подлинным поэтам... подлинным художникам», написали И.Эренбург (Новые поэтессы // Гелиос. 1913. № 2. С. 45–46) и Ольга Огинская (О поэзии Анны Ахматовой // Женское дело. 1914. № 10. С. 13–14).

18

В.Нарбут

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг. М., 1913;

Мариэтта Шагинян. *Orientalia*. М., 1913

Вестник Европы (С.-Петербург). 1913. № 8. С. 355–356.

Нарбут Владимир Иванович (1888–1944) – поэт, прозаик, журналист.

В 1911 г. состоял членом редакции еженедельного иллюстрированного журнала литературы, искусства, науки и студенческой жизни – «Gaudeamus». В 1913 г. он работал редактором-издателем либерального «Нового журнала для всех». В 1918 г. стал во главе воронежского ж. «Сирена».

19

Аноним

Из архива издательства «Огни»

Рец.: Марина Цветаева. Из двух книг

Публикуется по копии из архива Л.А.Мнухина.

Акционерное издательское общество «Огни» было основано в Петербурге в 1909 г. и просуществовало до 1923 г. Выпускало художественную, детскую, мемуарную, историческую и др. литературу. Архивные материалы издательства хранятся в Пушкинском Доме в С.-Петербурге.

20

Н.Львова

Холод утра (несколько слов о женском творчестве)

Отрывки

Жатва (Москва). 1914. кн. 5. С. 249–250, 252–255.

Львова Надежда Григорьевна (1891–1913) – поэтесса.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Свои поэтические установки она обосновала в данной статье, подчеркивая важную, непреходящую роль женского начала в современной лирике.

М.Цветаева познакомилась с ней на вечере Общества свободной эстетики, о чем позже вспоминала в очерке «Герой труда».

21

В.Ходасевич

Русская поэзия. Обзор

Отрывок

Альциона: Альманах издательства «Альциона». Москва, 1914. кн. 1. С. 209.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) – поэт, критик русского зарубежья, мемуарист.

Начиная с середины 1910-х гг., он помещал литературно-критические статьи и рецензии в ж. «Русская мысль», «Аполлон», «Вестник литературы», газетах «Утро России», «Русские ведомости», «Понедельник власти народа». В 20–30-е гг., живя за границей, рецензии и статьи публиковал практически во всех крупных эмигрантских периодических изданиях. Вел отдел критики в газ. «Возрождение».

Личное сближение двух ведущих поэтов русского зарубежья, Цветаевой и Ходасевича, относится к концу 1920-х – началу 30-х годов. Этому периоду предшествовало многолетнее взаимное непонимание и даже неприятие, сопровождавшееся отдельными выпадами против друг друга как в печати, так и в письмах. Подробнее историю их отношений см. во вступ. статье С.Карлинского к его публикации переписки поэтов (Новый журнал. 1967. № 89. С. 102–109).

Письма М.Цветаевой к нему см.: СС. Т. 7. С. 463–467.

22

М.Шагинян

Женская поэзия

Отрывки

Приазовский край (Ростов–на–Дону). 1914. № 116. 4 мая. С. 4

23

С.Дмитриев

Вечер современных поэтесс

Отрывки

Женская жизнь (Москва). 1916. № 2. 22 января. С. 19–20; см. также Рампа и жизнь. 1916. № 3. С. 10; Рампа и жизнь. 1918. № 5. С. 9.

Дмитриев Сергей Иванович – драматург.

24

И.Оксенов

Отклики поэтов

Рец.: Тринадцать поэтов. Пг., 1917

Отрывки

Знамя труда (Петроград). 1918. № 151. 8 марта (23 февраля). С. 4.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Оксенов Иннокентий Александрович (1897–1942) – поэт, критик.

В 20-е гг. его критические статьи и отзывы публиковались в ж. «Печать и революция», «Звезда», «Новый мир», «Книга и революция», в «Красной газете».

25

И.Эренбург

четыре [поэтессы]

Отрывки

Новости дня (Москва). 1918. № 16. 13 апреля (31 марта). С. 4.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) – поэт, прозаик, драматург, мемуарист, публицист, переводчик, общественный деятель.

Во время Первой мировой войны он становится корреспондентом сначала московской газеты «Утро России», а затем петроградской «Биржевые ведомости». Живя в 1922 г. в Берлине, он являлся соредактором ж. «Вещь», редактором антологии «Поэзия революционной Москвы». Сотрудничал в ж. «Новая русская книга», газ. «Накануне» и др. В 1932–40 гг. был парижским корреспондентом московской газ. «Известия».

Знакомство М.Цветаевой с И.Эренбургом состоялось в 1917 г. На короткое время между ними установились дружеские отношения.

К нему обращен ее стихотворный цикл «Сугробы». В своей книге «Люди, годы, жизнь» Эренбург оставил прекрасные страницы воспоминаний о Цветаевой.

Ее письма к нему см.: СС. Т. 6. С. 211–216.

В данной заметке Эренбург дает краткие характеристики поэтесс: В.Инбер, В.Меркурьевой, Н.Крандиевской и М.Цветаевой. (Нами помещены отрывки, связанные с М.Цветаевой. – Сост.)

26

К.Бальмонт

Марина Цветаева

Современные записки (Париж). 1921. № 7. С. 92.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – поэт, прозаик, переводчик, критик, эссеист.

Первое выступление в печати состоялось в 1885 г. в ж. «Живописное обозрение». Был ведущим сотрудником ж. «Весы» и «Золотое руно». В эмиграции – с 1920 года. Там он сотрудничал во многих периодических изданиях, в том числе ж. «Воля России», «Годы», «Своими путями», «Современные записки», «Перезвоны» и др.; газ. «Звено», «Возрождение», «Последние новости», «Россия и славянство», «Дни», «Руль», «Сегодня», «За свободу» и др.

М.Цветаева познакомилась с поэтом в 1917 г., и их дружба длилась до конца ее жизни. Ему посвящены два очерка: «Слово о Бальмонте» (1922) и «Бальмонту» (1925). О Цветаевой он оставил очерк «Где мой дом?».

27

Н.Павлович

Рец.: Марина Цветаева. Версты: Стихи. М.: Костры, 1921

Феникс: Сборник художественно-литературный, научный и философский. Кн. 1. М.: Костры, 1922, с. 187–188.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Статья опубликована под псевдонимом Михаил Павлов.

Павлович Надежда Александровна (1895–1980) – поэтесса, прозаик, мемуарист.

В 1922 г. критические заметки печатала в петербургском ж. «Литературные записки».

28

А.Свентицкий

Рец.: Марина Цветаева. Версты: Стихи. М.: Костры, 1921

Утренники. Кн. 2 / Под ред. Д.А.Лутохина. Пг., 1922. С. 153

Свентицкий Андрей Эдуардович – критик, публицист.

Являлся сотрудником «Журнала журналов» (1916), «Красной газеты» (1920–е).

29

Д.Святополк–Мирский

Современное состояние русской поэзии

Марина Цветаева

Новый журнал (Нью-Йорк). 1978. № 131. С. 93–94.

Святополк–Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939) – князь; критик, историк литературы, публицист, поэт, переводчик, участник евразийского движения. Писал также на английском и французском языках.

В 1920–е гг. публиковал критические статьи в ж. «Современные записки», «Воля России», «Звено», «Благонамеренный» и др. Являлся учредителем и соредактором ж. «Версты» (1926–1928), который выпускался при ближайшем участии Цветаевой, Ремизова и Шестова.

Данная статья, состоящая из отдельных главок, посвященных русским поэтам, была написана в 1921–22 гг. и предназначалась для выходившего в Софии под ред. П.Б.Струве ж. «Русская мысль». Позже статью обнаружил в архиве отца Г.П.Струве, который и опубликовал ее в «Новом журнале».

30

И.Эренбург

Марина Ивановна Цветаева

В его кн.: Портреты русских поэтов. Берлин: Аргонавты, 1922.

С. 150–152; см. также в его кн.: Портреты современных поэтов. М., Первина, 1923. С. 73–74.

31

И.Эренбург

Рец.: Марина Цветаева. Разлука: Стихи.

М.–Берлин: Геликон, 1922;

Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922

Новая русская книга (Берлин). 1922. № 2. С. 17.

32

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О.Мандельштам

Литературная Москва

Отрывок

Россия (Москва). 1922. № 2. С. 23.

Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) – поэт, прозаик.

Активно печатался в ж. «Аполлон» (стихи, статьи, рецензии),

ж. «Гиперборей». В 20-е гг. сотрудничал в ж. «Россия».

С О.Мандельштамом М.Цветаева познакомилась в 1915 г. дружескими встречами, пожалуй, их отношения назвать нельзя. Поэтическое творчество Мандельштама Цветаева ценила очень высоко, в то время как он к ее поэзии относился предвзято. Ему адресованы очерк «История одного посвящения» и ряд стихотворений, а также критический разбор «Шума времени» под названием «Мой ответ Осипу Мандельштаму». Цветаевой он посвятил стихи «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...», «Не веря воскресенья чуду...»

33

С.Бобров

Рец.: Марина Цветаева. Конец Казановы. М.: Созвездие, 1922

Печать и революция (Москва). 1922. № 2. С. 363–364.

Бобров Сергей Павлович (1889–1971) – поэт, прозаик, переводчик, критик.

Рецензия опубликована под псевдонимом Э.П.Бик.

В 1914 г. организовал издательство «Центрифуга». С.Бобров участвовал в нем в качестве поэта, критика и художника. Параллельно он активно печатался в различных футуристических изданиях. В 20-е гг. сотрудничал с ж. «Красная новь», помещал множество рецензий и критических статей в ж. «Печать и революция».

34

М.Слоним

Рец.: Марина Цветаева. Разлука: Стихи. М.–Берлин: Геликон, 1922

Воля России (Прага). 1922. № 13. 1 апреля. С. 24.

Статья опубликована за инициалами М.С.

Слоним Марк Львович (1894–1976) – общественно-политический деятель, писатель, литературовед, критик, публицист, переводчик, журналист, мемуарист, редактор.

Как критик начал печататься в ж. «Вестник Европы». В 1918 г. был редактором киевской газеты «Народное дело». В эмиграции (конец 1920 г.) обосновался в Праге, где выступил редактором ж. «Новости литературы» (1922), а также соредктором и корреспондентом ж. «Воля России» (1922–1932). В 1931 г. основал в Париже двухнедельник литературы и искусства «Новую газету».

С М.Цветаевой Слонима познакомил в 1922 г. в Берлине А.Белый. Общение продолжалось до 1939 г.

См. очерк Слонима «О Марине Цветаевой» (Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 90–145).

35

Л.Львов

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922

Новая русская жизнь (Гельсингфорс). 1922. № 86. 13 апреля. С. 4.

Статья опубликована за инициалами Л.Л.

Львов Лоллий Иванович (1888–1967) – поэт, прозаик, историк литературы, художественный критик, журналист.

36

П.Пильский

Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922

Сегодня (Рига). 1922. № 90. 23 апреля. С. 5.

Статья подписана последними буквами фамилии – ский.

Пильский Петр Моисеевич (1879–1941) – журналист, литературный и театральный критик, прозаик, публицист, мемуарист.

Широкую известность как журналист и театральный критик он получил в начале 1900-х гг. Сотрудничал в ж. «Перевал», «Журнал для всех» и др. С 1920 г. в эмиграции. В 20-е гг. сотрудничал в таллиннской газете «Последние известия», возглавлял в Риге литературный отдел газеты «Сегодня» (где вышло более двух тысяч его статей), печатался в газ. «Последние новости», ж. «Новая русская книга», «Числа», «Иллюстрированная Россия», «Современные записки» и др. В 30-е гг., продолжая печататься в газ. «Сегодня», работал в ж. «Мансарда».

37

О.Воинов

Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922

За свободу (Варшава). 1922. № 149. 6 мая. С. 2–3.

Статья опубликована за инициалами О.В.

Воинов Олег – поэт, участник варшавского литературного объединения «Таверна поэтов».

В приведенных здесь и выше рецензиях на этот сборник авторы отмечают, что М.Цветаевой удалось передать свое восторженное отношение к поэту, его «удивительно простой и ясный облик». Но были и заметки, авторы которых считали, что эти стихи проникнуты истеричностью и желанием возвести Блока в «чин Христа». См.: Соболев Ю. Пересвет: Сборник первый // Литературная газета. 1921. 15–31 дек.

С. 4; Кубиков И. Пересвет: Сборник первый // Печать и революция. 1922. № 1. С. 292–293.

38

П.Антокольский

Рец.: Марина Цветаева. Разлука: Книга стихов.

М.–Берлин: Геликон, 1922

Накануне: Литературное приложение (Берлин). 1922. № 39. 13 мая. С. 8.

Статья подписана сокращенно Ант.

Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978) – поэт, драматург, актер, литературный критик.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
М.Цветаева посвятила Антокольскому стихотворение «Дарю тебе желанное кольцо...», к нему и Ю.Завадскому обращен стихотворный цикл «Братья». Также см. о нем в очерке «Повесть о Сонечке». Прекрасные страницы воспоминаний оставлены Антокольским и о М.Цветаевой (см. в кн.: Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Рождение поэта. М.: Аграф, 2002. С. 108–114).

39

П.Потемкин

Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922

Воля России (Прага). 1922. № 19. 19 мая. С. 24.

Статья подписана сокращенно П.П.П-н.

Потемкин Петр Петрович (1886–1926) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, мемуарист.

В начале 1910-х гг. – постоянный сотрудник «Сатирикона». В эмиграции, в 1920-е гг., его литературно-критические статьи и рецензии печатались в ж. «Воля России», «Жар-птица», «Иллюстрированная Россия» и др.; в газ.: «Дни», «За свободу!», «Последние новости», «Руль», «Сегодня» и др. В 1925 г. составил и издал «Антологию чешской поэзии».

40

Андрей Белый

Поэтесса-певица

«Разлука», стихотворения Марины Цветаевой

Голос России (Берлин). 1922. № 971. 21 мая. С. 7–8.

Белый Андрей (наст. имя – Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934) – поэт, прозаик, теоретик символизма, литературный критик, литературовед, мемуарист.

В начале 900-х гг. печатался в ж. «Новый путь», «Мир искусства», постоянно сотрудничал с ж. «Весы», помещая в нем рецензии на книги и критические статьи. В 1912 г. вместе с Э.Метнером организовал издательство «Мусагет», при котором выходил ежемесячник «Труды и дни». В 1922–23 гг., будучи в эмиграции, редактировал берлинский ж. «Эпопея», печатался в ж. «Новая русская книга», газ. «Голос России».

С А.Белым М.Цветаева познакомилась в юности и несколько раз встречалась с ним сначала в Москве, а потом в Берлине, относясь к нему с необычайной теплотой и пониманием и высоко ценя его талант. Памяти Андрея Белого она посвятила очерк «Пленный дух».

41

В.Воронцовский

В Берлине птахи поют (1)

(Библиографическая заметка)

Русское эхо (Шанхай). 1922. 10 июня. С. 4.

Воронцовский Владимир Георгиевич – поэт, драматург, журналист.

Сотрудник ж. «Рампа и жизнь» (Москва). В эмиграции в 1920-е гг. жил в Китае, где работал в ж. «Новости театра», двухнедельнике «За рубежом» (Шанхай).

42

Ю.Братов

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В Берлине птахи поют (2)

Русское эхо (Шанхай). 1922 10 июня. С. 4.

Братов Юрий Георгиевич – беллетрист.

Жил в Китае, затем в США. Умер в середине 1950-х гг.

43

И.Шендриков

По поводу двух рецензий

Русское эхо (Шанхай). 1922. 10 июня. С. 4.

Шендриков Илья Николаевич (1878–1957) – присяжный поверенный, литературовед.

В Шанхае в 1920–1922 гг. издавал антибольшевистскую газету «Русское эхо». В 1949 г. переехал в США. (Сведения О.М.Бакич.)

44

Д. Гр-в

Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922

Свет (Харбин). 1922. № 910. 10 июня. С. 4

45

В.Брюсов

Рец.: Марина Цветаева. Версты: Стихи. М.: Костры, 1921

Отрывки

Печать и революция (Москва). 1922. № 6. С. 290, 293.

46

С.Богдановский

Рец.: Марина Цветаева.

Конец Казановы: Драматический этюд. М.: Созвездие, 1922

ЕРМНЕ (Москва). 1922. № 1. Июль. С. 126–129.

Богдановский Семен Давыдович – журналист.

47

Р.Гуль

Рец.: Марина Цветаева. Версты: Стихи. М.: Костры, 1921

Новая русская книга (Берлин). 1922. № 11/12. С. 13.

Гуль Роман Борисович (1896–1986) – прозаик, литературный критик, историк, мемуарист.

Работать в периодических изданиях начал с 1920 г., когда редактор берлинского ж. «Жизнь» предложил Р.Б.Гулю не только напечатать его прозу, но и войти в состав редакции. На протяжении многих лет он сотрудничал в различных эмигрантских периодических изданиях:

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ж. «Новая русская книга», «Смена веков», «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Сполохи», газ. «Накануне», «Путь», «Последние новости» и др. С 1959 г. активно печатался в «Новом журнале», который затем возглавлял сам в течение двадцати лет (1966–86).

В 80-е гг. отдельным изданием вышел его трехтомный труд «Я унес Россию: Апология эмиграции», представляющий собой своеобразную летопись культурной и общественно-политической жизни русской эмиграции Европы и Америки.

С Р. Гулем М. Цветаеву познакомил по ее просьбе в 1922 г. И. Эренбург. У них завязалась переписка, которая длилась два года. См. письма М. Цветаевой к нему: СС. Т. 6. С. 515–540.

Этот номер журнала был выслан Гулем М. Цветаевой. В ответном письме (5–6 марта 1923) она отметила: «„Новую Русскую книгу“ получила, за отзыв благодарить было бы нескромностью, – не для меня же, но не скрою, что радовалась» (СС. Т. 6. С. 523).

48

Е. Шкляр

Рец.: Марина Цветаева.

Царь-девица: Поэма-сказка. Пб. – Берлин: Эпоха, 1922

Накануне (Берлин). 1922. № 205. 9 декабря. С. 5.

Рецензия опубликована за инициалами Е.Ш. С небольшими сокращениями перепечатана в харбинской газете «Утро». 1923. № 15, 24 янв. С. 4 (Рец. подписана инициалом Н.).

Наиболее вероятно, что за инициалами Е.Ш. стоит Шкляр Евгений Львович (1894–1941) – поэт, писавший на русском и литовском языках. В 1920–1930-х гг. сотрудничал в каунасской газ. «Эхо», рижских газ. «Сегодня» и «Слово», в варшавской газ. «За свободу!». Выступал редактором рижского «Балтийского альманаха».

49

Ю. Айхенвальд

Литературные заметки

Отрывок

Руль (Берлин). 1922. № 625. 17 декабря. С. 11.

Статья опубликована под псевдонимом Каменецкий Б.

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) – литературовед, литературный и театральный критик, публицист, переводчик, мемуарист.

Будучи еще гимназистом, в 1890 г. начал печатать статьи в одесских газетах. Позже вел отдел философской библиографии в газете «Русские ведомости», являлся секретарем ж. «Вопросы философии и психологии», работал театральным обозревателем в газете «Русская мысль», многочисленные литературные заметки и рецензии публиковал в газетах «Утро России», «Речь» и др. В 1922–28 гг. возглавлял литературно-критический отдел газеты «Руль».

В своей статье «Поэт о критике» (1926) М. Цветаева назвала Ю. Айхенвальда «наиболее читаемым, любимым и признанным» критиком.

По поводу данной рецензии она писала: «...прочла во вчерашнем Руле отзыв Каменецкого: умилилась, но – не то! Барокко – русская речь – игрушка – талантливо – и ни слова о внутренней сути: судьбах, природах, героях, – точно ничего, кроме звону в ушах не осталось. – Досадно! –

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не ради русской речи же я писала! ...

Я думала он зорче. Это л ю б и т е л ь письменности, не любовник! Но любопытно прочесть...» (из писем к Р.Гулю от 21 декабря 1922 г. и 9 февраля 1923 г.) (СС. Т. 6. С. 517, 521).

50

Б.Гусман

Марина Цветаева

В его кн.: 100 поэтов: Литературные портреты. Тверь: Октябрь, 1923. С. 272–273. XV, XVII, XX, XXVIII.

Гусман Борис Евсеевич (1892–1944) – литературный и театральный критик, журналист.

Литературно-критические статьи и рецензии публиковал в «Журнале журналов». В 1920-е гг. сотрудничал в газ. «Правда».

51

Г.Иванов

Почтовый ящик

Отрывки

Цех поэтов. Кн. 4. Берлин: Трирема, 1923. С. 70–72.

Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) – поэт, мемуарист, прозаик, переводчик, критик.

В 1911 г. появляются его первые критические статьи в ж. «Весна» и «Всеобщий журнал», позже сближается с ж. «Аполлон», где публикует стихи, рецензии, литературные статьи, а с 1914 г. по 1916 г. становится обозревателем отдела поэзии. С начала 1920-х гг. – в эмиграции, где сотрудничает в видных периодических изданиях: ж. «Встречи», «Звено», «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Числа» и др.; газ. «Возрождение», «Дни», «Звено», «Последние новости», «Сегодня» и др.

52

Н.Насимович

Рец.: Марина Цветаева.

Царь-девица / Рис. Д. Митрохина. М.: Госиздат, 1922

Правда (Москва). 1923. 4 января. С. 5.

Рецензия опубликована за буквой Ч. (от псевдонима Чужак).

Насимович Николай Федорович (1876–1937) – критик, журналист, теоретик искусства.

До 1917 г. печатал статьи и рецензии в московских ж. «Русская мысль», «Русское богатство», а также во многих детских и юношеских журналах. Состоял в литературном объединении «ЛЕФ» (1922–25) и был членом редакции выходившего при нем журнала (1923–24) с одноименным названием.

53

В.Брюсов

Рец.: Марина Цветаева. Стихи к Блоку. Берлин: Огоньки, 1922

Отрывки

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Печать и революция (Москва). 1923. № 1. С. 74–75.

54

С.Родов

«Оригинальная» поэзия Госиздата

Отрывки

На посту (Москва). 1923. № 2/3. С. 142, 149–151; см. также его кн.:

В литературных боях. М.: Жизнь и знание, 1926. С. 141, 150–152

Родов Семен Абрамович (1893–1968) – поэт, критик, теоретик Пролеткульта.

В 1923–25 гг. являлся соредактором ж. «На посту».

55

К.Мочульский

Русские поэтессы. Марина Цветаева и Анна Ахматова

Звено (Париж). 1923. № 5. 5 марта. С. 2.

Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – литературовед, поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуарист.

В 1920–е гг. его рецензии, критические и литературоведческие статьи печатались в ж. «Современные записки», «Благонамеренный», «Русская мысль», а также ж. «Звено», в котором он вместе с литературоведом и искусствоведом В.Вейдле заведовал отделом критики, и др., газ. «Дни», «Звено», «Последние новости» и др. Ему принадлежат объемные исследования о Н.Гоголе, Вл. Соловьеве, Ф.Достоевском, А.Блоке, А.Белом, В.Брюсове.

56

Б.Лавренев

«Христоролюбивая Палингенезия»

Литературные заметки

Туркестанская правда (Ташкент). 1923. № 54. 14 марта. С. 8.

57

В.Лурье

Рец.: Марина Цветаева.

Ремесло: Книга стихов. Берлин: Геликон, 1923

Новая русская книга (Берлин). 1923. № 3/4. С. 14–15.

Лурье Вера Иосифовна (Осиповна) (1901–1997) – поэтесса, литературный критик, мемуаристка.

Была членом петроградской студии «Звучащая раковина», ученицей Н.Гумилева. В 1921 г. эмигрировала, жила в Берлине. В 20–е гг. как критик печаталась в альманахе «Струги», ж. «Воля России», «Новая русская книга», газ. «Дни», «Сегодня», «Голос России» и др.

58

А.Бахрах

Поэзия ритмов

(Рец.: Марина Цветаева.

Ремесло: Книга стихов. Берлин: Геликон, 1923)

Дни (Берлин). 1923. № 133. 8 апреля. С. 19.

Бахрах Александр Васильевич (1902–1985) – литературный критик, литературовед, мемуарист, журналист.

С 1920 г. – в эмиграции. В 1927–1939 гг. участвовал в литературных собраниях «Зеленая лампа». Первые рецензии он начал писать в 1922 г. по предложению заведующего литературным отделом газеты «Дни» М.Осоргина. Сотрудничал в ж. «Воля России», «Числа» и др.; газ. «Дни», «Возрождение», «Голос России» и др. В 1980 г. в Париже вышла книга его воспоминаний «По памяти, по записям», несколько страниц которой посвящены и их встречам с М.Цветаевой. См. также: Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 199–201.

Данная рецензия явилась поводом для последующей переписки М.Цветаевой и А.Бахраха, которая длилась с 1922 по 1928 г. См. письма М.Цветаевой к нему: СС. Т.6. С. 557–638.

Этот отзыв был благопрятно встречен М.Цветаевой. В письме к Бахраху от 9 июня 1923 года она отмечала: «...я благодарна Вам за Ваш отзыв в „Днях“. Это – отзыв во всем первичном смысле слова... Вы не буквами на букву, Вы сущностью на сущность отозвались... Спасибо Вам сердечное и бесконечное за то, что не сделали из меня „style russe“, не обманулись видимостью, что, единственный из всех за последнее время обо мне писавших, удостоили, наконец, внимания СУЩНОСТЬ, ту, что вне наций, ту, что над нацией, ту, что (ибо все пройдет!) – пребудет» (СС. Т. 6. С. 557).

59

Вс. Рождественский

Рец.: Марина Цветаева.

Версты: Стихи. М.: Костры, 1921;

Версты: Стихи. М.: Госиздат, 1922

Записки передвижного театра (Петроград). 1923. № 54. 9 апреля. С. 7–8.

Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) – поэт, критик.

В 1920–е гг. его критические статьи печатались в ж. «Жизнь искусства», «Русский современник», в вечерних выпусках «Красной газеты».

К оценке творчества М.Цветаевой он вернется еще раз, в 1977 г., и это будет большая обстоятельная статья (см. ее в книге 2 настоящего издания).

60

В.Ходасевич

Рец.: Марина Цветаева.

Ремесло: Книга стихов. Берлин: Геликон, 1923;

Психея. Романтика. Берлин: Изд-во З.Гржебина, 1923

Книга и революция (Петроград). 1923. № 4 (28). С. 72–73.

Статья опубликована под псевдонимом Ф.Маслов.

61

П.Скосырев

Рец.: Марина Цветаева. Царь-Девница. М.: Госиздат, 1922

Новый художественный журнал (Саратов). 1923. № 13. С. 11.

Статья опубликована за буквами П-ск.

Скосырев Петр Георгиевич (1900–1960) – поэт, прозаик, литературовед.

62

А.Бахрах

Рец.: Марина Цветаева.

Психея. Романтика. Берлин: Изд-во З.Гржебина, 1923

Дни (Берлин). 1923. № 196. 24 июня. С. 15.

Статья опубликована за инициалами А.Б.

63

Г.Струве

Рец.: Марина Цветаева. Ремесло: Книга стихов.

Берлин: Геликон, 1923;

Психея. Романтика. Берлин: Изд-во З.Гржебина, 1923

Руль. 1923. № 779. 24 июня. С. 14.

Струве Глеб Петрович (1898–1985) – поэт, литературовед, литературный критик, мемуарист.

Первые стихи и статьи появляются в студенческой рукописной газете «Светлый луч» (1915). В 1922–24 гг., уже будучи в эмиграции, Г.Струве являлся заведующим редакцией ж. «Русская мысль», с 1925 г. был ведущим отдела хроники в газ. «Возрождение». С 1927 г. вместе с отцом П.Б.Струве он принял участие в создании парижской газеты «Россия». На страницах этих периодических изданий в 20–30-е гг. Г.П.Струве регулярно помещал рецензии на книги современных поэтов и прозаиков, а также печатал критические статьи. Большой вклад в изучение жизни и творчества русской эмиграции внес своей книгой «Русская литература в изгнании» (1956; выдержала два переиздания – 1984; 1996). Статью о М.Цветаевой из этой книги см. в настоящем издании.

Знакомство М.Цветаевой и Г.Струве состоялось в 1922 г. в Берлине. Их встречи продолжались и в Чехии, и в Париже, в основном на литературных вечерах, а в начале 30-х годов общение прекратилось.

На эту рецензию М.Цветаева откликнулась письмом от 30 июня 1923 года, в котором отметила: «Ваше гадание правильно: мало люблю „Евгения Онегина“ и очень люблю Державина... Эренбурга из призраков галереи вычеркиваю, я его мало читала, со стихами его, по-настоящему, познакомилась только в Берлине...

Любопытно было бы узнать, какие стихи в „Ремесле“ Вы считаете плохими, спрашиваю вне самолюбия (самолюбие ведь сродно вкусу, и из-за безмерности моей во мне тоже отсутствует!). Любопытно, чтобы понять чужое мерило, попытаться, почему не дошло.

Согласна, что „Психея“ для читателя приемлемее и приятнее „Ремесла“. Это – мой откуп читателю, ею я покупаю право на „Ремесло“, а „Ремеслом“ – на дальнейшее» (СС. Т. 6. С. 639).

64

А.Свентицкий

Рец.: Марина Цветаева. Царь-Девница:

Поэма-сказка / Рис. Д. Митрохина. М.: Госиздат, 1922

Красный журнал для всех (Петроград). 1923. № 7/8. С. 87.

Статья опубликована под псевдонимом Мечиславнев.

65

Р.Гуль

Рец.: Марина Цветаева.

Психея. Романтика. Берлин: Изд-во З.Гржебина, 1923

Накануне (Берлин). 1923. № 466. 21 октября. С. 3.

Статья опубликована под псевдонимом Эрг.

66

Ф.Кубка

Поэзия революционной России

Отрывок

Из кн. «Поэты революционной России». Прага, 1924. С. 100–101.

Перевод с чешского осуществлен Г.Ванечковой.

Кубка Франтишек (1894–1969) – чешский писатель, критик, переводчик.

В 1920-е гг. публиковался в ж. «Своими путями».

Познакомилась М.Цветаева с Ф.Кубкой, по-видимому, на одном из литературных вечеров. Она знала о переведенных им на чешский язык нескольких ее стихотворениях, помещенных в пражском ж. «Cesta» (1924, № 29–30) и собственной книге писателя «Všichni re-

volupního Ruska» (Прага, 1924), где, в частности, говорилось о ней и помещались отрывки переводов из ранних цветаевских стихотворений, выполненных Кубкой.

Письма к нему см.: СС. Т.7. С. 24–25.

О своих встречах с М.Цветаевой Ф.Кубка оставил воспоминания «Грустный романс о Марине Цветаевой» // Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002.

С. 152–161.

67

С.Парнок

Б.Пастернак и другие

Отрывок

Русский современник (Москва–Ленинград). 1924. кн. 1. С. 311.

Парнок (настоящая фамилия – Парнах) Софья Яковлевна (1885–1933) – поэт, переводчик, критик.

В 1913–17 гг. она была постоянным сотрудником ж. «Северные записки», где помещала не только стихи и прозу, но и критические статьи. В 20-е гг. приняла участие в создании кооперативного издательства «Узел», а также работала в ж. К.И.Чуковского «Русский современник».

С Софьей Парнок М.Цветаеву связывала пылкая дружба-любовь 1914–15 гг., от которой нам остались стихотворный цикл «Подруга» и стихотворение «В оны дни ты мне была, как мать...» М.Цветаевой и стихи С.Парнок «Следила ты за играми мальчишек...», «Смотрят снова глазами незрячими...»

О взаимоотношениях поэтов см. в кн.: Полякова С. Закатные оны дни: Цветаева и Парнок. Анн Арбор: Ardis, 1983.

68

С.Бобров

Рец.: Марина Цветаева.

Царь-Девица: Поэма-сказка. М., Госиздат, 1922;

Ремесло: Книга стихов. М.-Берлин: Геликон, 1923

Печать и революция (Москва). 1924. № 1. С. 276–279.

69

Е.Зноско-Боровский

Рец.: Марина Цветаева.

Ремесло: Книга стихов. М.-Берлин: Геликон, 1923

Воля России (Прага). 1924. № 3, февраль. С. 95–97.

Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954) – театровед, театральный и литературный критик, драматург, прозаик, мемуарист.

С 1909 по 1912 г. являлся секретарем ж. «Аполлон», печатался в ж. «Русская мысль». С 1920 г. в эмиграции, где сотрудничал в ведущих периодических изданиях: ж. «Воля России», «Новая русская книга», «Иллюстрированная Россия», газ. «Дни», «Последние новости», «Возрождение» и др.

70

Г.Лелевич

1923 год. Литературные итоги. Бесплодная смоковница

Отрывки

На посту (Москва). 1924. № 1 (5). С. 79; см. также в его кн.: На литературном посту. Тверь, 1924. С.37–38.

Статья опубликована под псевдонимом. Настоящая фамилия Кальмансон Л.Г.

Кальмансон Лаборий Гелевич (1901–1945) – критик, поэт.

В 20-е гг. был редактором ж. «На посту» (1923–1925), руководителем ВАПП, печатал критические статьи в ж. «Молодая гвардия».

71

Ю.Айхенвальд

Литературные заметки

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отрывки

Руль (Берлин). 1924. № 1078, 22 июня. С. 3.

Статья опубликована под псевдонимом Б.Каменецкий.

72

Н.Берберова

Рец.: «Записки наблюдателя».

Литературный сборник. Кн. 1. Прага, 1924

Звено (Париж). 1924. № 74. 30 июня. С. 3–4.

Рецензия опубликована за инициалами Н.Б.

В сборнике были помещены стихотворные циклы «Гамлет», «Федра» и очерк «Кедр».

Берберова Нина Николаевна (1901–1993) – поэт, прозаик, литературный критик, литературовед, переводчик, мемуаристка.

С 1922 г. – в эмиграции. Участница литературных собраний «Зеленая лампа» (1927). Сотрудничала во многих эмигрантских периодических изданиях: ж. «Современные записки», «Воля России», газ. «Дни», «Последние новости» и др.

С М.Цветаевой Берберова познакомилась в 1922 г. в Берлине, позже встречалась с ней в Праге и в Париже, о чем она вспоминает на страницах книги «Курсив мой» (см. также в книге: Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 48–52).

73

Н.Светлов

Правый активизм в молодой лирике

Отрывки

Русский голос (Харбин). 1924, 30 июля. С. 2.

Светлов (наст. фамилия Свињин) Николай (ок. 1908 – нач. 1970) – поэт, прозаик, критик.

Мальчиком попал в Харбин. В 1931 г. переехал в Шанхай. Переводил китайских и японских поэтов. Печатался в харбинских и шанхайских газетах, в том числе в газ. «Молодая Чураевка», в сборнике «Семеро», в ж. «Понедельник». В 1940-х гг. уехал в СССР.

74

Г.Адамович

Литературные заметки

Отрывок

Звено (Париж). 1924. № 88, 6 октября. С. 2.

Адамович Георгий Викторович (1892–1972) – поэт, писатель, литературный критик, мемуарист.

В 1913 г. был приглашен участвовать в собраниях 1-го «Цеха поэтов», близким участником которого скоро и становится. В 1916–17 гг. являлся одним из руководителей 2-го петроградского «Цеха поэтов», в 1920–22 гг. участником 3-го «Цеха поэтов». С 1923 г. – в эмиграции. Жил в Париже. Плодотворно работал в литературно-критическом отделе газ. «Звено», являясь одним из ее редакторов,

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru затем в 1924 г. возглавил этот отдел, в нем вел под рубрикой «Отклики» и псевдонимом Сизиф еженедельный обзор культурной жизни и получившие большую известность «Литературные беседы». К концу 20-х гг. он сотрудничал в ж. «Современные записки», газ. «Дни», возглавлял литературно-критический отдел «Последних новостей», в котором печатался до 1940 г. В 30-е гг. вел критический отдел в ж. «Числа», вместе с М.Л.Кантором в 1934 г. он начал издавать ж. «Встречи». В 1946 г. возобновил рубрику «Литературные заметки» в новосозданной газ. «Русские новости», позже печатался в газ. «Новое русское слово» и «Русская мысль».

Его критические отзывы о поэтах в периодике послужили М.Цветаевой поводом к написанию статьи «Поэт о критике» и эссе «Цветник».

Знакомство М.Цветаевой с Г.Адамовичем состоялось в 1916 г. в Петербурге в доме Каннегисеров. В эмиграции они встречались, начиная с 1926 г. и вплоть до 1938 г., главным образом на литературных вечерах Союза молодых поэтов, объединения «Кочевье», вечерах ж. «Числа» и др.

О творчестве М.Цветаевой Г.Адамович писал многократно: см. статью Л.А.Мнухина «Отношения с Адамовичем» (Марина Цветаева: Песнь жизни: Международный парижский симпозиум. Paris: YMCA-Press, 1996. С. 58–77), а также сборник рецензий и отзывов поэтов о творчестве друг друга «Марина Цветаева – Георгий Адамович: Хроника противостояний» (М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000), подготовленный О.Коростелевым.

Рецензия написана Адамовичем на статью «Кедр», посвященную книге С.Волконского «Родина». В письме к О.Е.Колбасиной-Черновой от 17 октября 1924 года М.Цветаева отметила: «Рецензию в „Звене“ прочла... Хочу послать эту рецензию Волконскому, а отзыв на нее Волконского – Адамовичу. Пусть потешится один и омрачится другой» (СС. Т. 6. С. 683).

75

Г.Адамович

Литературные беседы

[Цикл «Двое»]

Отрывок

Звено (Париж). 1925. № 116. 20 апреля. С. 2.

76

Ю.Айхенвальд

Рец.: Марина Цветаева. Молодец: Сказка

Руль (Берлин). 1925. № 1372, 10 июня. С. 5.

Рецензия опубликована за инициалами Ю.А.

77

В.Ходасевич

Заметки о стихах

И. М.Цветаева. Молодец

Последние новости (Париж). 1925. № 1573. 11 июня. С. 4.

78

Г.Адамович

Литературные беседы

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Отрывок

Звено. 1925. № 129, 20 июля. С. 2.

79

В.Амфитеатров

Рец.: Марина Цветаева. Мόлодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924

Студенческие годы (Прага). 1925. № 4 (21), июль–август. С. 35.

Рецензия опубликована под псевдонимом Владимир Кадашев.

Амфитеатров Владимир Александрович (1889–1942) – прозаик, литературовед, литературный критик.

В 1918 г. редактировал литературно-исторический ж. «Радуга» (Ростов-на-Дону), в 1919–20 гг. – газету «Южный курьер» («Ялтинский курьер»). С 1920 г. в эмиграции. Печатался в различных альманахах, сборниках и периодических изданиях русского зарубежья.

80

В.Амфитеатров

Рец.: Марина Цветаева. Мόлодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924

Возрождение (Париж). 1925. № 132, 12 окт. С.3.

Рецензия опубликована под псевдонимом Владимир Кадашев.

81

Н.Цуриков

Неприятная выходка

Возрождение (Париж). 1925. № 174, 23 ноября. С. 2.

Цуриков Николай Александрович (1886–1957) – публицист, литературовед, мемуарист, прозаик.

С 1920 г. – в эмиграции. Живя с 1923 г. в Праге, являлся составителем пражского сборника «День русской культуры». В 1920–30-е гг. сотрудничал в ж. «Годы», «Русская мысль», «Студенческие годы», «Сполохи» и др.; газ. «Возрождение», «За свободу!», «Руль» и др.

82

Г.Адамович

Литературные беседы

Отрывок

Звено (Париж). 1925. № 152, 28 декабря. С. 2.

83

А.Рудин

Рец.: Марина Цветаева. Мόлодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924

Перезвоны (Рига). 1925. № 5, декабрь. С. 124.

Статья опубликована за буквами А. Р-ин.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Рудин Андрей Карлович (1897–1941) – литературный критик.

В 1920–е гг. вместе с С.Эфроном редактировал пражский ж. «Своими путями» (1924–26), публиковался в рижских ж. «Перезвоны» и газ. «Сегодня», «Сегодня вечером».

84

Е.Простов

Литературно-житейские разговоры

Отрывки

Эос (Самоков, Болгария). 1926. № 4. С. 146–147.

Статья опубликована под псевдонимом Праздный еретик.

Простов Е.В. – литератор, редактор ж. «Эос».

Жил в Болгарии.

85

М.Осоргин

Поэт Марина Цветаева

Последние новости (Париж). 1926. № 1765, 21 января. С. 3.

Осоргин (наст. фамилия – Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942) – прозаик, журналист, переводчик, публицист, литературный критик, библиофил.

С 1908 г. был корреспондентом московской газ. «Русские ведомости». Длительное время (1909–17) он являлся сотрудником ж. «Вестник Европы». С 1922 г. в эмиграции. Работал редактором литературного отдела газ. «Дни».

86

Г.Струве

Рец.: Ковчег: Сборник союза русских писателей в Чехословакии.

Прага: Пламя, 1926

Возрождение (Париж). 1926. № 233, 21 января. С.3.

87

Д.Резников

«Поэма Конца»

Дни (Берлин–Париж). 1926. № 912, 24 января. С. 3.

Резников Даниил Георгиевич (1904–1970) – поэт, журналист, литературный критик. Муж Н.В.Черновой.

В 1920–е гг. являлся сотрудником газ. «Дни».

См. письма к Резникову (СС. Т. 7. С. 96–98).

88

Д.Святополк–Мирский

Марина Цветаева

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

The New Statesman (London). XXVI. 1926. № 670, 27 февраля.

С. 611–613.

Статья была опубликована на английском языке.

89

А.Чернова

В огонь-синь

Рец.: Марина Цветаева. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924

Благонамеренный (Брюссель). Кн. 1. 1926. С.151–154.

Чернова (по мужу Сосинская) Ариадна Викторовна (1908–1974) – переводчик, автор критических статей.

Знакомство М.Цветаевой и А.Черновой состоялось в 1923 г., и их встречи продолжались до самого отъезда М.Цветаевой в СССР.

Портрет своей старшей подруги А.Чернова впоследствии дала в коротком очерке «В одном доме „На Смихове“» // Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 81–83.

Эту рецензию М.Цветаева сама послала редактору «Благонамеренного» Д.Шаховскому с целью ее публикации на страницах журнала. Первоначально она предназначалась для газ. «Дни», но редактор литературного отдела, В.Ф.Ходасевич, ее опубликовать отказался.

Письма М.Цветаевой к ней см.: СС. Т. 6. С. 666–682.

90

Д.Шаховской

Рец.: Ковчег: Сборник союза русских писателей в Чехословакии.

Прага: Пламя, 1926

Отрывок

Благонамеренный (Брюссель). Кн. 1. 1926. С.160–161.

Шаховской Дмитрий Алексеевич (1902–1989) – князь, архиепископ Сан-Францисский и Западно-американский Иоанн; церковный и общественный деятель, духовный писатель, поэт, литературный критик.

С 1921 г. в эмиграции. В 1920-е гг. печатался в ж. «Русская мысль», «Воля России», «Благонамеренный» (редактором которого был сам); газ. «Сегодня», «Возрождение», «Дни» и др. В июле 1926 г. уехал в Грецию, где в августе принял постриг.

Переписка М.Цветаевой с князем Д.Шаховским возникла по инициативе последнего. Будучи еще студентом Лувенского университета, он решил издавать в Брюсселе журнал русской литературной культуры под названием «Благонамеренный» и стал искать сотрудничества эмигрантских авторов. Среди них была и М.Цветаева. Их личное знакомство состоялось в Париже в феврале 1926 г. Но совместное сотрудничество оказалось кратким: молодой редактор ушел в священнослужители.

Письма М.Цветаевой к нему см.: СС. Т. 7. С. 25–45.

91

В.Даватц

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Тлетворный дух

Новое время (Белград). 1926. 7 февраля. С. 2.

Даватц Владимир Христианович (1883–1944) – поэт, публицист.

Сотрудничал в харьковской газ. «Новая Россия» и в ряде крымских газет. В эмиграции главным образом публиковался в газ. «Новое время» и «Россия и славянство». Был членом редколлегии ежедневной белградской газ. «Россия» (1926–27).

92

Д.Резников

Вечер Марины Цветаевой

Дни (Берлин – Париж). 1926. 1 февраля. С. 3.

Рецензия опубликована за буквами Д.-в.

93

М.Гофман

Вечер Марины Цветаевой

Руль (Берлин). 1926. № 1580, 12 февраля. С. 5.

Рецензия опубликована за инициалами М.Г.

Гофман Модест Людвигович (1887–1959) – литературовед, литературный критик, поэт, пушкинист.

С середины 1920-х гг. в эмиграции. Жил в Париже. Печатался в сб. «На чужой стороне», ж. «Благонамеренный», «Иллюстрированная Россия», «Современные записки» и др.; газ. «Возрождение», «Последние новости», «Руль», «Сегодня» и др.

94

Г.Адамович

Вечер Марины Цветаевой

Звено (Париж). 1926. № 159. С.10.

95

Н.Рыбинский

Литературная хроника

Новое время (Белград). 1926. 23 февр. С. 2.

Рыбинский Николай Захарович (1887–1955) – прозаик, журналист, театральный деятель.

В 1920 г. работал в крымской вечерней газ., где вел театральный отдел. Будучи в эмиграции, сотрудничал в газ. «Новое время», «Сегодня», «Россия и славянство» и др., а также состоял членом редколлегии ежедневной беспартийной газ. «Россия» (1926–27).

96

Д.Святополк-Мирский

Рец.: Марина Цветаева. Мблodeц: Сказка. Прага: Пламя, 1924

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
The Slavonic Review (London). 1926. № 4. С. 775–776.

Статья была опубликована на английском языке. Перевод В.Б.Гуткина.

97

Д.Святополк-Мирский

Рец.: Марина Цветаева. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924

Современные записки (Париж). 1926. XXVII, с. 569–572

98

М.Осоргин

Дядя и тетя

Рец.: «Благонамеренный», книга 2, 1926

Отрывки

Последние новости (Париж). 1926. № 1863, 29 апр. С. 2–3.

99

Антон Крайний

Мертвый дух

Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1926. № 4. С. 298

Статья опубликована под псевдонимом. Настоящая фамилия – З.Гиппиус.

Гиппиус (в браке Мережковская) Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэт, прозаик, драматург, литературный критик, публицист, мемуаристка.

В 1899–1901 гг. была близким сотрудником ж. «Мир искусства» – именно здесь появились ее первые литературно-критические статьи. В 1901–1904 гг. стала соредактором и ведущим критиком ж. «Новый путь». С 1919 г. – в эмиграции. Сначала жила в Варшаве, где работала редактором литературного отдела газ. «Свобода». В ноябре 1920 г. поселилась в Париже. Активно печаталась в ж. «Современные записки», «Числа» и др., газ. «Возрождение», «Общее дело», «Последние новости» и др. Совместно с Н.Берберовой и В.Ходасевичем издавала ж. «Новый дом» (1926) и «Новый корабль» (1926–27).

З.Гиппиус довольно высокомерно относилась как к М.Цветаевой, так и к ее творчеству. Скажем, в послании к М.Вишняку, редактору «Современных записок», она писала: «Стихи Цветаевой – конечно, дело вкуса редакции, но на одной странице с моими – этот узел – во всяком случае бесспорное безвкусие» (Вишняк М. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. С. 156).

Свой отклик на эту статью Гиппиус дает М.Гофман. См. отрывок из его рецензии «О „Верстах“ и о прочем» в настоящем издании.

100

Г.Адамович

Литературные беседы

Звено (Париж). 1926. № 170, 2 мая. С. 2.

Статья опубликована за инициалами Г.А.

101

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ю. Айхенвальд

Литературные заметки

Отрывок

Руль (Берлин). 1926. № 1647, 5 мая. С. 2–3.

102

А. Яблоновский

В халате

Возрождение (Париж). 1926. № 337, 5 мая. С. 2.

Яблоновский (Снадзский) Александр Александрович (1870–1934) – журналист, прозаик, литературный критик.

До революции сотрудничал в газ. «Русское слово». С 1918 г. печатался в периодических изданиях юга России. С 1919 г. в эмиграции, с 1920 г. жил в Париже. Печатался во многих эмигрантских периодических изданиях: ж. «Зеленая палочка», «Иллюстрированная Россия», «Русское эхо», газ. «Дни», «Возрождение» (в ней долгое время был постоянным критиком и фельетонистом), «Руль», «Последние новости», «Сегодня», «Русский курьер» (Рига) и др.

103

П. Струве

Заметки писателя

О пустоутробии и озорстве

Возрождение (Париж). 1926. № 338, 6 мая. С. 3.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – общественно-политический деятель, экономист, философ, историк, литературный критик. Отец Г.П. Струве.

В 1906–1918 был редактором перербургского ж. «Русская мысль», к работе в котором привлекал видных поэтов и писателей. В начале

20-х гг. возглавил ж. «Русская мысль» (София, 1921; Прага, 1921–23; Париж, 1927). С мая 1925 г. жил в Париже и как редактор и критик работал в газ. «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство».

Письма М. Цветаевой к нему см.: СС. Т. 6. С. 311–313.

По поводу откликов на свою статью «Поэт о критике» М. Цветаева писала Б. Пастернаку 21 июня 1926 г.: «Громовая статья П. Струве (никогда не пишущего о литературе), статьи Яблоновского, Осоргина, многих, – всех задетых (прочти „Поэт о критике“, поймешь) – чья-то зависть – чья-то обиденность – и я на улице, я – что! – дети» (СС. Т. 6. С. 259).

104

Е. Шевченко

Разгадка благонамеренности

Литературное приложение к газете «За свободу!» (Варшава). 1926, 9 мая. С. 5.

Шевченко Евгений Сергеевич (?–1932) – журналист, литературный критик.

В начале 1920-х гг. был редактором общественно-политической литературной газеты «За свободу!».

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
105

В.Познер

Сжигальщики и сжигаемые

Отрывок

Дни (Берлин–Париж). 1926. № 1007, 16 мая. С. 4.

Познер Владимир Соломонович (1905–1992) – поэт, прозаик, журналист, литературный критик, киносценарист. В 1929 г. стал писать по-французски, в основном прозу.

С 1921 г. в эмиграции (Париж). Как литературный критик и публицист печатался в 20-е гг. в ж. «Воля России», «Звено», «Современные записки»; газ. «Дни», «Последние новости» и др.

Письма М.Цветаевой к нему см.: СС. Т. 7. С. 352–353.

106

Н.Мельникова–Папоушкова

О «Благонамеренном»–II

Отрывки

Воля России (Прага). 1926. № 5. С. 194–195.

Папоушкова (урожд. Мельникова) Надежда Филаретовна (1891–1968) – критик.

Сотрудничала в ж. «Воля России». В 1920 г. составила «Антологию русской поэзии XX столетия» в двух томах (Прага). Стихи М.Цветаевой в нее не вошли. По-видимому, составительница антологии не была с ними хорошо знакома. В 1926 г., рецензируя первую книгу «Благонамеренного», Мельникова–Папоушкова назвала стихотворение Цветаевой «Марина» лучшим в журнале (Воля России. 1926. № 3. С. 20).

107

Ф.Степун

Рец.: «Благонамеренный:

Журнал русской литературной культуры», книга 2, 1926

Отрывки

Современные записки (Париж). 1926. XXVIII.С. 483, 485.

Степун (Степпун) Федор Августович (1884–1965) – философ, литературовед, литературный и театральный критик, мемуарист.

С 1922 г. в эмиграции. Печатался в различных периодических изданиях: ж. «Современные записки», «Своими путями», газ. «Дни», «Руль», «Возрождение» и др. В 1925–28 гг. выступал соредктором международного ежегодника по философии культуры «Логос» (Прага), в 1931–39 гг. – ж. «Новый град». Сотрудничал в немецкой периодике.

Был знаком с Цветаевой с дореволюционных времен (см. его воспоминания о ней в книге: Бывшее и несбывшееся. М.–СПб., 1995.

С. 212–213; также: Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Рождение поэта. М.: Аграф, 2002. С. 101–103).

108

Е.Глуховцова

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рец.: «Благонамеренный»

Отрывки

Новое время (Белград). 1926, 4 июня. С. 2.

Глуховцова Елизавета Владимировна (?–1942) – писательница, журналистка. Член литературно-художественного общества в Белграде. Сотрудник газ. «Новое время».

109

Б.Пастернак

Из писем к М.Цветаевой

Публикуется по: Рильке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года. М.: Книга, 1990. С. 144–149, 154–158.

Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – поэт, прозаик, переводчик.

М.Цветаева и Б.Пастернак познакомились в послереволюционной Москве. Но все знакомство заключалось лишь в нескольких беглых встречах – на поэтических чтениях, у знакомых, на улице. Настоящее открытие поэтами друг друга произошло летом 1922 года: Пастернак написал Цветаевой в Берлин восторженное письмо по поводу сборника ее стихов «Версты», а она в ответном письме восхищенно отозвалась о его – «Сестра моя жизнь», который он ей подарил. С этого момента началась их обширная переписка, которая способствовала развитию поэтического роста обоих. Эпистолярное общение достигло своего апогея к 1926 г., затем, в силу ряда обстоятельств, к 1935 г. сошло на нет, но восторг перед талантом друг друга они сохранили до самой смерти.

М.Цветаева посвятила Б.Пастернаку стихотворный цикл «Провода», о нем и его творчестве написала очерки «Световой ливень», «Эпос и лирика современной России», «Поэты с историей и поэты без истории». Б.Пастернак оставил страницы воспоминаний о ней в своем автобиографическом произведении «Люди и положения». Посвящены ей и несколько стихотворений: «Не оперные поселяне...», «Посвященье», «Марине Цветаевой», «Мгновенный снег, когда булыжник узрен...», «Памяти Марины Цветаевой».

Письма М.Цветаевой к Б.Пастернаку см.: СС. Т. 6. С. 222–278.

См. также их письма друг к другу в следующих изданиях: Риль-

ке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года / Подгот. текста, сост., предисловие, переводы, коммент. К.М. Азадовского,

Е.В. Пастернак, Е.Б.Пастернак. М.: книга, 1990; Переписка Бориса Пастернака / Сост., подгот. текста, коммент. Е.В.Пастернак, Е.Б.Пастернак. М.: Худож. лит., 1990. С. 299–411.

110

Д.Святополк-Мирский

«Крысолов» М.Цветаевой

Воля России (Прага). 1926. № 6–7. С. 99–102.

111

Д.Горбов

Мертвая красота и живучее безобразие

Отрывок

Красная новь (Москва). 1926. № 7. С. 244–245; см. также в его книге: У нас и за рубежом: Литературные очерки. М.: Артель писателей «Круг», 1928. С. 26–27.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Горбов Дмитрий Александрович (1894–1967) – литературовед, критик.

В 20-е гг. печатался в ж. «Печать и революция».

Несколько ранее в периодике прошли иные отклики на прозу М.Цветаевой «Мои службы». Так, их хвалили за яркий, сочный язык, тонкий юмор, признавали живо написанными. См.: Айхенвальд Ю. Литературные заметки. – Руль. 1926. № 1554. С. 3; Дикс. Судьба толстого журнала («Современные записки», кн. XXVI). – Звено. 1926. № 155. С. 7; Кульман Н. Пятилетие «Современных записок» (кн. XXVI). – Возрождение. 1926. № 233. С. 3; Цетлин М. «Современные записки», XXVI. – Дни. 1926. № 912. С. 3; Пильский П. «Книга» (Рец. на «Современные записки». Общественно-политический и литературный журнал. XXVI, 1925, Париж) – Сегодня. 1926. № 23. С. 3.

Но на родине Д.Горбова поддержали. О творческом упадке Цветаевой и «бездарной болтавне» «Моиx служб» написал Смирнов Н. (На том берегу. Заметки об эмигрантской литературе. Новый мир. М., 1926. № 6, 8 июля. С. 141–142), и саркастическую оценку дал им Дивильковский А. (Самочувствие эмиграции. Обзор второй – «Современные записки». Печать и революция. 1926. № 8. С. 26).

112

И. Бунин

Рец.: «Версты», № 1

Отрывки

Возрождение (Париж). 1926. № 429, 5 августа. С. 3.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – прозаик, поэт, публицист, переводчик, мемуарист.

С осени 1889 г. сотрудничал в газ. «Орловский вестник». В 1918 г. уехал из Москвы в Одессу, где выступил соредактором газ. «Южное слово». С 1920 г. в эмиграции. Жил во Франции. В 1920–30-е гг. сотрудничал в ж. «Звено», «Иллюстрированная Россия», «Русская мысль», «Перезвоны», «Современные записки» и др.; газ. «Дни», «Возрождение», «Общее дело», «Последние новости», «Сегодня» и др.

113

Антон Крайний

О «Верстах» и о прочем

Отрывки

Последние новости (Париж). 1926. № 1970, 14 августа. С. 3.

Статья опубликована под псевдонимом, которым почти всегда подписывала З.Гиппиус свои нехудожественные произведения.

114

М.Слоним

Литературные отклики

Отрывки

Воля России (Прага). 1926. № 8–9. С. 92, 94, 102, 103.

115

Е.Шевченко

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Под знаком Марины Цветаевой

Литературное приложение к газете «За свободу!» (Варшава). 1926. № 216, 19 сентября. С. 5.

116
И. Бунин

Записная книжка

Отрывки

Возрождение (Париж). 1926. № 513, 28 окт. С. 4.

117
Вл. Злобин

Рец.: «Версты», № 1

Отрывки

Новый дом (Париж). 1926. № 1. С. 36–37.

Злобин Владимир Ананьевич (1894–1967) – поэт, литературный критик, публицист.

В конце 1919 г. нелегально эмигрировал в Варшаву. В 1920 г. стал издателем и редактором газ. «Свобода». Затем жил в Париже. Являлся как на родине, так и за границей литературным секретарем З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского. В 1927–28 гг. был соредактором ж. «Новый корабль». Печатался в ж. «Звено», «Новый дом», «Современные записки», «Числа» и др.; газ. «Возрождение», «Свобода» и др.

Считается, что данная статья принадлежит перу З.Гиппиус. Злобин же, будучи близким другом Мережковских, любезно согласился поставить под ней свое имя. (Об этом см.: Кудрова И. После России: Марина Цветаева: Годы чужбины. М., 1997. С. 127.) На эту статью откликнулись М.Гофман (см. отрывок из его рецензии «О „Верстах“ и о прочем» в настоящем издании) и В.Сосинский – рец. на «Новый дом: Литературный журнал» / Под ред. Н.Берберовой, Д.Кнута, Ю.Терапиано, В.Фохта. № 1. Париж, 1926. Воля России. 1926. № 11.

118
Вс. Фохт

Рец.: «Воля России», № 8–9

Отрывки

Новый дом (Париж). 1926. № 1. С. 38–39.

Фохт Всеволод Борисович (1895–1941) – поэт, прозаик, журналист.

В 1920–х – начале 30–х гг. жил в Париже. Был соредактором ж. «Новый дом» (1926–27). Печатался в ж. «Иллюстрированная Россия», «Казачий журнал», газ. «Россия и славянство» и др.

119
Н. Рыбинский

Литературная хроника

Отрывки

Новое время (Белград). 1926, 17 декабря. С. 3.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
120

М.Гофман

О «Верстах» и о прочем

Отрывки

Слово (Рига). 1927. № 390, 17 янв. С. 2; № 391, 18 янв. С. 2.

121

А.Амфитеатров

Записная книжка

Отрывки

Литературное приложение к газете «За свободу!» (Варшава). 1927. № 29, 6 февраля. С. 5.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – прозаик, драматург, литературный, театральный и музыкальный критик.

Началом своей профессиональной журналистской деятельности сам Амфитеатров считал работу в тифлисской газете «Новое обозрение» (1889–1891). В 1891–99 г. он являлся постоянным фельетонистом газ. «Новое время», издававшейся А.С.Сувориным. С 1904 г. находился в эмиграции (Франция, Италия). В 1907–08 гг. издавал в Париже журнал антимонархической направленности «Красное знамя». В 1916 г. вернулся в Россию, где в 1917 г. стал издателем петроградского ж. «Бич». С 1921 г. вновь в эмиграции сначала в Чехии, затем в Италии (Леванто). Будучи за границей, он активно печатался в русской и итальянской периодике.

122

Н.Кульман

Рец.: «Версты», № 2

Отрывок

Возрождение (Париж). 1927. № 608. 10 февраля. С. 3.

Кульман Николай Карлович (1871–1940) – филолог-славист, литературовед, литературный критик.

С 1919 г. в эмиграции. В 1920–30-е гг. сотрудничал в ж. «Русская мысль», «Современные записки»; газ. «Возрождение», «Россия и славянство», «Русский инвалид» и др. В 1937 г. выступил редактором однодневной газ. «Пушкин».

123

Г.Адамович

Литературные беседы

Отрывок

Звено (Париж). 1927. № 2. С. 67–69.

124

М.Слоним

Десять лет русской литературы

Отрывок

Воля России (Прага). 1927. № 10. С. 73–75.

125

Д.Горбов

Десять лет русской литературы за рубежом

Отрывки

Печать и революция (Москва). 1927. № 8. С. 9, 11, 15, 23–27; см. также в его книге: У нас и за рубежом: Литературные очерки. М.: Артель писателей «Круг», 1928. С.29, 33, 39, 40, 53, 55–59, 61, 75.

По поводу этой статьи Цветаева писала С.Н.Андрониковой-Гальперн 25 февраля 1928 года: «В Печати и Революции огромная статья об „эмигрантских писателях“, больше всего о Бунине и обо мне.

№ у меня есть, приедете покажу. Кое в чем упреки – мне – правильны, но не так направлены. Я бы упрекнула себя лучше. (Говорю о малоумии, – Вы ведь читали отчет?)». Под «отчетом» имеется в виду рецензия В.Ходасевича на статью Д.Горбова, в которой он язвительно заметил: «Он – правоверный коммунист (из недавних), а потому его выводы и оценки известны заранее, ибо декредитированы сверху. ... Есть, однако, два писателя, для которых не все еще потеряно. Это Ремизов и Цветаева, „поэт большого творческого темперамента“, но „малой мысли“» (Литературная летопись. Возрождение. 1928. № 982, 9 февраля. С. 3).

126

В.Сосинский

Рец.: Марина Цветаева.

Ремесло: Книга стихов. М.-Берлин: Геликон, 1923

Руски архив (Белград). 1928. № 1. С. 180–181.

Рецензия была опубликована на сербско-хорватском языке. В настоящем издании дается в переводе В.М.Черкасова.

Сосинский Владимир Брониславович (по паспорту – Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат; 1900–1987) – прозаик, литературный критик, журналист, мемуарист.

С 1920 г. в эмиграции. Сотрудничал в ж. «Благонамеренный», «Воля России», «Своими путями», «Числа» и др.

С М.Цветаевой В.Б.Сосинский был хорошо знаком, долгие годы дружил и всячески ей помогал. Впоследствии он оставил воспоминания о М.Цветаевой и ее семье, которую знал довольно близко: Она была ни на кого не похожа // Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 178–188; А был ли другой Сергей Яковлевич? // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 197–207.

Письма М.Цветаевой к нему см.: СС. Т. 7. С.79–92.

127

А.Чернова

Рец.: Марина Цветаева. Новогоднее

Версты (Париж). 1928. № 3. С. 16.

128

В.Вейдле

Рец.: «Версты», № 3

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отрывок

Возрождение (Париж). 1928. № 976, 3 февраля. С. 2

Рецензия опубликована под псевдонимом Н.Дашков.

Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) – историк искусства и литературы, критик, мемуарист.

С 1924 г. в эмиграции. В 20–30-е гг. печатался в ж. «Воля России», «Путь», «Числа», «Современные записки», «Звено», «Русские записки» и др.; газ. «Возрождение», «Дни», «Последние новости» и др.

С М.Цветаевой Вейдле познакомился в 1934 г. В книге «О поэтах и поэзии» он оставил о ней страницы воспоминаний (см. также: Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 264–267).

Письма М.Цветаевой к нему см.: СС. Т. 7. С. 638–640.

129

М.Слоним

Рец.: Марина Цветаева. После России: Стихи 1922–1925

Дни (Париж). 1928. № 1452, 17 июня. С. 4.

Рецензия опубликована за инициалами М.С.

130

В.Ходасевич

Рец.: Марина Цветаева. После России: Стихи 1922–1925

Возрождение (Париж). 1928. № 1113, 19 июня. С. 3.

131

Г.Адамович

После России (Новые стихи Марины Цветаевой)

Последние новости (Париж). 1928. № 2647, 21 июня. С. 3.

132

П.Пильский

Рец.: Д.Горбов. «У нас и за рубежом: Литературные очерки».

М.: Артель писателей «Круг», 1928

Отрывки

Сегодня (Рига). 1928. № 222, 18 августа. С. 8.

Рецензия опубликована под псевдонимом Трубников П.

133

П.Пильский

Рец.: Марина Цветаева. После России: Стихи 1922–1925

Сегодня (Рига). 1928. № 229, 25 августа. С. 8.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
134

Е.Зноско-Боровский

Рец.: Марина Цветаева. После России: Стихи 1922–1925. Париж, 1928

Иллюстрированная Россия (Париж). 1928. № 33, 11 августа. С. 14.

135

М.Шапиро

Рец.: «Современные записки», книга 36

Отрывок

Русское слово (Харбин). 1928. 13 октября. С. 3.

Рецензия подписана «Мария Ш.» («Я подписывала все мои статьи моим сокращенным именем „Мария Ш.“. НЖ. 1983. кн. 150. С. 234).

В номере было опубликовано начало трагедии М.Цветаевой „Тезей“ („Федра“). (С. 121–162).

Шапиро Мария Лазаревна (1900–1971) – журналист, юрист.

Жила в Харбине. Сотрудничала в местных газ. „Русское слово“, „Гун-бао“ и др.

136

Г.Адамович

Рец.: „Современные записки“, книга 36

Отрывки

Последние новости (Париж). 1928. № 2752, 4 окт. С. 2.

137

В.Ходасевич

Рец.: „Современные записки“, книга 36

Отрывки

Возрождение (Париж). 1928. № 1213, 27 сентября. С.4.

138

Г.Адамович

Рец.: „Современные записки“, книга 37

Отрывок

Последние новости (Париж). 1928. № 2752, 4 окт. С. 2.

В номере было опубликовано продолжение трагедии М.Цветаевой „Тезей“ (Федра») (114–146).

139

Д.Горбов

Зарубежная русская литература

Отрывки

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В кн.: А.Лежнев, Д.Горбов. Литература революционного десятилетия. 1917–1927.
Харьков: Пролетарий, 1929. С. 139–148.

140

В.Вейдле

Рец.: «Современные записки», книга 37

Отрывок

Возрождение (Париж). 1929. № 1318, 10 января. С. 3.

141

Д.Святополк-Мирский

Рец.: Марина Цветаева. После России: Стихи 1922–1925. Париж, 1928

Статья была опубликована на немецком языке (Slavische Rundschau. Prag, 1929, № 1). Перевод Р.Вольфсон.

142

Д.Святополк-Мирский

Заметки об эмигрантской литературе

Отрывок

Евразия (Париж). 1929. № 7, 5 января. С. 6.

143

В.Познер

Панорама современной русской литературы

Отрывок

Книга вышла на французском языке: Panorama de la Littérature russe contemporaine. Paris, Éditions KRA, 1929. С. 299–302. Печатается в переводе В.К.Лосской.

144

В.Набоков

Рец.: «Воля России», книга 2

Отрывок

Руль (Берлин). 1929. № 2567, 8 мая. С. 4.

Рецензия опубликована под псевдонимом В.Сирин.

Набоков Владимир Владимирович (1899–1977) – прозаик, поэт, литературовед, литературный критик, переводчик, мемуарист.

С 1919 г. – в эмиграции. С 20-х гг. как критик печатался в крупных зарубежных изданиях: газ. «Последние новости», «Руль» и т. д.

Отрицательная оценка В.Набоковым перевода Цветаевой из Рильке, опубликованного в данном номере «Воли России», это не первое свидетельство его резко негативного отношения к творчеству Цветаевой. В газете «Руль» (1929. 30 января. С.2) он писал о «Тезее» Цветаевой, который, по его словам, «вызывает только недоумение, сильную головную боль, да чувство досады за талантливую поэтессу, развлекающуюся темным рифмоплетством».

Спустя годы Набоков «смягчил» свое отношение к поэзии Цветаевой. Получив от Глеба Струве только что вышедший сб. Цветаевой «Лебединый стан» (Мюнхен, 1957), Набоков писал ему: «...спасибо Вам от жены и меня за интересный сборник Марины Цветаевой. Это какой-то трехглавый орленок. Честь Вам и слава, что не дали пропасть этим талантливым останкам».

Орленок, останки – аллюзия на любимую Цветаевой драму Эдмона Ростана «Орленок» (Звезда, СПб, 1999. № 4. С. 33).

145

Г.Адамович

Вечер Марины Цветаевой

Иллюстрированная Россия (Париж). 1929. № 24, 8 июня. С. 14.

146

М.Слоним

Марина Цветаева

Руски архив (Белград). 1929. № 4. С. 99–110.

Статья была опубликована на сербскохорватском языке. Перевод В.М.Черкасова.

147

В. Маяковский

О некоторых вопросах поэзии

Выступление на Пленуме правления РАПП в сентябре 1929 г.

Отрывок

На литературном посту (Москва). 1930. № 19. С. 67.

Маяковский Владимир Владимирович (1893–1930) – поэт, драматург, публицист.

В конце 1910–х гг., связывая свои творческие замыслы с «левым искусством», печатается в «Газете футуристов», газ. «Искусство коммуны». В 1920–е гг., став руководителем ЛЕФа, является одним из активных сотрудников ж. «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ».

По свидетельству А.С.Эфрон, для Цветаевой Маяковский всю жизнь оставался «истиной неизменной», всю жизнь хранила она ему «высокую верность собрата» (Эфрон А.С. Воспоминания дочери. М.: Советский писатель, 1989. С. 139–140). В черновике одного из ее писем 1930–х гг. есть такая запись: «Мне весь Маяковский роднее всех воспевателей старого мира. Завод или площадь Маяковского роднее феодального замка или белых колонн поэтического Бунина» (цит. по: Саакянц А. Владимир Маяковский и Марина Цветаева // В мире Маяковского: Сборник статей. Кн. 2. М.: Советский писатель, 1984. С. 193).

М.Цветаева посвятила Маяковскому цикл из 7 стихотворений и стихотворение «Маяковскому». О нем и его творчестве она написала в статьях «Поэт о критике», «Поэт и время», «Поэты с историей и поэты без истории», «Эпос и лирика современной России». Маяковский же был мало знаком с творчеством Цветаевой, а к тому, что знал, относился скептически. Скажем, в статье «Подождем обвинять поэтов» (Красная новь. 1926. № 4. С. 223–224) он писал по поводу сборника «Версты» (М.: Костры, 1921): «Книжный продавец должен еще больше гнуть читателя. Вошла комсомолка с почти твердым намерением взять, например, Цветаеву. Ей, комсомолке, сказать, сдувая пыль со старой обложки, – товарищ, если вы интересуетесь цыганским лиризмом, осмелюсь предложить Сельвинского. Та же тема, но как обработана! Мужчина! Но это все временное, поэтому напрасно в вас остыл интерес к Красной Армии; попробуйте почитать эту книгу Асеева...» Цветаева была

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru очень огорчена таким выпадом, о чем писала Пастернаку 21 июня 1926 года, прося передать Маяковскому, что у нее есть и другие книги (СС. Т. 6. С. 259–260).

Письмо М.Цветаевой к нему см.: СС. Т. 7. С. 350.

Более подробно об отношениях поэтов см. в упомянутой выше статье А.Саакянц.

148

А. Несмелов

Марина Цветаева о Маяковском

Рупор (Харбин). 1931. № 47, 20 февраля. С. 3.

Несмелов Арсений (настоящее имя – Митропольский Арсений Иванович, 1889–1945) – поэт, прозаик, журналист.

С 1924 г. в эмиграции. В 1920–30-е гг. печатался в ж. «Воля России», «Современные записки», «Русские записки», в харбинских изданиях:

ж. «Рубеж», газ. «Заря», «Рупор» и др.

Из всех русских поэтов дальневосточной эмиграции А.Несмелов был к поэзии Цветаевой ближе других. Посвящал ей стихи, в конце 1920 – начале 30-х гг. состоял с ней в переписке, посылал на ее суд свои произведения. (Подробнее см.: Мнухин Л. Марина Цветаева и российские поэты Китая // Россияне в Азии: Ежегодник Торонто. 2000. № 7. С. 291–294).

149

Вас. Логинов

Все то же

Гун-бао (Харбин). 1931. № 1320, 3 апр. С. 3.

Логинов Василий Степанович (1891 – ок. 1946) – поэт, прозаик, журналист. В 1919 г. эмигрировал в Японию, в 1923 г. переехал в Харбин. Печатался в газ. «Гун-бао», «Русский голос», «Харбинское время», ж. «Рубеж», сб. «Понедельник» и др.

150

Г.Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 46

Отрывок

Последние новости (Париж). 1931. № 3725, 4 июня. С. 2

В номере были опубликованы стихотворения М.Цветаевой «Школа стиха» и «Плач матери по новобранцу» (С. 160–162).

151

Г.Адамович

Вечер Марины Цветаевой

Иллюстрированная Россия (Париж). 1931. № 26, 20 июня. С. 13.

152

А. Унтервальд

Вечер Марины Цветаевой

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Молодое слово (София). 1932. № 5, 1 января. С. 3.

Унтервальд Анатолий – поэт. Публиковался в ж. «Перезвоны» (Рига), в различных софийских газетах.

153

Г.Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 50

Отрывки

Последние новости (Париж). 1932. № 4236, 27 октября. С. 3.

В номере были опубликованы стихотворение М.Цветаевой «Роландов рог» (С. 234) и начало статьи «Искусство при свете совести»

(С. 305–326).

154

В.Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 50

Отрывки

Возрождение (Париж). 1932. № 2704, 27 октября. С. 4.

155

Г.Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 51

Отрывок

Последние новости (Париж). 1933. № 4362, 2 марта. С. 3.

В номере были опубликованы стихотворение М.Цветаевой «Дом» (С. 186–187) и выдержки из статьи «Искусство при свете совести»

(С. 251–264).

156

В.Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 51

Отрывки

Возрождение (Париж). 1933. № 2865, 6 апреля. С. 3.

157

Г.Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 52

Отрывок

Последние новости (Париж). 1933. № 4453, 1 июня. С. 3.

В номере были опубликованы стихотворение М.Цветаевой «Стихи растут, как звезды и как розы...» (С. 193) и начало воспоминаний «Живое о живом» (С. 238–261).

158

Н.Резникова

Рец.: «Современные записки», книги 52, 53

Отрывки

Рубеж (Харбин). 1933. № 26, 24 июня. С. 24; № 47, 18 ноября. С. 24.

Подписывала все рецензии в ж. «Рубеж» инициалами Н.Р.

Резникова (в замужестве Дерюжинская) Наталья Семеновна (род. 1908, по др. данным 1912) – прозаик, поэт, критик, переводчик.

С 1921 г. жила в Харбине, потом в Шанхае. Публиковалась в коллективных сборниках «Семеро», «Багульник», «Излучины», в ж. «Рубеж», где также вела постоянно отдел библиографии. С нач. 1950-х живет в Нью-Йорке.

159

В.Булич

О новых поэтах. II

Журнал содружества (Выборг). 1933. № 7. С. 12–17.

Булич Вера Сергеевна (1898–1954) – поэт, прозаик, критик.

С 1920 г. в эмиграции. Жила в Финляндии. Публиковалась в ж. «Новь», «Современные записки», «Наш огонек», «Журнал содружества».

160

А.Бем

Письма о литературе

Правда прошлого

Молва (Варшава). 1933. № 189. С. 3.

Бем Альфред Людвигович (Алексей Федорович; 1886–1945) – филолог-славист, литературный критик, поэт, литературовед.

С 1920 г. в эмиграции. Организатор и руководитель пражского объединения «Скит поэтов». Сотрудничал в видных периодических изданиях: ж. «Воля России», «Новая русская книга», «Современные записки», «Меч», «Своими путями», газ. «За свободу!», «Молва», «Руль», «Последние новости» и др.

Был знаком с Цветаевой по Праге. В подражание ей написал шуточное стихотворение «Блудной дочери». Судя по письмам Цветаевой, между поэтом и критиком сложились и сохранялись многие годы добрые, уважительные отношения.

См. также письмо Цветаевой А.Л.Бему (сб. «Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века». Вып. 3. Иваново, Ивановский ун-т, 1998. С. 191–193).

161

С.Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 52

Отрывки

Журнал содружества (Выборг). 1933. № 8. С. 39, 41.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Рецензия опубликована под псевдонимом Библиофил.

Риттенберг Сергей Александрович (1899–1975) – литературный критик. Вел отдел библиографии в «Журнале содружества».

162

В.Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 53

Отрывок

Возрождение (Париж). 1933. № 3082, 9 ноября. С. 4.

В номере было опубликовано окончание воспоминаний М.Цветаевой «Живое о живом» (с. 215–250).

163

В.Шнеерова

Русские писательницы за рубежом

Отрывок

Калифорнийский альманах (Сан-Франциско). 1934. кн. 1. С. 165; см. также: Новое слово (Берлин). 1934. 15 сентября. С. 6.

Шнеерова Варвара Ивановна – критик, журналистка.

Жила в США. Публиковалась в «Калифорнийском альманахе» (в редколлегию которого входила), газ. «Новое слово» (Берлин).

164

Г.Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 54

Отрывок

Последние новости (Париж). 1934. № 4711, 15 февраля. С. 2.

В номере был опубликован автобиографический очерк М.Цветаевой «Дом у Старого Пимена» (с. 212–256).

165

Ю.Иваск

Цветаева

Новь (Таллинн). 1934. № 6. С. 61–66.

Иваск Юрий Павлович (1907–1986) – поэт, литературный критик, литературовед, переводчик, мемуарист.

С 1920 г. в эмиграции. Публиковался в ж. «Современные записки», «Числа», «Новый град».

Знакомство Иваска с Цветаевой началось, по сути, с его письма 1933 г., он жил тогда в Эстонии, а она в Клараме. Позднее, в 1938 г., они встретились в Париже: см. материалы его парижского дневника 1938 года (Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002. С. 296–300).

Письма М.Цветаевой к нему см.: СС. Т. 7. С. 380–411.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Эту статью Ю.Иваск в 1933 г. посылал М.Цветаевой, подробный разбор которой со своими замечаниями она отправила ему в письме от 4 апреля. Опубликованную статью Цветаева увидела только в начале 1937 года и о своем впечатлении не замедлила сообщить Иваску в письме от 25 января.

166

В.Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 55

Отрывок

Возрождение (Париж). 1934. № 3284, 31 мая. С. 3.

В номере был опубликован очерк М.Цветаевой «Пленный дух»

(С. 198–255).

167

П.Пильский

Рец.: «Встречи», № 6

Отрывок

Сегодня (Рига). 1934. № 164, 15 июня. С. 3.

Статья опубликована за буквами П.П-ий.

В номере был опубликован очерк М.Цветаевой «Кирилловны» («Хлыстовки») (С. 243–248).

168

С.Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 55

Отрывок

Журнал содружества (Выборг). 1934. № 6. С. 28–29.

Рецензия опубликована под псевдонимом Библиофил.

169

Н.Резникова

Рец.: «Современные записки», книга 55

Отрывки

Рубеж (Харбин). 1934. № 28, 7 июля. С. 24.

170

А.Бем

Письма о литературе

Соблазн простоты

Меч (Варшава). 1934. № 11–12, 22 июля. С. 15–16.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
171

М.Бенедиктов

Вечер Марины Цветаевой

Последние новости (Париж). 1934. № 4972, 3 ноября. С. 4.

Рецензия опубликована за инициалами М.Б.

Бенедиктов (наст. фамилия Берхин) Михаил Юрьевич (1885–1952) – журналист.

Печатался в кадетской газете «Новая Россия», редактировал остроградский еженедельник «Европа». В эмиграции жил во Франции. Вел иностранный отдел в газ. «Последние новости», редактировал газ. «Рассвет». В начале Второй мировой войны переехал в США, затем в Израиль.

172

Н.Резникова

Русские писательницы творят и на чужбине!..

(Беглый обзор женских литературных сил в Европе)

Отрывок

Рубеж (Харбин). 1934. № 47, 17 ноября. С. 10.

Обзор опубликован за инициалами Н.Р.

173

Г.Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 57

Отрывок

Последние новости (Париж). 1935. № 5082, 21 февр. С. 3.

В номере были напечатаны стихотворение Цветаевой «Тоска по родине! Давно...» (С. 239–240) и автобиографический очерк «Мать и музыка» (С. 241–266).

174

С.Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 57

Отрывок

Журнал содружества (Выборг). 1935. № 3. С. 31.

Рецензия опубликована под псевдонимом Библиофил.

175

С.Туров

По поводу 57-ой книги «Современных записок»

Отрывки

Наш союз (Париж). 1935. № 64–65. С. 15–16.

Сведения об авторе нами не обнаружены.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
176

В.Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книга 57

Отрывки

Возрождение (Париж). 1935. № 3592, 4 апреля. С. 3.

177

С.Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 58

Отрывок

Журнал содружества (Выборг). 1935. № 19 с. 34–35.

В номере был опубликован стихотворный цикл М.Цветаевой «Памяти Н.П.Гронского» (С. 222–224), позднее название – «Надгробие».

178

С.Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 59

Отрывки

Журнал содружества (Выборг). 1936. № 1. с. 29–30.

В номере были опубликованы стихотворение М.Цветаевой Сыну («Не быть тебе нулем...», с. 203–204) и автобиографический очерк «Черт» (С. 205–226).

179

Н.Резникова

Рец.: «Современные записки», книга 59

Отрывки

Рубеж (Харбин). 1936. № 13. 21 марта. С. 24.

180

Ю.Мандельштам

Гамбургский счет (По поводу «Антологии зарубежной поэзии»)

Отрывки

Журнал содружества (Выборг). 1936. № 2. с. 8–9.

Мандельштам Юрий Владимирович (1908–1943) – поэт, литературный критик, переводчик.

В 1920 г. эмигрировал во Францию. Сотрудничал в ж. «Круг», «Иллюстрированная Россия», «Журнал содружества», «Меч», «Числа», «Современные записки» и др.

181

Ю.Иваск

Попытка наметить тему

(I. «Новые спартанцы»)

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Меч (Варшава). 1936. № 10, 8 марта. С. 6.

182

Г.Адамович

Рец.: «Современные записки», книга 61

Отрывки

Последние новости (Париж). 1936. № 5606, 30 июля. С. 3.

В номере были опубликованы стихотворения М.Цветаевой «Родина», «Дом», «Отцам» («В мире, ревущем...») (С. 165–166), воспоминания о Кузmine «Нездешний вечер» (С. 172–184) и рецензия на книгу Н.П.Гронского «Стихи и поэмы» (С. 464–465).

183

П.Пильский

Борис Зайцев и Марина Цветаева о себе и о других

Отрывки

Сегодня (Рига). 1936. № 209, 31 июля. С. 3.

Рецензия опубликована под псевдонимом Трубников П.

184

С.Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 61

Отрывок

Журнал содружества (Выборг). 1936. № 8. С. 29

185

А.Даманская

«Сын памятника Пушкина»

На вечере Марины Цветаевой о великом поэте

Сегодня (Рига). 1937. № 65, 6 марта. С. 3.

Даманская Августа (Августина) Филипповна (1875–1959) – прозаик, журналист, переводчик, литературный критик. Писала на немецком и французском языках.

С 1920 г. в эмиграции. Сотрудничала в ж. «Современные записки», «Воля России», «Иллюстрированная Россия», «Перезвоны», «Русские записки»; газ. «Дни», «За свободу!», «Последние новости», «Сегодня» и др.

186

С.Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 62

Отрывок

Журнал содружества (Выборг). 1937. № 1. С. 22.

В номере были опубликованы два стихотворения М.Цветаевой из цикла «Куст» (С. 188–189).

187

А.Гефтер

Пушкинский вечер Марины Цветаевой

Иллюстрированная Россия (Париж). 1937. № 12, 13 марта. С. 18.

Гефтер Александр Александрович (1885–1956) – прозаик, художник.

Эмигрировал в Финляндию, потом жил в Дании, с 1920 г. – в Париже. Сотрудничал в ж. «Для вас», «Иллюстрированная Россия», «Современные записки», газ. «Дни», «Руль» и др.

188

С.Риттенберг

Рец.: «Современные записки», книга 63

Отрывок

Журнал содружества (Выборг). 1937. № 6. С. 26.

189

Н.Резникова

Рец.: «Современные записки», книга 64

Рубеж (Харбин). 1937. № 47, 20 ноября. С. 24.

190

Г.Адамович

Рец.: «Современные записки», книги 63, 64

Отрывки

Последние новости (Париж). 1937. № 5885, 6 мая. С. 3; № 6039, 7 октября. С. 3.

В номерах были напечатаны стихотворения М.Цветаевой из цикла «Стихи к Пушкину» (№ 63 – «Бич жандармов, Бог студентов...», «Петр и Пушкин»; № 64 – «Станок», «Преодоление Косности русской...»), а также в № 64 проза «Мой Пушкин».

191

В.Ходасевич

Рец.: «Современные записки», книги 63, 64

Отрывки

Возрождение (Париж). 1937. № 4078, 15 мая. С. 9; № 4101, 15 октября. С. 9.

192

В.Ходасевич

Рец.: «Русские записки», книга 2

Отрывки

Возрождение (Париж). 1937. № 4107, 26 ноября. С. 9.

В номере были напечатаны стихотворный цикл М.Цветаевой «Стенька Разин» (С.

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 119–122) и эссе «Пушкин и Пугачев» (С. 155–189).

193

П.Пильский

Шанхай, вымыслы и песнь любви

Отрывок

Сегодня (Рига). 1937. № 347, 18 декабря. С. 3.

Рецензия опубликована под псевдонимом Трубников П.

194

К.Вильчковский

Рец.: «Русские записки», книга 2

Отрывки

Бодрость (Париж). 1937. № 157, 25 декабря. С. 4.

Рецензия опубликована за инициалом В.

Вильчковский (Елита–Вильчковский) Кирилл Сергеевич (1904–1960) – литературный критик.

Жил во Франции. Вел отдел критики в газ. «Бодрость».

195

В.Ходасевич

Рец.: «Русские записки», книга 3

Отрывки

Возрождение (Париж). 1938. № 4124, 25 марта. С. 9

В номере были опубликованы «Стихи к Сонечке» (С. 166–170) и первая часть «Повести о Сонечке» (С. 36–103).

196

П.Пильский

Новая книга «Русских записок» (книга 3)

Отрывок

Сегодня (Рига). 1938. № 88, 29 марта. С. 3.

197

Г.Адамович

Рец.: «Русские записки», книга 3

Отрывок

Последние новости (Париж). 1938. № 6221, 7 апр. С. 3.

198

К. Елита–Вильчковский

Рецензии на произведения Марины Цветаевой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рец.: «Русские записки», книга 3

Отрывок

Бодрость (Париж). 1938. № 172, 12 апр. С. 4.

199

Н. Резникова

Рец.: «Русские записки», книга 3

Отрывок

Рубеж (Харбин). 1938. № 15, 8 апреля. С. 20.

200

К.Елита-Вильчковский

Рец.: «Современные записки», № 66

Отрывки

Бодрость (Париж). 1938. № 182, 3 июня. С. 3.

В номере был напечатан стихотворный цикл М.Цветаевой «Стихи сироте» (С. 188–191).

201

К.Зелинский

Отзыв о сборнике стихов Марины Цветаевой

1940. 19 ноября. Машинописная копия из архива Л.А.Мнухина.

Зелинский Корнелий Люцианович (1893–1970) – критик, литературовед.

Это отзыв на подготовленный М.Цветаевой в 1940 году стихотворный сборник, который так и не был издан. Болезненно встретив такой отклик, она на одной из страниц уцелевшего машинописного экземпляра книги отметила: «Человек, смогший аттестовать такие стихи как формализм, – просто бессовестный. Это я говорю из будущего», а в дневниковых записях оставила: «...Иду в Интернациональную, в коридоре... встречаю Живова. ... И в ответ на мой рассказ, что моя книга в Гослитиздате зарезана словом (Зелинского, я всегда за авторство) формализм: – У меня есть все ваши книги, – наверное, больше, чем у Вас, и я объявляю, что у Вас с самого начала до нынешних дней не было и нет ни одной строки, которая бы не была продиктована... .. какой-нибудь мыслью или чувством.

Вот – аттестация читателя» (СС. Т. 4. С. 612).

См. также о сборнике 1940 года в кн.: Белкина М. Скрещение судеб. 3-е изд. М.: Изд-во А и Б, 1999 и во вступ. статье Ларцевой Н.В. в кн.: Цветаева М. Где отступается любовь...: Сборник 40-го года, последние стихи и письма, воспоминания современников. Петрозаводск, Карелия, 1991.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!